

СЕЛИНА КАТРИН

18+

АГЕНТ
ТАУРЕЛЬ-КЛАССА

Селина Катрин
Агент таурель-класса
Серия «Федерация
Объединённых Миров»
Серия «Агенты», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69162439
SelfPub; 2023*

Аннотация

Я, Лейла Виланта, аналитик Службы Безопасности Цварга. Мой мир – это серверная офиса, а жизнь расписана на годы вперёд. У меня есть список мужчин, из которых я обязана выбрать себе будущего мужа. Раньше я думала, что это нормально, но когда шеф попросил выполнить полевое задание на планете дикарей, вся моя жизнь пошла под откос... Один только серо-зелёный взгляд вождя стаи заставил сердце пропускать удары.

Содержание

Глава 1. Долг перед расой	5
Глава 2. Высокое начальство	14
Глава 3. Жених	29
Глава 4. Проблемы власть имущих	39
Глава 5. Последний шанс	46
Глава 6. Люди	55
Глава 7. Планета Ларк	69
Глава 8. Сумерки и первая стоянка	85
Глава 9. Традиции Ларка	111
Глава 10. Тонкая грань между красотой и уродством	129
Глава 11. Самообман – худший из всех видов лжи	143
Глава 12. Оружие не должно быть в руках слабых	165
Глава 13. Воины не плачут от боли	181
Глава 14. Дикая красота	205
Глава 15. Тайна Сухих Песков	218
Глава 16. Хтэрры	237
Глава 17. Деревня	251
Глава 18. Общий дом	277
Глава 19. Когда зацветают ракхаши	294
Глава 20. Священные цветы ракхаши	328

Глава 21. Шарршеорон	360
Глава 22. Что тяжелее: правда или ложь?	380
Глава 23. Гриф секретности – абсолютный	395
Глава 24. Воскрешение	408
Глава 25. Возвращение на Цварг	427
Глава 26. Бункер	440
Глава 27. Игры в политику	457
Глава 28. Фабрис Робер	471
Глава 29. Религия, имеющая глубокие корни	486
Глава 30. Цваргиня	502
Глава 31. Брак по-цваргски	508
Глава 32. Ревность ларка	518
Эпилог	539
Бонус №1. Инициация сына Арх-хана и Лейлы	543
Бонус №2. Пропущенная сцена в Вечном Лесу	548
Бонус №3. Фабрис Робер	556
Бонус №4 Квота	562
Бонус №5. Шонхорн Арри-Нараш Талигх	566
Послесловие	572

Селина Катрин

Агент таурель-класса

Глава 1. Долг перед расой

Лейла Виланта. Планета Цварг

– Лейла, доченька, от Лаборатории пришли новые анкеты, посмотри, какие симпатичные ребята! И у каждого совместимость с тобой более пятидесяти процентов, выбирай любого!

Мама счастливо опустила пачку анкет на мою кровать и посмотрела на меня сияющими глазами. Судя по высоте стопки, там было штук тридцать пластиковых листков – не меньше.

Я мысленно застонала. Бескрайний космос, вот как она это делает? Ещё месяц назад я рассортировала всех претендентов на кучки, кому и как вежливо отказать, а кого и вовсе случайно «потерять»... Неужели мне теперь снова придумывать отмазки для новой партии, почему я не хочу выходить замуж ни за одного из них?

– Да-да, конечно, я всё посмотрю. – Я растянула губы в улыбке. – Как-нибудь потом, у меня сейчас на работе дел очень много.

– Ох, Лейла-Лейла! И зачем ты устроилась в эту дурацкую

контору? Нет, я понимаю, престижное место, будь ты мальчиком, но ты же девочка! Дорогая, если тебе мало денег, так и скажи, папа переведёт на твой счёт столько, сколько нужно. Мы же не бедствуем! Ну зачем тебе всё это, солнышко?

Мама растерянно проследила за тем, как я, проигнорировав краткие резюме кандидатов, положила в сумку рабочий ноутбук, зарядку и пару флешек.

«Чтобы не ходить по ненавистным свиданиям, выбирая мужа из узкого круга тех, кого одобрит какая-то комиссия...», – подумала я мрачно, но вслух ответила другое:

– Ма-а-ам, мы это обсуждали уже много раз. Мой ответ не изменился: мне нравится то, чем я занимаюсь, и дело совершенно не в деньгах.

– Но зачем же работать, если муж всё равно будет тебя содержать?! По последнему постановлению правительства, в базу данных Планетарной Лаборатории берут мужчин не просто здоровых физически, но и способных обеспечить жену всем необходимым, проверяют их финансовое состояние...

Я уже сбилась со счёта, в который раз за последние полгода повторялся этот разговор. Неужели ей самой ещё не надоело?

Работа мне нравилась хотя бы потому, что я чувствовала себя на ней действительно нужной, а ещё она дарила видимость свободы. Как сотруднику Службы Безопасности Цварга мне, в отличие от многих девушек, разрешали даже полё-

ты до ближайшего курортного спутника. Хорошо, что мама понятия не имела, где и кем я работаю, а то бы у неё волосы стали дыбом, и она проводила бы лекции о необходимости выйти замуж с удвоенной силой.

Я мысленно отключилась от щебета родительницы и принялась перебирать в памяти, всё ли с собой взяла. Да, вроде всё... Посмотрела на себя в зеркало, поправила пучок, одёрнула манжеты рубашки, накинула жакет. Так, а сколько времени? Беглый взгляд на наручный коммуникатор. Нестабильные туннели, да я же опаздываю! А ещё недельный отчёт сдавать!

– ...посмотри анкету Фабриса, очень состоятельный молодой мужчина с загородным домом на экваторе. Работает дизайнером ювелирных изделий... – где-то на фоне ручейком журчал излишне заботливый голос матери.

– Мам, прости, пожалуйста, но мне надо бежать. Срочно!

Я бросилась в соседнюю гардеробную комнату, к шкафам с обувью. Лаконичные чёрные лодочки на шпильках с закрытым носом – аккуратно, стильно и неброско. Родительница всё же последовала за мной, продолжая речь.

– Лейла, детка, оглянись же наконец! Тебе уже почти сорок! Давно пора думать о долге перед расой! О семье и детях! Закон гласит, что любая цваргиня должна выбрать себе подходящего мужчину из одобренного Планетарной Лабораторией списка, – возмущилась она, глядя, как я надеваю туфлю, ловя баланс на одной ноге, словно фламинго. – Ча-

сики-то тикают, время улетает как солнечный ветер!

– Вот будет мне почти пятьдесят, тогда и подумаю, – буркнула я и схватила вторую туфлю. – За одиннадцать лет всё ещё и поменять могут.

«Например, отменить этот унижительный закон...»

– Ты что, до пятидесяти лет со свадьбой тянуть будешь?! – Родительница картинно схватилась за сердце, а я закатила глаза. – Вот от этого наша раса и вымирает, что все женщины откладывают роды за сотню, а то и за полторы...

Выходить на новый виток спора и доказывать матери, что всё совсем не так и многие пары не могут зачать по десять-двадцать-пятьдесят лет, а то и всю жизнь, мне не хотелось. А выбирать себе подходящего по чьему-то мнению мужчину и образовывать ячейку общества, чтобы попытаться выполнить пресловутый «долг перед расой»... Бр-р-р!

– Мам, у цваргов не бывает инфарктов, перестань изображать. Всё, я тебя люблю, но мне действительно пора. Пока!

Я крепко обняла родительницу, звонко чмокнула её в щёку и выскочила из квартиры в лифтёрную. Вслед донеслось:

– Разговор ещё не закончен, Лейла Виланта! Ты не можешь всякий раз убегать, когда речь заходит о выборе супруга. Пойми же, ты у нас единственная, вот мы с отцом так и переживаем за тебя! Не стоит откладывать всё в долгое хранилище на последний момент. Тебе же ещё надо встретиться, познакомиться...

Под «единственной» мама подразумевала, что мне всего

лишь тридцать девять, а оба брата – здоровенных лба с рогами – уже давно разменяли вторую сотню лет. Я, конечно, очень люблю маму, но её настойчивые разговоры о том, как я должна жить на её взгляд, вызывали противный зуд где-то в мозгу. Клянусь, если бы эмоции могли натирать черепную коробку, то мне бы уже давно всё натёрло... Даже хорошо, что я не мужчина и не могу улавливать все эти вещи из воздуха, как сильные представители моей расы.

Лифт приветливо тренькнул, я вошла в просторную кабину и ткнула кнопку парковки на крыше. Машинально поправила сумку на плече и с удивлением обнаружила рядом с ноутбуком анкету.

«Ох, мама, когда ты только успела?..»

На Цварге уже несколько поколений наблюдался колоссальный демографический перекося: на десять мальчиков приходится всего две или три девочки, если дети вообще появляются в семейной паре. Кризис рождаемости в какой-то момент набрал настолько серьёзные обороты, что Аппарат Управления Планетой обязал всех девушек репродуктивного возраста сдавать биологический материал, чтобы выявить, с кем из представителей мужского пола у них самая высокая вероятность завести детей. Планетарная Лаборатория тщательно анализировала данные и подбирала наиболее подходящих кандидатов для зачатия. Девушки же выбирали будущего супруга из предложенных анкет.

Я вздохнула и покрутила кусок тонкого пластика в руках,

взглянула на фото и чуть не выронила анкету.

Из правого угла на меня смотрел мужчина в строгом деловом костюме с ровными чёрными рогами, правильным фиолетовым оттенком кожи, которым обладают лишь чистокровные цварги, и очень знакомым прищуром. Под фотографией крупно выделялась надпись: «Фабрис Робер. Семьдесят один процент совместимости с Лейлой Вилантой». Далее следовали рост, вес, физические данные, выписки из медицинской карты и дом на экваторе, который, скорее всего, имелся у него далеко не в единственном экземпляре. Вот только до дизайнера ювелирки ему было как до далёкой Юнисии на задворках Федерации.

Фабрис Робер – бывший агент алеф-класса, а ныне эмиссар высшего звена Службы Безопасности Цварга – совершенно точно не хотел светить своей должностью.

– М-да, мама, умеешь ты выбрать... Пальцем в космос, но почему-то идеально в чёрную дыру, – пробормотала я, недовольно поджав губы. Кого-кого, а анкету коллеги, пускай и совершенно другого профиля, я не ожидала увидеть. Да уж, такому мужчине точно не получится навешать водорослей на уши, почему я отказываюсь от его кандидатуры...

Я ещё раз внимательно рассмотрела фото. Цварг на изображении получился совсем как в жизни: достаточно молод, хорош собой, даже красив, вот только... отношения у меня с ним были исключительно деловые. Он был, безусловно, высококвалифицированным профессионалом, и мы неодно-

кратно пересекались на работе, когда ему требовались данные от аналитического отдела. Вежливый, воспитанный, галантный, но сколько я с ним ни общалась, у меня ничего нигде не ёкало. Совсем. Настолько совсем, что даже тратить время на свидание, чтобы узнать друг друга лучше, не хотелось.

Зачем давать мужчине ложную надежду, что я в нём заинтересована? Зачем стараться приблизить день, когда всё-таки придётся подчиниться закону и ограничить собственную свободу? А если он запретит мне работать?..

«Ох, ладно, подумаю об этом позднее, сейчас лучше сосредоточиться на дороге до офиса».

Любимая «Ласточка» дождалась меня ровно там, где я её и оставила вчера вечером. Она послушно и бесшумно взмыла в воздух, набирая высоту. Под днищем флаера замелькали геометрически правильные улицы, аллеи и парки, пики зеркальных высоток и паутина воздушных трасс: нижние, более медленные, с квадрокоптерами и летающими роботами-доставщиками, средние – загруженные аэрокрافتами и тонарами, частными флайтами с прицепами и стандартными аэротакси. Всё сдобрено многочисленными огнями семафоров. Я заняла самую верхнюю – скоростную – трассу, чтобы как можно быстрее добраться до офиса, и вдавила газ.

Глянцево-серое здание показалось в конце улицы. Я как раз только-только перестроилась в нижние ряды и думала о том, где больше шансов найти свободное парковочное ме-

сто для «Ласточки», когда экран коммуникатора налился ярко-бирюзовым светом, сигнализируя, что мне звонит секретарь теневого отдела. Разумеется, я тут же нажала на кнопку приёма вызова.

– Дафна, я уже подъезжаю, честно-честно! – крикнула я в браслет, лихо выворачивая руль.

– Лейла... – Собеседница кашлянула. – А где именно ты сейчас находишься?

– Уже паркуюсь.

– У «Бункера»? – Дафна по-простому назвала нашу обитель.

Для непосвящённых здание представляло собой скучную стандартную постройку со множеством офисов, и лишь немногие знали, что внутри этой не интересной на фоне зеркальных высоток постройки располагаются основные серверные Службы Безопасности Цварга, личные рабочие кабинеты, штаб-квартира полевых и мозговой центр теневых агентов.

– Да!

На той стороне послышался шумный вздох.

– Начальство хочет тебя видеть, срочно.

– Буду, обещаю, буквально пять минут, и я буду на месте...

– Лейла, ты не поняла. *Начальство*, – Дафна выделила голосом слово, давая понять, что речь идёт не о планёрке или еженедельной встрече с докладами по отделу. Речь идёт

о самой верхушке СБЦ. – Тебя ждут в Серебряном Доме, кабинет пятнадцать «А». Пропуск на твою «Ласточку» я уже выписала. Пожалуйста, поторопись.

Секретарь оборвала связь, а я в лёгком изумлении уставилась в пространство перед собой. В Серебряный Дом агентов, тем более тeneвых, никогда не приглашали. Это же нонсенс! Это здание, по сути, принадлежит Аппарату Управления – первым лицам планеты, сенаторам, влиятельным политикам и бизнесменам, тем, кто постоянно мелькает в прессе... СБЦ же как силовая структура, наоборот, предпочитает прятать свою деятельность.

Что могло понадобиться от меня высокому начальству? Опомнившись, что время идёт, а я стою на месте, вновь крутанула руль, щёлкнула переключателем высоты и рванула к Серебряному Дому.

Глава 2. Высокое начальство

Лейла Виланта. Серебряный Дом

Начальник обоих департаментов Службы Безопасности Цварга – полевого и теневого – сидел за внушительным овальным столом из горного хрусталя и каркаса из жёстких металлических спиц, откинувшись на высокую спинку кожаного кресла. Уже несколько минут мужчина с самым суровым выражением лица изучал мой послужной список, лежащий по центру столешницы, из-за чего у меня начали потеть ладони.

«Главное – не волноваться, иначе он почувствует твои эмоции», – мысленно повторила про себя, вспоминая практику по замедлению сердцебиения, которую преподают всем девочкам в начальных классах без исключения. Ведь если сформировавшаяся цваргиня будет испытывать слишком яркие эмоции, то это оскорбит утончённый вкус мужчины. . . тьфу, то есть это способно вызвать болезнь у окружающих цваргов, а в частности её будущего супруга, который будет находиться рядом с ней постоянно.

Оберана Мёрфи вот так вблизи я видела впервые в жизни, и производил он впечатление. . . мрачной каменной и опасной глыбы. Да-да, именно так, два в одном: и каменной, и опасной. Огромные витые, загнутые кончиками назад рога беззвучно кричали, что эмоциональный фон он улавлива-

ет преотлично. Нахмуренные брови, морщины вокруг рта и нечитае́мый взгляд заставляли нервничать ещё сильнее.

Я чувствовала, что, несмотря на все практики и визуализацию ледяных пиков гор, медленно, но верно впадаю в панику. Ко всему, помпезная обстановка Серебряного Дома морально давила.

«Зачем он меня позвал? Неужели хочет уволить? Мои последние отчёты оказались в корне неправильными?..»

«Да нет, Лейла, успокойся. Если бы Мёрфи хотел тебя уволить, то передал бы через Дафну, а не стал бы тратить своё время на какого-то агента таурель-класса...»

«Тогда почему он до сих пор молчит?»

– Сэр. Вы меня хотели видеть? – наконец не выдержал один из моих внутренних голосов, и я переступила с ноги на ногу.

Мужчина моргнул и медленно перевёл взгляд с резюме на меня.

– Да, агент Лейла Виланта, – произнёс он задумчиво. – У меня есть для вас... задание.

Облегчение на миг вуалью накрыло меня: задание – не увольнение. Отлично. Но вуаль сползла, а за ней показалось всепоглощающее недоумение. Если бы под «заданием» подразумевалась стандартная аналитическая задача, то меня бы сюда никто не звал. Выходит, в данном контексте «задание» равно «операция». А я ещё не слышала про операции, в которых напрямую задействовали таурель-класс.

В основном, на задания в качестве страхующих агентов назначали всегда полевых: алеф- или бета-, иногда пси-. Первые два типа в принципе заточены под выполнение задач практически любой сложности: у них и физическая подготовка соответствующая, и курсы актерского и ораторского мастерства, и владение оружием на самый крайний случай... Пси-класс – гении тонкого психоманипулирования – более уравновешенные и спокойные, они хорошо разбирались в мимике и языке жестов. Очень редко, точнее практически никогда, ведущие полевики просили поставить в напарники специалиста тау-класса. В принципе, в некоторых ситуациях это удобно, когда тебя подстраховывает умелый хакер, который может удалённо, быстро и бесследно взломать любую электронику. Но таурель?..

Какой смысл в страхующем аналитике?

Моя работа незаменима в офисе. Там, где круглые сутки горит бесперебойное диодное освещение, протянута самая быстрая инфосеть, исправно работает система климат-контроля и находятся целые стеллажи серверов. Я могу «прошерстить» инфосеть на предмет определённых упоминаний и голографий, вычислить наиболее вероятные исходы, сложившиеся в той или иной космополитической ситуации, найти компрометирующую информацию, чтобы надавить на нужных лиц... Между такими заданиями я обычно собирала статистику по ранениям полевиков, проводила тщательный анализ и в отчётах указывала рекомендации, над какими бо-

евыми приёмами стоит поработать спецу.

Если те же пси-агенты были как полевыми – те, кто страховал на случай прокола ведущего агента, – так и тенивыми, – кто общался и восстанавливал агентов морально после пережитого стресса, – то все таурель *всегда* относились к тенивикам.

Все эти мысли стремительным вихрем пронесли в голове. Я прочистила горло и сказала:

– Я вас внимательно слушаю, сэр.

– Лейла, видит Вселенная, – с шумным вздохом начал Оберан, потеряв ладонью крупный подбородок, – мне всё это не нравится, но у СБЦ просто нет другого выхода. Для выполнения данной операции нам требуется агент женского пола... Речь пойдёт о планете Ларк. Необходимо будет внедриться в группу отдыхающих людей с Танорга, представиться человеком и вызнать кое-какую информацию у ларков. Даже если не получится наладить контакт с коренными жителями, по нашим данным, всё должно быть на компьютере их вождя.

Неподдельное изумление навалилось как крейсерская гравиплатформа. А я-то тут при чём?!

– При всём моём уважении, сэр... – начала я, стараясь подобрать максимально вежливые слова и всё же незаметно вытирая вспотевшие ладони о юбку, – не понимаю... чем могу быть полезна. Если речь об общении с ларками, то в качестве страхующего лучше справится любой полевик пси-клас-

са. Если вы делаете ставку на взлом серверной, то, разумеется, тау-класс подойдёт идеально...

– Лейла, ты не поняла. – Шеф посмотрел на меня тяжёлым немигающим взглядом. – Я не ищу *страхующего* агента. Мне нужен *ведуший*. Тот, кто будет выполнять всю операцию, на кого ляжет вся ответственность.

Пальцы, которыми я тайком трогала ткань одежды, так и замерли в колоссальном напряжении.

«Ведуший агент в связке?! Да я даже страхующим никогда не была! У меня вообще нет опыта в полевых операциях... и подготовки... Вселенная, это же другая планета Федерации! А как я человека изобразю?!»

Все эти такие правильные и резонные аргументы стремительно прокрутились в голове, но в ответ получилось лишь скомкано выдать:

– Но... но... неужели совсем нет никаких альтернатив?... Ларки... они же дикие! Это же все знают...

«Как и то, что Цварг вообще практически не контактирует с Ларком...»

Цварг отрицательно покачал головой рогатой головой, да ещё и с долей раздражения чиркнул хвостом по полу.

– Все алеф и беты сейчас крайне заняты и в ближайшее время не освободятся. Ваша коллега по отделу предоставила неоспоримые данные, что вся агрессивность ларков направлена на мужских особей. Случаев, когда был нанесён физический вред женщине, до сих пор не было зарегистрировано,

хотя человеческие корабли с Танорга стандартно раз в квартал прилетают на Ларк.

Закусив внутреннюю часть щеки, я обдумывала услышанное. Задание Оберана Мёрфи мне категорически не нравилось, но сформулировать причины было сложно.

– А если у меня не получится взломать серверную? А если меня поймают? Сэр, вы же понимаете, что у меня совсем никакой подготовки... Я всегда была теневым агентом, работала в... – чуть не сказала «Бункере», но вовремя исправилась, – штаб-квартире СБЦ. А если я не справлюсь ещё раньше и во мне раскусят цваргиню?

– Лейла, – строго перебил шеф, – я понимаю, что вам страшно. И поверьте, это совершенно нормально. Гораздо хуже было бы, если бы вы не испытывали страха. Насчёт взлома не волнуйтесь. По большому счёту, ларки не любят пользоваться техникой, и я уверен, там даже серверной нет и долго искать ничего не придётся. Необходимо будет просто вставить флешку в компьютер вождя, скопировать необходимую информацию и уйти. Насчёт поимки тоже не волнуйтесь. Ваша коллега недавно нашла упоминание, что одна из таноржек отломала ветку их священного дерева себе на память в качестве сувенира. В итоге её просто выдворили с планеты, и этим дело закончилось. А это, на минуточку, религия, которая для ларков почти всё. Про подготовку забудьте – вы изображаете из себя человеческую девушку, а они в среднем слабее цваргинь. Так, что там ещё было...

Все возражения Оберан щёлкал как орешки, и это иррационально волновало ещё сильнее.

– Если меня раскроют, – пробормотала я, чувствуя нездоровую сухость во рту.

Мужчина громко фыркнул, маскируя смешок.

– Ларки в курсе нашего закона о том, что цваргиням в силу демографического перекоса запрещено покидать родную планету. Им просто в голову такое не придёт. Опять же, что в вас может выдать цваргиню, помимо цвета кожи?

Я нервно дёрнула плечом. Действительно, что же? Первый анализ крови? Фантастическая в сравнении с людьми регенерация?

– Как вы сами, Лейла, заметили, ларки – дикари. У них нет медицины, а следовательно, никто вашу кровь на анализы не потащит, – медленно произнёс Оберан, будто читая мои мысли. – Она такая же красная, как и у людей. Расовая особенность по восстановлению организма тоже мимо. Я же не на войну вас посылаю, в конце концов. А касательно изменения цвета кожи – тут есть два варианта.

Оберан Мёрфи сделал паузу, и я, проклиная дешёвое манипулирование, сделала над собой усилие и всё же спросила:

– Какие?

Цварг расплылся в улыбке. Конечно! Вот я ещё минуту назад сопротивлялась даже мысли выйти на операцию в качестве ведущего агента, а теперь уже расспрашиваю о деталях прикрытия...

– Если делать по-простому, то можно воспользоваться кремом на молекулярной основе, который проникает в глубокие слои эпидермиса и меняет цвет кожи. Крем должен продержаться на вас не менее месяца, если не будете принимать сауны и активно тереть себя мочалкой.

Я возмущённо набрала в грудь воздуха, чтобы сказать, что думаю о таком «надёжном» способе мимикрии под человека, как шеф высоко поднял указательный палец:

– Но так как я понимаю, насколько вы, Лейла, нервничаете, предлагаю сделать ту же процедуру, какую проводят всем полевым агентам: вам через уколы введут тончайшие нанопластины, которые равномерно распределятся под кожей, и вы сможете навсегда менять цвет с родного фиолетового на бежевый и обратно, столько раз, сколько захотите. Управляющий пульт тоже дадут.

Выдох вышел из меня сам собою. Шварх, даже конструктивных возражений толком не осталось... В кабинете повисла неуютная тишина. Я поёжилась, понимая, что от меня ждут ответа.

– Сэр, я могу... подумать?

Оберан кивнул, хотя было видно, что сделал он это неохотно.

– Лейла, я всё прекрасно понимаю и ни за что бы не стал просить вас выйти на операцию, но у нас просто нет другого выхода. Конечно, вы вправе отказаться от задания... Вас никто не упрекнёт. Но это очень важная информация. Ларк

находится в соседнем секторе и входит в Федерацию Объединённых Миров. У них нет нормального Аппарата Управления Планетой, весьма посредственное образование, да и совершенно чуждый нам менталитет... Ко всему, они наотрез отказываются с нами сотрудничать, а Танорг, вопреки всем нашим просьбам, исправно поставляет им электронику и Вселенная знает что ещё. Эта ситуация – ядерный реактор, который может рвануть в любой момент и обернуться проблемой планетарного масштаба. Нам очень нужно знать, что у них сейчас происходит.

Я хмуро покачала головой, подтверждая, что услышала и приняла к сведению. Остался последний, но немаловажный вопрос:

– А кто будет моим страхующим, если я соглашусь?

– Агент алеф-класса Аарон Лоуталье. Вы с ним сотрудничали несколько раз.

Я поморщилась, как от незрелого лимона.

Да уж... «сотрудничали» – громкое слово. Такого самоуверенного и упрямого сноба, который считает, что ему все законы не писаны, и не понимает слова «нет», ещё поискать стоит! А уж когда выяснилось, что у нас с ним восемьдесят четыре процента совместимости, он и вовсе самопровозгласил себя моим женихом.

– Он может не нравиться вам как мужчина, Лейла, но это не отменяет того, что он высококлассный профессионал. Мне будет спокойнее, если Лоуталье будет за вами пригля-

дывать, – сообщил Оберан, заметив всю гамму чувств, промелькнувшую на моём лице... Или же просто считав мои эмоции из воздуха – кто их, цваргов, знает.

Захотелось взвыть. Вот лучше бы Аарона вместо меня и послали...

– Мы, конечно, многое можем изменить во внешности агента, но рост и пол, боюсь, не в состоянии, – сказал начальник департамента, вновь угадав, о чём я думаю. – Вы девушка, Лейла, а значит, со стороны ларков в вашу сторону не будет агрессии. Лоуталье же слишком крупный цварг. Даже если скрыть с помощью нанопластин его рога и хвост, он всё равно останется мужчиной.

Однако железобетонный аргумент.

– Всё ясно. Я могу идти?

– Да, разумеется, можете. Как только что-то решите, пожалуйста, сообщите Дафне. Если согласитесь на операцию, то легенда для ваших знакомых и родственников будет самая простая – фирма отправила вас в командировку на Танорг. Очень прошу не затягивать с решением, Лейла. – Пронзительный взгляд начальства остановился на моём лице. – Вы нам нужны.

Я сухо попрощалась и в растрёпанных чувствах вышла из кабинета высокого начальства. Мысли хаотично разбегались в стороны.

Одной части меня ужасно хотелось согласиться на авантюру просто потому, что я никогда не была нигде, кроме

Цварга. Оберан Мёрфи был на сто процентов прав, когда говорил, что женщинам нашей расы запрещено покидать родину – слишком их мало, и Аппарат Управления Планетой не готов рисковать. Раса и так стоит на грани вымирания, а в космосе чего только ни происходит. Чтобы цваргиня могла ненадолго улететь, ей нужно получить разрешение на визу от супруга и обойти массу инстанций – это очень сложно. Задуманная операция – это не просто благо для СБЦ, лично для меня это ещё и уникальная возможность посмотреть другой Мир. Кто знает, разрешит ли мне будущий супруг покидать родину...

С другой стороны, какие только слухи ни гуляли о ларках. Они с нами не контактируют, но слухи же ведь не рождаются на пустом месте, верно? Одно лишь то, что Мёрфи подтвердил отсутствие медицины в соседнем Мире, уже наводит на не самые приятные мысли. Какая развитая цивилизация будет жить без элементарных лабораторий и поликлиник? Это же действительно дикость какая-то...

«Почему дикость? Вон, люди успешно взаимодействуют с ларками, и всё у них в порядке...», – возразил внутренний голос.

«А формулировка “не наносят физический вред женщинам”?! Этот Мёрфи явно темнит... Жаль, что мне толком не давали аналитических задачек по ларкам, и я сама о них мало что читала...»

Я так увлеклась спором с самой собой, что резко заверну-

ла за угол, не посмотрев, и с размаху впечаталась в чью-то широкую грудь. Сумочка выпала на мраморный пол, из неё вывалились ноутбук, несколько флешек, термоперо, пластиковый лист, помада...

– Ох, простите, простите! Я вас не заметила, – воскликнула я, так и не посмотрев на обладателя твёрдой мужской груди в водолазке, и бросилась в первую очередь проверять работоспособность ноутбука.

– Нет, это моя вина, глубоко задумался...

Где-то на периферии мелькнули фиолетовые руки, собирающие рассыпавшееся содержимое моей сумки, но всё внимание я переключила на компьютер, судорожно зажимая кнопку включения.

«Хоть бы работал, только бы работал! Там же столько моих наработок и швархов еженедельный отчёт...»

Экран моргнул, побежала знакомая строка загрузки. Я наконец выдохнула и перевела взгляд на мужчину... Фабрис Робер собственной персоной собрал все мои пожитки и с удивлением рассматривал собственную голографию на закатанной в пластик анкете.

– Семьдесят один процент? – не без удивления в голосе уточнил он. – Не знал. Мне пока Лаборатория ещё не сообщила о таком. Хотя оно и логично, вначале они оповещают девушку, и только если она надумает встретиться, уже сообщают мужчине.

Я почувствовала, как против воли краска заливает лицо.

Шварх, как же глупо всё выглядит-то со стороны! Ношу при себе его анкету с высокой совместимостью, пришла в Серебряный Дом, где, в отличие от агентов, как раз часто бывают эмиссары, как будто бы хотела вначале понаблюдать исподтишка...

– Лейла Виланта, я правильно помню? – Тем временем Фабрис улыбнулся, вежливо протягивая всю стопку вещей. – СБЦ, отдел аналитики?

Я всё торопливо сунула в сумку вместе с анкетой и ноутбуком.

– Да, всё верно. Вы несколько раз обращались в наш отдел, чтобы проанализировать успешность проведённой операции, и я искала для вас в прошлом году внезапно исчезнувшую цваргиню Гю-Эль¹. Я тут... по делу. – Махнула рукой, очертив стены Серебряного Дома.

«Ещё подумает, что пришла ради него...»

Мужчина, однако, порадовал своей адекватной реакцией: вместо того чтобы навязчиво расспрашивать, когда я планировала назначить свидание и какую кухню предпочитаю, он неожиданно серьёзно ответил:

– Странно. Раньше сюда звали только полевых агентов, и то в случае крайней необходимости. Надеюсь, Лейла, у вас всё в порядке.

– Да, всё в порядке, просто... – Я закусила губу, думая, как корректно описать то, что только что со мной произошло.

¹ Речь идёт о событиях в книге «Муассанитовая вдова».

Понятно, что подробностей разглашать нельзя, но ведь он же тоже бывший агент... может, что и посоветует?

Именно в этот момент наручный коммуникатор пиликнул. Я тряхнула запястьем, скосила взгляд на браслет.

«Шеф просил передать, что у операции гриф секретности – абсолютный. Дафна»

Мысленно нецензурно выругалась. «Абсолютный» – это значит, что я даже с ближайшими коллегами внутри таурель-отдела поделиться информацией не могу. А я хотела выяснить, кто собирал информацию про ларков, попросить тот отчёт, спокойно всё взвесить, просчитать риски... Вот же зараза! Я ведь ещё даже не решила, согласна на задание или нет!

Я перевела растерянный взгляд на собеседника, который деликатно молчал, стоя напротив. И что ему теперь сообщить? Почему я здесь? А если ещё, не дай Вселенная, я прямо сейчас с кем-то из прессы столкнусь? Канцелярия АУЦ находится минимум на десяток этажей ниже...

– Э-э-м-м-м, – выдала глубокомысленное, лихорадочно соображая, что вообще можно сказать в такой ситуации.

– Просто вы решили зайти в Серебряный Дом, чтобы посмотреть на кандидата с высокой совместимостью, и даже воспользовались рабочим положением, чтобы ради такой высокой цели получить пропуск в здание. – Цварг мотнул головой в сторону уголка анкеты, торчащего из моей сумки.

Я возмущённо открыла рот, чтобы опровергнуть эти ин-

ситуации, как заметила блеск смешинки на дне глаз цварга, несмотря на суровое выражение лица. Он всё понял! Вообще всё! И смеялся! Вот же... умный мужик.

– Рад был вас видеть, Лейла, – тем временем кивнул Фабрис, прощаясь. – Вы всегда можете позвонить мне, если вдруг потребуется помощь. Мой номер есть в анкете.

С этими словами он обошёл опешившую меня и, насвистывая, двинулся по коридору дальше. А я, глупо хлопая ресницами, смотрела вслед.

«Что это только что было?»

«А ты что хотела? Чтобы возник очередной Аарон-Номер-Два? Скажи спасибо, что мужчина адекватен и не записался в сталкеры, узнав, с какой вероятностью может иметь от тебя детей».

Я тряхнула головой, проверила ключи от флаера и поспешила на воздушную площадку.

Глава 3. Жених

Лейла Виланта

– Ты откажешься от операции и никуда не полетишь! – Мужской раскатистый рык буквально звенел у меня в ушах.

Аарон Лоуталье налетел на меня как раз тогда, когда я собиралась сесть в «Ласточку». Он прижал меня мощным торсом к дверце аэрокара и поставил руки по бокам от плеч, оставив между нашими лицами считанные сантиметры.

День ещё толком не начался, а я уже бесконечно устала: вначале мама притащила очередной ворох анкет кандидатов на руку и сердце; затем сам начальник СБЦ вызвал меня в Серебряный Дом и всячески продавливал, чтобы я согласилась на сомнительную операцию; а теперь ещё самопровозглашённый жених и по совместительству мой будущий страхующий напарник бесился из-за того, что я, по его мнению, уже согласилась на эту самую операцию.

– Лейла, ты меня слышишь?!

– Слышу, – процедила в ответ. – Но это моё решение, а не твоё. Ты ведёшь себя неприлично. Отойди, пожалуйста, и дай мне сесть во флаер. – Я упёрла ладони ему в грудь и с силой надавила.

Аарон шумно выдохнул и чуть отстранился, чтобы между нами образовалось более подобающее приличиям расстояние, но недостаточно сильно, чтобы я могла скользнуть на

водительское кресло.

– Я понимаю, что женщинам запрещается покидать Цварг без разрешения мужа и визы правительства, но если ты подписалась на эту поездку только из-за того, чтобы посмотреть другой Мир, не стоит. Обещаю, когда ты выйдешь за меня замуж, я договорюсь и свожу тебя в самые красивые уголки Федерации! Только откажись от операции!

На миг я потеряла дар речи от наглости одной хвостато-рогатой личности. «Когда ты выйдешь за меня замуж!». Это вообще нормально, что за меня весь день все всё решают?! Злость накатила с такой силой, что я ответила просто из чувства противоречия:

– Аарон, я уже всё решила. Я поеду!

Ноздри мужчины расширились, а по скулам прокатились желваки.

– Лейла, ты ничего не понимаешь! Это может быть опасно! Ты теневой агент без опыта, у тебя ничего не получится! Как будущий супруг я буду ходатайствовать, чтобы тебя заменили любым другим специалистом...

– Ты уж определись, для этой операции подойдет «любой другой» или с опытом!

– Не придирайся к словам! – Глаза самопровозглашённого жениха блеснули гневом в ответ. – Это убогие, недоразвитые и дикие питекантропы, которым может стукнуть в голову всё что угодно! Если они поймут, что ты на самом деле цваргиня... – Аарон резко замолчал, прочистил горло и про-

должил: – Лейла, даже если тебе под кожу внедрят изменяющие внешность нанопластины и ты станешь похожа на человеческую девушку с Танорга, это ничего не меняет. Ларки живут совсем по другим законам. У них на планете ярко выраженный патриархат, право сильнейшего...

– Сказал представитель Цварга, – фыркнула я. – Если уж на то пошло, то ларчанки обладают большими правами, чем цваргини. Они имеют право путешествовать по другим Мирам, а мы нет. Да и мужей, насколько мне известно, они выбирают сами, а не согласно рекомендациям какой-то Лаборатории...

На последних словах я всё-таки не сдержалась, и едкая горечь прорвалась наружу. Вроде бы живу в цивилизованном мире, а чувствую себя как в первобытном обществе. По мне, так даже на замусоренном и радиоактивном Захране, где средняя продолжительность жизни составляет каких-нибудь шестьдесят или восемьдесят лет, жить и то лучше, чем провести три столетия взаперти на чистом, красивом и технически развитом Цварге.

Аарон на секунду прикрыл глаза, явно чтобы успокоиться и взять себя в руки, а когда открыл, заговорил уже куда как тише:

– Лейла, прекрати уже бегать от меня. Мы созданы друг для друга, я это знал ещё и без результатов тестов. Я это почувствовал в тот момент, как впервые увидел тебя. Помнишь, как меня ранили в левую руку, а ты снимала показан-

ния с тренажёров в спортивном зале и обратила внимание на снижение моих показателей силы и координации? Ты в обход правил потребовала, чтобы мне выделили дополнительный отпуск на реабилитацию и назначили курс разработки кисти.

«Как уж не помнить... тогда я только начинала работать в СБЦ, была совсем ещё юной и зелёной и искренне считала, что полевики должны полностью восстанавливаться между заданиями. Снижение силы и ловкости у агента мне показалось крайне серьёзной вещью. Я ж тогда не знала, что алеф и беты отличаются по стилю и приёмам выполнения операций... Я думала, что навыки бойца должны быть одинаковы для всех полеви́ков...»

– Я почувствовал твою заботу и уже тогда понял, что хочу себе такую жену, – тем временем продолжал Аарон. – Когда на мой запрос из Планетарной Лаборатории пришёл ответ, что наша совместимость составляет восемьдесят четыре процента, я осознал, что это судьба. Лейла, выходи за меня!

Несмотря на то, что мы находились на свежем воздухе, в тесном пространстве между нависающим цваргом, его крепкими руками по бокам и дверцей флаера позади, меня настигло лёгкое головокружение. Кислорода стало резко не хватать. Пронзительный взгляд чёрных как ночь глаз заставил почувствовать себя бабочкой, нанизанной на иголку.

– Прости, что? – только и смогла я выдохнуть от потрясения.

До сих пор все фразы в духе «когда ты станешь моей же-

ной» скорее злили своей неуместностью, но сейчас-то это прозвучало вполне себе настоящим предложением руки и сердца... От мужчины, которого я толком даже не знаю.

– Лейла, чего ты боишься? – Аарон вновь придвинулся ближе и понизил голос до шёпота. – Выходи за меня замуж. Если захочешь, то сможешь продолжить свою работу в СБЦ в качестве офисного таурель-агента. Подумай сама, я – самый лучший для тебя вариант. Во-первых, я знаю тебя настоящую... со мной тебе не придётся врать, что ты работаешь обычным менеджером на фирме. – Мужская ладонь неожиданно легла мне талию, обжигая сквозь рубашку и жакет. – Во-вторых, у нас феноменальная, просто фантастическая совместимость. Зачем тебе лететь к отсталой расе, которая поклоняется деревьям и не знает слова «санитария»?

Пол ушёл из-под ног, во рту пересохло, а вдоль позвоночника пробежала толпа мурашек. Мягкий волнующий баритон убаюкивал меня словно несмышлёного ребёнка, уговаривая остаться на Цварге. Сам Аарон показался в этот момент таким притягательным, сильным и желанным... Действительно, зачем я стремлюсь попасть на чужую враждебную планету?.. Может, остаться здесь и выйти за него замуж? Стоп. Это точно не мои мысли.

Пальцы непроизвольно сжались на ключе от флаера, «Ласточка» приветливо пикинула, звук отрезвил. Я с усилием отвела взгляд от глаз цварга, разрывая зрительный контакт, и посмотрела за его плечо, на Серебряный Дом, проморга-

лась. Негодование от осознания, что только что произошло, взметнулось высокой вспененной волной.

– Ты только что использовал влияние на мой разум!

– Прости, я не мог не попытаться.

Голос Аарона привлёк внимание, пришлось вновь смотреть на эту наглую рогатую морду в деловом костюме.

– Это вообще-то запрещено! Ты понимаешь, что нарушил закон? – возмущённо зашипела, на этот раз вкладывая всю силу в то, чтобы оттолкнуть мужчину. – Я могу подать жалобу в суд...

На губах мужчины расцвела самодовольная ухмылка. Похоже, он наслаждался моей реакцией и тем, что мои ладони сейчас находятся на его груди. Радикально сдвинуть с места эту гору мышц не получилось, но всё же он выпрямился и теперь больше не нависал.

– Во-первых, запрещён эмоциональный взлом сознания. Во-вторых, найди свидетелей. – Он демонстративно поиграл бровями, рассматривая пустую воздушную платформу. – И в-третьих, даже если я признаю, что воздействие было... Лейла, не смей меня! Лёгкое бета-колебание, чтобы понравиться девушке, которой я идеально подхожу, и она всё ещё не выбрала себе супруга... Да если любой судья узнает о моём проступке, то он только похвалит! Это же... – Аарон пошевелил пальцами в воздухе, подбирая аллегорию, – считай как медицинская процедура по обезболиванию. Ничего серьёзного, а цели благие.

– Отойди от меня. И не смей больше воздействовать, – процедила я, скрипнув зубами.

Как же всё-таки это несправедливо, что мужчины и женщины моей расы так сильно отличаются друг от друга! Да, хвост со смертоносным шипом дан им эволюцией, чтобы сражаться в рукопашном бою и защищать семью, но способность воспринимать бета-колебания мозга любого разумного существа... Шварх! Я бы сама не отказалась от такой способности! Ядовитая обида всё ещё клокотала в груди, когда мужчина демонстративно медленно отступил на шаг назад и сплёл руки на груди.

Я раздражённо дёрнула плечом, даже не думая отвечать что-либо Аарону, схватила ручку флаера и стремительно села на водительское кресло. Руки подрагивали, когда зарычал мотор «Ласточки» и флаер стартовал с воздушной платформы. Вместо того чтобы развернуться в сторону кратчайшей дороги к «Бункеру», я вылетела на окольцовывающую город трассу.

Нельзя в таком состоянии появляться на работе, там всё-таки цварги, и им будет как минимум неприятно от фонащихся от меня бета-колебаний. Для начала надо хоть чуть-чуть успокоиться. Но как же всё-таки злило, что Аарон предпринял попытку ментального воздействия, чтобы я и думать забыла про Ларк и вышла за него замуж!

Воздух на трассе, в отличие от города, всегда был скорее морозным, пах пушистым белым снегом, залёгшим на мно-

гочисленных горных хребтах, и удивительным образом приводил мысли и чувства в порядок.

Под днищем «Ласточки» проносилась чёткая геометрическая сетка города, а вдалеке блестели острые шпили муассанитовых гор. Даже с великолепной световой адаптацией на эти сияющие великаны невозможно было смотреть, не щурясь. Яркий белый свет звезды многократно отражался от алмазной крошки, и всю дорогу вдоль зеркальных небоскрёбов и клумб украшали сплошные радужные пятна.

Цварг когда-то считался самой красивой планетой во всей Федерации, и толпы туристов стремились повидать драгоценные горы и поплавать в термальных озёрах, но с тех пор многое изменилось. Туристы, несмотря на запреты, стали увозить муассаниты в качестве сувениров – вначале несколько штук, потом чемоданами, затем и вовсе появились контрабандисты. Постепенно расхищение ресурсов планеты приняло настолько грандиозные масштабы, что правительству пришлось объявить планету закрытой для посещений и максимально почистить информацию о Цварге в федеральной инфосети.

На внешнеполитические проблемы неудачно наложилась собственная плачевная демографическая ситуация Цварга, из-за которой уже цваргиням запретили покидать родину и создали ещё десяток-другой идиотских законов. Добавить сюда сверхспособности мужчин нашей расы улавливать эмоции с помощью рогов, существенные внешние отличия меж-

ду мужчинами и женщинами – и вот вам море абсурднейших слухов... В центральном секторе Федерации ещё ничего, а на окраине и за её пределами – полный шварх! Поглощение цваргами бета-колебаний разумных существ время от времени называют вампиризмом, а политику договорных браков по результатам медицинского обследования объясняют нетрадиционными предпочтениями в сексе.

Глядя на ледяные пики гор, мне вдруг подумалось, что многое, что я читала и слышала о ларках, вполне может оказаться такими же глупыми слухами и небылицами. Люди с Танорга вполне себе нормально и бесконфликтно взаимодействуют с ларками. Последние же служат в Космическом Флоте Федерации Объединённых Миров наравне с людьми, цваргами и пикси. Значит, они далеко не такие дикие. Да и Оберану Мёрфи наверняка виднее, смогу ли я справиться с заданием. Если уж он мне предложил временно стать ведущим агентом, может, всё не так плохо? Жаль, конечно, что гриф секретности «абсолютный», как же мне хотелось бы попросить посмотреть аналитику коллеги, на которую он ссылался... Но, если я всё-таки соглашусь, в конце концов, чем я рискую?

«Рискуешь месяц не слышать от матери лекций о том, как тебе надо срочно выйти замуж и выполнить долг перед расой», – деловито фыркнул внутренний голос.

«А ещё рискуешь разозлить Аарона так, что он решит, что такая жена ему не нужна. Оберан чётко сказал, что

ему нужен ведущий агент, а значит, все решения будешь принимать именно ты, и что бы там ни нафантазировал алеф-класс, ему придётся скрипеть зубной эмалью».

Немного полетав над городом, я переключила «Ласточку» в режим автоматического пилотирования и набрала на коммуникаторе два слова:

«Я согласна».

Глава 4. Проблемы власть имущих

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Цитадель Шарршеорон

– Это уже все границы разумного переходит, Арх-хан! Что мы для них, планета развлечений?! Нет, это надо же сколько бесстыдства! *«Просим организовать в этот раз что-то более интересное, чем осмотр каменной крепости, чтобы у наших граждан остались хорошие впечатления».*

Советник по внутренним делам клана зло пыхтел и мерил зал резкими стремительными шагами.

– Откуда столько наглости-то?! Может, им ещё сафари-тур по Вечному Лесу провести? А?! Я категорически против их присутствия на Ларке и требую ответить ультиматумом: или мы, так и быть, потерпим их в цитадели, или пускай катятся хоть на Тур-Рин! Арх-хан, почему ты молчишь?!

Я прикрыл веки и помассировал пальцами гудящие виски. Духи Предков, как же всё некстати!

Конечно, Аппарат Управления Танорга в этот раз перегнул палку. Ещё в прошлый визит я чётко сообщил, что больше никаких Диких Земель. Хватило уже одной клуши, которая ободрала священное дерево для опытов и пыталась доказать, что оно не отличается от растений на её родине! Но при всех его раздражающих недостатках, с Таноргом выгодно вести торговые дела, нам нужны их технологии, да и сами

люди скорее наивны, чем опасны, чего нельзя сказать о тех же цваргах...

Пока я размышлял, Терекх не замедлил высказаться. Правда, как всегда в своём духе:

– Шонхорн, не зарывайся! Если ты не можешь найти себе ларчанку, которая захотела бы твоего покровительства, это не значит, что надо срывать отвратительный характер на людях.

– Сопляк, заткнись, когда говорят старшие! – не остался в долгу Шонхорн, оскалившись. —Мы докатились до того, что стремимся угодить худосочной чахлой расе, чьи самцы не могут даже сами себе добыть еду! Дерьмо хтэрров! За них это делают роботы! Представляешь? Какие-то глупые бездушные железные машины с зачатками разума! Да даже младенец ларка не настолько слаб, насколько немощны самцы человеческой расы! Тьфу! Смотреть тошно! А если взять весь человеческий генофонд, то как минимум половина из них и вовсе больна из-за радиации²...

– Захран-то тут при чём?! Мы говорим о таноржцах! Не смешивай песок с водой! Таноржцы изобрели множество устройств и роботов и ушли далеко вперёд... Большую часть электроники, которой мы пользуемся, создают на Танорге! Сам-то ты, поди, пользуешься...

² Люди в Федерации Объединённых Миров проживают на Танорге и Захране. Танорг – развитая планета, Захран – отсталая, с плохим экологическим фоном. Подробнее в книге «Академия Космического Флота: Аромат эмоций».

Советник бросил презрительный взгляд на Терекха, всем видом показывая, что не считает его достойным, чтобы продолжать спор, и вновь обратился ко мне:

– Арх-хан, сегодня они за свои товары хотят экскурсию за границами цитадели, а завтра что?

Я успел уловить краем зрения, как младший брат потянулся к дентайру, и вмешался, пока не стало поздно:

– Хватит!

Терекх неохотно отпустил рукоять клинка. Советник же стоял, не шелохнувшись, сложив крупные руки на груди и упрямо поджав губы.

– Шонхорн, я уважаю тебя как старого друга, но нюх сегодня тебя подводит. Возможно, люди и слабее нас как раса, но сотрудничество с ними выгодно. Если ты так не хочешь заниматься этой проблемой, то я поручу её Терекху.

– И что, этот щенок поведёт их за стены Шарршеорона? А если люди снова оскорбят Духов Предков? А если их съедят хтэрры?! Мы окажемся виноватыми! Арх-хан, это безумство чистой воды...

Голос друга звучал всё громче и громче, а когда в нём проснулись обвиняющие ноты, я не выдержал.

– Шонхорн, не забывайся! Ты оскорбляешь брата своего вождя, подумай над этим. До тех пор, пока я глава клана, я принимаю решения и говорю, как мы поступим! И если я говорю, что мы будем во всём помогать людям, значит, так оно и будет! Ты меня понял?!

– Да, мой вождь, – глухо отозвался ларк, хотя его голос меня не мог обмануть. Слишком непримиримым огнём ярости блестели глаза ларка. – Что прикажешь мне делать?

– Тебе – заняться делами клана и позвать Дайнагорна. А вот Терекх соберёт моих лучших воинов и отправит их на границу Вечного Леса. Люди хотят экзотику, и мы её им устроим.

– Ясно, мой вождь. Всё будет исполнено, – скрипнув зубами, отозвался друг детства, резко сжал ладонь в кулак и приложил к сердцу, развернулся и, чеканя шаг, вышел из зала.

Стоило Шонхорну покинуть зал, как Терекх взорвался негодованием:

– Он слепец, если не видит очевидного! Ты вожак самого крупного клана, объединяющего в себе пятнадцать стай, и ты единственный, кто пошёл навстречу в отношении людей...

– Терекх...

– Это полное неуважение...

– Терекх Шаррше Варкхарий Вакхаш!

Брат, насупившись, замолчал, но по широким скулам забегали желваки. Мы оба знали настоящую причину неприязни между ним и советником по внутренним делам клана.

– Я хочу, чтобы ты занялся организацией досуга для таноржцев и проследил за их безопасностью. Кроме того, не думай, что я не заметил, как ты потянулся к оружию. Я запрещаю тебе, Терекх, – слышишь? – запрещаю! Вызывать на бой Шонхорна или кого бы то ни было ещё! Тем более нико-

гда не обнажай дентайр против членов своей стаи! Однажды эти воины будут прикрывать тебе спину...

– Думаешь, я не вижу, как они все смотрят на меня, Архан?! – взвился ларк. – Думаешь, я не вижу презрения в их глазах?! Все мои награды, – он тряхнул головой, перекидывая длинные светлые волосы на другое плечо и демонстрируя чёрно-коричневую вязь на теле, – я получил от Духов Предков! Я даже хтэрра завалил однажды! Как он смеет так общаться со мной?! В конце концов, в один прекрасный день я тоже могу стать главой клана! Я достоин!

Я смотрел на младшего брата, на множество ритуальных узоров на его теле, на белёсый шрам, пересекающий бровь и левый карий глаз, и думал о том, что нет воина достойнее, чем Терекх. Но даже если бы его сила и ловкость превосходили мои собственные, вождём клана ему всё равно не стать.

– Терекх, подожди! – окрикнул младшего, когда тот направился к массивным двустворчатым дверям.

– Что?

Брат обернулся, а у меня защемило сердце. Я безумно сильно его любил и отдал бы всё на свете, чтобы он был счастлив и чувствовал, что всё, что я делаю – исключительно из любви к нему. И тем больше было его расстраивать...

– Шонхорн отчасти прав. Люди слабы по сравнению с нами, их раса... оставляет желать лучшего.

Терекх сжал кулаки, но промолчал.

– Я не отрицаю, что они многого добились в плане науки,

но они, во-первых, бесконечно далеки от традиций Ларка, во-вторых, они никогда не поймут нашу религию, и в-третьих, любая ларчанка будет счастлива выносить твоего ребёнка, а человеческая женщина... в общем, я не уверен. Да и физически они мельче и слабее, чем ларчанки. Я не хотел бы, чтобы ты разочаровался. Пожалуйста, не соединяйся с ними и передай это воинам.

– Как прикажешь, мой вождь, – не без раздражения ответил Терекх, повторил традиционный жест с прижатым кулаком к груди и вышел.

В дверях он едва не столкнулся со зрителем границ клана, громко фыркнул и, не извиняясь, пошёл дальше. Пожилой ларк же низко поклонился вначале в удаляющуюся спину брата, а затем степенно прошёл в зал и вновь поклонился, но уже мне. Седые косы коснулись пола, тихонько звякнули вплетённые в них бусины и колокольчики.

– Мой вождь, ваш советник передал, что вы хотели меня видеть. Я могу чем-то помочь?

– Да, Дайнагорн, – ответил устало, но вместо того чтобы задать вопрос о землях, почему-то кивнул в сторону коридора. – Когда он уже поумнеет?

– Мудрость даётся тому, у кого есть опыт...

– ...А опыт – тому, у кого есть сила, – закончил я старое изречение и улыбнулся. – Это тебе надо было взять бразды правления в свои руки после смерти отца, Дайнагорн.

– Что вы, мой вождь. – Мужчина вновь поклонился. – У

меня давно закончилась сила.

– Чтобы она у меня так закончилась в твоём возрасте, – не сдержался и фыркнул я. Дайнагорн лукавил. Жизнь ларка заканчивается только тогда, когда он не может поднять свой дентайр. – Ладно, рассказывай, как обстоят дела с Сухими Песками.

– К сожалению, они растут, мой вождь. Южный ветер усилился, на прошлой неделе мы потеряли ещё три дерева.

– Три дерева... – эхом отозвался, чувствуя, как горечь растекается в грудной клетке. Уму непостижимо! Три ракхаши, а ведь это души наших предков! Мысли о незваных гостях с Танорга отошли на второй план на фоне этой трагедии. – И ничего нельзя было сделать?

Дайнагорн отрицательно покачал головой.

– Но есть и хорошая новость, мой вождь.

Пожилой ларк вновь склонился.

– Какая же? – спросил, не скрывая скептицизма.

– Скоро будет цветение.

Глава 5. Последний шанс

Лейла Виланта. Цварг

С момента, как я согласилась на участие в операции, дни закрутились как нейтронная звезда вокруг своей оси – с бешеной скоростью. Каждая свободная минута – на вес драгоценного муассанита.

«... Согласно легенде, ты, коренная таноржка, выиграла путёвку на отдых на Тур-Рин, но опоздала в космопорт Танорга и вылетела вслед отдельным челноком. Навигатор дал сбой, и вместо того чтобы доставить тебя на регулярный лайнер до Тур-Рина, переориентировался на последний стартовавший с поверхности корабль. Это будет Спейс-Икс, который раз в квартал возит людей на Ларк.

Лейла, у тебя останутся настоящее имя и фамилия, так как они нигде не светились и ты не проходила курсы актёрского мастерства. Так будет безопаснее для тебя самой. Люди не заметили бы заминки в реакции на чужое имя, но ларки могут. Кроме того, у них превосходное обоняние, и если ты будешь врать, они учуют это по запаху секреции потовых желёз. Чем меньше лжи, тем больше шансов остаться не рассекреченной.

Касательно знаний языка не переживай. Люди не знают ларкского, у них тоже будут переводчики, это не привлечёт внимания. Ну а ты таноржский учила... Модуль управления

нанопластинами для смены цвета кожи тебе разместили в крайней фаланге мизинца. Просто зажми его, и цвет кожи поменяется...»

Бесконечные инструкции от Дафны крутились в голове, но как таурель-агент я запоминала всё с первого раза. Память – это то, что для специалистов моего класса необходимо в первую очередь. Это самое ценное, ведь для качественного анализа нужно уметь оперировать большими объёмами данных.

– ...Вообще не понимаю, как тебе дали визу на отлёт с Цварга! – сокрушалась все эти дни родительница.

– Мам, ну это же ненадолго! – наконец не выдержала я, кидая в сумку спортивный костюм. – Всего лишь командировка на Танорг по рабочим моментам. Фирма согласует договор, и я вернусь обратно.

– Ну и что, что ненадолго?! Тебе тридцать девять! Тебе надо ходить на свидания и знакомиться с кандидатами, а не вот это всё! – Она жестом обвела кровать с ворохом одежды, раскрытую дорожную сумку и рабочий ноутбук на журнальном столике. – Сидя на попе, мужа не найдёшь!

Я молча продолжила собирать вещи. Бельё, рубашки, брюки... Ещё одноразовые каппы или зубную щётку взять надо обязательно...

Сзади раздался неожиданно громкий всхлип.

– Ты меня не любишь!

Порой мне кажется, что Лералина Виланта проходила

специальную подготовку для пси-агентов. Глубокий вдох и выдох. Спокойствие, Лейла, только спокойствие. Это всего лишь очередная попытка манипулировать из лучших соображений...

Я отвлеклась от сборов и улыбнулась родительнице.

– Мам, ну что за ерунда? Конечно, я очень сильно люблю вас с папой.

– Ты хотя бы с тем ювелирщиком встречалась?

– С кем? – Я на секунду зависла, но тут же облегчённо выдохнула. Хоть тут врать не придётся. – А-а-а, с Фабрисом Робером? Да, очень приятный цварг, но мы друг другу не подходим.

Лералина Виланта несколько секунд молчала, упрямо поджав губы, а затем неожиданно выдала:

– Мне из Планетарной Лаборатории ещё одна анкета на твоё имя пришла... Представляешь, восемьдесят четыре процента совместимости! Такое не у каждой цваргини бывает. Я ответила за тебя предварительным согласием.

Брюки, которые я тщательно складывала, чтобы занимали меньше места, выпали из рук.

– Ты сделала что?

Мама гордо подняла подбородок, приосанилась и сложила руки на груди в защитном жесте.

– Ответила предварительным согласием. Ты уже много лет отказываешь кандидатам по надуманным причинам. Если так продолжится и дальше, то именно этот молодой муж-

чина станет твоим мужем. Я всё проверила, он замечательный и воспитанный цварг. Это будет лучшим вариантом для тебя, раз ты так не любишь знакомиться с новыми мужчинами. Всё-таки пятьдесят лет – это крайний срок, когда по закону надо выйти замуж. Лучше не оттягивать. Мы подписали документы и отправили их в Планетарную Лабораторию. Как только ты вернёшься...

Кровь застучала в ушах, в желудке поселился колючий, как шиповник, комок горько-кисло-противного предчувствия, желчью растёкшегося во рту.

*«Раз ты так не любишь знакомиться с **новыми** мужчинами».*

Очевидно, я его знаю.

– Кто он?!

– Финансовый директор фирмы, на которой ты работаешь. Я подумала, что если ты общаешься с Аароном уже долгие годы, то тебе будет комфортно строить с ним отношения...

Это было ударом под дых.

Проклятый алеф-агент воспользовался полномочиями СБЦ и представился не просто моим коллегой, а ещё и начальником, с которым я еду в «командировку». Это запрещено! Точнее, не так: все агенты, сдавая биоматериал в Планетарную Лабораторию, указывали липовые профессии, но если заключение о совместимости с Фабрисом попало в руки матери случайно, то здесь надо было быть круглой идиоткой,

чтобы поверить в «счастливый» лотерейный билет Вселенной. Аарон *специально* указал себя финансовым директором той же подставной фирмы...

– ...Я на днях встречалась с ним от твоего имени, чтобы узнать недостающие детали в анкете. Очень, ну просто очень достойный цварг! А как великолепно выглядит, как зарабатывает, как держится! Лейла, ты бы видела, какое у него роскошное тело, а интеллект! Он очень в тебе заинтересован! Я уверена, что у вас родятся замечательные детки...

Комок шиповника в желудке превратился в покрытый шипами металлический шар. Кажется, так выглядят подводные мины. В горле запершило, зашипало глаза. Мама с таким искренним восторгом рассказывала про Лоуталье, что у меня просто опустились руки.

«Я ответила за тебя предварительным согласием».

Как она могла? Как?! Это же *моя* жизнь!

– Срок? – тихо уточнила я.

– Год, – тут же ответила мама, сразу поняв, о каком сроке я спрашиваю. – Нечего откладывать свадьбу до пятидесяти, там потом меньше вероятность забеременеть. Через год, если ты вдруг не выберешь себе другого цварга, Аарон Лоуталье станет твоим супругом.

Наполовину пустая дорожная сумка молчаливо смотрела на меня грустным открытым тёмным зевом, будто намекая, что и моя жизнь точно такая же – полупустая и бессмысленная. «Зачем тебе все эти вещи, Лейла? Ведь долг цваргини

выбрать подходящего мужчину из списка и продолжить род, а всё остальное – ерунда», – словно издеваясь, говорила сумка.

– Мам. – Я сглотнула, протолкнув дурацкий комок в горле и перебив счастливый щебет матери. – Ты же знаешь, я хочу, чтобы всё было так, как у вас с папой. Может, я просто ещё не встретила того самого?

Родительница внезапно тяжело вздохнула.

– Лейла, я понимаю, что тебе хочется, чтобы всё было так, как у нас с твоим папой. Но первые сорок лет мы просто жили вместе как хорошие друзья. Кайрон во всём меня поддерживал, баловал подарками и красивыми ухаживаниями, но детей у нас не было... А потом однажды, возвращаясь из командировки, он попал в космокатастрофу, и я провела у его постели целую неделю, вглядываясь в бледное лицо. Кайрон пребывал на грани между жизнью и смертью. Я очень испугалась и, пожалуй, именно тогда осознала, что просто не смогу жить без него. Без его весёлых шуток и лучезарной улыбки. Без ярко-синих глаз и тёплых объятий. Тогда что-то изменилось между нами.

Сеточка крошечных морщинок образовалась около её глаз. Всякий раз, когда мама говорила о папе, её голос неуклюже менялся, и появлялись эти крошечные лучики.

– Он вошёл в твой ближний круг, – констатировала я очевидное.

Мама кивнула.

– А потом появился твой старший брат, Дейни. Почти сразу за ним появился на свет Нейтон. Я была безумно, просто невероятно счастлива. Два сына, тогда как у большинства на свет появляется либо один ребёнок, либо вообще никого.

Эту историю я слышала так много раз, что уже выучила наизусть, а потому добавила:

– А я у вас появилась, когда вы отдыхали на Зоннене, и ты даже не подозревала, что можешь забеременеть в третий раз, ведь это огромная редкость. Мам, но я не понимаю, почему ты дала предварительное согласие на брак с Аароном. Почему ты меня-то не спросила?!

Лералина участливо улыбнулась.

– Лейла, глупенькая, ты же потом благодарить ещё будешь меня. Стерпится-слюбится. У вас двоих феноменальная вероятность завести детей, а он приятный мужчина, что тебе ещё нужно?

Я потрясённо смотрела на маму, так и не веря, что слышу от неё эти слова. В мыслях стало пустынно и гулко. Кто-то чужой в голове отметил, что прозвенела входная трель и слышался звонкий голос Дафны. Я видела её и умом понимала, что она рассказывает заготовленную легенду родителям. Затем секретарь отдела подхватила мою дорожную сумку и подтолкнула на выход. Дафна снова инструктировала во флаере, объясняя, что мне нечего бояться, и проследила, чтобы я активировала нанопластины.

«... Сейчас ты сядешь на рейс до Танорга, а там переся-

дешь на челнок. Ни о чём не волнуйся, логистика полностью спланирована. Твоя задача – лишь вписаться в команду людей, высадиться на Ларке и скопировать всю информацию с компьютера вождя на флешку. Таноржцы обычно проводят от десяти до четырнадцати дней на Ларке, у тебя будет достаточно времени найти то, что мы ищем, изучить, понять. Ничего ломать или красть от тебя не требуется. По большому счёту, ларки даже не должны понять, что кто-то интересуется их делами...»

Аналитик внутри меня фиксировал речь Дафны и фыр-кал. Он-то прекрасно знал, что необходимо учитывать все возможные исходы, и даже те, которые кажутся наименее вероятными. В математической статистике это называется «распределение с тяжёлым хвостом». Это означает, что число маловероятных событий настолько велико, что, скорее всего, случится какое-то из этих событий, чем самое, на первый взгляд, обыкновенное. Но сил спорить не было, тем более когда я сама решила на эту операцию.

«...В любом случае, агент Лоуталье будет страховать тебя с орбиты Ларка. Если что-то пойдёт не так, дай ему знать, и он тебя вытащит...»

Отлёт с Цварга и начало первой в моей жизни операции в качестве полевого агента прошли буднично. За окном проносились шпили зеркальных высоток, а секретарь отдела говорила, говорила, говорила... А затем так же буднично сдала меня с рук на руки хмурому и собранному Аарону в космо-

порту, бросив на прощание: «Желаю хорошо провести время!»

Я с лёгким изумлением посмотрела на цварга, который, будучи страхующим агентом, зачем-то надел костюм-тройку, белоснежную рубашку с драгоценными запонками, кожаные туфли и кварцевые часы... Аарон также долго изучал меня с ног до головы и лишь перед самой посадкой сказал:

– Лейла, даю тебе последний шанс. Откажись от полёта на Ларк и выходи за меня замуж. Ты так и так выйдешь за меня, но, если дашь согласие сейчас, я всё ещё могу остановить этот цирк.

В ответ я лишь отрицательно покачала головой.

Глава 6. Люди

Лейла Виланта. Таноржский «Спейс-Икс»

Проникнуть на таноржский «Спейс-Икс» оказалось на удивление легко. Настолько легко, что в первое мгновение я даже задумалась, а на тот ли корабль в итоге меня доставил челнок. Читая отчёты о ранениях бета-агентов и психологических проблемах алеф-класса, я всегда думала, что работа полевиков – это что-то невообразимо сложное, на что требуются годы спецподготовки, отшлифованный опытом талант, знания... А на деле самая рискованная, на мой взгляд, часть операции обернулась обыкновенной пересадкой в космосе. Меня даже документы не попросили предъявить.

Люди оказались беспечными во всём, что касалось безопасности. Привыкнув к высокому уровню жизни, технологическому прогрессу и отсутствию преступности на Танорге, они не допускали и мысли, что кто-то может попытаться проникнуть на корабль с дурной целью.

– А куда вы летели? – с любопытством спросил худющий парень с тёмными взъерошенными волосами и смешливыми карими глазами. Обтягивающий синтетический термокостюм, как и большинство вещей такого типа, не скрывал, а наоборот, подчёркивал его тонкокостную фигуру.

– На Тур-Рин, развлекаться.

Я постаралась отразить в голосе столько печали и разоча-

рования, сколько может быть у гуманоида, который только что понял, что запланированный отпуск накрылся медным тазом.

– А, ну не расстраивайся, мы идём к Ларку, там тоже должно быть интересно, – по-простому отозвался собеседник, сразу переходя на «ты». – В следующем году у Apparata Управления Планетой снова сможешь попросить путёвку на Тур-Рин. Уверен, тебе не откажут. Кстати, я Джереми.

– А я Лейла.

– Добро пожаловать в нашу небольшую, но приятную компанию, Лейла!

Брюнет, широко улыбаясь, протянул мне узкую ладонь с аккуратным маникюром, а я несколько секунд растерянно смотрела на неё, прежде чем вспомнила, что у людей принято пожимать руки друг другу. На Цварге мужчины часто так здоровались между собой, но вот прикоснуться к цваргине позволялось только после прямого вопроса и официального на то разрешения.

– Ну что же ты, Лейла, боишься, что я сломаю твои хрупкие пальчики?

Джереми был высоким, но в сравнении с цваргами казался таким худым, что я рассмеялась последнему предположению и смело протянула ладонь в ответ. Нет, Джереми я не боялась совершенно. Он выглядел практически безобидным.

Таноржцы приняли меня очень тепло. С другой стороны, а какого ещё отношения к себе можно было ожидать от жите-

лей планеты, которые ввели в моду страховки на интеллект? Не последнюю роль в хорошем отношении сыграла подготовка агента таурель-класса. Я даже стала смутно догадываться, почему начальство выбрало именно мою кандидатуру: кто ещё впишется в образ девушки с Танорга так же качественно? Моя натренированная память и бесконечная любовь к аналитике идеально подходили, чтобы слиться с командой.

Танорг – родина талантливых изобретателей, механиков, математиков, конструкторов и астрофизиков. Большинство людей счастливо живут, пользуясь благами цивилизации и трудом многочисленных роботов³. Основные сферы жизни автоматизированы до такой степени, что работает лишь малая часть населения – пять или семь процентов гениев, а также творческих личностей, которым нравится то, что они делают... совсем как мне. Ведь в Службе Безопасности Цварга я тоже работала не из-за денег, а потому что не видела себя в том образе жизни, в котором живут цваргини.

Люди были... удивительными. Если отбросить то, как смело они демонстрировали эмоции, часто улыбались и с лёгкостью могли потрогать друг друга – за локоть, ладонь или просто хлопнуть по плечу, – я бы сказала, что они очень похожи на цваргов. Проанализировав поведение таноржцев, я с грустью пришла к выводу, что не будь у цваргов про-

³ О том, как люди живут на Танорге, можно прочесть в лёгкой и короткой романтической истории «Художница на Танорге».

блем с демографией и гендерной особенностями считывания ритмов головного мозга, мы бы могли жить совсем как люди. За какую-то неделю экипаж «Спейс-Икса» стал мне настолько близок, что я даже забыла о задании... Ровно до ужина накануне прилёта.

– А я говорю, стабильная система из трёх звёзд существовать не может, – авторитетно заявил Джереми за ужином. Высокоинтеллектуальные споры были любимым развлечением таноржцев на корабле. – Уравнение, описывающее данную систему аналитически, в общем случае нерешаемо.

– Ну так ты про общий вид, а я про конкретный случай! – возмутился Януш, отложил ложку и начал стремительно переставлять местами миски с закусками. – Вот смотри, если представить, что это модель взаимодействия трёх тяжёлых звёзд, – в ход пошла солонка, – то планеты могут вращаться по постоянной траектории...

– Всё равно нестабильно, – хмыкнула Танита, подходя к столу с кастрюлей ароматного плова с овощами и окидывая взглядом столешницу. – Януш, давай свою тарелку.

– Да нет же... – Красавица Моник подключилась к спору, активно переставляя посуду.

– А я говорю, да...

Люди загомонили, доказывая собственную правоту. В дискуссию включились все, кроме меня, мало что смыслящей в астрономии, и обычно молчаливого и хмурого Лога-

на, который на этот раз сосредоточился на еде. Не прошло и десяти минут, как последний внезапно раздражённо бросил ложку на стол.

– И всё-таки ларки – дикари! Не понимаю, зачем вы все туда летите?!

В столовой наступила мгновенная тишина, а Логан тем временем продолжил:

– В качестве отдыха можно было выбрать любую другую планету. Вон, нормальный человек Тур-Рин выбрал. – Он мотнул головой в мою сторону. – Все здесь образованные и интеллигентные люди, а вместо того чтобы отдыхать как подобает цивилизованной расе, устроили... детский сад какой-то!

Смуглый мужчина с грохотом отодвинул стул и в абсолютной тишине покинул помещение, а оставшиеся таноржцы растерянно переглянулись друг с дружкой. Лишь спустя несколько минут Джереми смущённо кашлянул и заговорил первым:

– Лейла, ты не подумай ничего плохого про Логана... Он просто не понимает, что ларки – наиболее близкая к нам генетически раса. Формально у них отличается лишь строение ушей и глаз да более толстые ногтевые пластины. Ну, мышечной ткани чуть больше...

– И им удалось сохранить отличный генофонд, – словно оправдываясь, пробормотала круглолицая Танита. – Да и кто сказал, что если лишь малая часть населения получает выс-

шее образование, то они сразу отсталые? Глупо же так мерить...

– И владению техникой они очень быстро обучаются, если Танорг что-то поставляет. Служат же некоторые в Космофлоте. Просто...

– Просто вы летите на Ларк не отдыхать, – внезапно произнесла я вслух.

Игра в гляделки на этот раз была столь выразительна, что даже способностями цваргов обладать не требовалось, чтобы понять, что я права. Танита порывисто встала со стула и принялась суетливо собирать тарелки и приборы.

– Я помою, – пробормотала она и, схватив стопку посуды, буквально выскочила из отсека столовой. Будто бы не помой она эти тарелки прямо сейчас, у нас взрыв реактора произойдёт.

Джереми и Януш сделали вид, что их очень сильно интересует недавний спор. Януш откуда-то достал планшет и принялся набрасывать траектории планет вокруг системы из трёх звёзд, Джереми ему всячески помогал. Одна лишь Моник осталась сидеть с растерянным видом и кусать пухлые алые губы. В какой-то момент блондинка шумно выдохнула, что-то решив для себя, и сказала:

– Лейла, мы не хотели распространяться. – Она обвела взглядом копошащихся в планшете мужчин. – Мы действительно летим не совсем отдыхать.

Я выжидающе посмотрела на таноржку с роскошными

формами. Забавно, но на фоне всей команды это скорее её, а не меня можно было принять за гуманоида другой расы – большая грудь, осиная талия и крутые бёдра – очень яркая внешность для человеческой девушки с Танорга.

– Вообще, мы все закончили один и тот же университет. – Внезапно она скакнула на другую тему. – Я недавно защитила докторскую по управлению природными экосистемами, Танита – моя лаборантка, Януш – кандидат технических наук по специальности «астрофизика и звёздная астрономия», ну а Джереми – палеонтолог. Мы выбили из Apparata Управления Таноргом путёвки на Ларк с целью изучить их планету.

– И ларки вам это разрешили?! – ахнула я.

Признание дружной компании у меня никак не вышло со слухами об агрессивности коренных жителей этого Мира.

– Нет, разумеется. – Моник смущённо наморщила носик и потёрла его костяшкой указательного пальца. – Но ведь для изучения нам много и не надо... Камушек тут подберу, капсулу с грунтом там соберу, листик сорву... Ларки и не заметят. В чём-то Логан всё-таки прав, у них же нет лабораторий... Скажу, что на память себе беру.

– А что сказал Apparat Управления Планетой? – пробормотала я, не веря собственным ушам.

Блондинка неуверенно пожала плечами.

– Ну а что они скажут? Мы же не с экспансией какой... а так... вроде как отдыхать... Они, в общем-то, ничего толком

и не знают. Если у нас, – она обвела взглядом Януша, Джереми и Таниту, – получится сделать открытие, то мы навсегда войдём в историю Танорга, а нет – ну так и нет.

Красавица смотрела на меня и хлопала пушистыми длинными ресницами, а я думала... о том, что попала. Захотелось громко смеяться и плакать навзрыд одновременно. Это я-то боялась, что у меня ничего не получится без специальной подготовки полевых агентов? Да по сравнению с авантюрой, задуманной этой группой горе-учёных, я просто сверхподготовленный агент!..

Неевклидово пространство! СБЦ просчитали все риски... кроме вот этого.

Из горла вырвался непонятный сдавленный звук, который Моник трактовала по-своему:

– Лейла, ну подумай же сама! Планета уникальная, геннофонд у расы изумительный, экология выше всяких похвал. Они не посещают минеральные курорты в лечебных целях, практически не болеют и имеют высокую продолжительность жизни! А всё потому, что Ларк – один сплошной курорт! Ты их леса видела на голограммах? Эти деревья-исполины выше наших зданий! Вот если бы удалось добыть семена! Климат Танорга похож, можно было бы размножить деревья...

Словно эхом до меня доносился голос Моник, при этом она активно жестикулировала, а яркие фиалковые глаза блестяли на одухотворённом лице. Она действительно верила,

что у них всё получится! Постепенно к её речи подключился Джереми, а там и Януш.

«Да уж, они точно ненормальные, если думают, что смогут обмануть ларков... С другой стороны, кого вообще можно назвать нормальным? Я сама согласилась на опасное задание на плохо изученной планете. При этом даже не могу дать себе отчёт, почему я это сделала. Мне не нужны деньги, я не нуждаюсь ни в чём. Более того, моей руки и сердца настойчиво добивается успешный мужчина, вероятность получения совместных детей с которым составляет восемьдесят четыре процента. Однако я здесь. Разве это нормально?..»

– А Логан? – Я внезапно перебила весело щебечущую Мо-ник. Его-то как учёного таноржка мне не представила.

– А что Логан? – отозвалась девушка, непонимающе широко распахнув глаза. – Он мой парень и полетел на Ларк просто за компанию.

Выйти на связь с Аароном и отчитаться об истинной цели экипажа «Спейс-Икс» всё же пришлось. Дафна чётко проинструктировала, что обо всём, что идёт вразрез с планами Службы Безопасности Цварга и может угрожать моему раскрытию, я обязана сообщать через страхующего агента. Я заперлась в выделенной мне каюте, убедилась в том, что меня никто не услышит, и связалась по коммуникатору с алеф-агентом.

По мере того как я говорила, между бровей голограммы цварга возникала всё более глубокая вертикальная морщина.

– Значит так, Лейла, – ответил он тоном, не подразумевающим неповиновения, – оставайся на «Спейс-Иксе», пока люди будут выполнять задуманное, и не показывайся на глаза ларкам. Если экипаж корабля разозлит дикарей, то достанется и тебе. Я сейчас организую, как незаметно вытащить тебя...

Я отрицательно покачала головой.

– Нет, Аарон, я высажусь вместе с людьми на поверхность.

– Лейла, да что с тобой не так, ты совсем глупая?! – разозлился напарник. – Ты обязана меня слушаться! Ты сейчас же соберешь вещи, симулируешь, что у тебя внезапно поднялась температура, и...

– Нет, Аарон. Я высажусь на Ларке и выполню задание. Ты забываешь, что на этой операции ведущий агент я, а не ты. Я просто доложила о ситуации, чтобы штаб был в курсе, – спокойно прервала речь моего будущего супруга и оборвала связь.

Я всё ещё страшно злилась на него за то, что прислал анкету моей маме и указал подставную фирму, а также за то, что очаровал Лералину Виланту. Не сомневаюсь, что как агенту алеф-класса ему это не стоило практически никаких усилий. Возможно, продолжать задание и было страшной глупостью, но... у меня остался всего лишь год. Мне хотелось его про-

жить так, чтобы потом не жалеть об упущенных возможностях.

– Лейла, можно?

Глухой стук отвлек меня от созерцания насыщенной изумрудно-зелёной с бирюзовыми разводами планеты в иллюминаторе. Джереми с торчащими во все стороны волосами топтался на пороге каюты. Я мысленно поймала себя на том, что на родине ни один мужчина никогда бы в жизни не зашёл вот так просто в помещение, где спит цваргиня – ни близкий друг, ни даже муж... Да что там, многие женатые цварги вообще имеют отдельную спальню, так как у них частые мигрени из-за слишком интенсивных бета-колебаний супруги. Зайти в спальню женщины – это достаточно интимный момент, а уж если цваргиня свободна, то и вовсе может классифицироваться как неприличные намерения...

Ворох мыслей тревожной стаей птиц вспорхнул со своего насеста и – улетел. То ли потому, что за неделю путешествия с людьми на одном корабле я действительно привыкла к ним и стала частью экипажа, то ли потому, что Цварг сейчас казался чем-то далёким и поблэк перед такой осязаемой и плотной возможностью изучить Ларк.

Судя по всему, Джереми вообще не задумался, как может трактоваться его появление в моей каюте. Люди, как показало непродолжительное общение, ко всему относятся в разы проще и неприхотливее, что ли...

Я скользнула взглядом по худощавой фигуре палеонтолога с каким-то бесформенным мешком в руках:

– Ты что-то хотел?

– Да, я вот тут... Как же хорошо, что ты уже не спишь! Я переживал, что могу тебя разбудить.

Я улыбнулась уголком рта. Цваргам надо меньше времени, чем людям, чтобы высыпаться, но Джереми об этом знать ни к чему.

– Сомневаюсь, что сейчас во всём «Спейс-Иксе» найдётся хотя бы один спящий человек, – ответила миролюбиво.

– И то верно. – Таноржец нервно запустил руку в каштановые вихры и неловко взъерошил их. – Мы уже через несколько часов приземляемся... Я тут неожиданно осознал, что ты летела на Тур-Рин...

Лёгкое, на грани чувствительности напряжение иголочками прошло по телу. Неужели он сейчас, как и Аарон, предложит мне пару недель пожить на корабле?

– ... Я понимаю, что Ларк – это не планета развлечений с развитой инфраструктурой, многочисленными казино и спотелями... А наша цель могла тебя напугать... Если ты вдруг передумала с нами высаживаться...

– Не передумала, – быстро возразила. – С чего мне вдруг менять решение? У вас свои планы, у меня... были свои. Но раз уж я здесь, то было бы просто глупо не воспользоваться возможностью посетить Ларк.

На лице Джереми проступило облегчение. Он шумно вы-

дохнул, широко улыбнулся и протянул бесформенный мешок.

– Тогда, Лейла, это тебе, – произнёс он довольно. – Здесь спальный мешок и абсорбирующие пастилки на случай отравления местной пищей, а также надувная ортопедическая подушка. Ещё тут универсальное средство от комаров и клещей, стандартный гражданский электрошокер, немного того, немного сего. Ну и походный ранец, разумеется. Кажется, у тебя дорожная сумка? С ней будет не так удобно.

– Что? – переспросила я, растерянно глядя на вещь, которую мне протягивали.

«Спальник? Подушка? Клещи?!»

– Ну мы же сказали тебе, что выбивали путёвки из Аппарата Управления, обозначив, что хотим немного глубже погрузиться в атмосферу жизни ларков. Мы не будем жить внутри городских стен в апартаментах, ведь так вряд ли что получится собрать, да и мне было бы интереснее изучить нетронутую природу. «Спейс-Икс» будет приземляться сразу на Дикие Земли.

Дверь за Джереми плавно встала обратно, а я всё ещё смотрела на мешок, который он мне принёс.

Шварх...

Выходит, задание ещё немного осложняется. Что-то подсказывает, что вождь клана не потащит ноутбук в место, которое называют Дикими Землями.

Немного посидев на кровати, я тряхнула головой и решительно принялась переупаковывать вещи в рюкзак. Клещи и комары кожу чистокровной цваргини не прокусят, а вот спальник пригодится. Флешку для копирования можно кинуть на самое дно... То, что корабль приземлится в глуши, ещё не означает, что в какой-то момент нельзя будет попроситься внутрь городских стен, а там уже можно будет и выяснить, где проживает вождь...

Глава 7. Планета Ларк

Лейла Виланта. Дикие Земли

Технологичный «Спейс-Икс» опустился на сочную изумрудную траву на опушке леса так мягко, что момент соприкосновения с землёй остался незамеченным.

Тяжелые мысли об Аароне, крутящемся где-то поблизости на незаметном истребителе, злость на поступок матери, переживания из-за наивности людей – всё вмиг вылетело из головы как совершенно далёкое и бесконечно ненужное. Всем вниманием завладели гигантские, вздымающиеся ввысь деревья. Их верхушки царапали облака... Небожители. В груди поселился странный, щекочущий лёгкие не то трепет, не то детский восторг... Такие огромные! И ведь живые! Никогда не видела ничего подобного!

Продолговатые облака цветными перьями экзотических птиц рассыпались по насыщенно-синему небосклону. Ароматы луговых трав и цветущего сладкого клевера, влажного дёрна и многовекового мха, потрескавшейся древесной коры и грибов, казалось, проникали в кровь. Никаких зеркальных высоток, шумных многоступенчатых воздушных трасс для флаеров, идеальных дорожек из наливной пентапласт-массы и посаженных клумб. Даже воздух на Ларке отличался от Цварга. Если родной воздух был скорее морозным и пах пушистым белым снегом, залёгшим на многочисленных

горных хребтах, то здесь первое же дуновение ветра заставило меня задохнуться от терпко-сладко-горького букета ароматов.

Смесь неподдельного и пьянящего как шампанское восхищения, внутреннего облегчения, потому что «назад пути уже нет», и любопытства, которое возникает лишь тогда, когда узнаёшь что-то новое, ударила в голову.

Учёные не менее восторженно оглядывались по сторонам. Танита не сдержалась и рухнула в траву с ликующим возгласом. Джереми запрокинул голову и застыл, улыбаясь небу, а Моник присела и ловко набрала пробирку с землей. Януш вносил финальные настройки в программу автопилота «Спейс-Икса». Пожалуй, один только Логан выглядел не очень довольным, но даже он, глядя на природу Ларка, не мог не признать:

– Красиво.

– Это и есть тот самый сорт растений, которым поклоняется местное население, – тут же с азартом подхватила Моник, рассматривая лес перед нами. – Диаметр отдельного ствола может достигать нескольких метров, а то, как деревья доставляют воду в крону – по сей день загадка, ведь если рассчитать атмосферное давление и притяжение планеты, то получается, что эти исполины создают внутри себя отрицательное давление...

– Меня больше интересует, где же сами хозяева этого добра. – Логан нахмурился. – Они сами нас позвали имен-

но в это место, обещали гостеприимно встретить и показать свою планету. Но их нет.

– Ох, каким же ты иногда бываешь занудным! Зачем нам ларки, когда здесь такие интересные цветы и деревья? Посмотрите только на кору вот этого...

Договорить доктор биологических наук не смогла, так как из-за широких стволов показались сами ларки: высокие мускулистые мужчины с обнажёнными торсами в коротких кожаных юбках, грубо скреплённых по бокам толстыми нитями. Колючие мурашки побежали вдоль позвоночного столба и заставляли неметь конечности по мере того, как подходили ларки и их удавалось рассматривать подробнее.

Мощные плечи мужчин защищали сияющие пластины внахлёт, соединённые между собой перекрещивающимися кожаными ремнями. Руки от запястий до сгиба локтя укрывали наручи из чешуи неизвестного мне дикого зверя, но судя по размерам чешуек, животное было существенно крупнее, чем змея или крокодил. Присмотревшись, абсолютно у всех ларков я заметила клинки – только не из металла, а из какого-то диковинного белого материала... Костяные, что ли? Длиннее кухонного ножа, но существенно короче той же клюшки для гольфа. У кого-то ножны были привязаны к икрам, у кого-то – рукояти клинков торчали из-за спин.

Но больше всего меня поразили сами тела мужчин. Крупные, загорелые, рельефные, с чётко очерченными мускулами. У многих ларков тела были исполосованы шрамами, и у

всех – зловещими, но искусными чёрно-коричневыми письменами. Когда ларки двигались, складывалось ощущение, что письма двигаются вместе с ними как живые. По большей части татуировки приходились на спины, но у кого-то располагались ещё и на руках, шее и даже груди. Лица... тоже произвели на меня неизгладимое впечатление. Очень похожие между собой, с широкими скулами, густыми бровями, жёсткой линией челюсти и неуловимо-хищными чертами.

Я гулко сглотнула подступившую слюну. Ещё никогда в жизни я не видела *таких* мужчин. Они были красивы какой-то необузданной, неукротимой, первобытно-дикой красотой. Бесшумные, текучие, обманчиво-мягкие движения, острые как сталь взгляды и застывшие выражения лиц действовали гипнотически. Так чувствует себя кролик, обнаруживший, что к нему подбирается тигр: вроде бы и надо бежать со всех лап, но вот беда, лапы приросли к земле. От всех них исходила истинно подавляющая аура хозяев этой планеты, неподдельный поток бешено-свирепой сексуальности.

Я стояла и смотрела на ларков, чувствуя, как бледнею и краснею одновременно. «Лейла, ты цваргиня или кто? Собирайся, тряпка! – пробурчал внутренний голос недовольно. – В СБЦ тоже полно красивых мужиков. Взять вон Аарона. Жизненный опыт показывает, что чем красивее мужчина, тем больше у него самомнение, а чем выше самомнение, тем хуже характер...»

Молодой человек Моник очнулся от этого странного на-

важдения первым. Он шумно прочистил горло и сделал шаг вперёд:

– Приветствую, уважаемые ларки. Меня зовут Логан Левандовский. Спасибо, что встретили нас.

Один из воинов также сделал шаг вперёд и тихо заговорил, перемежая слова обильными отрывочно-шипящими и резко-рычащими звуками. Возможно, мой переводчик и успел бы уловить речь воина, но Моник, наклонившаяся к правому уху, отвлекла:

– Беру свои слова назад, – прошептала она на грани слышимости. – Хозяева этой территории определённо интереснее, чем все растения вместе взятые. Ни одна голограмма не передаёт и части их мужественности.

– У тебя же парень, – так же шёпотом ответила я, на что Моник закатила глаза и фыркнула.

Тем временем ещё десяток ларков вышли из леса и беззвучно приблизились к нам. «А они вообще касаются земли?» – пришла в голову совсем уж странная мысль.

Двое светловолосых воинов расстелили покрывало перед нами.

– ...сбросить всё оружие сюда, – выцепил слух речь того, кто говорил с Логаном.

Этот ларк оказался значительно крупнее своих собратьев, а татуировками украшали не только спину, но и поджарый живот и крепкие руки.

– Зачем? – резко прореагировал Логан. – Я не хочу ничего

вам отдавать, о уважаемый вождь клана Шонхорн. Это мои вещи, которые я привёз с собой, и никому их не доверю!

На поляне воцарилась мёртвая тишина. Несмотря на яркое солнце, воздух буквально вмиг наэлектризовался из-за густого разлившегося напряжения. Не надо было быть гением психологии, чтобы понять, что не стоит так общаться с ларками. Воины замерли мраморными изваяниями, это лишь добавило происходящему сюрреализма и... страха. Как назло, в памяти вспыхнула неаккуратно брошенная фраза Аарона: «Если они поймут, что ты на самом деле цваргиня...». Я вдруг резко поняла, что не хочу даже рассматривать такой вариант событий.

Уголок рта Шонхорна презрительно дёрнулся, он процедил:

– Именно чтобы оно не потерялось, я требую сложить всё сюда. Пока вы на Ларке, мы несём ответственность за вас. По окончании пребывания вам вернут вещи в целостности и сохранности.

– А если вы его используете против меня? – Голос Логана перешёл на фальцет, и я поморщилась.

Предположение молодого человека Моник было настолько абсурдным, что Джереми тут же полез в рюкзак и кинул на покрывало перочинный нож, компактные ножницы-секаторы и электрошокер. Тот же набор последовал от Януша, правда, там были ещё и отвёртки со сменными наконечниками, затем облегчили рюкзаки Моник и Танита.

Я смотрела на всё это с постепенно возрастающим удивлением, мысленно гадая, зачем люди в принципе привезли на Ларк оружие. Отвертки, секатор ещё можно понять, перочинный нож – тоже штука полезная, но электрошокеры?.. А секунду спустя мысленно выругалась, застонала и полезла доставать устройство из внешнего кармана ранца.

Почему-то краснея под насмешливыми взглядами двух светлогривых и похожих как близнецы мужчин, стоявших по бокам от куска ткани, я кинула шокер и быстро-быстро вернулась на своё место. Логан за это время, кажется, осознал, что спорить с ларками, которые голыми руками при желании могут свернуть ему шею, откровенно глупо. С явной неохотой он развязал тесёмки рюкзака и один за другим выкинул три перочинных ножа, рукоятку от лазерного клинка, которую активировали и использовали преимущественно в космосе при нападении пиратов, нейтрализатор с полным аккумулятором, два электрошокера – стандартный гражданский и профессиональный, – а также метательный нож.

В полнейшем изумлении я переводила взгляд с Логана на невозмутимых ларков и обратно. Как только таноржец закончил, один из воинов ловко завязал одеяло в кулёк.

– Ну что ж, а теперь пойдёмте за мной, – произнёс Шонхорн.

Фраза вожака, по сути, несла нейтральный смысл, однако я, привыкшая к тому, чтобы слышать мельчайшие оттенки эмоций, не могла не поёжиться от проскользнувших в ней

поток мороза.

Взгляд воина мгновенно впился в моё лицо. Несколько томительных секунд он изучал меня, затем что-то глухо и отрывисто произнёс своим собратьям – к сожалению, мой переводчик не смог разобрать эти слова, потому что было сказано очень тихо, – и кивнул, показывая, чтобы мы следовали за ним.

Я же на несколько секунд оцепенела, только сейчас поняв, что у ларков вертикальные зрачки. Совсем как у диких животных на моей планете. От последней мысли толпа мурашек пробежалась вдоль позвоночника. Кто-то подтолкнул меня в спину, и я вернулась на землю.

На фоне ларков большинство знакомых мне мужчин выглядели небольшими. Швархи бесхвостые! Кого я обманываю? Да даже часть агентов Службы Безопасности Цварга несопоставима с мощными фигурами, мелькающими между деревьев! Пожалуй, только бета-класс да часть алеф-, большую часть дня просиживающие на тренажёрах, чтобы сохранить идеальную физическую форму, могут сравниться с ларками. Или не могут?..

Очередная загорелая спина с внушительными канатами переплетённых мышц и сухожилий, крупными белёсыми шрамами и не менее крупными татуировками мелькнула перед глазами. Капли пота прозрачными бусинами блестели в лучах солнца. Я отвела взгляд, чувствуя, что кровь вновь

приливает к щекам. Даже агенты алеф- и бета-класса на Цварге накидывали на плечи полотенца, да и предпочитали сразу после тренировки принимать душ, надевать штаны и рубашку. А вот так вызывающе-неприлично сверкать голым торсом наши бы мужчины точно не стали. Как-то это... некультурно, что ли.

Причёски у местного населения тоже оказались необычными. И хотя я отдалённо видела нечто подобное на голографиях, вживую захотелось не только рассмотреть, но и потрогать. Толстые жгуты густых волос и косы цвета спелой пшеницы собирались на затылке в высокие конские хвосты или завязывались в узлы, а концы прядей были украшены цветными бусинами, колечками и даже крошечными колокольчиками. При этом частично у лица и шеи волосы были полностью выбриты. Я видела такие причёски у некоторых ларков в Космофлоте, но когда на голограмме изображён мужчина в строгом синем кителе с нестандартной для Федерации причёской, последняя кажется скорее изюминкой, а тут весь облик воспринимается чем-то необычным.

Пока я с любопытством рассматривала сопровождающих, пришло понимание, что в нескольких метрах передо мной идёт тот самый ларк, который наблюдал, как я выкладывала электрошокер на покрывало. Один из тех двоих, которые показались мне близнецами. Под короткими пластинами то и дело мелькали вздувшиеся бицепсы рук, а на рельефной спине завораживающе двигался рисунок местного хищника.

Огромная пасть неизвестного чудовища скалилась, а от движений мужчины казалось, будто картинка ожила и вот-вот на меня набросится.

Я скользнула взглядом ниже и на миг опешила от вопиюще непристойного зрелища: над короткой кожаной юбкой выглядывали чёткие глубокие ямочки, и как-то сразу стало очевидно, что эти мужчины белья не носят. Ларк повернулся, словно почувствовав, что на него смотрят.

Острая боль пронзила мизинец, я споткнулась о корягу. Незнакомец на какой-то сверхъестественной скорости поймал меня и помог вернуть равновесие. Не успела я осознать, что мужские ладони совершенно беспардонно сжимают талию, как ларк мгновенно отпустил. Секунду или две на меня в упор смотрели невероятные серо-зелёные глаза с вертикальными зрачками.

– Будь аккуратнее, а то я решу, что тебя плохо держат ноги, – сказал ларк, улыбнувшись уголком рта, и, не дожидаясь ответа, отвернулся, от чего кончик длинной пшеничной косы стегнул по его ягодице. Он растворился между деревьями, оставив меня молча хватать воздух ртом.

Плохо держат ноги? Меня?! Чистокровную цваргиню? Да по сравнению с людьми у меня лучшая выносливость! Вон, стоит лишь бросить взгляд на плетущихся в конце Таниту и Януша! Да я вообще из-за него споткнулась. Ходят тут... голые практически...

– Проклятые астероиды! – в этот момент восторженно за-

шептала мне на ухо Моник на таноржском, дёрнув за рукав комбинезона. – Если бы я знала, что среди коренных ларков водятся такие... экземпляры, то учила бы этот язык с детства, а не только последние пять лет!

Я раздражённо фыркнула. Тоже мне... Цварги тоже заметно крупнее и сильнее людей, просто они это не выпячивают и не выставляют на всеобщее обозрение, как ларки.

Не желая идти рядом с Моник, я чуть притормозила, нашла Джереми и пристроилась в ногу с палеонтологом. Он тяжело дышал, прикрыв рот, и то и дело промакивал салфеткой испарину на лбу. Да, омолаживаться с помощью медицины – это одно, а заниматься спортом и тренировать дыхательную систему – совершенно другое. Хорошо, что, несмотря на сидячий образ жизни теневиков, в СБЦ абсолютно все агенты обязаны ежеквартально сдавать нормативы по физическим нагрузкам. Разумеется, у алеф- и бета- класса они выше, но тау-, пси- и таурель-специалистам руководство расслабляться не разрешает.

– Ух, и знатно Logan его разозлил, – внезапно тихо сказал Джереми. – То-то Шонхорн такую скорость развил.

– Наверное, не стоило упорствовать со сдачей оружия, – так же тихо ответила я.

Палеонтолог согласно кивнул.

– Ты, кстати, видела, как дёрнулся ларк, когда Logan назвал его вождём? Есть у меня ощущение, что Левандовский ошибся.

Перед глазами тут же встали серо-зелёный взгляд и длинная пшеничная коса.

– Ты думаешь, вождь не Шонхорн? – задумчиво переспросила. – Он же крупнее остальных, татуировки по всему телу. Это похоже на символы отличия. Да и зачем же ему было первым говорить с нами?

– Затем же, зачем в остальных Мирах Федерации первые лица нанимают двойников. – Джереми пожал плечами. – Ларки не такие примитивные, как думают многие. Они нас не знают и здраво оценивают опасность. Опять же, ошибочно считать, что внешний вид у них имеет ключевое значение, как у тех же эльтониек⁴.

Я покивала, делая вид, что неоднократно встречалась с эльтонийками, а на деле просто промотала голографии с Тур-Рина, Зоннена и прочих мультирасовых открытых планет Федерации.

– Слушай, Джереми, а ты не знаешь, почему они так выглядят? Я имею в виду все эти наручи, поножи, юбки...

– А как они, по-твоему, должны быть одеты? – Джереми вопросительно приподнял брови.

– Ну-у-у... я видела ларков в обычных джинсах и кофтах. – Я постаралась описать те голографии, которые возникли в памяти. – К тому же они пользовались коммуникато-

⁴ О том, насколько важную роль играет внешность у эльтониек, можно прочесть в дилогии «Адвокат с Эльтона» и «Прокурор с Эльтона». Внешние данные являются основой социального статуса у этой расы.

рами и компьютерами.

– Во-первых, мы сейчас в Диких Землях. По-твоему, они должны были генератор электричества с собой тащить?

«Ну я-то взяла дополнительный банк памяти...»

Джереми посмотрел в ответ насмешливо, словно прочёл мои мысли:

– У них нет такой зависимости от гаджетов, как у нас. Уверен, в черте цитаделей всё это есть. Во-вторых, кто тебе сказал, что коренные ларки ведут себя на родине так же, как те, что выбрали жизнь на других планетах? Последние, к слову, живут без контакта со стаей, а как следствие, они в кратчайшие сроки ассимилируются и адаптируются к социальным нормам Федерации. В том-то и вся прелесть, что Аппарат Танорга смог договориться с местным вождём, чтобы нам показали настоящий Ларк. А что до одежды, – палеонтолог достал ещё одну влажную салфетку из кармана, – я бы и сам сейчас с удовольствием разделся. Ох, как же здесь жарко!

Я сочувствующе посмотрела на таноржца. Дыхание тяжёлое, щёки и уши уже давно красные от непривычной нагрузки, короткие волосы прилипли к влажному лбу, тонкие пальцы, сжимающие лямки походного ранца, побелели до костяшек.

– Да, жарко.

«А в рубашке и брюках, ко всему, ещё и неудобно... Эх, надо было соглашаться на термокостюм, когда предлагала Дафна, но кто же знал...»

Несмотря на то, что весь день мы шли по лесу в густой тени от кроны деревьев, навязчивый знойный ветер время от времени дул откуда-то сбоку, принося с собой жару. Все таноржцы без исключения воспользовались охлаждающими функциями одежды. Я с лёгкой завистью смотрела, как они меняют настройки на умной ткани, но то ли костюмы были больше разработаны для согревания, чем для отвода тепла, то ли обнажённые торсы местного населения так подействовали, но уже к обеду Моник расстегнула свой комбинезон и выставила на всеобщее обозрение глубокое декольте.

От меня не укрылось, как двое ближайших ларков синхронно переглянулись, шумно втянули в себя воздух, зашевелив ноздрями, а затем и кинули откровенно мужские взгляды на доктора биологических наук. Я в этот момент впервые резко засомневалась, что правильно поступила, согласившись на эту операцию, и даже на всякий случай проверила, все ли пуговицы прочно застёгнуты на рубашке. Мужчины на моей планете никогда не позволяли себе такого вопиющего неуважения к цваргине! Хорошо, что хоть не зашвистели...

На время обеда мы устроили привал на небольшой опушке, наскоро перекусили консервами из «Спейс-Икса», а затем вновь продолжили путь. Когда начало смеркаться, люди хором заныли, что устали. На лице Шонхорна мелькнула гримаса раздражения, но он не стал спорить с таноржцами, а просто кивнул, разрешая гостям остановиться.

За дневной переход я так устала от жары, нитья людей и внимательных взглядов ларков, что молча взяла у Джереми одноместную палатку и принялась её устанавливать. То ли из-за того, что палатки были супертехнологичными и требовалась правильная фиксация колышков, а также натяжение тента, то ли из-за того, что люди в принципе лучше разбирались в изобретениях собственного производства, но я копалась с установкой дольше всех. А когда установила, поняла, что желудок уже давно сводит от потрясающих ароматов жареной пищи.

Ларки принесли тушу крупного неизвестного мне копытного, разделявали её и кромсали на куски. По центру импровизированного лагеря ярко горел костёр, громко треща от подношений в виде веток кустов. Уставшие таноржцы полукругом сидели чуть поодаль, наблюдая за ларками, и тихо общались. Моник привалилась к огромному дереву, откинула голову назад и вяло обмахивалась рукой, при этом её пышная грудь колебалась в вырезе комбинезона в такт ладони. Логан сел рядом со своей девушкой и что-то зашипел ей на ухо. Судя по выражению лица – что-то не очень довольное. Джереми примостился у дерева напротив, согнул ноги в коленях, подпёр голову и с интересом наблюдал за действиями ларков. Януш и Танита просто разлеглись морскими звездами, не обращая внимания ни на кого. Их грудные клетки вздымались так часто, что я даже немного обеспокоилась, а не стало ли им плохо. Но, словно почувствовав мой взгляд,

Януш распахнул глаза, весело помахал мне рукой и крикнул:
– Хей, Лейла, давай к нам! Ларки сейчас приготовят ужин.
Танита прихватила с корабля специй. Даже если они что-то испортят, всё равно должно получиться вкусно. Ну и пастилки на случай отравления я тоже взял!

Обращаясь ко мне, таноржец использовал привычный ему родной язык, вот только краем зрения я уловила, как ларк, разделявающий тушу, дёрнулся. К счастью, топорик пришёлся куда надо.

Хрясь.

Мурашки поползли вдоль позвоночника от звука, с которым воин играючи переломил хребет животине.

– Я... скоро подойду. – Я сглотнула, буквально всей кожей ощущая ярость готовившего еду повара. Как назло, коммуникатор замигал, напоминая, что сегодня я ещё не связывалась с Аароном, а надо бы доложить, что со мной всё в порядке. – Я хочу немного отдохнуть в палатке и подойду чуть позднее, когда всё уже будет готово.

– А, ну как знаешь, – легко отозвался астрофизик, а я перевела дух и тихонько отошла к палатке.

Постояла ещё немного, убедилась, что таноржцы остались сидеть на своих местах, а ларкам и вовсе плевать на какую-то человеческую девушку – те, кто не занимался костром и ужином, рубят лапник, – после чего незаметно удалилась от лагеря в гущу леса.

Глава 8. Сумерки и первая стоянка

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Граница Диких Земель и Сухих Песков

Я оставил гостей и отряд воинов на попечение советника и младшего брата, а сам трусцой двинулся на границу с Сухими Песками, чтобы собственными глазами оценить, насколько всё паршиво. Добраться до нужного места получилось лишь к сумеркам. К величайшему сожалению, Дайнагорн не преувеличил масштабы трагедии, а скорее преуменьшил. Помимо трёх мёртвых ракхаша, у ещё одного исполина кора побледнела, высохла и пустила первые глубокие трещины. Гнилая опухоль захватила дерево.

Было физически больно смотреть на умирающий ракхаша. Это как набить рот стеклом и старательно его пережёвывать, зная, что рано или поздно слюны скопится столько, что придётся сглотнуть.

– Духи Предков! За что? Просто скажите за что вы меня наказываете?!

Пустынный ветер тревожно подул в спину, жарким шершавым языком облизывал кожу и навязчивым шёпотом уговаривал ступить на белый ковёр песка, в эту обманчиво спокойную и мёртвую долину.

Не обращая внимания на ветер, я разрезал ладони, приложил их к бугристой терракотовой коре и попытался воззвать

к Духам Предков. Духи не отозвались. Ни в первый раз, ни во второй, ни в третий... Я сбился со счёта, в который раз они меня игнорировали.

– Проклятье! Как я могу понять, что вы хотите, если вы не отвечаете?!

Отчаяние на миг захлестнуло удушающей позорной петлёй, и я ударил ладонью о ствол ракхаши, размазывая сочащуюся густую багровую жидкость, но вновь ничего не произошло.

Конечно, можно было бы привести доблестных воинов стаи и попытаться достучаться... Но нет никаких гарантий успеха. У соседних кланов – Золотых Львов⁵ и Лавового Дождя⁶ – не получилось и этого, а в случае проведения древнего ритуала все ларки сразу поймут, что ситуация уже давно вышла из-под контроля. Сейчас воины уверены, что в случае беды я могу их защитить... Вождь не имеет права лишать их этой уверенности. Жизнь в страхе – это не жизнь, а её бледное подобие. Я обязан понять, чем мы прогневили Духов Предков, что они покинули нас!

Я запрокинул голову, рассматривая набухшие бутоны ракхаши. Хоть бы в этом году образовалась завязь. Духи Предков, дайте хотя бы эту малость!

⁵ Галактион Грешх-ан, ректор Юнисского филиала Академии Космического Флота, а также его племянники Грегори и Гавриил из книг «Пограничный филиал» и «Хранители Федерации», относятся к клану Золотых Львов.

⁶ Ларчанка, которая задумала соблазнить Даррена Нуаре в «Агент сигма-класса. Больше, чем адъютант», была принцессой клана Лавового Дождя.

Горячий ветер глумливо потеревил дентайер, прозрачно намекая на моё бессилие, а затем и вовсе бросил горсть раскалённого песка в лицо и прошептал: «Время».

Я оглянулся. Сухие Пески – как всегда белые, словно перемолотые кости, молчаливые и опасные – раскинулись от границы Вечного Леса и до горизонта, а там, вдали, краснела узкая полоска солнца над дюнами. Ветер прав. Скоро стемнеет, надо возвращаться. Я встряхнулся, слизал кровь с ладоней и направился в ту сторону, где должны были разбить лагерь люди и воины.

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Дикие Земли

– Проклятые слабые люди! Это ж надо так плестись всю дорогу... Даже наши дети выносливее половины из этих... этих... ладно самки, но самцы!

Возмущённый голос Шонхорна я уловил задолго до того, как увидел его обладателя.

– Не сыпь оскорблениями в адрес наших гостей. Тем более они не глухие, могут всё услышать, – попытался утихомирить советника по внутренним делам клана младший брат.

– Да мне плевать! Вонючий хтэрр на твою голову, Терекх! Ты вообще слышал, что они говорят прямо при нас, не стесняясь?! Вопиющее неуважение! Неужели они считают нас настолько умственно отсталыми? Что мы не поймём

несколько оскорбительных слов на их языке?! Мы тратим на них время наших лучших воинов, кормим их нашей дичью и принимаем в Вечном Лесу, а эти жалкие убогие людишки посмели предположить, что мы их хотим *отравить*! Да я бы вызвал того хилого сопляка на бой, но нет ничего достойного в победе над тем, кто заведомо слабее!

– Вот именно, Шонхорн, успокойся! Люди у нас ненадолго, это другая раса. Вероятно, у них такие слова не являются угрозой или оскорблением.

– А оружие, которое они не хотели сдавать?! Ты видел, сколько всего привёз тот худющий самец со злым взглядом и тошнотворной вонью трусости? Уверен, если бы мы не потребовали сдать оружие, он бы напал исподтишка на Арх-хана или меня, считая вождём...

– Шонхорн, не приписывай людям то, чего они не делали. Предположения – первый шаг ко лжи, – жёстко возразил Терех. – Будь терпимее, ты всё-таки правая рука вождя! И вообще, Арх-хан доверил *мне* заниматься проблемами людей.

– Вот и занимайся! А то толку от тебя как отдохлой скотины...

– Шонхорн Арри-Нараш Талигх! – раненым зверем взревел в ответ брат. – Возьми свои слова обратно, а не то пожалеешь!

Я прибавил ходу, расслышав зарождающуюся ссору между двумя самыми близкими мне воинами – и вовремя. Вот уже три года как они не могут помириться. К тому моменту,

как деревья расступились, эти двое стояли друг против друга, оскалившись, испепеляя взглядами, и явно норовили почесать кулаки о челюсти друг друга. Что радовало – Терехк на этот раз даже не думал хвататься за рукоять дентайера.

– Стоять! – рявкнул на ларков, и те присмирели. Вот как чувствовал, что нельзя их покидать даже на несколько часов... – Какого шварха вы остановились здесь, а не пятью километрами дальше на северо-запад?

Бравые защитники переглянулись, но отвечать не спешили. Понятно, под гнев вожака стаи мало кто хочет попасть.

– Шонхорн, отвечай.

– Мой вождь. – Он вскинул подбородок и прижал кулак к широкой груди. – Люди оказались слишком немощны. Я пытался увести отряд дальше от границы с Сухими Песками, туда, где мы наметили разбить лагерь, но, к сожалению, они начали визжать и плакаться, что устали. Пришлось делать остановку здесь.

– Ясно. – Хмуро кивнул, выслушав объяснения. – Терехк, поручаю тебе пересчитать и перестроить маршрут с учётом физических способностей наших гостей. Очевидно, до лагеря мы будем идти чуть дальше.

– Да, мой вождь.

Он коротко кивнул, сверкнув разноцветным глазами – одним зелёным, как мох на стенах Шарршеорона, вторым – коричневым, как лоснящаяся шкура гнедого жеребца. Зыбкая колкая тишина опустилась в ночи Вечного Леса. Неправиль-

ная тишина, дурно пахнувшая напряжением между членами одной стаи.

– Есть что-то ещё, о чём я должен знать?

Брат упрямо поджал губы и отвернулся, не желая отвечать, а вот Шонхорн неожиданно желчно хохотнул.

– О да, мой вождь. Терекх подходил ко мне с вопросом, может ли он спариться с одной из человеческих самок. Видимо, он рассчитывал, что пока тебя нет, я могу дать разрешение.

Пришлось приложить силы, чтобы загасить в себе изумление и зарождающийся гнев на бунтующего брата. Я прекрасно понимал, почему он так себя ведёт, и всё же...

– Шонхорн, свободен.

Стоило спине советника скрыться из поля зрения, как брат набросился на меня с обвинениями:

– Почему ты не разрешил мне подраться с этим кретинном?!

«Действительно, давно уже пора им дать спустить пар... самому бы было легче», – подумал про себя, но вслух ответил другое:

– Подумай, какое впечатление ты с советником произведёшь на людей, если вы устроите бой на их глазах. Вы их пугаете.

Брат промолчал, вновь недовольно поджав губы. Я продолжил:

– Это правда, что ты хотел овладеть человеческой женщи-

ной?

Я прикрыл глаза, вспоминая пышногрудую блондинку, провокационно расстегнувшую комбинезон на втором часу похода. Сладковатый запах её тела смешался с потом и добивал даже до хвоста отряда. Да уж, у нас на Ларке так ведут себя только те женщины, кто ищет внимания защитников. И если бы не мой запрет, боюсь, выслушивать мне потом от Аппарата Управления Таноргом нелицеприятные высказывания в адрес клана...

– Терекх, послушай, я хорошо знаю масть таноржцев. Пойми, эта женщина искусственная. Слишком большая грудь. Ненатуральная. Кажется, они называют операцию маммопластикой, вшивая себе под кожу мешочки с силиконом. Обман вдвойне, если учесть, что это слово содержит в себе самые известные во всех Мирах звуки «мама», но при этом операция не увеличивает объём молока, которое самка может дать детёнышу. Скорее всего, эта женщина не сможет выкормить потомство. Яркие глаза – это либо линзы, либо новомодная человеческая операция с покраской радужки. Опять же – светлые волосы. Настолько я знаю, планет, на которых рождаются люди, всего две – Танорг и Захран. Если на Танорге люди живут хотя бы сто пятьдесят лет, то захухри из-за радиации редко доживают даже до восьмидесяти. И светлые волосы встречаются только у них. То есть блондинка либо имеет совсем уж плохие гены, либо зачем-то вытравила родной цвет волос.

– А кто сказал, что я хотел предложить защиту блондинке?

Лицо Терекха вытянулось так сильно, что стало очевидно: не врёт.

Я вздохнул.

– Всё равно я запрещаю.

– Но почему?!

«Потому что мне не нужны проблемы с людьми. Проблем с Сухими Песками и исчезновением Духов Предков по горло...»

– Потому что я так сказал.

Ноздри брата затрепетали, на скулах проступили крупные желваки.

– Это из-за моего увечья, да?! Вот где твоя хвалёная честность?!

– Терекх, ты не понимаешь...

– Всё я понимаю! – с горечью перебил Терекх, почти выплюнув эти слова. – Тебя любит клан, любят ларчанки, даже Шонхорн со своим отвратительным характером и твердолобостью почти что боготворит. О Духах Предков я и во все молчу! Меня они игнорируют уже давно, но ты – нет! – ты особенный! Самый сильный, самый мудрый, самый лучший в истории вождь клана... Ты всегда знаешь, как надо правильно поступить! Шварх! Если бы я знал тогда, чем всё обернётся, то ни за что бы тогда не дал своего согласия!

Непонимание, граничащее с отчаянием, ярость на то, что

он не в силах изменить прошлое, и неподдельное сожаление плескались на дне глаз бравого воина. Он видел во мне идеал, а я... не был им даже наполовину. Боль кромсала меня изнутри, когда я выдавил сквозь силу:

– Ты ошибаешься, брат. Я попал в немилость Духов Предков и в данный момент стою на распутье.

Однако Терекх не поверил моему признанию, лишь фыркнул, молча развернулся и ушёл в сторону, где обустроивались воины на ночь. Длинная светлая коса брата тускло блеснула в свете звёзд. Я запрокинул голову и устало потёр лицо. Общение с Шонхорном и Терекхом забрало последние силы.

На сегодня с меня хватит. Уже давно ночь. Воины должны были оставить для меня мясо. Есть – и спать.

Подходя к костру, я почувствовал запах человеческой деушки – той самой, которая изначально не была заявлена в списке туристов от Танорга и чуть не подвернула ногу, как только мы вошли в лес. Почему она не спит среди ночи?..

Лейла Виланта. Планета Ларк. Дикие Земли

– Ты смогла найти компьютер вожака стаи? – наверное, в третий раз уточнил Аарон.

– Нет, я же тебе уже говорила... – терпеливо повторила, хотя терпение потихоньку заканчивалось.

Обед был давно, да и консервы оказались так себе, страшно хотелось есть, а ещё за день я зверски устала, но вместо сытного ужина со всеми по инструкции Дафны отошла как

можно дальше от лагеря, чтобы найти безопасное место для связи.

– Таноржцы настояли, чтобы им показали лес и местность, где не тронута флора и фауна. Я надеюсь, что ближе к концу нас всё-таки разместят в городе...

– Судя по геолокационному сигналу, предполагаю, что это будет цитадель Шарршеорон. И всё-таки мне совершенно это не нравится.

«Нравится, не нравится... Какая разница?..»

– Аарон, я очень устала и не хочу спорить. Уже темнеет, я должна вернуться в лагерь.

– Ты точно-точно не хочешь покинуть Ларк? Я всё ещё могу это устроить. Мы сразу же подадим заявление в Аппарат Управления Цваргом, Мёрфи даже не сможет тебя упрекнуть. Формально ты уже будешь моей женой.

Аарон завёл одну и ту же раздражающую песнь в сотый раз, а я почувствовала, как в глубине зреет густая, как смола, чёрная бессильная ярость. Какого шварха он не оставляет меня в покое?!

– Я не хочу за тебя замуж.

– Лейла, это даже не обсуждается. Я уже всё уладил с твоей матерью, это лишь вопрос времени. Мне жаль, что ты в таком негативном свете воспринимаешь своё будущее.

Я скрипнула зубами от глухой досады.

– С чего ты взял, что я выберу тебя, а не, скажем, Фабрикса? – Вопрос вырвался сам собой. Не то чтобы я планирова-

ла злить Лоуталье, просто так получилось.

Глаза цварга тут же сощурились, ноздри расширились, а скулы потемнели. Голограмма не передавала цвет, она была соткана сплошь из голубых оттенков, но я понимала, что предложение, очевидно, взбесило Аарона до такой степени, что он покраснел.

– Ты сейчас сравниваешь меня с этим неудачником Робером? *Меня?!*

«*Неудачником?*»

Уж кем-кем, а неудачником я Фабриса точно не назвала бы. Не то чтобы меня это касалось или я преследовала определённую цель позлить мужчину, возомнившего себя моим будущим супругом, но...

– У меня с Фабрисом тоже очень высокий процент совместимости. Он приятный мужчина, воспитанный и галантный. Я рассматриваю его кандидатуру, почему бы и нет? – холодно отрезала я. – Между прочим, он тоже понимает, в каком отделе и кем я работаю, и наверняка разрешит после свадьбы остаться в Службе Безопасности Цварга.

Хорошо, что мы общались через цифровые технологии и собеседник не мог считать мои бета-колебания, а следовательно, почувствовать ложь. Меня не интересовали ни Фабрис, ни сам Аарон, просто последнего очень сильно захотелось щёлкнуть по носу.

– Дела внутри отделов СБЦ обычно не выносятся наружу, но *ты*, – он выделил местоимение голосом, – как агент та-

урель-класса уж могла бы и сообразить, что просто так из алеф в эмиссары не уходят. Алеф – лучшие в своём роде, всегда такими были и будут! Робер жалок, он с треском провалил задание, раскрыл инкогнито. Руководству просто ничего не оставалось, как перевести его из агентов в эмиссары. Теперь он – замшелый полицейский на побегушках у Аппарата Управления, а я – лучший из лучших. Лейла, ты сильная и умная девушка, талантливый аналитик, даже и не думай о том, чтобы связать жизнь с этим ничтожеством! Да тебя все коллеги на смех поднимут!

Аарон выпалил всю эту тираду на такой скорости, что я просто не нашлась, что ответить. Видимо, собеседник воспринял молчание как согласие, потому что спустя несколько секунд напряжение с лица Лоуталье пропало, он расправил плечи и произнёс:

– Ладно, я уверен, что ты всё это сказала из-за стресса, как-никак первое в жизни путешествие за пределы Цварга, и сразу в какую-то нецивилизованную глушь. Я думаю, ты всё тщательно обдумаешь и не захочешь расстраивать мамушку. Если что-то понадобится на Ларке или тебя потребуется срочно эвакуировать, постарайся выбраться на открытое пространство, тогда мне станет легче запеленговать сигнал, да и будет куда сесть истребителю. Имей в виду, я летаю на средней орбите, и мне понадобится до четверти часа, чтобы приземлиться. И постарайся не углубляться в лес, местные деревья излучают помехи. Я могу тебя потерять.

Прежде чем я успела попрощаться, Аарон завершил связь. «Постарайся не углубляться в лес». Замечательная рекомендация! Как-то я думала, что толку от агента алеф-класса в качестве страхующего будет больше... Как он себе это представляет? А если ларки поведут отряд вглубь, что мне делать?

Сумерки окончательно сгустились, и, если бы не врожденная адаптация зрения к темноте, присущая всем цваргам, пришлось бы включать фонарик на коммуникаторе. Голодная и физически вымотанная, я всё же приложила все усилия, чтобы максимально незаметно вернуться в лагерь. Видимо, разговор с Аароном занял больше времени, чем показалось на первый взгляд, потому что к моменту моего появления у костра на огромном блюде, куда выкладывали жареные куски мяса, лупоглазила лишь одинокая серо-голубая муха.

Я с тоской посмотрела на застывшие капли жира на посудине, на насекомое, потирающее лапки и, в отличие от меня, всё же нашедшее для себя пропитание, и пробормотала: «Говорят, на ночь есть вредно».

Таноржцы, впрочем, как и ларки, частично уже завалились спать, а те, кто ещё бодрствовал, готовились ко сну. Из палатки Джереми и Януша доносился слаженный храп, Танита молча сидела у дерева и играла в тетрис на коммуникаторе. «Только зря тратит батарейку устройства», – мысленно отметил внутренний аналитик-педант. Логана и Моник

не было видно, но судя по шебуршению и грозным шепоткам из их палатки, они тоже собирались спать. Воины укладывались в отдалении на свежесрубленный лапник прямо в коротких кожаных юбках и с обнажёнными торсами.

Я невольно поёжилась, думая о том, как мужчинам должно быть неудобно, и нырнула под тент. Лежать на земле оказалось непривычно жёстко и зверски неудобно. Синтетическая ткань спального мешка кололась даже через одежду, а желудок сводило голодными спазмами, но, в конце концов, я приказала телу расслабиться – одна из небольших практик, которой учили таурель-агентов наряду с остальными специалистами...

Проснулась как от толчка. Тело покалывало, правую руку страшно щипало. Я скосила взгляд и обнаружила, что во время сна выбралась из мешка и половиной тела скатилась с коврика.

– Вот же зараза, – простонала, морщась от неприятных ощущений в руке.

Облачко пара сорвалось с губ и растаяло в прохладном воздухе, а я принялась растирать окоченевшую конечность.

«Днём жара, ночью холодно, прямо как в пустыне...».

Частично действия помогли, частично не очень, потому что неожиданно проснулся желудок и издал громкую трель, напоминая, что нерадивая хозяйка забыла его покормить. Сдавленно шипя и проклиная всё на свете, я нашла в рюкзаке самую тёплую кофту, кое-как натянула её и выбралась

из палатки.

От костра остались тлеющие черно-оранжевые угли с редкими алыми вкраплениями. Я обшарила взглядом пространство вокруг, подтолкнула поваленный ствол осины, который, судя по потемневшей и поросшей сфагнумом коре, лежал здесь ещё до нашей остановки. Пытаясь пристроиться на неудобном бревне так, чтобы сидеть поближе к углям, но при этом не свалиться в костёр, я задела ботинком что-то твёрдое.

Звяк.

Оказывается, кто-то оставил миску с остатками сырого мяса.

«Странно, что ларки приготовили лишь часть дичи... Хотя, впрочем, мне же лучше. Неужели я не справлюсь сделать ужин для себя?»

Приободрённая находкой, я выцепила самый крупный кусок и аккуратно вытянула его над красно-рыжими угольками, придерживая большим и указательным пальцем. Несколько капель сорвалось с мяса – и угли зашипели. Упругая влажная волна тепла тут же ударила в ладонь.

«Интересно, сколько времени так надо держать его? Пары минут хватит?»

– Оригинальный способ готовки еды.

Низкий мужской голос прорезал тишину и заставил вздрогнуть. Крупные загорелые мускулистые бёдра нарисовались в каких-то десятках сантиметров от моего лица, и

рука непроизвольно коснулась алой головёшки, я сдавленно вскрикнула и выронила кусок мяса в золу. Инстинктивно потянула палец в рот, запрокинула голову и... замерла, встретившись взглядом со златогривым ларком. Тем самым, что не дал мне упасть и разбить нос.

Огромный широкоплечий ларк с возмутительно голым торсом стоял так близко, что нельзя было не почувствовать его собственное тепло, которое ощущалось совершенно иначе, чем тепло от огня. Жарче, что ли?

Палец, зараза, болел. Перекатить подушечку языком во рту и прижать к нёбу, чтобы щипало меньше – сработало на уровне рефлексов.

Острый кадык мужчины дёрнулся. Вертикальные зрачки часто-часто запульсировали. Наглый серо-зелёный взгляд с жадностью впился в мои губы, а затем скользнул ниже... Широкие ноздри, рваный выдох.

Во рту пересохло, сердце затрепыхалось пойманной в силки птицей, а краска стремительно залила лицо. Мне хотелось проклясть себя за двусмысленность действия... Шварх! А если он это примет за приглашение?..

Очень медленно я вынула обожжённый палец изо рта.

– Я... тут... еду готовила.

Звуки собственного голоса оцарапали горло.

– Я заметил, – произнёс мужчина и наконец-то разорвал зрительный контакт. Стоило мне только тихонько выдохнуть, как ларк оседлал бревно, широко разведя крепкие бед-

ра, при этом его коленка коснулась моей. – Ты обожглась? Дай посмотрю.

Прозвучало коротко и отрывисто, как приказ на военном истребителе.

– Нет! – вырвалось у меня, стоило ларку пошевелиться.

– Лейла, ты отказываешься дать осмотреть травму?

Я повторно выругалась про себя. Ответ прозвучал резко, а внезапный ночной гость нахмурился. Однако прежде, чем он спросил ещё что-то, я отодвинулась, насколько позволяла длина бревна – сантиметров на десять. Дурацкое мужское колено жгло через ткань брюк похлеще, чем угли.

Молчание затягивалось. Я кожей ощущала, как ларк внимательно меня рассматривает, а я же сама, не смея повернуться к нему лицом, уставилась на догорающие угли и нервно вцепилась пальцами в край вязаного свитера. Истинно мужская аура ларка почти осязаемо давила. Так неуютно я себя не чувствовала даже тогда, когда Аарон прижал меня корпусом к дверце флаера.

«Вселенная, ну почему они такие?!»

Какие именно «такие», не получилось сформулировать даже мысленно.

– Нет, я имела в виду, что у меня всё в порядке... нет никакой травмы, – прочистив горло, сообщила и, чтобы как-то разрядить атмосферу, добавила: – Откуда ты знаешь моё имя?

– Услышал.

«От кого? Кто из людей ему сказал? Почему сам не спросил, как меня зовут?»

Я настолько удивилась, что вновь посмотрела на ларка. Он усмехнулся, явно понимая и наслаждаясь тем, как на меня действует. Обнажённый, самоуверенный, расправивший сильные плечи, с каменным рельефным прессом, в неподобающей близости на шварховом бревне, да ещё и среди ночи, когда вокруг все спят. Раздражение от этой кривой усмешки вмиг затопило с головой. Захотелось осадить... и проверить догадку.

– Почему вместо тебя место предводителя отряда занимает другой воин?

Лицо ларка мгновенно изменило выражение, в оливковых глазах с вертикальными зрачками полыхнул огонь.

– Кто тебе это сказал? Кто из моих людей проговорился, что вождь – это я?

Осознавая, что, скорее всего, сморозила глупость, я коротко выдохнула:

– Догадалась.

Внутри всё застыло в ожидании вспышки гнева мужчины, но её не последовало. Вместо этого ларк приподнял густые светлые брови:

– Ого! Приятно удивлён твоей наблюдательностью. Что ж, тогда я Арх-хан. – И потянулся к углям.

Я с лёгким интересом наблюдала, как он достал упавший кусок мяса, накидал веток в остатки углей, раздул огонь. На

Цварге мне не доводилось разводить костры.

– Я думал, люди время от времени ходят в походы, – словно прочитав мои мысли, сказал ларк. – Твои друзья, по крайней мере, знали, что мясо следует проткнуть веткой, чтобы не обжечься.

«Не врать», – всплыло в голове одно из наставлений Дафны.

– Я ни разу не готовила на огне.

Арх-хан неожиданно весело фыркнул, будто я сказала «я не знаю, как правильно надеть свитер» или «я ни разу не водила флаер». Черты его лица удивительным образом преобразились – стали мягче, на подбородке появилась очаровательная ямочка. Я моргнула – и всё прошло. Ларк дождался, пока оранжевое пламя поглотит подношение, и принялся нанизывать сырое мясо на длинную, зачищенную, как копьё, ветку, а затем хитрым образом приспособил её над огнём на двух рогатинах. Стоило Арх-хану разделаться с остатками дичи, как ноздри игриво защекотал ароматный запах готовящейся еды.

– Хм-м-м, а ты, кстати, разве не ужинала? – он спросил это само собой, так, как спрашивают на Цварге матери, а поужинали ли их дети.

Я настолько задумалась, что внезапный вопрос застал врасплох. Ответить «нет» означало вызвать у ларка резонный вопрос, что же я делала в это время. Ответить «да» – прямо соврать. Немного поколебавшись, сказала:

– Я проснулась, потому что замёрзла, а когда пришла к костру, нашла ту миску и решила заодно и перекусить.

– Замёрзла? – удивился Арх-хан весьма искренне. – Хочешь, я тебя согрею?

– Согреешь?

В первую секунду я подумала, что ослышалась или переводчик распознал слова неверно, но глядя в спокойное лицо ночного собеседника, констатировала: он действительно озвучил это вопиюще неприличное предложение вслух и сказал именно то, что имел в виду.

Я вновь посмотрела на практически обнажённое тело ларка. Золотистая кожа, твердая выпуклая грудь, медленно поднимающаяся от каждого вдоха и опускающаяся при выдохе, узкая талия с чётко очерченными косыми мышцами живота, массивные плечи и спина, образующие идеальный перевёрнутый треугольник, и эти письма, которые наверняка что-то значат... Даже в расслабленном состоянии тело ларка буквально излучало невероятную, почти животную энергию. Взгляд сам собою опустился ниже по светлой дорожке волос, уходящих за край кожаной юбки, и, как назло, вспомнилось, что под этой необычной для мужчины деталью гардероба у него ничего нет. Сердце сжалось и зачастило вдвое быстрее от одной только мысли, *как* этот мужчина может согреть. Жар вновь ударил в лицо.

«Да что ж сегодня с тобой такое, Лейла?! Я не узнаю тебя! Где собранный аналитик? Где холодная, цивилизован-

ная и умеющая принимать взвешенные решения цваргиня?»

– Ну да, – невозмутимо ответил мужчина. – Одеяло при-
несу или могу обнять.

– Не-е-т, спасибо. У меня есть спальник.

Собственный голос прозвучал до отвращения пискляво и неуверенно. Арх-хан заинтересованно наклонил голову сперва к одному плечу, затем к другому, рассматривая меня. Несколько цветных, вплетённых в волосы бусин еле слышно звякнули.

– Я тебя не понимаю. Ты говоришь, что замерзла. Это те-
ло тебя привлекает, но ты не хочешь моих прикосновений.
Люди всегда такие противоречивые, Лейла? Или дело в том,
что я ларк? – уточнил он, передавая мне прутик с мясом.

Я проследила за тем, чтобы взять прутик и ни в коем слу-
чае не коснуться пальцев мужчины. Но оказалось внутрен-
нее напряжение, потому что я выронила эту треклятую вет-
ку. Невероятно ловким движением Арх-хан поймал прутик и
вновь вручил его, всё-таки дотронувшись до меня горячи-
ми подушечками пальцев. Цваргиня внутри мысленно взвы-
ла: «Вообще-то, чтобы прикоснуться, надо спросить разре-
шения...».

– Так дело в моей расе? Я тебе настолько неприятен? –
он повторил свой вопрос настолько будничным тоном, что я
растерялась. – Зачем ты тогда прилетела на Ларк?

«Если бы я сама знала ответ на этот вопрос...»

– Нет, э-э-м-м-м... – Я отвесила себе мысленный пинок и

собралась с духом.

– Нет, ты мне не неприятен, и я ничего не имею против ларков. Просто у меня есть молодой человек... Мы состоим в некотором роде в отношениях.

«Только думаю я сейчас почему-то не о нём...»

– В некотором роде?

Арх-хан явно забавлялся моей на него реакцией, а я вдруг по-настоящему разозлилась. Да какого шварха, всё он прекрасно понимает! Ларки в разы умнее, чем кажутся на первый взгляд.

– Мы поженимся и будем принадлежать друг другу, – чётко произнесла я и вгрызлась зубами в жареное мясо. Плевать, как это выглядит со стороны. Я голодная.

– Приятного аппетита.

Я почувствовала, как щёки краснеют. Ну и кто тут из нас двоих ещё дикарь?..

– Ф-пасибо, – пробормотала, проглотив кусок. – Очень вкусно. И тебе тоже приятного аппетита.

Неполную минуту стояла тишина. Ларк ничего не говорил, и я уже было расслабилась... как оказалось, зря.

– Твой мужчина глуп, раз легко отпустил тебя на чужую планету. Но, видимо, он действительно хороший воин, раз ты не хочешь допускать до своего тела никого другого.

«Так легко... Ну-ну, скорее, я не спрашивала его разрешения, а просто поставила его перед фактом. Будь его воля, он бы запер меня в своём доме и не выпускал до конца жизни.»

– Да, он отличный воин, – согласилась, тщательно прожёвывая очередной кусок. Вновь откусила и чуть не поперхнулась.

– Но несмотря на защиту жениха, ты прилетела на Ларк, да ещё и до смерти напугана.

Мне резко не понравилось то, какой оборот приобрёл разговор. Он подозревает во мне цваргиню? Проглатывая вставшую комом еду, я уточнила:

– Почему ты так решил?

– Ну, ты же привезла с собой эти смешные пластиковые палочки.

Во взгляде ларка плясали искры. Я была готова поклясться, что он прекрасно знал, что такое электрошокер и как им пользоваться, однако почему-то подначивал.

«Значит, не подозревает, просто вспомнил нашу посадку...»

– У тебя тоже есть нож. – Кивнула в сторону примотанного к внушительной икре клинка в ножнах. – Я же не говорю, что ты пугливый или чего-то боишься.

– Это не нож. – Намёк на веселье в голосе, которое звучало ещё буквально несколько секунд назад, исчез. – Это дентайр.

– Дентайр?

Я переспросила, показывая, что не понимаю, в чём разница. Арх-хан шумно и как-то устало выдохнул, отложил самодельный шампур, ловко вытащил оружие и приблизил к моему лицу.

– Я сделал его сам.

Я замерла, с изумлением рассматривая клинок, подобного которому ещё не видела.

Белый, как кость, острый с одной стороны и со множеством коротких зубьев, словно у расчёски, – с другой. В голову пришёл образ-вспышка, как это оружие с лёгкостью вонзается в плоть и проворачивается. После такого ранения, скорее всего, даже цварг с хвалёной регенерацией не выживет... Убийственно страшная вещь.

«Случаев, когда был нанесён физический вред женщине, до сих пор не было зарегистрировано», – всплыли в голове слова Мёрфи, и почему-то вдруг до покалывания в подушечках пальцев захотелось ткнуть в него вот этим вот дентайром.

– Почему вы отобрали наше оружие при приземлении? – сглотнув слюну, уточнила я, надеясь, что в моём голосе не будет открыто читаться нервозность.

– Потому что оружие не должно быть в руках слабых.

«А в сильных, значит, нормально...»

Озноб пробежался по коже.

– Ты снова мёрзнешь, – недовольно заметил Арх-хан, убирая клинок обратно в ножны.

Я молча кивнула и засобиравалась. После того как рассмотрела оружие ларка, общаться больше не хотелось.

Повторно укладываясь в спальном мешке и тщательно следя за тем, чтобы не соскользнуть с коврика на этот раз, я заметила внушительный силуэт на стенке палатки.

– Лейла, ты ещё не спишь?

– Нет, – тихо ответила, зная, что ларк меня точно услышит.

– Ты говорила, что замёрзла.

И прежде чем я успела возмущённо возразить, что мне не нужна его помощь, чтобы согреться, перевитая венами мужская рука протиснулась сквозь края палатки, сжимая коричневую в серых пятнах шкуру с густым подшёрстком.

– Я не понимаю, почему ты отказалась от одеяла. Это нелогично. Держи, тебе так будет теплее. Девушки не должны мёрзнуть, к какой бы расе они ни относились, – коротко пояснил ларк и, не дожидаясь, пока я отомру, аккуратно положил шкуру на пол палатки, а затем растворился в ночи.

Я смотрела на покрывало, чувствуя, как со дна души поднимается волна замешательства. Арх-хан накормил, поделился одеялом, вёл себя подчёркнуто вежливо. Это шло вразрез с тем, что говорили о ларках на Цварге. Ерунда какая-то!

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Дикие Земли
«Странная, испуганная, противоречивая, но забавная в своей беспомощности человеческая девушка, – подумал я, отходя от палатки. – Надо будет сказать воинами, чтобы следили за людьми получше, они же ничего не могут. Не дай Духи Предков хтэрры приползут к границе Вечного Леса,

или таноржцы сами ступят на Сухие Пески. Ведь пропадут же...».

Глава 9. Традиции Ларка

Лейла Виланта. Планета Ларк. Дикие Земли

Утро встретило диковинной трелью птиц и ароматным запахом сваренной в чугунном горшке каши. Мне было безумно удивительно всё: и рассыпчатая крупа, – на родине её давно заменили на пюреобразную пищу в мягких вакуумных упаковках, – и необычная для Цварга тяжёлая посуда – не фарфор, хрусталь или тонкая перерабатываемая пластмасса, а плотная глина, увесистая керамика, железо и сталь. Видимо, я настолько оторопела при виде этой каши, что Танита тряхнула гривой тёмных и кудрявых, как у барашка, волос и весело рассмеялась.

– Да, сразу видно, что ты никогда не ходила в походы на Танорге, – произнесла она.

Я постаралась скрыть смущение. Замечание девушки живо напомнило о ночном мини-приключении и знакомстве с вождём. В цваргском языке даже слова-то такого не было.

– Ты, наверное, из потомственных программистов и математиков, да? – продолжила расспросы таноржка.

– Дед был программистом, – ответила я, аккуратно подбирая слова.

С людьми всё же было общаться в разы проще, чем с ларками: они явно не улавливали вранье на слух или запах. Но,

памятуя, что любую ложь потом придётся долго вспоминать, я старалась отвечать максимально правдиво.

– А, тогда понятно. – Танита завистливо и немного наивно вздохнула. – Если у тебя семья изобретателей, то ты наверняка по несколько раз в год отдыхаешь и на Зоннене, и на Тур-Рине, и на Миттарии... Я вот только недавно в лаборанты при Университете Научных Открытий смогла устроиться, там и познакомилась с Моник и всеми остальными. До этого развлекалась походами, ну и раз в год летала по стандартной путёвке на Мореон. Там, конечно, тоже хорошо, но с Зонне-ном или Миттарией не сравнить...

Я не стала разочаровывать девушку, что никогда в жизни не была ни на одной из этих планет. Да, действительно, денег у моей семьи и у меня лично предостаточно, но вот разрешение покинуть Цварг я, скорее всего, уже больше не получу. Если только будущий супруг будет не против... Мысли о предстоящем вынужденном замужестве омрачили настроение, и я потрясла головой, прогоняя ненужные эмоции.

– Зато сейчас мы на Ларке, и вряд ли когда-либо нам улыбнётся удача побывать в таких удивительных местах, – примирительно произнесла я.

– Это точно, – подтвердила Танита.

После утреннего завтрака все – и люди, и ларки – быстро собрались и поднялись в путь дальше. Я несколько раз встречалась со взглядом с Арх-хана и всякий раз чувствовала себя немного неловко. Шонхорн всё ещё шёл первым, и я так и не

поняла, могу ли рассказать таноржцам, что главный в отряде – совсем другой ларк. А может, это и вовсе проверка?

На очередном переходе я нехотя воспользовалась встроенной доработкой СБЦ коммуникатора: включила детектор электромагнитных волн и плавно переместилась с конца отряда ближе к началу. К моему внутреннему облегчению, детектор не обнаружил никаких устройств, кроме гаджетов людей. Нет ноутбука вождя – значит, моя миссия на этом пока что приостанавливается. Экран наручного браслета мигнул, фиксируя помеху от ближайшего толстеного дерева с чёрно-коричневой корой. Я нахмурилась и еле успела выключить коммуникатор, когда меня окрикнула всё та же Танита.

– Ох, Лейла, я поражаюсь, как ты можешь так бодро топтать третий час подряд. У меня, конечно, всё ещё побаливает нога, но вон даже наши ребята уже сбились с шага.

Я оглянулась: и правда, вся группа людей как-то растянулась и смешалась с ларками. Януш и Джереми брели, прикрыв веки, где-то в центре колонны. Логан, наоборот, шёл спереди и сверлил недобрый взглядом спину Шонхорна. Моник же следовала практически последней. Она сделала вид, что у неё развязался шнурок, присела на корточки и прямо на моих глазах соскоблила немного коры с какой-то коряги в пластиковую колбу. Я перевела взгляд на ларков, которые, разумеется, всё заметили, но с каменными лицами терпели действия доктора биологических наук. Мне почему-то стало стыдно за действия таноржки... Могла бы ведь вежливо

спросить, наверняка бы ей разрешили...

«*Будто ты сама лучше, они хотя бы просто изучают, а ты хочешь украсть информацию у ларков...*» – укорил внутренний голос.

– Ух, Лейла, как ты так быстро идёшь?

Танита даже не пыталась говорить тихо. Скорее, наоборот, из-за сбившегося дыхания она произносила слова отрывисто, но достаточно чётко и громко.

– Я просто задумалась и не замечаю дороги, – ответила я почти искренне. Где-то вдалеке мелькнули знакомая татуировка с огромным хищником на спине и длинная золотая коса с цветными бусами, чей кончик приходился аккурат по линии ягодич. Я готова была поклясться, что даже на таком расстоянии вождь всё прекрасно расслышал, а потому добавила: – А ещё я привыкла три раза в неделю ходить в спортзал и два раза в бассейн. Возможно, у меня просто физическая подготовка чуть лучше твоей.

Танита кивнула в ответ, слабо улыбнулась и остановилась, чтобы перевести дыхание.

– Тебе помочь?

Ещё один златогривый ларк образовался рядом с нами, и, что самое удивительное, я к середине второго дня пути уже стала различать их между собой. Если на поляне нас встретили безликие воины в одинаковых кожаных юбках и наручах, с идентичными прическами и с одинаково каменным выражением лица, то сейчас, всматриваясь в мужчин, я обрати-

ла внимание, что все они разные. Да, мускулистые, высокие, смуглые, с широкой нижней челюстью, но на этом всё. Та-туировки разные, походки отличаются, оттенки волос тоже – кто-то более жемчужно-пепельный, а кто-то почти рыжий. Длина волос и черты лица – всё снова разное.

Подошедший воин внешне был очень похож на Арх-хана, вот только среди всех остальных его выделял глубокий белё-сый шрам через левую бровь и гетерохромия.

– Я могу помочь донести вещи до лагеря, если ты устала, – повторил мужчина, обращаясь к Таните. – И... если тебя не оскорбит моё предложение.

– Ой, спасибо огромное! Да-да, конечно. А почему я должна оскорбиться?

Танита улыбнулась так ослепительно и так искренне, что, пожалуй, будь я мужчиной, за такую улыбку согласилась бы нести её вещи.

– Не должна. – Ларк качнул головой. – Но я слышал, что у людей женщины обижаются, если за них что-то делают. Уточнил на всякий случай.

Ларк играючи закинул её рюкзак себе на плечо и выразительно поднял брови, молчаливо спрашивая: «А тебе помочь?».

Я растерялась... Вроде бы простое предложение, но настолько странно было видеть проявление галантности от того, кого на Цварге называли дикарём, что это запутало и смутило.

– Меня зовут Терекх, – представился ларк, ни к кому не обращаясь конкретно, и уже персонально Таните: – А твои вещи будут в лагере, как только мы придём.

– Правда, он красавчик? – восторженно прошептала таноржка, стоило мужчине отойти.

– Они все физически очень развитые, – подтвердила я очевидное. – У Терекха интересное лицо и особенность.

– Ты о чём? – круглолицая брюнетка нахмурила носик и бросила взгляд в широкую спину удалившегося ларка.

Вроде бы он шагал метрах в сорока, а то и пятидесяти, но широкая спина со странными чёрно-коричневыми рисунками закаменела, чётко проступили мышцы вдоль позвоночника, и я поймала себя на том, что мужчина похож на дикую пантеру или даже льва на охоте, вот-вот готового броситься. Только нервно бьющего по земле хвоста не хватает. Стараясь подобрать максимально мягкие слова и пожевав губу, я всё же ответила:

– Различная пигментация радужки глаз – весьма редкое явление. Среди моих знакомых нет... людей с такой особенностью.

– А, так ты о том, что у него один глаз карий? – наконец поняла Танита, высказав всё вслух и «в лоб».

Я прикусила щеку изнутри, изо всех сил мысленно желая докричаться до лаборантки, что люди слишком невнимательны и прямолинейны. Для меня как для цваргини было естественно следить за мельчайшими движениями себе-

седника, мимикой и языком жестов. Как-никак наши мужчины обладали способностью к считыванию эмоций прямо из воздуха, и всю жизнь приходилось им соответствовать. Порой, чтобы пройти по границе приличий на Цварге, следовало вовремя отвести взгляд или плотным коконом укрыть собственные эмоции, чтобы «не мешать» мужчинам.

Очевидно, Танита не заметила ни того, что Терекх большую часть дня держался поодаль от всего отряда, ни того, что, когда он подходил ближе, его собратья резко замолкали и бросали на него колючие взгляды.

– Так это не гетерохромия, – тем временем продолжила лаборантка. – Ты разве не обратила внимание на оттенок карего? Это же стандартный «шоколадный» нашего производства. Такие глаза ставят и андроидам, и используют в медицине. Очевидно, он потерял в битве левый глаз, да и шрам через бровь и частичное веко на это указывают. Хороший у него был док, очень грамотно всё сделал, если бы не разница в цвете и сам шрам, я бы не догадалась.

Я потрясённо посмотрела на собеседницу, а затем вновь перевела взгляд вперёд. Спина Терекха исчезла из поля зрения, а я почувствовала себя так, будто залезла грязным гвоздём в чужую рану и старательно там поковырялась.

– А почему Логан идёт не с Моник? – спросила я, чтобы как-то перевести тему.

– А ты разве не слышала, как они вчера ссорились? – отозвалась Танита. – Эх, чувствую, придётся снова в палатке

тесниться...

Тесниться не пришлось. Даже палатки больше не понадобились. Ближе к обеду, когда стопы начали гудеть от непривычной нагрузки, а усталость медленно растекаться по венам, деревья внезапно расступились, а в центре небольшой опушки показались настоящие тканевые шатры. По меркам Федерации Объединённых Миров такие огромные отрезки натуральных тканей стоили целое состояние, синтетика была бы куда дешевле. Я изумлённо рассматривала огромные шатры и случайно столкнулась с насмешливым серо-зелёным взглядом недавнего знакомого.

Арх-хан вопросительно приподнял брови, а я замерла, накрытая внезапным осознанием, что ларки всё подготовили заранее. Они просто не рассчитывали, что таноржцы будут плестись так медленно и не дойдут до нужного места за день, а их ночёвка на лапнике – вынужденная мера. На самом деле они не чужды комфорту и вовсе не настолько дикие... быть может, даже вождь отдал своё единственное покрывало, чтобы я не мёрзла. И самое главное: они нас терпят. Ту же Моник, которая якобы незаметно собирает образцы почвы, терпят, Джереми, доставшего на середине пути диктофон и делающего устные заметки, Януша, громко предположившего, что нас могут отравить, очень громкую Таниту... Была бы их воля, отправили бы обратно на Танорг, но, видимо, торговые отношения важнее.

– Как же я мечтаю помыться, – со вздохом произнесла Мо-

ник, наконец подходя к нам с Танитой и убирая со влажного от пота лба прилипшую прядь волос.

После ковыряния в земле её ногти заметно почернели, а покрасневшие щеки указывали на перегрев, с которым не мог справиться технологичный костюм. Я подозревала, что выгляжу не сильно лучше.

– Я могу вас отвести к источнику, если вы сами не в состоянии найти воду.

Низкий, почти рычащий голос с раскатистыми лающими звуками заставил вздрогнуть. Мужчина стоял неподалёку, скрестив руки на груди и не скрывая презрения. Полные губы кривились, а тёмно-болотные глаза сверлили нас таким взглядом, что стало не по себе. Даже общительная Танита замолчала и бросила вопросительный взгляд на меня.

– Это было бы так замечательно! – ответила Моник, не почуяв агрессивного настроения Шонхорна.

«Ну почему люди такие беспечные?.. – с мысленным стоном подумала я. – Как они вообще не вымерли?!»

У меня по всему телу мурашки от того, как смотрел конкретно этот ларк.

– Нет-нет. – Я дёрнула таноржку за рукав и потянула на себя. – Мне кажется, что мы не можем настаивать на том, чтобы сам вождь клана уделял нам столько времени. Выделите, пожалуйста, нам в сопровождающие кого-то другого.

По тому, как сузились и без того вертикальные зрачки ларка, я поняла, что поступила правильно.

– И кого же вы *хотите*? – сверкнув глазами, спросил Шонхорн.

У меня сложилось чёткое ощущение, что диалог приобрел второй смысл. Пока я соображала, что можно ответить на этот вопрос, Танита вдруг радостно вскрикнула:

– О, мой рюкзак! Как же кстати! А можно вот он и покажет нам дорогу до вашего источника? – И она указала на Терекха.

Шонхорн проследил взглядом, куда указывает лаборантка, и поменялся в лице. Глаза расширились, брови поползли на лоб:

– Он?!

– Да, он, почему бы и нет? Он же сейчас не занят? – удивленно переспросила Танита.

– Нет, разумеется, ради наших гостей он не занят, – сквозь зубы процедил Шонхорн. – Я отдам распоряжение, чтобы вас проводили.

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Дикие Земли *Несколькими часами ранее*

Странная человеческая девушка по имени Лейла вела себя далеко не так, как её подруги. Ступала легко, мало говорила, внимательно вслушивалась и старалась быть незаметной, – словом, она ничем не походила на людей. А ещё она сама догадалась до того, что вождь не Шонхорн, а я. Сколько раз советник настаивал на том, чтобы проводить этот смехо-

творный фокус с людьми, якобы ради моей защиты, но впервые кто-то легко и чётко разгадал трюк. Лейла оказалась наблюдательнее, чем все люди, с кем мне приходилось общаться...

Под шелухой невзрачной офисной одежды явно пряталось куда как более сильное и выносливое тело, чем у самцов её же вида. Она не запыхалась, не ныла и ни разу ни спросила, когда уже отряд придёт на место. Чем дольше я наблюдал за ней, тем сильнее в груди разрастался смутный диссонанс.

Человеческие женщины обычно до тошноты крикливые и надоедливые, как клейкий кленовый сироп, если дотронуться – уже не отделаться; куда как слабее телом и глупее разумом, чем наши ларчанки. Они всегда ассоциировались у меня с одомашненными птицами – с яркими перьями и громким кудахтаньем. Завёл таких – и не знаешь потом, куда деть. Ларчанки в этом плане больше походили на гордых диких кошек. Такие позволяют о себе заботиться, но только до тех пор, пока их всё устраивает. Они легко могут сменить хозяйина или есть из рук разных мужчин, ни к кому не привязываясь. Красивые, но независимые по жизни и ценящие лишь голую силу.

Лейла же была другой. Совершенно другой. На уровне внешности и поведения она напоминала жеребёнка дикого айера – такие же длинные ноги, кобальтовые, как ночное небо над Ларком, омуты и чёрные лоснящиеся волосы, которые она предпочитала закручивать в тугой узел. Такая же

любопытная, но при этом пугливая и недоверчивая. Единственный способ подружиться с айером – это приручить его в возрасте крошечного жеребёнка. Причём грубую силу использовать нельзя ни в коем случае – с отпрыском самого быстрого и дикого скакуна надо договориться словами, чтобы он добровольно пошёл за тобой. Это сложно, но зато в таком случае у тебя появится преданный друг до последнего вздоха.

Я достал дентайр, вспомнив, с каким изумлением Лейла рассматривала клинок, выточенный из кости хтэрра. Смешная девочка явно обиделась на то, что у неё отобрали её оружие. А вот ларчанки знают, что оружие не должно быть в руках слабых. Им бы и в голову не пришла такая глупость, как обида за то, что ларк берёт на себя её защиту. Самки любой расы от природы всегда слабее, чем их самцы, это так же естественно, как и то, что планеты вращаются вокруг звёзд.

– Я всё видел. Арх-хан, я думал, что понимаю тебя, но, кажется, совсем перестал улавливать ход твоих мыслей.

Внезапный, полный едкой горечи голос советника по внутренним делам клана вывел меня из размышлений о Лейле.

– Что ты видел?

– Ты накормил человеческую самку собственноручно и предложил тепло своего тела, хотя уже давно отказывал в этом нашим женщинам и даже Терекху запретил спариваться с людьми! А ещё ты дал потрогать свой дентайр!

Терпеть не могу эту дурацкую привычку Шонхорна исподтишка наблюдать за мной. Я раздражённо повёл плечом.

– Она голодала. Ты плохо позаботился о том, чтобы накормить гостей. Я не мог не предложить ей еду, а их палатки оказались слишком холодными. Люди понятия не имеют, какой у нас климат. Сухие Пески по ночам высасывают тепло, а они совсем близко. Успокойся, это ничего не значило.

Крупные желваки отчётливо выделились на щеках советника.

– Она с тобой флиртowała!

Я закатил глаза. Иногда мой друг слишком твердолюб.

– Ты думаешь, у меня настолько плохой нюх, что я не могу почувствовать, как пахнет самка, желающая соединиться? Шонхорн, уверяю, этой ночью я общался с напуганным и голодным ребёнком.

– Неужели ты считаешь, она не поняла предложения о тепле твоего тела?!

– Не делай из земляного червя песчаного хтэрра. Я дал ей шкуру, вот и всё. Иногда одеяло – это просто одеяло.

– Которым ты укрывался! Оно хранило твоё тепло! Приняв его, эта самка показала, что хочет тебя!

Я глубоко вдохнул воздух, принохиваясь. Обоняние чётко говорило о том, что советник слишком взволнован, и Лейла – лишь повод выразить негодование. Опять же, какая ему разница, что я говорил брату?

– Шонхорн, а теперь скажи правду. Что случилось?

Друг детства отвёл взгляд.

– Ничего. Я просто хочу, чтобы люди поскорее убрались с нашей планеты, вот и всё.

– Не оскорбляй меня полуправдой.

Воин скрипнул зубами и напрягся всем телом, но промолчал.

– С учётом того, что вы постоянно ссоритесь с Терекхом, мне кажется, что дело в Аллише. Это так?

– Да, так, – процедил Шонхорн сквозь зубы. – Это человек с Танорга сделал с Терекхом такую мерзость три года назад. И я знаю, что твой брат никогда бы на это не согласился. После того, как всё случилось, он отдалился от нас с Аллишей, хотя наша тройка была идеальной. Аллиша принимала защиту от нас обоих, и её всё устраивало. Он вбил себе в голову... дерьмо хтэрров, чушь, что он недостоин! И ушёл. А Аллиша спустя два цикла спутника сказала, что не может так. Она отвергла меня, потому что ушёл Терекх. Всё это время я надеялся, что он одумается, но твой младший брат только замыкался в себе. А сейчас я чувствую, как меняется его запах, когда он вблизи человеческой девушки, и это меня злит. Теперь ещё и от тебя пахнет другой брюнеткой. Мне страшно. И больно.

Я покачал головой.

– Как бы страшно и больно тебе ни было, ты не имеешь права проецировать эти чувства на этих людей, тем более на их женщин. Это низко и не достойно защитника.

– Арх-хан, но это же не всё! – Старый друг мотнул головой в сторону, где расположились гости, при этом вплетённые в жгуты волос бусины ударились друг о друга, издав отрывистый звук. – Таноржцы постоянно что-то выискивают и собирают в крошечные пластиковые контейнеры, оскорбляя Вечный Лес! А знаешь, что я сегодня услышал от одного из людей?!

– Что? – спросил скорее устало.

– Тот, что с мерзкой вонью, сегодня заявил, что наверняка у наших ракхаши очень ценная порода. Представляешь, он вслух рассуждал о том, чтобы спилить дерево! Убить Душу!

А вот это уже было серьёзным заявлением. Правда, у людей от намерений до действий порой лежит целая попоась.

– Шонхорн, давай так. Пока что гости с Танорга ничего плохого нам не делали.

– Только притащили оружие... – проворчал советник.

– Которое наверняка носят при себе на своей планете. На тебя или на меня никто не нападал. Так?

– Ну.

– Наши ракхаши они тоже не трогали.

– Ну.

Советник прищурился. Шонхорну совершенно не нравились таноржцы, и он этого никогда не скрывал. Впрочем, ему не нравилась ни одна раса Федерации Объединённых Миров, просто именно с людьми, как оказалось, легче всего было договориться. Цварги – те ещё снобы и лицемеры. Од-

нажды вожди крупнейших кланов встречались с Аппаратом Управления Цварга на нейтральной территории, и большинство ларков чуть не стошнило от их постных рогатых рож. Эльтонийки – смех да и только, строят из себя мужчин, а с самими мужчинами общаются как с пустым местом. Пикси – туда же, даже не рассматривается. Захухрям самим нужна помощь с их планетой, а с миттарами нам просто не удалось найти общий язык. Вот и получилось, что единственные, с кем удалось наладить более-менее нормальные и обоюдовыгодные отношения – таноржцы.

Я сжал указательным и большим пальцем переносицу, думая о том, как успокоить Шонхорна. Да, как истинный сын Ларка он был, конечно же, прав, но как советник вождя клана – нет.

– До тех пор, пока люди не нападут первыми, я запрещаю тебе отзываться о них плохо и как-либо провоцировать. Касательно образцов почвы... главное, проследи, чтобы они не взяли *песок*. Всё остальное можно. Ты меня понял?

Воин недовольно поджал губы.

– А что с самками?

– А что с ними? – эхом отозвался.

– Я передумал. Будет глупо не воспользоваться их присутствием. Среди воинов есть желающие, и мне уже поступили вопросы. Они могут предложить спариться человеческим женщинам?

Видят духи, как мне надоели эти разговоры! Хуже Те-

рекха, честное слово. Но у брата хоть оправдание есть, почему он так заиклился на людях...

Я отрицательно покачал головой.

– Если воины предложат свою защиту, то человеческие женщины ничего не поймут. Это наши традиции, но не их, поэтому нет, нельзя. И, Шонхорн, я не узнаю тебя! Совсем недавно ты утверждал, что они слабы, глупы и что там ещё...

– Я и не забираю своих слов. Всё верно. Но это же не мешает воинам хотеть снять напряжение.

– Запрещаю даже думать об этом, Шонхорн! Всем остальным так и передай. Мне не нужны проблемы с людьми, у нас и так своих по горло!

Шонхорн шумно вдохнул и выдохнул через расширившиеся ноздри, понизил голос:

– А если женщина сама разденется перед воином? Согласись, это на языке любой расы означает приглашение к совоуплению.

Я потёр виски, позорно чувствуя, что не справляюсь с обилием свалившихся на мою голову проблем.

– Если женщина сама разденется, а воин захочет её покрыть, я не буду возражать. Но только в этом случае и ни в каком другом. В конце концов, мы на Ларке. Вы, кстати, с Терекхом придумали, как будете развлекать людей?

– Да. Он предложил перенести инициацию мальчишек из ближайшей деревни. Дней через пять, думаю, всё будет готово. Там славные подростки, и каждый из них достоин зва-

ния защитника. Надеюсь, у них всё получится и день станет праздником для нас всех. Они будут счастливы принести присягу своему вождю.

Я кивнул, так как тоже на это надеялся. Мрачные мысли о расширяющихся Сухих Песках и уходящих в небытие Духах Предков не давали покоя. Праздник действительно нужен. Нам всем.

Глава 10. Тонкая грань между красотой и уродством

Лейла Виланта. Планета Ларк. Дикие Земли

Источником оказалось фантастическое по чистоте и цвету озеро, в которое впадал водопад. Широкий поток полной водной реки с шумом срывался с многоступенчатого холма, полупрозрачной вуалью распадался на менее стремительные каскады, а у самой бирюзовой глади вспенивался до состояния плотного молочно-белого воздушного мусса.

Терекх, как только довёл нас до берега озера, сухо сообщил, что оно неопасно, и скрылся. Я чувствовала лёгкую вину перед ним, хотя толком не могла объяснить, что именно сделала не так. Как только испещрённая письменами спина ларка исчезла из поля зрения, Моник тут же разделась догола и, взвизгнув от восторга, бросилась в прозрачную воду. Танита от неё не отставала. Девушки голосили так, что наверняка распугали всех птиц и зверей в округе.

Я же с сомнением покосилась на толстые стволы и разделась всего лишь до нижнего белья, решив, что лучше всего приду сюда и тщательно помоюсь вечером, когда никого не будет. Быстро ополоснула стопы, обтёрла прихваченной тряпкой живот, бёдра и шею и, плюнув на мытьё головы, оделась всё в те же брюки и рубашку. В конце я махнула танорж-

кам, показывая, что закончила с омовением, и двинулась в сторону лагеря.

Лес в этой части тоже оказался смешанным, хотя исполинов, на мой взгляд, было больше. Шершавая чёрно-коричневая, как горький шоколад, кора влажно блестела в редких лучах солнца, пробивающихся через пышные кроны. Глубокие борозды напоминали сморщенные руки умудрённых опытом старцев. Логан несколько раз упомянул, что, судя по объёму исполинов, у них, должно быть, просто фантастическая по качеству древесина, а Моник лелеяла мечту привести именно такой сорт на Танорг. Почему-то затаив дыхание, я потрогала ствол. Там, выше, на высоте десяти или двадцать метров над землёй, росли первые толстые ветки с наклёвывающимися листочками и перламутрово-розовыми почками.

Неужели именно таким деревьям поклоняются ларки? Странная раса... Я понимаю ещё, когда верят во что-то абстрактное – в единую силу, которая управляет Мирами, или Многорукое божество, как у пиксиянок... но деревья?

– Ракхаши.

Я отдернула руки, как школьница, которую застали за подделкой оценок в журнале, и резко обернулась.

Терех стоял позади, угрюмо сложив руки на обнажённой груди. Он очень сильно одновременно походил и не походил на Арх-хана. Выпуклые, как у всех ларков, грудные мышцы, узкая талия, чёткий рельеф пресса и ног, едва прикрытый короткой кожаной юбкой пах... Черты лица тоже походили,

но при этом карий глаз заставлял воспринимать Терекха по-иному. Неужели братья?

– Да, именно этим деревьям мы поклоняемся, такова наша религия. Они называются ракхаши.

Я почувствовала, что краска заливает щёки, ведь, оказывается, последние мысли я пробормотала вслух. Терекх неожиданно повёл носом, сузил разноцветные глаза и склонил голову к плечу.

– Ты быстро помылась.

– Да, я... просто ополоснулась.

– От тебя вкусно пахнет.

Я невольно смутилась и опустила взгляд. Тщательно помыться-то не вышло... Ещё вспомнился диалог с Танитой днём, и стало совсем неудобно: мы обсуждали его шрам через весь глаз, а он в ответ делает мне комплимент.

– Спасибо, – произнесла на автомате.

– За что ты благодаришь?

Я так удивилась просквозившему недоумению в вопросе, что невольно подняла взгляд на ларка.

– За комплимент. Ты сказал, что я вкусно пахну.

– Но это же правда. Как можно благодарить за правду?

Я замерла, не зная, что на это ответить. Терекх продолжал всё так же внимательно меня рассматривать.

– Это называется простой вежливостью... Ты сделал дежурный комплимент. Я ответила «спасибо». У нас так принято.

– Дежурный комплимент? – переспросил мужчина, растягивая слоги.

– Ну да. Это то, что люди говорят, чтобы сделать приятное друг другу.

– То есть вы говорите то, что не считаете правдой, и благодарите за ложь?

– Почему сразу «ложь»?

– Ты же сама сказала, что цель – сделать приятное. То есть подразумевается, что слова неискренние.

Я опешила от такой логики, а Терекх продолжил:

– Или тебе кто-то что-то говорит искренне, и за это не надо благодарить, или неискренне, но тогда это оскорбление, и благодарить вдвойне глупо.

Я промолчала, так как, прокрутив слова собеседника и так, и эдак, не смогла найти, что на них возразить. Немного помявшись, я всё-таки решила заговорить о том, что меня волновало.

– Терекх, послушай, я знаю, что ты слышал, о чём я сегодня говорила с Танитой...

Я бросила косой взгляд на мужчину, ожидая, что он будет отрицать, что понятия не имеет, о чём я говорю, но он лишь молча кивнул. К сожалению, уверенности мне этот жест не придал.

– Прошу прощения, что обсуждала твою внешность.

Он пожал плечами.

– Ничего страшного, это не запрещено.

Я облегчённо выдохнула, чувствуя, что самую сложную часть озвучила. Ларк на меня не обижается, а это главное. Терекх присел на корточки у одного из ракхаша, подхватил палку и принялся рисовать. Линии получались разные: глубокие и не очень, что-то покрывалось частой короткой штриховкой. Было непонятно, что именно рисует ларк – конкретную картинку, руны или просто что-то абстрактное, – но чувствовалось, что делает он это не впервые – так уверенно его запястье вращалось и выводило линии одну за другой. Он рисовал, прикрыв веки, а в движениях сквозило столько печали и меланхолии, что в голову сама собой просочилась мысль: вероятно, это его ежедневное занятие, ведь сородичи его избегают. Захотелось как-то поддержать.

– Терекх, у тебя очень интересная особенность, и я уверена, что рано или поздно найдётся девушка, которой понравятся твои глаза. В конце концов, здорово, что ты видишь, а это же ведь главное. А что касается шрама, то его можно свести.

Рука мужчины остановилась, и он посмотрел на меня снизу вверх, но ощущение сложилось, что сверху вниз.

– А вот теперь ты меня обидела, – произнёс он так чётко и жёстко, что по спине поползли мурашки.

– Я... я не понимаю.

– Ты сказала, что шрам можно свести.

Он отбросил ветку, одним слитым движением грациозно поднялся с корточек, вновь демонстрируя себя во весь рост,

и приблизился. На меня внимательно посмотрели два глаза – серо-оливковый и карий. Левая бровь разделялась шрамом на два участка, а судя по белёсой линии, нижнее веко тоже было когда-то задето. Танита определённо была права, что док хорошо поработал, но я даже представить себе не могла, сколько боли вытерпел этот мужчина.

– Шрам – это символ того, что я выиграл бой и победил противника. Почему ты хочешь, чтобы я его свёл?

Я почувствовала, что вновь попала в зыбкие пески недопонимания.

– Хм-м-м... мне показалось, что из-за этого рубца твои сородичи хуже к тебе относятся.

Мужчина отрицательно покачал головой.

– Нет, это не так. Шрамы не могут испортить.

– Тогда... дело в разном цвете глаз? – изумилась я.

Неужели ларки верят, что гуманоиды с разноцветными глазами чем-то хуже? Ерунда какая-то... Ведь не родился он с гетерохромией, а значит, наследственного заболевания, даже если они к этому так относятся, не будет.

– В том, что левый глаз искусственный. – Терекх прервал мои размышления, неожиданно устало и глубоко вздохнув. – Если бы я только знал, что всё так обернётся... Три года назад у нас гостили таноржцы. Один из них был очень рассеянным, постоянно всё везде забывал. У нас был запланирован переход в тот день, но спустя два часа, как мы снялись с лагеря, человек вспомнил, что забыл вещи. Люди очень бес-

печны...

Он бросил косой взгляд на меня, но, не встретив возражений, продолжил:

– Этот мужчина, никого не предупредив, сказал, что ему надо по зову природы, а сам направился обратно. Уж не знаю, почему он соврал, но, когда я нашёл его по следу, за ним как раз по пятам следовал бахрун...

– Бахрун? Что это?

Ларк вновь вздохнул, но уже не столько печально, сколько с оттенком: «О, Вселенная, женщина! Как можно не знать таких элементарных вещей?». Он подхватил палку и быстро накидал линии на земле. По очертаниям животное напоминало медведя, но на тонких, как у тигра, лапах, с длинным тяжёлым хвостом и внушительными когтями и клыками.

– Хозяины леса. Бахруны лазают по деревьям, охотятся поодиночке и очень любят сладкое. С ними можно разойтись мирно, если не спорить и дать то, что они хотят, но ни в коем случае нельзя их злить. В ярость они впадают практически мгновенно, а их когти способны прорезать листы металла... Впрочем, почти всё, кроме чешуи хтэрра. – Он указал на наручи с мелкой, почти змеиной кожей.

Я вздрогнула, представив себе силу бахруна, задалась вопросом, кто такие хтэрры, почти сразу же решила, что не хочу этого знать, и кивнула.

– На того человека напал бахрун?

– Человек ел шоколадный батончик, и, видимо, запах при-

влёк хищника. Я не успел крикнуть, чтобы он отдал еду. Таноржец ошибочно подумал, что перед ним неопасное животное, и дал тому по морде, когда бахрун полез за шоколадкой. Я еле-еле успел откинуть глупого человека с пути и принять удар хищника на себя.

Терекх приподнял левую руку, оголяя рёбра. Четыре параллельных белёсых шрама пересекали бок от талии до подмышки, а пятый прятался под чёрно-коричневой вязью татуировки. Я невольно охнула, приложив руку ко рту.

– Всё это следы нашей драки. Разумеется, я победил, но лишился глаза. Было очень больно. Человек сказал, что сможет вернуть мне зрение. Он что-то кричал и страшно побледнел. Несколько раз спросил меня, хочу ли я вновь видеть. Я согласился, лишь бы только он не орал. Тогда он добежал до своего чемоданчика, который он, оказывается, забыл на предыдущем месте, достал оттуда пластиковую иглу, ткнул меня, и... я уснул. А когда проснулся – был уже вот с этим.

Я ошеломлённо смотрела на Терекха, который вот так просто рассказал, как потерял глаз.

«Было очень больно».

Вот и всё, как он охарактеризовал схватку с хищником. Никакого бахвальства, никакого напускного геройства. Простота ларка оглушила и невольно заставила сглотнуть образовавшийся ком горечи во рту. Очевидно, тот «глупый человек» оказался первоклассным хирургом, а «забытые вещи» – переносной ультрасовременной аптечкой, в которую танор-

жец перестраховки ради сложил даже парочку запасных имплантов.

Ларк затих, а где-то там, на фоне, я слышала полные радости и беззаботности крики девушек. Похоже, они уже накупались и теперь решили просто брызгаться. Это резко резонировало с тем, что я ощущала в нескольких десятках метров от них.

– Но тебе же вернули глаз, – пробормотала я всё же спустя какое-то время. – Подумаешь, он другого цвета, это же ерунда.

– Искусственный. – Терекх поджал губы.

– Ну и что? У тебя хорошо и красиво всё сделано. Я даже не поняла, что он ненастоящий.

– Странные вы, люди: за правду благодарите, на ложь не оскорбляетесь, а искусственные вещи называете красивыми.

Я растерянно хлопала ресницами, не ожидая, что ларк так легко уйдёт в философию. Минуту назад мы говорили о его изъяне, а сейчас он пытается собрать общее мнение о другой расе.

– Скажи, – тем временем продолжил Терекх, склонив голову к плечу, – если человек заменит себе часть органов, ты будешь его считать красивым?

– Да-а, наверное, – протянула я удивлённо.

– А если создать полностью искусственную машину, похожую на человека? Вот до мелочей.

Я мысленно содрогнулась, представив себе такую карти-

ну. Совершенно точно знаю, что на Танорге такие вещи запрещены.

– Это будет жутко, – ответила, немного подумав.

– Тогда я не понимаю вашей логики. – Ларк пожал плечами. – Но для моей расы это, – он махнул рукой на левую сторону лица, – уродство и свидетельство малодушия. Нет и не может быть ничего прекрасного в синтетике. Лучше бы я остался с одним глазом.

Я не нашлась с ответом и просто молча развернулась. Почему-то мне казалось, что это самое правильное, что я могу сделать в данной ситуации. Терекху не нужна поддержка, он поймёт её превратно, а уверения в том, что разноцветные глаза могут кому-то понравиться, – сочтёт враньём. Интуиция подсказывала, что промолчать – это лучшее, что я могу сделать.

– Погоди, – донеслось мне еле слышное в спину. – А Танита правда не обиделась за то, что я взял её вещи до лагеря?

– Правда. – Я замерла и оглянулась через плечо. – Почему ты так решил?

Ларк замялся.

– Ты сама объяснила, что люди могут говорить не то, что думают. Как с этим дежурным комплиментом... чтобы сделать приятно. Она же назвала меня красивым, когда я отошёл. Это же тоже было вранье, верно? Не могла же она действительно так посчитать. Это просто смешно. Я так понял, что твоя подруга обиделась на мою помощь.

Я медленно покачала головой.

– Я уверена, что она была рада, что ей не придётся нести тяжёлый рюкзак самостоятельно, и не хотела тебя оскорбить. Почему бы тебе просто не подойти и не спросить у неё всё напрямую?

– Спасибо, я подумаю.

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Дикие Земли

После длинного изматывающего дня на границе с Сухими Песками, где я снова и снова пытался докричаться до Духов Предков, чтобы понять, за что они нас наказывают уходом, я собирался поесть впервые за последние сутки. Куски косули плавали в чашке с наваристым бульоном и дразнили аппетитным ароматом, когда понял, что уже несколько минут стою и принохиваюсь совсем к другим нотам. Среди привычных запахов влажного травяного дёрна, полного корешков и тонких ниточек грибниц, молодого папоротника, крапивы и кислицы, густогопряного дыма от костра и мясного бульона из котелка, многочисленных смешанных запахов по-та ларков и людей, я услышал *его*. Взгляд сам собой заскользил по серебристому переливу крон над головами шумного отряда. Ветки, ветки, листочки, набухшие перламутрово-розовые почки, которые неизвестно когда раскроются... где же он? Где же первый цветок ракхаши?!

Едва уловимый свежий и сладкий аромат без единого намёка на дерзость щекотал ноздри, когда я бросил ужин и слепо двинулся по следу. Волнение обхватило плотным кольцом грудь, крепко сжало рёбра, сдавило что-то внутри... Я шёл как беспечный мальчишка-идиот, едва прошедший инициацию, не смотря, куда наступаю, лишь запрокинув голову и выискивая тот самый цветок.

«Неужели ракхаши расцвёл?! Где, покажите мне, где? О, Духи Предков, умоляю, хоть бы в этом году образовалась завязь и пошли семена!»

Стук собственного сердца заглушал все звуки. Я понял, что вышел к водопаду, лишь когда наступил в воду, и сразу же очнулся как от наваждения.

Ракхаши росли поодаль, и все ветки, какие я смог рассмотреть в сгустившихся сумерках, несли на себе лишь бледные почки. Ни одного раскрытого цветка... Однако запах от озера самый плотный. Как такое может быть?..

Не успел я додумать эту мысль, как слух уловил тонкий мелодичный женский голос. Одна из таноржек мылась под струями воды... та самая, которая жаловалась на холод среди ночи. Она напевала какой-то приятный мотив на неизвестном языке и полоскала жидкий чёрный шёлк волос под плотной занавесью воды. Я даже не представлял, что у неё настолько длинные и густые волосы – до сих пор Лейла закручивала их в плотный невзрачный пучок на затылке. Зачем? Любая ларчанка гордилась бы такой длиной и обязательно

вплетала бы цветные бусины...

Элегантная шея девушки переходила в тонкие ключицы, позвонки чётко выделялись на идеальной спине. Стройная фигурка в свете первых звёзд казалась особенно хрупкой и красивой, но отнюдь не хилой.

Я со вздохом покачал головой, мысленно насмехаясь над самим собой:

«Да-а-а, Арх-хан, совсем ты стал стар, раз спутал запах человеческой девушки с первыми цветами ракхаши... Смотри, Шонхорну не скажи, а то он усомнится в твоих способностях».

Тихо ступая, чтобы Лейла меня не заметила, я вернулся обратно в густую тень исполинов и замер, издалека наблюдая, как тонкие руки скользят по прекрасному телу, в ритм мелодии колыхается высокая мягкая грудь с острыми наверху, вода лижет обнажённые бёдра. Тогда, у костра, эта девушка показалась мне смешной, неуклюжей и зажатой, а сейчас я пожирал взглядом совершенно другую Лейлу. С роскошным телом развитой женщины, с прекрасным голосом и умопомрачительным ароматом.

До сих пор про себя я называл её «смешная девочка», а сейчас мне стало вообще не до смеха.

Она переступила с ноги на ногу, а в голове вспышкой воспоминаний из детства пронеслась картинка, как точно так же молодая грациозная кобылица айера переступала в лунном свете в поле, когда отец впервые решил показать мне их. То-

гда я решил, что когда-нибудь обязательно приручу своего айера, но годы шли, а у меня ничего так и не получилось. У брата – да, а у меня нет.

Длинные чёрные волосы Лейлы в струях водопада блестели словно масло и лишь придавали фантастическое сходство с чёрной мастью самых удивительных животных. На миг представилось, как её волосы струятся между моими пальцами. Разум напрочь отказывался воспринимать Лейлу как человека, и это пугало. Ведь люди не выживают на Ларке, а я никогда не смогу покинуть планету и улететь на Танорг, на человеческих женщин должно стоять строгое табу. Но мозг отчаянно искал лазейки... Вначале запах как у ракхаши, теперь ноги как у айера.

«Какого шварха я на неё так реагирую?»

«Мы поженимся и будем принадлежать друг другу», – всплыли в голове слова девушки с иссиня-чёрными глазами, как ночное небо над Ларком.

Я повторно потрянул гривой, пытаясь прийти в себя.

«Арх-хан, она не для тебя, вы из разных Миров», – мысленно сказал себе, что теряю время, и удалился в лагерь доедать ужин. Правда, жалеть о том, что придётся теперь есть остывшую косулю, как-то совсем не получалось.

Глава 11. Самообман – худший из всех видов лжи

Лейла Виланта. Планета Ларк. Дикие Земли

Следующие несколько дней прошли тихо. Свежий воздух с непривычной палитрой самых разных лесных оттенков наполнял лёгкие, тонкие переливчатые трели местных птиц окутывали уютным одеялом и баюкали вечерами, а также будили по утрам лучше всяких электронных устройств. На ветках огромных исполинов с чёрно-коричневой корой набухли первые перламутровые бутоны с нежными розовыми прожилками.

Деревья были так величественны и прекрасны, что я не могла себе представить, как лес преобразится, когда цветы наконец распустятся. Моник без конца трещала о том, как бы она хотела получить семена исполинов и, вздыхая, с упованием и вроде как тайно собирала образцы местной флоры. Танита ей помогала. Джереми и Януш просто с восторгом всё рассматривали, ходили с диктофонами и наговаривали аудиозаметки. Логан слонялся то тут, то там с постной миной на лице и постоянно что-то недовольно бурчал себе под нос о том, как ему скучно и всё надоело. От меня не укрылось, что абсолютно перед всеми приёмами пищи Логан проглатывал абсорбирующие пастилки, а иногда и вовсе тыкал

еду мудрёным прибором со множеством диодов, перед тем как пробовать её на вкус. Ларки делали вид, что не замечают, но каждое такое действие таноржца вызывало минимум у нескольких коренных жителей неприятные чувства.

На второй день стоянки в новом лагере Терекх неожиданно позвал всех людей, вручил необычные плетёные бидоны с ручками из потёртой кожи и велел следовать за ним. Я украдкой глянула в коммуникатор и с лёгким волнением обнаружила, что он завёл нас глубже в лес, однако мои переживания отошли на второй план, стоило осознать, куда привёл нас ларк. Оглушительные и полные искренней радости восторги таноржцев подтвердили, что Терекх хочет показать нечто хорошее.

– Всю жизнь мечтала такую попробовать. – Танита прямо с куста ела крупные синие ягоды асаи и разве что не стонала от удовольствия. – Такие на Танорг завозят крайне редко, и стоят они безумно дорого.

– А я всё никак не могу понять, чего им не хватает в нашей почве, – бормотала Моник, тоже, впрочем, уплетая лакомство.

Я потихоньку стала привыкать к необычной жизни в лесу. Большую часть дня мы с таноржцами проводили за сборами ягод или грибов, – ларки ловко переключили деятельность людей в полезное русло, – я максимально быстро завтракала, обедала и ужинала у костра ларков, стараясь не встречаться взглядами с Шонхорном. После его предложения по-

казать источник и моего отказа мне всё время чудилось, что он сверлит спину взглядом, но стоило повернуться – и выяснялось, что Шонхорн с кем-то разговаривает или его вовсе нет позади. Я даже заподозрила у себя начинающуюся паранойю – ларк мне ничего не сделал, а я каких только намерений ему мысленно ни приписала.

Терекх старался всё это время держаться от людей подальше, но при этом он и был нашим связующим с ларками. В то время как большинство воинов игнорировали вопросы таноржцев вида: «А из чего суп?», «А как у вас называется это животное?», «А почему вы носите наручи, но не закрываете животы?» и прочие глупости, – Терекх терпеливо отвечал. Иногда односложно и совсем непонятно, но среди всех ларков он мне казался самым терпеливым, если это слово вообще применимо к ларкам. А может быть, это я стала его таким видеть после нашего откровенного разговора о его внешности? Не знаю.

Арх-хан где-то пропал, впрочем, как и небольшая часть отряда, которая ежедневно приносила то кроликов, то коз, то более диковинных зверей. Я понятия не имела, чем занимается вождь клана, но спросить не осмеливалась.

Несколько раз я включала коммуникатор и, соединяясь с истребителем Аарона, проверяла почту. Писала, в основном, мама. Спрашивала, как я обустроилась на Танорге, как долго продлится командировка и присмотрелась ли я к Лоуталье. И тут же, не обращая внимания на неотвеченные пись-

ма, она продолжала писать, как невероятно рада за меня, что Аарон отличный цварг, ведь она наводила о нём справки «на фирме», и мне «очень повезло». Поток счастливых эмоций буквально лился через крошечный экран коммуникатора, а внутри меня медленно разрасталась чёрная дыра безысходности. На Ларке мне нравилось, но это же ведь не навсегда... Читая очередное сообщение от матери, я понимала, что надо что-то написать-возразить-ответить, но пальцы замирали над виртуальной клавиатурой, а в голове становилось пусто и гулко. Заканчивались письма неизменными тёплыми пожеланиями и напутствиями «дорогая, я же старше, и у меня больше опыта, поверь, я знаю, как лучше».

Это истощало морально...

Память, как назло, так и прокручивала одни и те же слова матери: *«Лейла, глупенькая, ты же потом благодарить ещё будешь меня. Стерпится-слобится. У вас двоих феноменальная вероятность завести детей, а он приятный мужчина, что тебе ещё нужно?»*.

Так хотелось возразить: «А ведь нужно ещё что-то. Не знаю что, но точно нужно».

Были и видеописьма от братьев, но так как приходилось экономить заряд батареи, открывать их не стала. Просто разок отписалась, что занята и посмотрю позднее.

Вечерами я сбегала на показанный водопад. Это стало моим любимым местом... Терекх просил оповещать, когда кто-то из девушек соберётся на источник, чтобы он назначил во-

инов сторожить или посторожил сам, но я этого не делала... Может, это было и глупо, но в одиночестве я чувствовала себя куда лучше, могла себе позволить полностью расслабиться и снять бельё, вдоволь поплавать, пока тело не станет прихватывать от холода.

Жизнь в лесу оказалась не без эксцессов. Януш, погрузившись однажды вечером в наблюдения за звёздами, подвернул ногу, но, к моему удивлению, ничуть этому не расстроился. Моник и Танита выпотрошили аптечку, чтобы найти снимающие отёк самофиксирующиеся бинты для астрофизика. На следующий день в женский шатёр ворвался Логан.

– Моник, скажи, что это за мерзость такая?! – рявкнул он с порога и ткнул таноржке под нос голубоватый с коричневыми прожилками лопух размером с пару ладоней в тонком целлофановом пакете.

Блондинка прищурилась и взяла у свекольно-красного от недовольства Логана целлофан.

– Ты присаживайся пока на спальный мешок, я сейчас посмотрю.

Таноржец скривился.

– Я постою. Так что там?

– Хм... это похоже на иглицу. – Моник осторожно приоткрыла пакет и заглянула туда, не дотрагиваясь до листа. – Да, точно она! Если присмотреться, то лист покрыт тонкими волосками с острыми концами, на каждом из которых есть мешочек с муравьиной кислотой. При соприкосновении с ко-

жей волоски проникают под неё, а кислота выливается и попадает внутрь эпидермиса, что вызывает неприятные ощущения, зуд, иногда даже волдыри и сильную аллергическую реакцию. Сродни крапиве.

Лицо Логана исказила гримаса ярости, а у правого уголка надулся и лопнул пузырь слюны.

– Я так и думал, что эти убогие дикари выбирали место, чтобы унижить и поиздеваться над нами. Вот же низшие формы гуманоидной жизни! Чем можно помазать? Я пробовал спрей от ожогов, но не помогло...

Я выскочила из шатра, не желая дальше слушать эти потоки желчи в адрес ларков. Ноги понесли куда глаза глядят. Я мысленно поражалась тому, что красотка-биолог встречается с неотёсанным и грубым Логаном, который считает, что весь мир должен вращаться вокруг него. Ко всему, Аарон просил связаться с ним. Так как в лагере ничего не происходило за последние дни, я отделялась короткими сообщениями, но он настаивал на видеозвонке...

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Дикие Земли

Я вновь ни с чем возвращался с границы с Сухими Песками. Ещё один исполин умирал. Злость, отчаяние и чувство собственного бессилия змеиными кольцами опоясывали грудь, сдавливали рёбра и мешали дышать. Что же я за вождь такой, от которого отвернулись Духи Предков?!

Чуя взвинченное состояние своего вождя, Шонхорн, как, впрочем, и другие воины, больше не подходил с идиотскими требованиями и вопросами. Каждый делал дела в стае, чётко подчиняясь иерархии. Разумеется, здесь в Диких Землях, в отличие от Шарршеорона, ларки чувствовали доносящийся с границы знойный ветер и запах наступающих песков, но молчали. Лишь младший брат однажды осмелился подойти и сообщить, что занял людей и организовал инициацию мальчишек из соседней деревни, где проживает стая. Ещё парадней – и будет у воинов праздник. Я рассеянно кивнул и разрешил ему делать всё, что он посчитает нужным.

Все мои мысли занимали Сухие Пески и умирающие ракхаши. Как назло, любые размышления о священных деревьях так или иначе скатывались к воспоминаниям о Лейле в струях ночного водопада. На территории лагеря меня везде преследовал запах человеческой девушки, так похожий на запах ракхаши, поэтому я старался покидать шатёр рано утром и возвращаться затемно. Аромат её кожи чудился и утром, и днём, и вечером, и даже ночью, а сетчатка глаза хранила потрясающий обнажённый образ...

Она оказалась не такой крупной, как наши ларчанки, мышцы не бугрились на спине и руках, как на сильнейших самках стаи, но определённо Лейлу нельзя было назвать хилой, какими я привык считать людей. Она вообще была какая-то *другая*. Лейла не суежилась и не дёргалась, как обычно это делают люди, а скорее наоборот, двигалась настолько

плавно, что в её теле чувствовались скрытая сила и достоинство.

Длинная шея и ноги, идеальные пропорции, чёрные как уголь волосы, чистая ровная кожа и неожиданно нежный голос. Привыкнув к галдежу и крикам человеческих самок, – да что там! Даже к визгам одного из их мужчин, – я удивился, что у кого-то из них может быть настолько прекрасный голос. Но всякий раз, когда я ловил себя на том, что ищу взглядом Лейлу, мысленно отчитывал себя и убирался из лагеря подальше.

«Она гостья на Ларке. У неё есть постоянный защитник, а у тебя – проблемы клана».

Я решил сделать обход по широкой дуге вокруг шатров, чтобы убедиться, что никакие хищники не подошли близко. Цветение ракхаша влияет на всех обитателей Вечного Леса без исключения, и на животных тоже. За последние дни почки на ветках заметно набухли, розовые чешуйки в любой момент могли превратиться в тончайшие лепестки и раскрыться самыми удивительными цветами во Вселенной. Вот только в таком состоянии бутоны могли находиться месяцами, а затем и вовсе распуститься пустоцветами – так происходило последние годы.

Внезапно слух уловил странные звуки, похожие на всхлипы, со стороны, противоположной лагерю. Я замер, прислушиваясь. Да нет, действительно человеческие всхлипы... Редкие, тихие, совсем не рыдания, но такие настоящие. Шаг,

другой, третий – и я вышел к источнику звука. Передо мной открылась странная картина: Лейла сидела на земле, прижимаясь спиной к трухлявому пню и уткнувшись лбом в колени, а всё её тело мелко содрогалось.

«Проблемы людей – не твоё дело», – подумал и, противореча себе, шагнул вперёд.

– Лейла?

Девушка быстро утёрла слёзы и подняла удивлённо-испуганный взгляд тёмно-синих глаз.

– Арх-хан? Ты что тут делаешь? – спросила она и стремительно покраснела. – В смысле... я думала, что ты передал дела Шонхорну, а сам куда-то удалился...

Я склонил голову к плечу, внимательно её рассматривая: красные капилляры белков, припухшие щёки и нос, спутанные тёмные волосы у лица. От неё пахло приятным цветочным ароматом, влажным дёрном, в котором она успела где-то перепачкаться, и солёными слезами. Определённо, Лейла плакала здесь в одиночестве уже довольно долгое время, вот так подобрав руками колени. В голову полезли дурацкие мысли... а вдруг Шонхорн всё же нарушил мой приказ?

– Тебя кто-то обидел? – спросил чуть резче, чем хотелось.

– Нет. – Лейла прикусила губу и отрицательно покачала головой, а затем сбивчиво добавила: – Да я сама... Ну просто... это личное. С мамой поссорилась.

Я кивнул, давая понять, что слушаю. У людей очень трепетное отношение к матерям. С точки зрения других рас,

ларки взрослеют рано, ведь любой мальчишка от двенадцати до пятнадцати вёсен может пройти инициацию и стать воином. Совершеннолетние же ларки поступают, руководствуясь исключительно собственными решениями. Даже молодые ларчанки предпочитают жить отдельно. В стае, конечно, но не с матерями, если те физически здоровы. Может, дело в этом?

– Ты её расстроила тем, что улетела на другую планету? У неё разве нет защитника или членов стаи, которые бы о ней позаботились?

– Что? – Лейла удивлённо моргнула, фокусируя зрение на мне. Несколько секунд она пыталась осознать вопрос, а затем неожиданно улыбнулась. – Ах, нет, у неё и супруг есть, и родственники, и она сама может о себе прекрасно позаботиться. Дело не в этом.

– Тогда в чём же?

– Просто у нас с ней не сходятся взгляды на мою жизнь.

– Как это? Не понимаю.

Лейла Виланта. Планета Ларк. Дикие Земли

Арх-хан стоял передо мной, неожиданно элегантно вздёрнув левую бровь. В его мире было всё так просто и понятно, а я же окончательно запуталась. Мысли роились в голове, сталкивались на полной скорости, как притянутые гравитацией метеориты, распадались на осколки... Я так устала

от давления, которое чувствовала даже на расстоянии сотен миллионов километров, что захотелось выговориться.

Да, ларку.

Да, совершенно незнакомому мужчине с другой планеты, который, вероятно, не поймёт и половины моих проблем. Но выговориться очень хотелось.

– Она выбрала для меня мужчину, за которого я должна пойти замуж.

– Того самого, бравого воина? – уточнил Арх-хан.

– Да, его.

– Странно, я думал, ты сама его выбрала. Разве люди не вольны выбирать сами, с кем соединять судьбу?

Ларк нахмурился, а я прикусила губу, размышляя, как бы всё рассказать, но при этом не дать понять, что я цваргиня. Немного покачав головой, я решилась:

– Да, конечно, вольны. И я тоже. Просто у меня есть определённые проблемы с эм-м-м... зачатием. Это было установлено ещё несколько лет назад. И не каждый мужчина мне подойдёт. Я обращалась в медицинскую лабораторию, чтобы мне подобрали список кандидатов, с которыми всё получится.

Между красивыми пшенично-золотыми бровями Арх-хана залегла глубокая морщина.

– Если семя защитника не прорастает в чреве ларчанки, значит, на то есть причины Духов Предков, нам неизвестные. Такое случается крайне редко, но если происходит, женщина

просто соединяется с другим достойным воином. Неужели у тебя было так много защитников, и семя ни одного из них не дало плодов, что ты решила обратиться к медицине?

Я почувствовала, как краска стыда стремительно заливает лицо. Вот уж не думала, что за каких-то пару фраз мы перейдём к обсуждению мужчин в моей жизни, а точнее, их полному отсутствию.

– Э-м-м-м... не то чтобы у меня было много мужчин... – пробормотала я, чувствуя, что это преуменьшение века.

– Ваша лаборатория подобрала для тебя слишком узкий список?

Арх-хан действительно пытался понять, и это импонировало. Я видела это по тому, как он заинтересованно склонял голову, как пульсировали вертикальные зрачки в серо-зелёных глазах, как он принюхивался...

«Вселенная, да меня даже родная мама никогда не пыталась понять, а он это почему-то делает...»

Ларк присел на корточки, чтобы наши взгляды сравнялись. Огромный такой, мощный мужчина с обнажённым торсом, прикрытым лишь пшеничными жгутами волос, вождь целого клана, бросил дела и сел рядом с маленькой девушкой, до которой ему, по идее, не должно было быть дела. И вот странность: он сидел рядом, закрывал мощными плечами обзор на то, что у него за спиной, из прикреплённых к голени ножен торчала рукоять самого страшного холодного оружия, которое я когда-либо видела в своей жизни, – а я да-

же не думала убежать или вызвать Аарона на помощь. Просто продолжала сидеть рядом.

– Нет, список нормальный, – произнесла я, немного подумав. – Но мне не нравятся эти мужчины. Мама выбрала одного и считает, что ей виднее, а жених настаивает на том, чтобы ускорить свадьбу. У вас разве такого нет?

Арх-хан смотрел на меня, не мигая. Его грудь медленно поднималась и опускалась, даже расслабленные мышцы выглядели достаточно внушительно.

– Нет, – заговорил ларк спустя неполную минуту молчания. – Женщины вольны сами выбирать, кто из защитников им нравится. Воины вольны выбирать, покровительство какой ларчанке оказывают. Если кого-то что-то не устраивает, то пара распадается. Иногда даже тройка.

– Тройка? – эхом пробормотала. – В смысле двое мужчин и одна женщина?

Как аналитик я читала историю Цварга, и точно знала, что были попытки узаконить и такие браки – слишком велик перекос в демографии, – но цварги те ещё собственники. Слава Вселенной, законопроект был почти единогласно отклонён на этапе предварительных чтений. Я себе и одного-то мужа выбрать не могу, не то, что двоих.

Мужчина пожал плечами.

– Соотношение может быть в обе стороны, лишь бы было удобно всем участникам. Но Духи Предков не венчают такие союзы.

– И вы не ревнуете? – изумлённо переспросила.

– А что такое ревность? – вопросом на вопрос ответил Арх-хан.

– Ну-у-у... это... когда...

Я попыталась объяснить и поняла, что сама не знаю определения данного слова. Мне хотелось сказать: «Вот если бы мой жених Аарон пригласил на свидание другую девушку, то я бы заревновала», – но я с удивлением поймала себя на мысли, что нет. Не заревновала бы. Благословила бы и посочувствовала той цваргине, ибо самоуверенность агента в собственной неотразимости не знала границ. Весь вечер бедной девушке предстояло бы выслушивать какой он замечательный будущий супруг.

Пока я размышляла Арх-хан внимательно наблюдал за мной, а затем неожиданно улыбнулся уголками губ:

– Похоже ты и сама не знаешь, что такое ревность, но в вашем Мире принято её испытывать. Я, кажется, понял, что ты имела в виду. Мне казалось, на Танорге очень мало пар, которые женятся... Вот на каком-нибудь Цварге или Захране, там да, браки – частая вещь. Я всегда считал, что в этом мы с таноржцами похожи. У нас Духи Предков тоже очень редко венчают союзы.

– Как сложно, – пробормотала я, чувствуя нарастающую тревогу.

«Шварх, я опасно близко подошла к правде...»

Ларк внезапно мотнул длинной золотой гривой, от чего

крошечные колокольчики в волосах мелодично зазвенели, и возразил:

– Да нет, как раз у нас всё очень просто, а ты полна противоречий. Несколько дней назад ты с гордостью заявила, что будешь принадлежать лишь одному мужчине, а сейчас рыдала из-за этого же факта. Скажи, тебе нравится соединение с твоим защитником?

В первую секунду я замерла от шока. Как вообще можно спрашивать о таких вещах?! Во вторую поняла, что от меня ждут ответа... Шва-а-а-арх, и ведь не соврёшь...

Пока Арх-хан говорил, он поставил обе руки по бокам от моих плеч и буквально навис надо мной, а я ощутила, как во рту стало сухо словно в пустыне. Вертикальные зрачки часто-часто пульсировали, а на их дне клубилось нечто такое, что как воспитанная цваргиня я всё это время старалась игнорировать. От мужчины пахло терпкой смесью луговых трав, влажной корой и костром, а ещё чем-то мускусным, почти звериным. Я облизала пересохшие губы и, чувствуя, как пылают щёки, ответила правду:

– Я... не знаю.

– В смысле, ты не знаешь?! – Неподдельное изумление сквозило в вопросе.

Вертикальные зрачки стремительно заполнили тьмой оливковую радужку, грудь вождя поднялась и замерла, а ноздри расширились.

– У нас ещё ничего не было.

– Лейла, я правильно понимаю, что ты ещё ни разу не была с мужчиной, но собираешься навсегда вручить ему право до конца жизни оказывать покровительство?

Мужской голос неожиданно стал подозрительно вкрадчивым.

«Да... нет... не знаю»

С его постановкой вопроса я почувствовала себя невероятно глупо. Одной фразой Арх-хан с оглушительным звуком разбил хрустальный дворец вбитых с детства убеждений. Мне всегда казался логичным и правильным уклад жизни на родине: познакомиться с цваргом, пожениться, только потом думать о чём-то большем. Это было само собой разумеющимся. Таковы были *правила*. Да, неприятно, что Планетарная Лаборатория предлагает список кандидатов и надо непременно выбрать кого-то из них... Но ведь с другими цваргами я даже шансов завести в будущем полноценную семью не имею. Логично? Логично. А что до того, что мне никто не нравился до сих пор... это же только мои проблемы.

Воздух стремительно покидал лёгкие, а я действительно не знала, как возразить собеседнику. Да и надо ли? Ощущение накатило сродни тому, будто тридцать девять лет я видела мир лишь в чёрно-белых красках, и вдруг кто-то сказал, что можно снять затемняющие очки и увидеть ослепительный красный, насыщенный жёлтый, потрясающий зелёный... Что правила лишь в моей голове. А что, так можно было?!

Я сидела, уставившись на Арх-хана, а он, будто поняв, о чём я думаю, вдруг медленно поднял ладонь и, не отрывая гипнотического потемневшего взгляда, вынул заколку из моих волос. Привычный пучок ослаб, тяжёлая волна упала на плечи.

– А так твой защитник делал?

«Как? Трогал ли волосы?» – хотела я переспросить, но слова застыли в горле, так и не оформившись в звуки.

Неожиданно мягкие мужские губы оказались на шее – вначале за мочкой уха, а затем спустились чуть ниже, рождая невероятные по остроте ощущения. Ошеломляюще горячий и неожиданно шероховатый язык вождя нарисовал затейливый завиток. Я замерла, как пойманная лань на водопое. Из лёгких вырвался сдавленный «ах».

Последовал ещё один оглушающий сознание влажный вилок...

И ещё.

Каждое прикосновение языка Арх-хана к моей шее рождало волну томительного жара. Волны наслаивались друг на друга, медленно и густо растекаясь по артериям и венам. Время потеряло всякий смысл. Вначале закололо грудь, потом вдруг захотелось поджать пальцы ног. Я закрыла глаза, чтобы сосредоточиться на этом новом и совершенно неземном ощущении. Арх-хан спускался всё ниже и ниже, а внутри меня накапливалось что-то тугое, тёмное и сладкое.

«Наверное, надо возразить? Приличные девушки так не

поступают...»

Безумие грозило вот-вот перерасти в катастрофу. На языке крутились дурацкие слова, значения которых вылетели из головы. Большая мужская ладонь скользнула мне на талию и тронула нижнее полушарие груди. Я хотела возмутиться, но мужской язык затанцевал на моей шее что-то одурительно-невообразимое, и это окончательно свело с ума.

Упоительные ощущения.

Удовольствие за гранью горизонта событий.

Хвалёный самоконтроль чистокровной цваргини улетел в швархову сосущую чёрную дыру, я громко застонала, чувствуя, что чего-то не хватает. Совсем немного. Ещё чуть-чуть. Слишком тугое кольцо вокруг рёбер, слишком тяжело дышать, да всё слишком...

Веки закрылись сами собой, потому что хотелось сосредоточиться на том, чего мне не хватало. Сердце оглушающе билось где-то в висках, а от горячего мужского дыхания на коже внутри всё расцветало пламенными лепестками.

Миг – Арх-хан отстранился, и ощущения резко изменились. Вместо тухлявого пня ко мне сзади прижималось обжигающе горячее мужское тело. Мои лопатки – его выпуклая грудь. Моя поясница – его рельефный напряжённый живот. Мои ягодицы – его...

Последняя мысль отрезвила похлеще удара о гравиплатформу, и я распахнула глаза. Офисная рубашка капитуляционным флагом белела на траве. Мозолистая ладонь Арх-ха-

на гладила мой живот, притягивая за талию к твёрдому мужскому торсу. Я сидела на его бедре в бесстыдной позе, практически имитирующей сексуальный контакт, и там, где его кожа касалась моей, внутри всё полыхало как в ядерном реакторе. В одно мгновение я почувствовала себя оголённым проводом, который засунули в воду.

Недвусмысленно упирающееся в ягодицы стальное желание красноречиво говорило о том, насколько я была не права, решив выговориться ларку. Периферийное зрение уловило край задравшейся кожаной короткой юбки, и я облизала пересохшие губы, стараясь не думать о том, что между нашими телами нет даже видимости преграды. Волоски на теле встали дыбом.

«Вселенная, Лейла... Что ты творишь?! Одноразовая интимная связь до брака? Где? С Кем?!»

Накатило понимание: мы в лесу, вокруг ни души, огромный и сильный ларк прижимается всем корпусом... Мужчина, которого я знаю меньше недели, с которым я разговаривала всего-то пару раз. Я замерла, сглотнула сухим горлом и срывающимся голосом прошептала:

– Отпусти, пожалуйста.

Вождь отстранился и одной рукой повернул меня на своём бедре так, чтобы заглянуть в глаза.

– Зачем?

И всё-таки он был невероятно красивым в своей истинно brutальной, грубой, почти дикой красоте. Даже предста-

вить себе не могла, что жёсткие четко очерченные губы могут быть такими нежным. Лучи солнца золотили его гриву, а в необычных глазах клубилось почти звериное желание. Он дышал так же часто и рвано, как и я...

– Я не хочу. Это ошибка.

«Ошибка, ошибка, ошибка», – эхом мысленно повторила про себя три раза и даже на миг зажмурилась, чтобы не видеть эти фантастические глаза и великолепные губы.

– Врёшь. Ты хочешь.

Арх-хан взял мою руку в свою огромную ладонь и провёл большим пальцем по тонкой коже запястья. Вроде бы невинное действие, но вкупе с тем, что только что вытворял его язык на шее, я задрожала всем телом. От страха, разумеется, от чего же ещё?

– Я не хочу, – повторила опять.

Мужчина больше не шевелился. Лишь непроглядная и порочная тьма клубилась на дне неповторимых вертикальных зрачков, а от следующей фразы меня как кипятком ошпарило.

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Дикие Земли

– Ты врёшь, Лейла.

Я старался, чтобы голос звучал как можно мягче. Она отрицала то, что мне было очевидно. Да и как можно отрицать настолько естественные вещи?! Неужели она действительно

думает, что я не почувствую *такое*? Цветочный медово-пряный аромат её возбуждения наполнил мои лёгкие и всё пространство вокруг, она дрожала всем телом, её губы пересохли. Капельки пота покрывали идеальное женское тело, кожа блестела словно масло.

– Я слышу запах твоего тела. Оно кричит об обратном и умоляет, чтобы я его взял.

Видимо, я всё-таки сказал что-то не то или не так, потому что с этой фразой зрачки девушки резко сузились, и вот теперь-то в них появился настоящий испуг.

– Отпусти меня. Если не отпустишь, я закричу, и сюда сбегутся все члены твоей стаи и моя команда!

Она почти выкрикнула эту фразу, неподдельные ноты подходящей истерики хлестнули по нервным клеткам. Лейла явно решила, что я собираюсь сделать с ней что-то плохое, и даже не заметила, что я давно убрал руки за спину. Несмотря на острую резь в паху и яростный стук крови в висках, я бы никогда не сделал ей больно. Я всего-то хотел показать, как глупо и противоестественно разрешать кому-то о себе заботиться, если ты с ним даже не соединялся. Шварх! Это же должно быть очевидно! Что за дурацкие правила она вдолбила в свою хорошенькую черноволосую головку?!

– Здесь ты, я и Духи Предков Вечного Леса. Разве тебе нужны ещё зрители? – сказал, не скрывая горечи. – Кто же тебя держит? Я или твои собственные страхи? Самообман – худший из всех видов лжи.

Я видел, что Лейлу уже парализовало. Она сидела на моём бедре и чего-то ждала, её лихорадило, она элементарно не слышала и не воспринимала суть моих слов. А может, её переводчик забарахлил? Не знаю.

Грустно усмехнувшись ситуации, я поднялся с места, ссадив её с себя, одёрнул юбку, чтобы не смущать, и сделал вид, что ухожу:

– Долго не сиди на земле, она быстро остывает. Ты снова замёрзнешь, правильная девочка Лейла.

Она наконец отмерла, подхватила рубашку и умчалась, а я как последний идиот продолжил стоять у трухлявого пня и думать о том, что ни одна ларчанка ещё не задевала меня своим поведением так сильно. И дело не в том, что Лейла отвергла – это моя гордость могла проглотить, дело было в том, что она действительно собралась звать на помощь! Лейла дрожала в моих руках, была чувствительной и отзывчивой, а пахла так сладко, что я совершенно забыл о собственном запрете соединяться с человеческими женщинами. Где она выросла, что у неё настолько странное мышление?! Люди ведь проще ко всему относятся...

Какая-то навязчивая мысль крутилась в голове, она уже почти оформилась, но в этот момент слух уловил характерный хруст веток. Ох, если это бахрун, то надо отогнать.

Глава 12. Оружие не должно быть в руках слабых

Лейла Виланта. Планета Ларк. Дикие Земли

Следующие три дня я изо всех шварховых сил старалась не думать о том, что произошло между мной и Арх-ханом. Получалось это не просто паршиво, а адски скверно! Как будто я притащила на выставку изобретателей макет корабля без двигателей и всем пыталась доказать, что это самая быстрая модель среди истребителей. Многозначительные взгляды ларков, ухмылки, паузы, вздохи-выдохи... складывалось ощущение, будто все вокруг знали, как низко я готова была пасть. Вообще все. Практически с незнакомцем. В лесу. На голой земле.

«Вселенная! Как будто я табличку написала и прицепила себе на лоб... Что они на меня так пялятся-то?!»

Внутреннее раздражение на себя, на идиотскую сиюминутную слабость и на слишком уж наглого конкретно взятого ларка пробивало броню холодной вежливой отчуждённости. Идеально натренированный уважительно-цивилизованный кокон, который много лет служил гасящим фактором бета-колебаний на Цварге, вдруг стал давать трещины. Один раз я даже с Аароном жёстко сцепилась, когда он вдруг решил, что мной можно манипулировать, уповая на маму.

Ко всему, Ларк обладал какой-то иной гравитационной сеткой, потому что как бы я ни стремилась избегать Арх-хана, внутренний компас всегда выводил к нему, а проклятое сердце начинало колотиться где-то под рёбрами. От одного вида Арх-хана по телу проносились разряды тока, а волосы вставали дыбом. Как назло, в голове возникала одна и та же картина. Его сильные руки, что обхватили за талию, крепкие бёдра, что вжались в мои ягодицы сзади, и каменная мужская грудь, которую я чувствовала, едва касаясь лопатками. И я начинала злиться на себя ещё больше. Какого шварха мой организм так реагирует на этого мужчину?..

А ещё я никак не могла понять, почему вожак клана меня отпустил. Этот вопрос не давал покоя. Как бы я ни храбрилась и ни утверждала, что буду кричать, вряд ли кто-то из людей успел бы прибежать на крик о помощи. Я, скорее, охрипла бы, чем кого-то дозвалась, не говоря о том, что смехотворно считать, будто Джереми, Януш или Логан даже втроем могут противостоять мощному ларку. И Арх-хан это тоже прекрасно понимал. Но почему-то он всё же отпустил.

«Кто же тебя держит? Я или твои собственные страхи? Самообман – худший из всех видов лжи».

Эта странная фраза раз за разом раздавалась в голове.

Невольно событие у трухлявого пня вызвало в памяти воспоминания на парковке у Серебряного Дома и заставило волноваться ещё больше. А остановился бы Аарон, если бы под действием его внушения я ответила согласием? Если бы

разрешила к себе притронуться? Если бы он снял с меня рубашку? К чему бы всё привело тогда?

Непонятные, не до конца оформившиеся сомнения блуждали и роились в голове, не позволяя ни на чём сосредоточиться. Тридцать девять лет я провела на Цварге, училась на аналитика, а затем пошла в таурель-агенты СБЦ. Все эти годы я прожила, считая, что цварги – самая развитая и интеллигентная раса в Федерации Объединённых Миров. Порой я даже ловила себя на том, что горжусь нашим устройством общества, ведь все занимаются тем, чем хотят. Ну, а то, что супруга приходится искать среди одобренных планетарной медицинской лабораторией кандидатов, то это, в общем-то, неприятно, но не смертельно. Во-первых, мнение цваргини всегда учитывается, а во-вторых, что плохого в том, чтобы заранее знать, какова вероятность завести детей с будущим мужем?

Все тридцать девять лет я мыслила и поступала рационально, взвешивая каждое решение. Моя жизнь походила на атомные часы – абсолютно правильные и идеально точные. Именно за эти качества меня в своё время взяли в Службу Безопасности Цварга. Но иррациональный поступок Арх-хана выбил из колеи, а собственные чувства и отклик тела казались и вовсе ненормальными. Я до спазма желудка боялась признаться даже самой себе, что мне было жаль, что Арххан отпустил меня...

«Самообман – худший из всех видов лжи».

Как какие-то полчаса наедине с дикарём смогли настолько сильно выбить почву из-под ног? Как так вышло, что *ларк* умудрился посеять за такой короткий промежуток времени так много зёрен сомнения? Как вообще так получилось, что я сравниваю дикаря с образованным успешным цваргом и сравнение не в пользу последнего?!

Насколько ларки были внимательны и насторожены, настолько же люди не заметили вообще ничего. Некоторое время я не связывалась с Аароном, потому что чувствовала себя предательницей по отношению к Цваргу, а когда наконец со звонилась, просто не смогла рассказать, что произошло. Слава Вселенной, мужчины моей расы улавливают бета-колебания лишь тогда, когда находятся в непосредственной близости! Иначе я просто не знаю, как соврала бы страхующему агенту. Аарон явно был недоволен тем, что я провожу время на Ларке, но ввиду того, что после Диких Земель ларки могли отвести людей в цитадель, ему приходилось терпеть.

После очередного выматывающего диалога с Аароном я нажала крупную красную кнопку на коммуникаторе, разорвала соединение и повернулась обратно к лагерю, но мурашки мгновенно покрыли шею и руки. Слух уловил треск веток в каких-то паре десятков метров... а потом ближе и ближе. Кто-то пыхтел и невнятно бормотал ругательства.

«*Ларки всё поняли?!*» – мелькнуло заполошной мыслью, сердце от страха стукнулось о рёбра, но неизвестный наконец вышел из-за толстых стволов деревьев.

– Лейла, вот ты где! Я тебя всё ищу и ищу... – заговорил Логан, пытаюсь скинуть с себя ветку сломанного куста и паутину одновременно. – Ты так внезапно исчезла из лагеря, я уловил лишь направление... А ты что, кстати, делаешь так далеко в лесу?

Таноржец спрашивал непринуждённо, сосредоточившись на борьбе с растительностью, но я всей кожей чувствовала, что у меня проблемы...

«Вот так, Лейла, уходит в самокопание и слишком много думать о ларках...»

– Да вот, на зов природы пошла, хотела подальше от лагеря отойти.

– Ничего себе «подальше»! Я тут минут двадцать брожу, пытаюсь тебя найти...

Таноржец наконец смог отцепить от себя ветку кустарника, через который пробирался, и вопросительно уставился прямо на меня. Я развела руками, не зная, что ответить, и попыталась улыбнуться, мол, «рассеянная я». Логан нахмурился. Вновь огляделся, уже внимательнее.

– Ты действительно далеко забралась. Это же даже в противоположную от озера сторону. Мне пришлось бурелом преодолеть... Ты с кем-то говорила? – Он бросил взгляд на мигнувший на запястье коммуникатор.

Ладони вспотели.

– Да, я просто хотела поговорить с женихом наедине... В лагере много посторонних, а местное население имеет ост-

рый слух. Мне хотелось, чтобы нас никто не услышал.

Морщинка между бровей таноржца разгладилась, напряжённые плечи чуть опустились.

– Жених – это святое. – Он покивал. – Как здорово, что ты его так любишь, что находишь время в течение дня и ищешь уединение для общения. Получается, до этого ты тоже пропадала пару раз, чтобы с ним поговорить?..

Мы двинулись обратно, Логан болтал и при этом даже не подозревал, что от его слов у меня сердце вот-вот выпрыгнет из груди. За всеми увлечениями таноржцев местной флорой и фауной я не обращала внимания на то, что молодой человек Моник как раз наименее всех занят исследованиями. К счастью, от меня больше не требовалось ответов. Логан сам прекрасно справлялся с тем, чтобы поддерживать разговор.

– И всё-таки лучше бы ты не выходила из лагеря в одиночку. Здесь водятся опасные... животные.

– Животные? – эхом откликнулась я, не сразу поняв, о чём речь. – Ты поэтому меня искал?

– Разумеется. – Логан на секунду остановился, поджал тонкие губы и посмотрел весьма многозначительно. – Ларки – это животные. Не стоит обманываться...

Он шагнул вперёд, что-то говоря дальше, но я не расслышала из-за оглушительного треска. Прямо на моих глазах за долю секунды Логан провалился буквально по пояс, его лицо стремительно побледнело, и он заорал от боли.

Я отпрыгнула от края охотничьей ямы. Взгляд выхватил

тонкие, уложенные рядком прутья, которые закрывали ловушку до сих пор. Если бы таноржец был внимательнее, то мог бы её заметить...

– Больно! А-а-а, как же больно... – подвывал Логан, ничего не стесняясь и щедро вставляя в свои крики ругательства. – Проклятые тупорылые безмозглые ларки, чтоб их сожрали чёрные дыры...

Я попыталась его вытащить из ямы, но судя по перекосившемуся от страданий лицу мужчины – сделала только хуже. В итоге пришлось бежать за подмогой. Крики Логана стояли в ушах, когда я увидела первого попавшегося ларка на границе лагеря и объяснила ему, в чём дело. Джереми и Януш выглянули из шатра и, услышав о несчастном случае, тут же собрались. Несколько ларков наскоро соорудили носилки и вместе с людьми отправились доставать Левандовского.

– Лейла, что с тобой? Ты бледная как мел. – Моник обратилась ко мне, когда я наконец села на спальный мешок в общем шатре. – Ты так переживаешь за Логана? Да не стоит, будет впредь меньше болтать и больше смотреть под ноги. У меня в аптечке есть всё необходимое, даже если он сломал себе ногу в нескольких местах.

От волнения сердце колотилось в груди с невероятной силой, и мне было стыдно признаться, что я переживала не из-за Логана. Что, если ларки начнут интересоваться, почему мы так далеко отошли от лагеря? А если кто-то из них обратит внимание, что я исчезала уже не один раз? Это танор-

жец за неприязнью к коренному населению подумал, что мне требуется полное уединение для общения с женихом... Но это ведь ненормально, что я действительно подалась в бурелом...

– Я просто испугалась, что Логан там мог быть один, – быстро соврала и облизала губы. – Представляешь, он бы провалился, или я вместе с ним, и нам бы никто не помог?

Блондинка сочувствующе похлопала меня по плечу.

– Чувствуется, что ты не бывала в походах. Ну, подумаешь, ерунда какая... Левандовский как-то на Танорге поставил палатку на ночь на муравейнике...

Рассказ Моник прервался болезненными мужскими криками и бранью. Очевидно, неудачливого таноржца вытащили из ямы и уже принесли в лагерь.

– Аккуратнее, мне же больно! Ай! Я знаю, вы специально всё это устроили, чтобы выкурить с планеты нас как можно быстрее...

За стенкой палатки раздалось смачное «бумс», как если бы кто-то резко опустил тяжёлую ношу на землю, и сдавленный стон Логана, который перекрыл низкий рык:

– Мы донесли, а дальше что с ним делать – ваша забота.

Через несколько секунд полог шатра откинули, Джереми втащил страдающего Левандовского за подмышки, а Януш ему помогал как мог. Доктор биологических наук засуетилась, в шатер занырнула Танита, которая тоже, оказывается, ходила с мужчинами в лес.

– Я сломал ногу! Наверное, в трёх местах, не меньше! Мне срочно нужен рентген и нормальное лечение! Надо убирать-ся с этой шварховой планетки, полной вшивых тупиц! Моник, а я ведь тебе говорил, что нечего здесь делать!

– Это всего лишь вывих лодыжки, я уже посмотрела, – прошептала лаборантка тихо, кидая взгляд на аптечку. Она обращалась к Моник, но Логан её расслышал.

– Всего лишь? Всего лишь?! Я чуть не умер от боли! Эти звериные морды специально выкопали ловушку, чтобы один из нас туда попался! Дикари!

Щёки Левандовского покраснели от того, с каким жаром он доказывал, что нам надо убраться с Ларка. Он даже не заметил, как Танита закатала ему штанину, обработала кожу спреем-анестетиком, а затем вколола моментальное обезболивающее последнего поколения. Он лишь резко замолчал, а затем громко заскулил, когда одним ловким движением Януш вправил ему сустав.

– У-у-у-у! – заверещал таноржец, хотя даже мне было очевидно, что он уже ничего не чувствует. – Это всё из-за этих уродов! Вначале они отобрали у нас оружие, потом попытались отравить...

– Логан, о чём ты? Ты же ведь проверял всё пищевым анализатором. – Танита всплеснула руками.

– Именно потому, что я проверял, вас и не отравили! А сейчас, зная, какие мы беззащитные...

– Человек Логан Левандовский, я вызываю тебя на поеди-

нок! – раздался за тонкой тканью шатра взбешённый рык ларка.

Мне даже не надо было прислушиваться, чтобы понять, кому он принадлежит. Шонхорну, разумеется. За доли секунды всё переменялось. Таноржцы выползли из своего укрытия, девушки потрясённо молчали. Джереми попытался извиниться за поведение Логана, но во взгляде ларка было столько непримиримой ярости и ненависти, что даже мне стало как-то не по себе. Огромное мускулистое тело замерло напротив входа в наш шатёр, мышцы Шонхорна напряглись и чётко обрисовались под кожей. Злость и презрение буквально разливались в воздухе и хлестали по нервам. Остальные воины напряжённо замерли полукругом в десятке метров.

– Ну и что, Левандовский, будешь как последняя трусливая самка прятаться за чужими спинами?! – проревел Шонхорн, бросив мимолётом на меня такой взгляд, от которого ноги и руки парализовало.

– Нет, не буду. В отличие от вас, я не пользуюсь подлыми и грязными методами, и, если у меня есть что сказать, я говорю это в лицо как цивилизованный человек, а не вшивый дикарь!

Логан медленно вышел из шатра, нарочито прихрамывая. Стоит отдать ему должное, я не испытывала и десятой доли той идиотской храбрости и безрассудства, которые он демонстрировал.

– Повтори, что ты сказал! – взбеленился ларк.

«Он что, с ума сошёл? У него точно вывих лодыжки, а не помутнение рассудка?» — мысленно ахнула я, понимая, что с каждой секундой обстановка лишь накаляется, и обратного пути уже нет. Шонхорн, возможно, и не вождь клана, но его правая рука как минимум. И ларки такого не простят.

«Чего он добивается?»

– Что слышал. – Логан остановился у входа шатра и неожиданно самоуверенно сложил руки на груди.

Их с Шонхорном разделяли каких-то пять или шесть шагов.

– Вы считаете себя развитой и благородной расой, но на деле вы всего лишь группка уродов со звериными повадками, которая считает, что им всё дозволено. Вот и сейчас. – Он бросил взгляд на ножны ларка. – Ты вызываешь на бой, но на деле отобрал моё оружие. Где здесь благородство? Ты просто нашёл способ убить меня, а возможно, всех нас. – Левандовский обвёл рукой группу людей так, будто, будучи хостес в ресторане, искал свободный столик на многочисленных гостей. – Танорг, очевидно, принудил тебя принять гостей, и чтобы побыстрее справиться с обязанностями, ты приказал...

– Ложь! Сражайся как воин и отвечай за свои слова! – прошипел Шонхорн, резко нагнулся и метнул дентайр.

Клинок беззвучно вошёл в землю в десяти сантиметрах от травмированной ступни Левандовского. Если бы ларк хотел,

то рукоять уже торчала бы из ноги таноржца... или из его груди. Кадык Логана дёрнулся, кровь отхлынула от лица, и я поняла, что он не рассчитывал, что всё зайдёт так далеко. Он намеренно злил того, кого считал вождём, но что-то пошло не по плану.

– Оружие не должно быть в руках слабых, но для тебя я сделаю исключение! – заревел Шонхорн не своим голосом и двинулся на того, кто так опрометчиво поливал грязью местных жителей. – Бери дентайр, трус! Я порву тебя голыми руками!

Лицо таноржца исказила гримаса ужаса и неверия, похоже, он до последнего был уверен, что боя не будет. Секунда-другая... Время растянулось в вечность. Я видела, как Логан наклоняется и неумело хватается за ручку непривычного клинка, с усилием выдёргивает из земли и выставляет перед собой, а рассвирепевший ларк летит на острие, сжимая кулачищи. Мне как агенту таурель-класса, не раз видевшему и анализировавшему рукопашную борьбу в замедленной съёмке, было очевидно, кто выйдет победителем. Шонхорн просто поднырнёт или обойдёт лезвие со стороны и с одного удара уложит, если действительно не убьёт, идиота-таноржца...

Но этого не произошло. Не менее большое и мускулистое тело врезалось в бок Шонхорна и повалило его на землю, одновременно каким-то немислимым движением выбивая клинок из рук Логана.

– Терехх, нет! – коротко вскрикнула Танита, прижимая обе руки к груди. Этот вскрик с хлопком проколол пузырь времени, и терции понеслись с такой скоростью, что я больше не успевала следить за стремительно меняющейся картинкой.

Ларки принялись остервенело драться, вколачивая в торсы друг друга мощные удары, от которых у людей уже точно сломались бы кости. Послышались утробные, глухие и рычащие звуки. Клубок татуированных мускулистых тел снес шатер, оставив вмятину на земле, врезался в дерево, с хрустом сломил другое... Я не могла рассмотреть, что происходит, но волосы на теле встали дыбом от кипящей густой ярости, которая выплёскивалась из обоих бойцов. И что самое страшное – они дрались молча.

Сердце испуганно замерло, когда сцепившиеся не на шутку мужчины задели костёр и ввысь взметнулся рой красно-алых искр. Но ни один из мужчин не взвыл от боли. Наступившая тишина после криков и оров казалась сюрреалистичной.

«Вселенная, они же поубивают друг друга...»

Я в полнейшем ужасе смотрела на воинов, замерших во круг, будто не происходит ничего особенного, и случайно зацепилась взглядом за удовлетворённое выражение на лице Логана. С леденящей кровью ясностью пришло понимание: он *рассчитывал* на такой исход событий. Левандовский какими-то немислимыми умозаключениями сразу просчитал,

что оружия ему не дадут... В голове мелькнула фраза: «Оружие не должно быть в руках слабых», – а ведь Арх-хан мне уже говорил её однажды ночью у костра... Получается, Логан подслушал? И решил, что я уединяюсь в лесу с ларком? Поэтому искал меня сегодня?..

Впрочем, не так важно, с какой целью он пробирался через бурелом, как то, что он рассчитывал, что ему дентайр не дадут, и целенаправленно злил Шонхорна. Логан понимал, что Терекх вступится за него, ведь все мы видели, что именно этот ларк проводил больше всего времени с людьми. Ко всему, если я заметила, что Терекха избегают свои же, то наверняка это заметил и Логан.

«Выходит, он хотел завязать драку среди ларков. Но зачем?!»

Я ещё раз посмотрела на лица учёных, на бледную от страха Моник... Левандовский, не скрывая внутреннего торжества, криво улыбался, почти что поедая взглядом напуганную блондинку. Сражение Терекха и Шонхорна его, казалось, вообще не интересовало. Шестерёнки мыслей завращались, я вспомнила, что эти двое недавно ссорились... Разгадка маячила где-то очень близко, я это чувствовала, но очередной грозный рык вырвал меня из глубокого состояния анализа и заставил всех вздрогнуть:

– Хватит!

Металлический голос настоящего вождя клана прорезал воздух. Оказывается, всё это время я не дышала. И воины,

и люди синхронно обернулись на говорившего и вытянулись как по команде. Дерущиеся Шонхорн и Терекх, тяжело дыша, оттолкнулись друг от друга. Вся спина и правый бок ларка, как две капли воды похожего на Арх-хана, за исключением разноцветных глаз и татуировок, были покрыты глубокими ожогами. У Шонхорна растекался лиловый синяк под глазом и в области рёбер, из порванной губы текла алая кровь...

Арх-хан посмотрел на людей. Высокий, с идеальной осанкой, в доспехах с пластинами на плечах и с переливающимися тёмными чешуйчатыми наручами на предплечьях, со множеством кожаных ремней на выпуклой груди и длинным-длинным пшенично-золотым хвостом из тонких кос и дредов, он выглядел воинственно, внушительно и опасно. В серо-зелёных глазах с вертикальными, как у хищников, зрачками плескался еле сдерживаемый гнев, однако голос мог бы заморозить пустыню:

– Люди, мне жаль, что вы это увидели. Можете отдыхать в своём шатре. Шонхорн будет наказан.

Идеальная тишина опустилась на лагерь. Казалось, не только ларки и люди прекратили дышать, но даже дятел на соседнем дереве раздумывал, а имеет ли он право дальше заниматься своими птичьими делами. Острый, как лезвие, взгляд Арх-хана ощупывал всех участников внезапного мероприятия. Вспарывал пространство, раздевал до костей и вытряхивал все мысли из головы. Воины опускали головы, таноржцы отводили глаза. Когда взгляд вождя наткнулся на

меня, это стало сродни удару током. Понятия не имею, что он подумал об этой ситуации, но за предыдущие дни я старалась не пересекаться с Арх-ханом, а тут... как будто контакты сошлись, и заискрило. Вертикальные зрачки чуть увеличились и часто-часто запульсировали. Но Логан снова умудрился всё испортить:

– Уважаемый... вождь...

«Молчи уже!..»

– ...Я надеюсь на вашу справедливость и на то, что тот, кто устроил охотничью яму на людей, тоже понесёт плату за содеянное. Аппарат Управления Таноргом будет крайне разочарован, если узнает, что настолько сильно кто-то из ваших подчинённых ненавидит людей и это поощряется. Возможно, наше правительство задумается, а стоит ли в принципе торговать с Ларком.

Арх-хан посмотрел на Логана, и тот замолчал.

Глава 13. Воины не плачут от боли

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Дикие Земли

– Он специально это сделал... Он смешивал нас с дерьмом хтэрра, Арх-хан! Мне больно видеть, что мы, ларки, должны выслушивать откровенное враньё и унижения в свой адрес! Ты становишься мягкотелым, как и Терекх! Возможно, нам следует выбрать нового вождя?! От тебя за версту несёт человеческой самкой! Это поэтому ты заступился за людей, да?!

«А мне больно видеть, как в приступе гнева ты нарушил заветы предков, мой друг».

Кровь прекратила капать с лица Шонхорна, но ярость всё ещё туманила его разум, а грудь ходила, как кузнечные меха.

– Это не имеет значения, и ты это прекрасно знаешь.

Я отрицательно покачал головой и сжал кулак с такой силой, что ногти впились в ладонь. Именно тогда, когда Шонхорн мне нужен больше всего на свете, когда я хотел попросить его о помощи и связи с Духами Предков, он преступил черту!

– Я вижу, как ты смотришь на неё. – Шонхорн неожиданно зло зашипел. – Это неправильно! Ты хочешь её не только покрыть, но и защитить. Она недостойна этого, как и все люди. Они – гнильё, и теперь, надеюсь, ты убедился в этом

сам, Арх-хан! Я ничуть не жалею о содеянном! Да, я отдал дентайр этому жалкому трусу, но жалею лишь о том, что не сделал этого раньше! Если бы этот отвратительный гнойный нарыв был вскрыт с самого начала, то ты бы даже не посмотрел в сторону человеческой самки...

Злость хлестнула по натянутым нервам.

– Готовься, сегодня вечером ты примешь наказание.

По щекам мужчины прокатились желваки.

– Изгнание? – Шонхорн буквально выплюнул это слово.

Перед глазами промелькнули многочисленные годы нашей дружбы. Ещё будучи подростком и значительно крупнее по массе, Шонхорн бросал мне вызов за место в стае, но я всегда побеждал. И всякий раз он с гордостью обрезал край косы. Судя по его лицу, он тоже всё это прекрасно помнил.

– Нет, – произнёс я, подумав. – Но тебя лишат звания защитника.

– Кто это делает?

Мой теперь уже бывший советник скрипнул зубами и раздражённо мотнул головой в сторону молчаливого Терекха.

– Он? Или, может быть, ты снизойдёшь и сделаешь это лично?

Я понимал его агрессию. Лишиться звания защитника для доблестного воина – позор. Он предпочёл бы изгнание, да только ведь погибнет же. Я не могу поступить так с другом детства. Сухие Пески неотвратимо наступают, а хтэрры не дремлют.

– Нет, Шонхорн, это сделает Дайнагорн. Будь готов после заката.

– Как прикажешь, мой вождь. Я преступил закон и с честью приму наказание. Надеюсь, мой поступок раскроет тебе глаза, – ответил Шонхорн, на секунду засомневался, но всё же приложил кулак к груди, прежде чем уйти.

Терекх, стоявший всё это время поодаль, кашлянул.

– Это я виноват.

– Не ты его заставил вручить дентайр пришлому. Всё в порядке, Терекх, ты поступил правильно.

Бессмысленные ожоги на теле младшего брата буквально кричали о том, что я должен был предвидеть эту ситуацию и оказаться в лагере раньше.

– На вечер назначен праздник... всё отменять? – уточнил брат, немного помолчав.

– Нет, оставь. – Я вздохнул. – Мальчишкам нужен праздник, как и воины должны отвлечься от того, что сделал Шонхорн.

Терекх кивнул, и по тому, как сжал челюсти, было видно – он хотел спросить что-то ещё.

– Ну? – спросил я, даже не подозревая, что ответ Терекха клинком войдёт в самое сердце.

– Я говорил с ребятами. Харц и Лехои готовы выполнять мою работу в клане... Я долго пытался приспособиться, но понимаю, что больше так не могу. Отпусти меня.

Он стоял с ровной спиной и расправленными плечами,

внимательно глядя на меня разноцветными глазами. Он был готов спорить в случае отказа, но у меня язык не повернулся сказать ему «нет».

– Ты хочешь покинуть клан? – хрипло переспросил я, чувствуя, как зарождающаяся боль утраты растекается по телу. – Мало того что я сегодня лишился советника, кажется, я лишусь ещё и младшего брата.

Терекх покачал головой.

– Ты никогда меня не лишишься, Арх-хан. Просто я хочу попробовать начать всё заново среди людей. И эта человеческая девушка... Танита... пытается обо мне заботиться.

Я грустно усмехнулся, на мгновение попытавшись себе вообразить, чтобы какая-то ларчанка заботилась о младшем брате. Не получилось. Ларчанки слишком гордые, и такое поведение для них недопустимо. Принять защиту двух или трёх ларков для них совершенно естественно, но сами они тревожатся лишь о детях. Дикие кошки, которым нравится гулять самим по себе... ничего общего с человеческими женщинами.

– Терекх, я же говорил тебе...

– И что?! Думаешь, я не почувствовал, как от тебя на днях пахло одной из таноржек? Той, другой брюнеткой. Ты будешь лицемером, если снова запретишь мне приближаться к Таните!

Я помассировал указательным и большим пальцем переносицу, прежде чем ответил:

– Люди забавные и иногда до абсурда ставят всё с ног на голову. Порой я поражаюсь, как они вообще выживают в своём Мире. Я неоднократно видел, что у этой расы кормят и лечат именно женщины, причём нескольких мужчин сразу. Ты мог неправильно понять заботу девушки.

Брат вновь решительно покачал головой.

– Мне кажется, что она примет защиту, если я предложу.

– Ты уверен?

– Нет. – Терекх отвёл взгляд в сторону и на секунду плотно сжал губы. – Мне страшно, но я хочу попробовать. В конце концов, люди странные, но во многом на нас похожи. Я не всегда понимаю мотивы их поступков, но Танита ни разу не обижалась на вопросы. Если у меня ничего не выйдет, то я обязательно вернусь на Ларк.

– Ты не хочешь предложить ей попробовать остаться у нас?

Брат посмотрел возмущённо.

– Это было бы самым эгоистичным поступком, который только можно представить. Это недостойно защитника. Я бы сам себя перестал уважать после такого. Ты не хуже меня знаешь, что Ларк убивает людей.

Я тяжело вздохнул и предпринял последнюю попытку.

– Терекх, пойми, ты мне нужен. Шонхорн сегодня поступил опрометчиво, и я лишился советника. Дайнагорн не хочет занимать его пост, другие воины слишком молоды. Сухие Пески расширяются. Духи Предков...

Я хотел сказать «покидают Ларк», но брат перебил:

– ...всегда тебя услышат, если ты попросишь по-настоящему. И я уверен, что ты что-нибудь придумаешь. Арх-хан, ты прекрасно справляешься. Если ты меня уважаешь – отпусти.

Я понимал, что если открыто признаюсь, что у всех вождей соседних кланов одна и та же крупная проблема и никто не знает, как её решать, Терекх останется. Вот только это будет нечестно. Быть вождём клана – моя ноша, а не его.

– Хорошо. Ты можешь улететь с людьми на Танорг, когда они соберутся и если захотят взять тебя с собой. Обращаться к Аппарату Управления их планетой ради отдельного корабля я не стану. Позови мне Харца... Хотя нет, никого не зови. Я поговорю с ним позднее. Оставь меня и попроси до вечера не беспокоить. Мне надо подумать.

– Да, мой вождь! – Разноцветные глаза брата благодарно заблестели, он порывисто приложил руку к груди и лёгкой поступью скрылся за деревьями.

Я проследил взглядом за золотой косой Терекха. Вождь клана во мне негодовал и требовал вернуть единственного ларка, который мог бы занять пост советника, а старший брат прошептал, что отпустить Терекха на Танорг – меньшее, что я могу сделать, чтобы он нашёл своё счастье.

Лейла Виланта. Планета Ларк. Дикие Земли

После случившегося в лагере наступила тишина, какая

бывает лишь на похоронах – густая, тянущая, тревожная. Ларки принялись убираться после драки, кто-то отправился за дичью. Людей они принципиально игнорировали.

Таноржцы, за исключением Логана, стали говорить шёпотом. Краем зрения я увидела, как Танита подошла к Терекху и робко предложила обработать ожоги. Тот долго и пристально на неё смотрел, а затем всё же сухо отказался от медицинской помощи, оставив, растерянную, с бинтами и антисептиками около шатра. Левандовский лишь ещё шире усмехнулся, также пронаблюдав за этой мини-сценой, и, не скрывая издёвки, кивнул Моник, мол, «смотри, какие цивилизованные». Доктор биологических наук с красными от слёз глазами метнула в него рассерженный взгляд и скрылась в шатре. Джереми и Януш, неловко потоптавшись, решительно подхватили плетёные бидоны и скрылись в направлении поляны с ягодами асаи.

Так и не придумав, чем заняться, и ощущая на себе многочисленные взгляды ларков, я решила тоже уйти. Недалеко, ненадолго – просто чтобы не мешаться под ногами воинов, которые заново ставили сметённые Терекхом и Шонхорном шатры, перекладывали сломанные стволы деревьев и разжигали костёр. Вроде бы никто не умер, ничего непоправимого не случилось, и дела ларков меня вообще не касаются, но, тем не менее, я чувствовала себя неуютно.

В итоге весь день я кружила рядом с лагерем, надеясь, что вот-вот придёт чувство облегчения, но оно, зараза, всё ни-

как не приходило. Дурацкое чувство вины навалилось с тяжестью крейсера, потерявшего в космосе оба комплекта антигравов. Зачем я вообще пошла общаться с Аароном? Можно было бы отписаться, что ничего не происходит. Зачем выбрала тот бурелом? Не последуй Логан за мной, он бы не провалился в охотничью яму, и ничего бы не произошло... Понятно, что он продолжал бы недовольно ворчать на ларков, но у него не было бы повода устроить то, что в конце концов произошло. Шонхорн мне не нравился, но я не считала его виноватым в случившемся.

В какой-то момент ноги сами свернули с проторенного маршрута, стволы расступились, и я увидела неподвижно сидящего на шкуре Арх-хана. Я замерла, забыв, как дышать. После того случая, когда он нашёл меня заплаканной и мы зашли дальше, чем следовало, было полнейшим безрассудством и глупостью оставаться с ним наедине. А его убийственный взгляд после драки Шонхорна и Терекха... Вдруг он на меня злится? Первой мыслью было исчезнуть и сделать вид, что меня здесь не было, тем более мужчина сидел с закрытыми глазами, но что-то сквозило в его позе такое, что я застыла. Иррационально. Просто не смогла сделать шаг назад – и всё тут.

Редкие пробивающиеся сквозь крону лучи солнца золотили густую гриву волос, уложенных причудливыми косами и жгутами. Ветер теребил колокольчики и бусины, и этот еле слышимый звук удивительным образом сливался со звука-

ми леса. Будто Арх-хан сам был частью этой природы. Хотя почему «будто»?.. Внушительная мускулистая грудь поднималась и медленно опускалась в такт перезвону колокольчиков, так дышат хищники после длинного тяжёлого дня. Арх-хан оказывал на меня какое-то гипнотическое воздействие. Я стояла и смотрела на него, как смотрят на огонь, воду или космос.

– И долго ты будешь наблюдать за мной, правильная девочка Лейла? – раздался бархатный и густой, как мех, голос ларка.

Он должен был прозвучать с легкой насмешкой, но лично мне слышались нотки усталости. Я смущенно переступила с ноги на ногу, чувствуя себя пойманным врасплох воришкой пирожков из кондитерской.

«Кажется, не злитесь... и то хорошо».

– А-а-а-а... откуда ты знаешь, что я тут стою?

Арх-хан распахнул глаза и посмотрел на меня пронзительно-укоризненным оливковым взглядом.

– Ты пахнешь, – коротко сообщил он, а я вспыхнула, подумав, что вообще-то мылась вчера вечером.

«Успокойся, Лейла, он не имел в виду ничего плохого, у них просто нюх хороший...»

– Ну?

Ларк красноречиво приподнял пшеничные брови и указал на место рядом с собой.

Я смущенно прикусила губу и скользнула на шкуру рядом

с практически обнажённым ларком. От него, как и в первую ночь нашего знакомства, исходило тепло. В десятке сантиметров на шкуре рядом это ощущалось очень остро.

– Зачем ты искала меня?

Вопрос прозвучал достаточно резко, но, положив руку на сердце, вождь имел право на такой тон. И из-за того, что я потребовала у него остановиться у того трухлявого пня, и за то, что была, когда началась драка Шонхорна с Терекхом. Было бы логично, если бы ларки воспринимали нас, «людей», одной общей компанией. Было бы глупо надеяться на то, что Арх-хан относится персонально ко мне по-другому...

Можно было возразить и сказать, что вовсе я его не искала, но правда заключалась в том, что мне действительно хотелось с ним поговорить. В мыслях уже достаточно долго крутилась брошенная завуалированная угроза таноржца. Я всеми внутренностями ощущала, что всё это неправильно, но не знала, с чего начать, а главное, не привлечь к себе лишнее внимание.

– Арх-хан, послушай, мне кажется, что Логан специально подстроил и спланировал драку...

– Знаю. Это всё?

Оливковые глаза посмотрели на меня спокойно и крайне серьёзно.

Он даже договорить мне не дал. Вот так просто?!

Я почувствовала себя глупо. «Лейла, куда ты лезешь с непрошенными советами?..»

– Я... просто хотела объяснить... что необязательно что-то делать с Шонхорном... его умело спровоцировали... Я там была и всё слышала...

Серо-зелёные глаза Арх-хана буквально прожигали меня насквозь, и я позорно зажмурилась.

Вселенная, Лейла, что ты несёшь? Он вождь целого клана здесь, на Ларке, а ты пытаешься ему диктовать, как поступить. Я вспомнила, как Аарон психовал, когда я пыталась что-то ему посоветовать, и уже мысленно была готова к вспышке гнева, но её не последовало.

Вместо этого Арх-хан взял меня за руку и мягко провёл подушечкой пальца по запястью. От неожиданной ласки я распахнула глаза.

– Лейла, я не злюсь на тебя. Мне сложно тебя понять, но я чувствую по запаху, что ты волнуешься. Причём сильно волнуешься.

«Как тут не волноваться-то?!» Ларк продолжал держать меня за запястье и поглаживать большим пальцем, на что я набралась храбрости и ответила:

– Мне показалось, что ты на меня злишься. В лагере, когда случилась драка, ты так на меня посмотрел...

Я вспомнила тот убийственный взгляд и невольно сглотнула. Щёки горели, и я уже не могла понять, от чего именно – то ли от стыда, то ли от близости мужчины. Как назло, память подкинула события около пня... как эти самые руки трогали мою грудь.

«Успокойся, Лейла, это для тебя он мужчина, который впервые увидел голый, а для него ты одна из сотен, и наверняка это ничего не значило», – мысленно сказала себе, и мне даже немного полегчало. Я осторожно забрала свою руку из крупных и мозолистых ладоней Арх-хана. Тусклая улыбка пробежала по губам мужчины. Он шумно вздохнул и потёр переносицу.

– Лейла, в лагере я был зол, но не на тебя. Ты пришла просить за Шонхорна – и это очень смело, поверь. Но он нарушил одну из пяти священных заповедей Ларка и за это будет наказан. Мужчина должен отвечать за свои поступки, это не обсуждается.

– Пяти заповедей? – повторила машинально.

Ларк кивнул.

– Почитай Духов Предков, не лги, не отдавай оружие в руки слабых, защищай женщин и детей, не убивай во имя наслаждения, но только ради еды или защиты.

– Хорошие заповеди, – пробормотала я, не зная, что на это ответить.

Вождь клана повторно кивнул и посмотрел вверх.

Я невольно проследила за взглядом мужчины. Небо. Просто небо. Хотя нет, не «просто». Днём оно было пронзительно лазурного цвета, с длинными, как перья, облаками, а сейчас полностью очистилось и потемнело, местами появились кобальтово-синие и фиолетовые разводы. Удивительно, Ларк и Цварг такие разные, а вот небо похожее.

Наверное, надо было тихо встать и уйти, но ещё одна вещь не давала покоя. Неловко кашлянув, я всё-таки уточнила:

– Арх-хан, а как насчёт слов Логана... Ну, про того, кто выкопал яму... Его ты будешь наказывать?

– Нет, не буду, – ответил мужчина, не отрывая взгляда от синевы небес. – Ларки не наказывают детей.

Заготовленные слова смешались, воздух со свистом вылетел из лёгких.

– Детей?!

Мне как-то в голову не приходило, что ту ловушку мог соорудить ребёнок. Перед мысленным взором вновь встала яма, вырытая глубиной едва по пояс и прикрытая ветками. А ведь я сразу подумала, что если бы Логан смотрел под ноги, то точно её обнаружил бы... Действительно, сделай её опытный охотник, то, наверное, мы бы попались вдвоём...

Очевидно, замешательство проступило на моём лице так явно, что Арх-хан, бросив на меня косой взгляд, всё же смиростивился и уточнил:

– Все ларки до тех пор, пока не пройдут первую инициацию, считаются детьми. Несколько дней назад я поручил Терекху отобрать подростков из ближайшей деревни, чтобы устроить праздник. Эту яму вырыл мальчик тринадцати вёсен от роду. Он рассчитывал, что поймает кабана, но попался ваш человек.

– Мальчик тринадцати лет? – повторила эхом, чтобы убедиться, что не ослышалась. – Кабана?

Арх-хан пристально посмотрел на меня:

– Да, всё верно. К сожалению, люди не понимают наших традиций.

– А ты попробуй объяснить. Может, я пойму?

В оливковых глазах явственно читалось сомнение, а потому я добавила:

– Пожалуйста. Ты же пытаешься понять меня, а я хочу понять тебя. – И приложила кулак к груди, как это делали воины, общаясь друг с другом. Мне показалось, что это жест означает доверие и уважение у коренного населения.

Изогнутых губ Арх-хана коснулась призрачная улыбка, смягчая жёсткие черты лица. Мама так улыбалась, когда я в далёком детстве надевала её платья, влезала в туфли на высоком каблуке и играла во «взрослую леди».

– Каждый ларк должен пройти инициацию и доказать, что достоин носить звание настоящего мужчины и защитника. Терекх сегодня с первыми лучами солнца вручил мальчикам оружие, чтобы они к сумеркам могли добыть еду и показать, что смогут заботиться о женщинах в стае. Ларк не может называться мужчиной, если не способен на это.

Мысли стремительно закружились в голове сорванными осенними листьями. Я непонимающе переспросила:

– Оружие?

– Ножи, мечи, копья – любое холодное оружие, которое попросит ларк на день инициации. Кроме того, будущий защитник вправе требовать верёвки или сети.

«Несколько маленьких мальчиков отправляются на заре в одиночку в глубокий лес, чтобы поймать дичь и что-то там кому-то доказать. Вселенная!..»

Эмоции превратились в оголённые провода, стоило представить эту картинку.

– И многие... не справляются? – спросила я, чувствуя, что не хочу знать ответ. Но не задать вопрос не смогла.

– Все дети из деревни справились, и сегодня вечером Дайнагорн наречёт их защитниками, – мягко ответил Арх-хан, каким-то десятым чувством поняв моё состояние. – А у тех, кто не готов сражаться с хищниками, всегда остаётся вариант разорить гнездо птиц и принести яйца или поймать кролика или белку. Такие ларки формально проходят инициацию, но звание защитника не получают.

Арх-хан внимательно смотрел, изучая моё выражение лица, а я просто не знала, что ответить. На Цварге давно мясо синтезируют в специальных лабораториях или целенаправленно разводят скот на фермах. У меня в голове не укладывалась традиция инициации мальчиков Ларка.

– Но ведь это жестоко... – пробормотала я потрясённо. – А если он выберет слишком сложную для себя цель? А если животное его убьёт?

Вождь хмуро покачал головой.

– Мы не наказываем детей, и они сами выбирают, когда становиться мужчинами. Если ларк слишком слаб и неразумен, значит, так тому и быть. Мужчина *должен* быть силь-

ным и разумным, умеющим правильно оценивать опасность и добывать пищу для стаи. Защитники же – сильнейшие из ларков.

Я совершенно по-новому оценила крепкую мускулатуру и каждый шрам на теле Арх-хана. Опасная красота. Это не тренажёрные залы и учебная борьба на татами для агентов алеф-класса. Несколько застарелых белёсых росчерков на груди у самого сердца заставили вздрогнуть. С какими животными он сражался?..

– Выходит, ты защитник? – спросила и тут же поняла, что сморозила глупость.

Вождь лишь в очередной раз усмехнулся в ответ на мой вопрос и, заметив, что я смотрю на его, напряг мышцы. Мускулы перекатились под загорелой кожей груди, чётче очертился пресс, хотя, казалось бы, куда ещё чётче... Щекам стало жарко. Меня, чистокровную цваргиню, застали врасплох за рассматриванием мужского тела... Да ещё какого! Вчера эта крепкая выпуклая грудь прикасалась к моей спине, а я сидела у него на бедре и каждой клеточкой ощущала мощь мужского тела... Поняв, что мысли свернули не в то направление, я закашлялась, резко вскинула взгляд выше и постаралась поменять тему разговора.

– И как же ваша инициация соотносится с заповедью, что оружие не должно быть в руках слабых?

Я нервным кивком указала на жуткий клинок со смертельными зазубринами, прикреплённый ремнями к ноге вождя.

Арх-хан некоторое время молчал, сверля меня серо-зелёным взглядом, в котором отражался весь лес и первозданная природа Ларка. Хмурая складка залегла между густых пшеничных бровей. И я поняла, что он прекрасно всё почувствовал. Моё возбуждение, затем смятение, жалкую попытку увести диалог в сторону. Он молчал, и от этого я нервничала лишь сильнее.

– Слабых духом, не плотью, – наконец отозвался ларк. – И, разумеется, дентайр надо заслужить. На инициацию мы его не даём.

Я потёрла переносицу двумя пальцами, намеренно прерывая зрительный контакт и вдумываясь в услышанное. Для девушки-цваргини традиции ларков казались варварскими, но внутренний аналитик мог их понять. *«Они растят воинов...»*

Внезапно Арх-хан с кошачьей грацией поднялся со шкуры, вновь напомнив мне крупного хищника, и подал ладонь:

– Пойдём, уже темнеет. Нам пора.

– Куда? – спросила заторможенно и вновь бросила взгляд на небо. За время нашего разговора оно приобрело оттенок спелого винограда, вспыхнули первые звёзды.

– Инициация защитников, наказание Шонхорна, – просто ответил ларк.

Мы шли на звук. Точнее, Арх-хан точно знал, куда идти, а я слепо следовала за ним. «Бом-бом-бом» – глухо стучали барабаны, и «тчш-тчш-тчш» – им вторили маракасы. Осле-

пительно пылающий багровым огонь я увидела издалека и споткнулась о торчащий корень, когда осознала, какой высоты достигает пламя. Ларк, седьмым чувством понявший, что я чуть не упала, играючи поднял меня, прижал к груди и, не давая больше ступить на землю самостоятельно, понёс на руках.

«Вселенная, какой он горячий...»

Обжигающая кожа ларка на несколько секунд заставила позабыть обо всём. Собственное сердце забилося так часто, что на неполную минуту заглушило звуки вокруг, а когда я всё-таки осознала, что меня совершенно бесстыже держат за ягодицы, попыталась возмутиться.

– Тихо, – на грани слышимости шикнул Арх-хан. – Если тебе неудобно, обхвати меня ногами.

Я так онемела от наглости вождя, что лишь запоздало поняла, почему он так сказал: мы пришли последними. Если бы не Арх-хан, то наше появление точно бы заметили, а так... он встал поодаль, и на нас никто не обратил внимания.

Полуобнажённые воины двигались вокруг костра, напевая что-то рваными гортанными звуками под стать барабанам, и звенели чешуйчатыми наручами. Огромные мускулистые ларки сняли с себя большую часть кожаных ремней и наплечники и теперь двигались настолько завораживающе пластично, что я никогда бы не подумала, что мужчины в принципе способны так двигаться.

И всё же музыка показалась тревожной. Танец был тре-

возможным. Напряжение буквально искрило в воздухе, а суровые лица мужчин напоминали каменные маски. Барабаны зазвучали интенсивнее и быстрее, воины задвигались в такт музыке, и их практически оголенные тела с чёрными татуировками теперь сливались с языками пламени гигантского костра.

Зрение выцепило нового ларка, которого я до сих пор не видела в отряде. Длинные, как у большинства, практически белые волосы достигали поясницы и были убраны в сложную косу из жгутов и прядей с такими же белоснежными бусинами на концах. Вместо короткой юбки – кожаные брюки и хлопковая туника с длинными рукавами, застёгивающаяся на запах наподобие халата. Он единственный стоял неподвижно, и поэтому я не заметила его сразу. Незнакомец выглядел таким же крепким, как и остальные воины, и, если бы не морщины на шее и глубокий взгляд, я бы не поняла, что ларк на самом деле уже достаточно стар.

– Дайнагорн, – шёпотом прокомментировал Арх-хан.

– Шаман?

– Все ларки немного шаманы.

Я вновь попыталась сойти с рук вождя, но он лишь крепче прижал к себе. Шершавые ладони чувствовались даже сквозь ткань, сильные пальцы сжали бедро и талию.

– Смотри. Ты же ведь хотела больше знать о наших традициях.

Горячее мужское дыхание коснулось мочки уха и шеи,

прострелив тело насквозь недавним воспоминанием.

– Отпусти меня. Я больше не запнусь и не упаду.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем тебя отпускать? Ты ниже ростом и на моих руках увидишь всё лучше.

– Затем, что это неприлично! – зашипела в ответ.

Я поёрзала, но от этого только лишь сильнее прижалась к пылающему торсу Арх-хана. Или это уже мне было так жарко? Сердце зашло в аритмии. Швархи меня побери, в этой позе действительно было бы удобнее, скорее, подтянуться на мужчине и обхватить его ногами... Вот только делать я этого категорически не собиралась. Этому зеленоглазому хитрецу недавно хватило нескольких минут, чтобы меня раздеть.

Вождь усмехнулся, словно прочитав мои мысли.

– Что именно неприлично?

– Всё. Я у тебя на руках. Тут же ларки! Вон там, – я мотнула головой в ту часть, где виднелись темноволосые макушки таноржцев, – мои друзья. Если они увидят нас в такой позе, то решат, что мы... всякое, в общем.

– Соединялись? – насмешливо протянул Арх-хан. – Лейла, неужели тебе не надоело жить с мыслями, что о тебе подумают другие? Жизнь слишком коротка, чтобы ограничивать себя рамками чужих ожиданий.

Оливковые глаза вождя посмотрели на меня внезапно очень серьёзно, а я замерла, не найдясь с ответом. И вот оно

снова повторяется... Одна фраза – как удар под дых.

– Неужели тебе не комфортно у меня на руках? – тем временем спросил Арх-хан, сжимая меня чуть крепче. Хотя куда уже крепче?

С такой хваткой, окажись мы в разгерметизированной части космического корабля, я осталась бы на месте, намертво прижатая к этому мужчине.

Я не то кивнула, не то мотнула головой, не в силах ответить что-то внятное. Ларк спокойно принял моё молчание и указал взглядом в сторону:

– Тогда смотри.

Несколько секунд мне всё-таки пришлось потратить на то, чтобы абстрагироваться от вызывающе пошлой позы. На Цварге без разрешения женщины на людях её даже за руку не берут. Неприлично, невоспитанно, нецивилизованно. А тут, на Ларке...

«А на Ларке всё по-другому...»

Я тряхнула головой, выкидывая ненужные сейчас мысли – потом подумаю – сфокусировала взгляд там, куда указывал Арх-хан, и тут же вздрогнула. Прямо перед костром стоял Шонхорн. Стеклянно-безразличным взглядом он смотрел сквозь танцующих ларков и зрителей вперёд.

Ритмичная барабанная дробь внезапно резко оборвалась. Танцоры замерли. Шонхорн гордо поднял голову и опустил-ся на колени перед Дайнагорном. Я всё никак не могла понять, в чём же будет состоять наказание, пока тот самый

седовласый ларк не встал за его спиной. Мелькнуло кипенно-белое остриё дентайра над головой провинившегося ларка.

«Он его убьёт?!»

Сердце остановилось от ужаса.

Я хотела крикнуть «стойте», но не успела. Миг – клинок со скоростью молнии рассёк воздух, и длинная светлая коса ларка упала на землю. Секунду или другую Шонхорн стоял неподвижно, лишь его голова чуть дернулась вперёд от внезапно потерявшего веса. Медленно, как будто не веря, он поднял руку и провёл пальцами по теперь уже коротким волосам, едва закрывающим уши. В глазах воина стояли слёзы.

Дайнагорн подцепил отрезанную косу клинком и отшвырнул её в пламя, которое, приняв подношение, взметнулось ещё выше. Следующим движением он достал из мешочка на поясе что-то бежевое и мазнул по коже Шонхорна. Сразу за Дайногорном подошёл один из замерших танцоров, тоже зачерпнул вязкую субстанцию из мешочка и провёл ладонью по спине товарища. А затем так поступил ещё один воин и ещё... Каждый воин, кто танцевал вокруг костра, подходил и мазал руки, спину, грудь Шонхорна чем-то плотным бежевым, пока кожа ларка наконец не стала напоминать бледный лён.

Шонхорн теперь плакал открыто, не стесняясь. Крупные слёзы катились из его глаз и падали на землю.

– Что это? Ему больно? – пробормотала я, в который раз

потрясённая за этот вечер.

Тело бравого и, наверное, самого крупного в отряде воина сотрясалось от беззвучных рыданий.

– Это глина, – тихо вздохнул Арх-хан на ухо, не отвечая на второй вопрос. – Воины не плачут от боли. Мы плачем лишь тогда, когда тело не способно справиться с эмоциями. Это не стыдно. Стыдно нарушать заветы предков.

«Они замазывают татуировки на его теле, показывая, что он недостоин их большие носить...»

Словно во сне я наблюдала, как Шонхорн поднялся с коленей и в абсолютной тишине покинул костёр. Затем Левандовский начал громко возмущаться, что он мог сломать ногу и остаться инвалидом, а за это зачинщика всего лишь подстригли и вымазали грязью. В своей слепой вере, что всё это представление было сделано исключительно ради него, он и мысли допустить не мог, что ларкам было на него глубоко плевать. Вновь зазвучали барабаны, крики Логана потонули в звуках соприкосновения ладоней с кожухами, шипении и цыканье чешуи наручей ларков, гортанно-отрывистых непереводаемых ларкских слов, видимо, составляющих обрядовую песнь.

Вновь начались ритуальные танцы воинов. Я сглотнула колючий ком в горле, который, оказывается, всё это время царапал связки, и перевела взгляд на Арх-хана.

– Ещё что-то будет? Разве Шонхорна наказали недостаточно?

Вождь посмотрел на меня и улыбнулся уголками губ.

– Теперь будет праздник. Инициация будущих защитников. Разве ты не слышишь?

Я обернулась к костру и прислушалась. Да, музыка на этот раз действительно была другой. Более... торжественной, что ли? Постепенно к танцующим воинам стали присоединяться другие мужчины. В обилии бронзовых торсов сложно было сказать, кого из ларков я видела раньше, но определённо их стало существенно больше. Из той деревни, что ли, о которой упоминал Арх-хан, они пришли?

Чем дольше они танцевали, тем сильнее блестели их торсы. Теперь они уже напоминали подвижные статуэтки, отлитые из чистого золота. В мельтешащих телах сложно было что-то разглядеть. Когда руки и ноги затекли и я утомилась наблюдать, Дайнагорн неожиданно вскинул ладони вверх. Пятеро ларков отошли – теперь чётко было видно, что это подростки – обступили ближайшее ракхаши по кругу и принялись кататься и тереться о чёрно-коричневую кору.

Не успела я спросить, что происходит, как первый парень отошёл от исполина и продемонстрировал спину, в центре которой теперь расползались темные переплетающиеся линии, отдалённо напоминающие раскрытую клыкастую пасть. Толпа ларков вокруг взорвалась громкими лающими криками, определённо хвалебного характера.

– Духи Предков одарили первого защитника на сегодня, – усмехнулся Арх-хан.

Глава 14. Дикая красота

Лейла Виланта. Планета Ларк. Дикие Земли

Праздник ларков затянулся глубоко за полночь, поэтому я даже не удивилась, когда проснулась на следующий день, а коммуникатор показал чуть ли не два часа дня по местному времени. Тело немного ломило от сна на земле, оно всё ещё помнило, что на ортопедическом матрасе спать приятнее, но в остальном я чувствовала себя хорошо.

Тёплый рассеянный свет проникал через верхний слой шатра, привычно где-то над головой чирикали птицы, наглый жужжащий комар пытался пристроиться на запястье то так, то эдак, тщетно пытаясь пробить кожу. Очевидно, он не понимал, что перед ним цваргиня, а не человек, и ничего у него не получится. Желудок издал голодную трель, обиженно намекая, что его вчера забыли покормить и в обед, и в ужин, и я поскорее оделась и вышла из шатра. В лагере было непривычно тихо – после вчерашнего шумного праздника лишь несколько мощных фигур мелькнули между деревьями да Моник сидела на бревне у догорающих углей и с аппетитом поедала что-то из глубокой плошки.

– Доброе утро, – поздоровалась я по привычке, а на высоко вздёрнутые брови блондинки поправились: – Точнее, добрый день уже, наверное.

Она улыбнулась и кивнула.

– И тебе привет. Кашу будешь?

– Да, с удовольствием.

Загремела посуда, Моник принялась класть в новую тарелку еду из дымящегося чана. Я принюхалась, а затем и вообще перевела удивлённый взгляд на таноржку.

– Рис?

Не то чтобы у меня было какое-то предвзятое отношение к крупе, просто я не представляла себе ларков, кропотливо собирающих зёрна этой культуры, да и из школьного курса припоминала, что он любит влагу. С учётом постоянного жаркого ветра, который периодически дул с юга, рисовая каша показалась мне чем-то фантастическим.

– Это из запасов Таниты, – смущённо отозвалась доктор биологических наук. – После того, что вчера выкинул Логан, ларки отказываются готовить еду или приносить мясо... Они всячески намекают, что мы здесь задержались. Пока ты спала, мы всё обсудили с коллегами и пришли к выводу, что завтра-послезавтра надо возвращаться обратно на корабль.

Я потрясённо уставилась на Моник. Не то чтобы я не знала, что рано или поздно наше путешествие окончится, просто... это произошло как-то неожиданно. Я так и не побывала в Шарршеороне, близко не подошла к компьютеру вождя, да и в целом мало в чём успела разобраться... Хотя Аарон, конечно, будет счастлив, но я как таурель-агент, получается, провалилась, а как цваргиня проживаю последние дни на Ларке. Сомнительно, что будущий супруг меня отпустит сю-

да вновь.

– А-а-а-а... Логан...

Я даже толком не знала, что именно хотела спросить, так сильно растерялась, но Моник перебила раньше, чем я оформила мысль.

– Дурак. – Она поморщилась. – Он с самого начала отрицательно относился к поездке, потом приревновал меня к одному из воинов и устроил это идиотское представление... Ох, не удивлюсь, если он и сам вырыл ту яму, лишь бы только показательно красиво пострадать.

Я удивлённо приподняла брови. Очевидно, люди не поняли, что именно произошло вчера, но таноржка расстроено продолжила, не обращая на меня внимания:

– На самом деле я не хотела никому говорить, но мы несколько раз до Ларка расставались. Уже давно было пора поставить точку в наших отношениях. Жаль, что я поняла это так поздно. Вероятно, расстанься я с Логаном раньше, всё бы на Ларке сложилось по-другому... Это всё я виновата... только я.

Блондинка с грустью поковыряла остатки каши и оставила плошку в сторону. Необычные сиреневые глаза таноржки неожиданно заблестели, и стало очевидно, что её улыбка и бодрость – напускные. На самом деле она очень сильно переживает по поводу случившегося.

– Моник, это не твоя вина... – растерянно пробормотала я, спешно пытаясь подобрать слова.

– Треклятая галактика, у меня и семена этих деревьев не получилось собрать! Они даже не зацвели до сих пор, хотя по всем правилам природы уже должны были!

Девушка перевела взгляд на огромные перламутрово-розовые бутоны и с силой закусила щёку изнутри.

– Ракхаши, – тихо поправила я.

– Что?

– Эти деревья ларки называют ракхаши. Они верят, что в их стволах живут души погибших предков.

– О, здорово, что тебе удалось узнать их название, – меланхолично отозвалась Моник.

Она уставилась вперёд остекленевшим взглядом и погрузилась в размышления. Я в это время ела рисовую кашу, которая на вкус оказалась вполне неплохой. В какой-то момент собеседница неожиданно сказала:

– Что-то я эгоистично всё жалуясь и жалуясь, а о тебе совсем не подумала. Тебе, наверное, совсем туго. У тебя-то только-только все склеиваться с вождём начало, да?

Я чуть не подавилась, с трудом проглотив вставшую комом кашу.

– С чего ты решила? У меня с ним ничего нет.

Таноржка громко фыркнула и закатила глаза.

– От такого «ничего нет» дети появляются. Я видела вас вчера...

Первым порывом было возмутиться. Так поступила бы любая чистокровная цваргиня. Но немного поразмыслив, я

пришла к выводу, что это просто глупо. Это на Цварге намёк на отношения до брака считается оскорблением, а ведь у людей с этим проще. Таноржка не хотела меня оскорбить. Я поинтересовалась:

– Моник, а где все?

Биолог посмотрела, словно не понимая, о чём идёт речь.

– Все? – Она моргнула. Видимо, какая-то часть её сознания всё ещё осталась в глубоких размышлениях о поступке Логана. – Наши отправились на поляну за ягодами асаи... Новый вождь клана... ну, в смысле, старый, но тот, который оказался настоящим вождём, разрешил набрать ягоды с собой. Сами ларки, как я поняла, большей частью отправились в деревню ещё ночью. Наверное, всё ещё празднуют.

Я кивнула и эхом отозвалась:

– Да, видимо, празднуют... А может, наносят настоящие татуировки на спины новым защитникам.

– Ты о чём?

Моник нахмурилась, словно я сказала какую-то глупость.

– Татуировки, – рассеянно повторила. – Ты же видела, что у взрослых ларков они почти у всех есть. Это явный знак отличия воинов. Думаешь, они не наносят их вот прямо сейчас?

Светловолосая девушка несколько секунд на меня смотрела, а затем вдруг расхохоталась, причём искренне.

– Ох, Лейла, ну ты даёшь! Неужели после жизни здесь, в лесу, ты действительно думаешь, что хотя бы один из ларков

может позволить колоть себя иголками с краской?!

Она понизила голос до баса и, явно подражая мужскому голосу, продекламовала:

– Медицина – это зло. Всё, что неестественно – ужасно. Мы сильные воины, но пользуемся холодным оружием, потому что звери должны погибать в честном сражении.

Я смущённо пожала плечами.

– Не очень хорошо себе представляю это, но... как-то же они получают эти письма. Отпечатки от коры – это, конечно, хорошо, но они же смоются... Ты так не думаешь?

Моник неожиданно оживилась.

– Я не думаю, я знаю. Моя знакомая, которая была на Ларке раньше, заинтересовалась этим феноменом и собрала чуть-чуть коры местных исполинов на исследования. Мы точно не смогли понять, как всё это работает... – она pokrутила пальцем в воздухе, давая понять, что «всё» – это местные традиции, – но определённо в поте ларков есть активный компонент, который вступает в реакцию с частичками коры, и та, как краска, проникает через поры кожи глубже и там и остаётся навсегда.

– Ух ты... – пробормотала я, – а костёр был, получается, чтобы вспотеть?

Таноржка пожала плечами.

– Получается, что так.

– Но эти рисунки такие... такие... – Я попыталась изобразить устрашающе скалящиеся пасти хищников и зловещие

письмена, которые видела на телах ларков.

Моник улыбнулась.

– Просто игра воображения. Человеческий мозг склонен фантазировать и дорисовывать. Сколько раз в детстве ты смотрела на небо на облака и воображала, что это слоны, жирафы, бегемоты? Возьми самые известные названия созвездий. Януш подтвердит – отдельные газовые гиганты, никак не связанные друг с другом, разнесённые на сотни миллионов километров, а на звёздных картах это обязательно саламандры, единороги, фениксы и гидры.

Мы посидели ещё какое-то время, болтая ни о чём, а дальше таноржка сообщила, что будет постепенно собираться. Вид у неё был такой печально-задумчивый, что я не рискнула спрашивать, что она планирует собирать весь день. Вместо этого, всё взвесив, я решила пойти на озеро. Когда ещё мне доведётся вот так поплавать в открытой чистой воде с роскошным водопадом?.. Тем более, раз люди ушли за ягодами, а ларки в деревню, я могу не торопиться и провести у источника столько времени, сколько захочется, не волнуясь, что кто-то придёт не вовремя.

Я пробиралась сквозь листья кустов высокого папоротника в ту сторону, где шумела вода. Сказочно-восхитительное место при мыслях о том, что ближайшие дни придётся мыться в неудобной узкой очистительной ионной кабине «Спейс-Икса», становилось и вовсе желанным. Идя по привычной дорожке, я начала расстёгивать пуговицы на рубашке на хо-

ду.

Как же всё-таки душно на Ларке, оказывается! Днём жарко, а ночью, если бы не одеяло Арх-хана, я бы мёрзла. Я вышла на берег, под ботинками захрустели ветки, громоздкая длинная кривая коряга отвлекла внимание. Я опёрлась на влажное, поросшее мхом бревно, переступила его, подняла взгляд на водопад и... замерла.

У самого большого камня вода с шумом срывалась в озеро и вспенивала гладь. Но не это меня привлекло, а мужчина, который мылся под струями. Блики солнца играли на его теле и подчеркивали скульптурные линии идеальных мышечных волокон. Трапецевидные мышцы тонули под ромбовидными, ниже, с каждым движением рук сокращались и расслаблялись широчайшие, которые плавно переходили в идеальные канаты вдоль позвоночника... Длинные мокрые и оттого потемневшие волосы облепили мускулистые руки и шею ларка. Пряди цвета червонного золота разметались по рельефной спине, причудливо смешиваясь с черно-коричневыми письменами. Кожа незнакомца была настолько загорелой и ровной, что казалась отлитой из сплава фантастических металлов.

Все мысли о том, что я собиралась делать, стремительно покинули голову. Осталась лишь одна, и очень дурацкая:

«Как он так спокойно стоит и не покрывается гусиной кожей? Все ли ларки имеют температуру тела выше, чем у людей и цваргов?..»

Мужчина чуть повернулся, луч солнца заскользил по его лицу и груди, и я узнала «незнакомца». Жар опалил щёки, когда я поняла, что передо мной не просто воин из отряда, а их вождь, на коленях которого я сидела не так давно. Тепло резко подбросило воспоминания о прикосновениях сухих губ и наглого упругого языка к изгибу шеи. Мелкие мурашки предательски побежали по телу. Всё то, о чём я старалась не думать последние дни, внезапно накрыло горячим цунами.

...Крупные шершавые ладони обвивают мою талию. Рваное влажное дыхание щекочет мочку уха. Пальцы касаются груди, и меня простреливает удовольствием от одного лишь касания...

Арх-хан, а это совершенно точно был он, стоял вполоборота и подставлял лицо воде, явно наслаждаясь тем, с какой силой бьют в него струи, а затем схватил с ближайшего камня кусок люфы и принялся энергично растираться. После каждого соприкосновения с люфой на коже оставались отчётливые красноватые следы. Он тёр и тёр своё тело, а я чувствовала, как внутренности медленно завязываются в тугой узел. Во рту пересохло.

Надо было отвернуться.

Надо было уйти.

Надо было...

В висках застучало, сердце сбилось в бешеный ритм, дыхание стало рваным. Взгляд сам собою прикипел к крепким мужским бёдрам и к тем самым ямочкам на пояснице, кото-

рые обычно виднелись над краем кожаной юбки.

Сознание раздвоилось. Приличная цваргиня внутри меня сообщила, что я просто люблю эстетически прекрасным, как любят экспонатами в музее. Аналитик добавил, что собирает информацию о расе. Оказывается, ягодицы мужчины имеют тот же золотистый оттенок, что и всё тело, линии загара нет, а значит, это родной цвет кожи. Кто-то третий отметил, что ни шварховой матери приличные цваргини себя так не ведут, а информация об оттенке кожи ларка для Службы Безопасности Цварга явно ненужная...

Вода стекала по рельефному мужскому телу, и зрелище приобрело магнетический характер. Арх-хан мылся, и... это волновало.

Я видела множество алеф- и бета-агентов без рубашек в спортивном зале, особенно когда собирала показатели силы и ловкости с тренажёров, но ни один из них не вызывал у меня такой реакции, как Арх-хан. Это было вопиюще неприлично и абсолютно неправильно – смотреть на моющегося мужчину, но отвести взгляд казалось физически невозможным.

Я зачарованно наблюдала медленное путешествие люфы по телу.

В какой-то момент крупные, перевитые венами мужские руки спустились ниже, скользнули по расчерченному на идеальные прямоугольники животу. Мужчина выкинул люфу, переступил с ноги на ногу и... Я сглотнула повторно, рас-

сматривая внушительную эрекцию вождя ларков. Тем временем мужская ладонь погладила налившееся кровью наверхшие и принялась томительно-медленно и неспешно двигаться вверх-вниз.

Мужские бедра начали плавно покачиваться в завораживающем танце одновременно с ленивым движением кистью вверх-вниз. Мускулы – сгибатели пальцев, бицепсы, трицепсы, – всё перекатывалось под бронзовой кожей. Запястье скользит вверх, пальцы сжимают тугую головку и медленно двигаются вниз, а мышцы волнами перекатываются до самых плеч.

И снова. Вверх. Вниз.

Стало жарко. Ужасно жарко. Умом я понимала, что надо бы уйти, оставить ларка наедине с его... мытьём, но ноги приросли к треклятому берегу. На меня напал столбняк. Я не смогла бы пошевелиться, даже если от этого зависела бы жизнь. Атомный реактор, я не могла вдохнуть или выдохнуть! Этот танец, эта лениво-изысканная грация, эти безупречные движения...

Солнце ярко освещало озеро, цветные блики плыли по глади, шумел водопад... но картинка фокусировалась на мощной фигуре, от которой исходила такая звериная энергия, что подгибались ноги и дрожали коленки.

«Я должна отвернуться. Должна. Любая порядочная цваргиня на моём месте ушла бы...»

Ещё одно движение вверх-вниз, соблазнительно-танцую-

щее покачивание бёдер. Арх-хан откинул голову назад, отчего его кадык выделился особенно чётко, и небрежно опёрся одной рукой на влажные камни. При этом бёдра продолжали двигаться вперед и назад, заставляя невольно фантазировать о том, как он в таком же мучительно-медленном, провоцирующем ритме занимается с кем-то любовью. В голову почему-то пришло именно слово «любовь» – слишком плавно, мягко и гипнотически красиво двигался ларк...

Внезапно ларк открыл глаза и чётко повернул голову в мою сторону. Одна из бровей насмешливо выгнулась, самодовольная ухмылка мелькнула на жёстких мужских губах. Меня как кипятком ошпарило от осознания, что Арх-хан прекрасно слышал, как я пробиралась через папоротник, и всё это шоу было спланировано заранее!

– Ты передумала, правильная девочка Лейла?

Нахальный взгляд серо-зелёных глаз, обжигая, пропутешествовал по моему телу вниз, физически лаская и вырывая сознание из состояния транса. Если взглядом можно было бы лишиться девственности, то в этот самый миг я бы её точно лишилась. Щёки запылали, в груди заныло, внизу живота потяжелело. Меня окунули в лаву, а затем телепортировали в сектор Вечной Мерзлоты. Термоядерный реактор! Определённо где-то должен существовать закон, запрещающий *так* смотреть на женщин!

– Всё-таки хочешь попробовать то, что хочешь ты, а не все вокруг?

«Да он думает, что я специально за ним пришла!»

Я вспомнила, что расстегнула рубашку, собираясь купаться. Кровь оглушающими толчками хлынула в голову, ударила в виски и застучала звенящими молоточками. Трясуцимся от волнения руками я резко стянула полы ткани, развернулась и на шестой космической рванула в сторону лагеря. К сожалению, на сетчатке глаза отпечатались непристойные движения вверх-вниз и мокрое обнажённое тело ларка.

Весь вечер я провела в шатре, не показывая носа на улицу, а когда пришли Моник и Танита и поинтересовались, что случилось, вяло отбрыкалась, что просто устала. В голове царил вязкая туманная каша из неясных эмоций. Пульс всё никак не мог прийти в норму, а стоило прикрыть веки, как перед мысленным взором вновь и вновь материализовались покачивающие гипнотически прекрасные движения мускулистых бёдер. Полночи я ворочалась в синтетическом спальнике, умоляя собственный мозг забыть эту в высшей степени непристойную картинку... Цваргини не фантазируют о мужчинах! Тем более о дикарях, ведь только дикарь мог так открыто демонстрировать столь низменные желания. Джентльмен никогда бы не позволил себе даже того взгляда, которым меня одарил Арх-хан, стоя в струях водопада.

Глава 15. Тайна Сухих Песков

Лейла Виланта. Планета Ларк. Дикие Земли

– Лейла, Лейла, проснись!

Кто-то теребил меня за плечи и шёпотом ругался.

– М-м-м? – Я с трудом разлепила глаза. – Что случилось?

Одетая в джинсы и рубашку Моник нависала над моим спальным мешком. Светлые волосы были стянуты в низкий хвостик, за правым плечом висела торба. Стоило мне подать голос, как она обрадованно зашептала:

– Вставай давай! Ты же одетая спишь, да? Ну и отлично.

Пойдём.

– Что? Куда? Сколько времени?

Я заозиралась, пытаюсь прикинуть: неужели я вновь проспала до двух часов дня? Нет, вроде. Судя по мирно спящим таноржцам и отсутствию птичьих трелей, ещё очень рано.

– До рассвета ещё полчаса, – ответила Моник, бодро поднимаясь с колен. – У меня зов природы, мне очень надо. Пойдём, составишь мне компанию.

– Что? Я-то тебе зачем? – не поняла, но машинально растегнула мешок и кое-как причесала растрёпанные волосы.

Блондинка со вздохом закатила глаза.

– Ну а кого мне ещё просить? Танита вчера спать легла поздно, а даже по таноржским правилам походов, если отправляешься куда-то из палатки, да ещё и в тёмное время

суток, ходить надо парами. А тут Ларк! Вот провалюсь в очередную охотничью яму, и кто мне помощь приведёт? – неловко пошутила она.

Я вяло кивнула, натянула кроссовки и, оглушительно зевая, выползла из шатра. Все спали. Разве что два воина на охране лагеря бросили хмурый взгляд и спросили «куда?», когда мы приблизились. Моник прошебетала, что ей «очень надо, и срочно», ослепительно улыбнулась, и мы пошли дальше. Стоило отойти на небольшое расстояние, как таноржка проворчала что-то вроде «пойдём вон туда, а то у ларков слишком хороший нюх». Ещё метров через двести она заявила, что здесь растёт слишком много иглицы, а ещё через триста я даже спрашивать не стала, что не так. Я молча шла, потирая глаза и стараясь не наступить на корни, чтобы не споткнуться. В какой-то момент Моник ускорила, её светлый хвостик стал покачиваться чаще, как и пустая торба за плечом.

– Мы же идём не по твоему зову природы, да? – спросила я в узкую спину энергичной блондинки.

– Что? А, да, ну разумеется, – легко ответила Моник. – Это была отмазка для ларков, вдруг нас кто-то слышал.

К этому моменту я уже окончательно проснулась. Резко рассвело, в спину подул жаркий ветер, а кора на ракхаши во круг заметно посветлела. Если в том месте, где проводили инициацию мальчиков, деревья имели тёмно-коричневый, почти чёрный оттенок, то здесь исполины были терракото-

выми и с более растрескавшейся корой.

– А куда мы идём? – пробормотала я, озираясь по сторонам.

Бурелома, как если бы мы заходили вглубь, не наблюдалось, да и в принципе ничто не предвещало беды, но почему-то начало терзать смутное беспокойство. Желудок свернулся в клубок.

– Ох, Лейла, ну я же говорила, что на семена мы не успеваем... – сказала таноржка, притормаживая и оглядывая ракхаши вокруг. – Я очень рассчитывала незаметно взять несколько и увезти на Танорг, но эти деревья не то что завязь ещё не образовали – не зацвели даже! Посмотри...

Я машинально запрокинула голову. Крупные каплевидные перламутрово-розовые бутоны украшали тонкие ветки и робким застывшим пламенем свечи тянулись к небу. Основание набухло и чуть потемнело, зато кончики нежных лепестков почти что светились. Красивые...

– ...Они как будто заснули, хотя по всем правилам природы должны были зацвести, – тем временем говорила Моник, снимая торбу с плеча. – Я хочу попробовать сделать несколько черенков и размножить ракхаши на родине...

– Ты хочешь сломать ветки деревьев?! – До меня вдруг дошло, что намеревалась сделать таноржка.

– Не сломать. Я же не браконьер какой-нибудь. – Она поморщилась. – Так, взять несколько черенков, спрятать незаметно, – хлопок по торбе, – пронести на корабль. Делов-то...

– Ты оскорбишь ларков! Они верят, что в стволах исполинов живут Духи Предков. Для них они священны. Неужели ты не понимаешь?

– Да у них тут целый лес этих ракхаши! Подумаешь, веточкой больше, веточкой меньше, они даже ничего не заметят. Я специально от лагеря вон как далеко отошла.

Моник принялась искать взглядом наиболее удачные для черенкования ветки, на её взгляд, продолжая рассказывать, что всё это на благо природы, а я отвернулась и отошла подалее. Внутри что-то сопротивлялось решению таноржки. И вроде бы всё логично, возразить сложно, а всё равно ощущение будто соучастник преступления. Неприятные чувства так поглотили, что я не сразу обратила внимание на внезапное молчание Моник.

– Что случилось? – спросила я достаточно громко, видя, что блондинка замерла и не двигается.

Доктор биологических наук, не глядя, замахала руками и медленно стала пятиться, хотя уже по тому, как задрожали её пальцы, стало очевидно, что что-то не так. Там, за кустом, около которого она стояла, очень медленно и лениво потягивался крупный зверь. Тёмная лоснящаяся шкура, длинный хвост, нервно хлещущий себя по бокам, огромные белоснежные клыки, маленькие круглые уши, острые когти... Не надо было быть специалистом по флоре и фауне Ларка, чтобы понять, что перед нами опасный хищник.

В голове сама собой всплыла нарисованная веткой на зем-

ле картинка Терекха. Бахрун! Моник продолжала пятиться в мою сторону, а зверь, зевая и демонстрируя идеальный набор зубов, следовал за ней.

«С ними можно разойтись мирно, если не спорить и дать то, что они хотят, но ни в коем случае нельзя их злить...»
– промелькнуло наставление ларка в голове.

Только я хотела шёпотом попросить Моник не делать резких движений, как блондинка внезапно смяла торбу, которую до сих пор держала в руках, и в качестве снаряда швырнула в голову животного. Глупо было ожидать, что это хоть как-то задержит зверя. Не дожидаясь, как быстро разозлится бахрун, я с силой дёрнула Моник и крикнула:

– Бежим!

Сзади раздались негодующий рёв. Мы с таноржкой, не стовариваясь, рванули в ту сторону, откуда дул жаркий ветер. Не знаю, что это было – простое совпадение, инстинкт или удача... Зверь не напал, а просто вёл. Может, играл, как кошки играют с мышками?

Ветки хрустели под ногами, шкура бахруна мелькала между деревьями, то левее, то чуть правее. Моник громко визжала, спотыкалась, поднималась и неслась дальше, а у меня молнией озарения сверкнула мысль, что нас ведут, словно дичь на охоте. Но не успела оформить ощущения в чёткую фразу и решить, что делать дальше, как внезапно мы выбежали на открытое пространство. Ноги по щиколотку утонули в раскалённом песке, горячий сухой воздух ворвался в лёг-

кие, а Моник закашлялась.

Густой лесной массив удивительно резко оборвался, переходя в мелкий белоснежный песок. Внезапный контрастный переход из полного жизни зацветающего леса с чириканьем диких птиц и полянами ягод в безмолвную и бесплодную пустыню потряс до глубины души.

Перед нами, насколько мог охватить взгляд, лежала самая настоящая бескрайняя пустыня – океан белой массы простирался до горизонта, над которым показалась тонкая полоска бледно-жёлтого светила. Ни травинки, ни листочка, ни жалкой пальмы или хотя бы кактуса. Лишь одинокий обожжённый солнцем серый валун, казалось, вросший в этот песок, возвышался в отдалении. Я схватила таноржку за запястье:

– Скорее! Побежали туда, там ему будет сложнее нас догнать!

Конечно, с учётом того, что бахруны умеют лазить по деревьям, укрытие это спорное, но хоть какое-то. Моник кивнула. Я сделала ещё несколько шагов, с усилием вынимая вязнущие в мелком песке, как в киселе, стопы и переставляя их дальше, обернулась и заметила, что пара звериных глаз блеснула между бежевыми стволами ракхаши. Хищник остановился на границе леса, внимательно за нами наблюдая.

– Это не похоже на поведение хищников... Почему он прекратил преследование? – встревоженно пробормотала Моник, явно разговаривая сама с собой. Живя в том же шат-

ре, я уже несколько раз замечала за соседкой такую привычку.

Гнетуще-сосущее предчувствие, что мы делаем что-то неправильное, зарождалось глубоко внутри и тугими змеиными кольцами скручивалось вокруг желудка. Оно появилось ещё тогда, когда биолог объявила, что хочет забрать на Танорг несколько веток ракхаша, но сейчас буквально било в набат. Я постаралась заглушить его, нащупав коммуникатор. В конце концов, Аарон просил выйти на пустошь, чтобы маяк сработал как можно точнее и кораблю было где приземлиться. Пятнадцать минут – и истребитель страхующего агента будет на месте. Да, инкогнито полетит к шварховой матери, здесь же Моник... Но что может случиться за четверть часа? Бахрун отстал и больше нам не угрожает.

Мы не прошли и половины пути, как таноржка начала отставать. С каждым шагом отвоёвывать собственные стопы у пустыни было физически всё сложнее и сложнее. Как будто кто-то привязал свинцовые гири или вовсе включил гравитоны на полную мощность. У меня за плечами маячила хоть какая-никакая подготовка таурель-агента, а Моник вряд ли даже в тренажёрный зал на Танорге ходила... Дурацкое песчаное море засасывало, а если я останавливалась, чтобы перевести дыхание, то ноги предательски проваливались ещё глубже – уже не по щиколотку, а по середину икры. Песок, хоть и был белым, ужасно жёгся, засыпался в кроссовки, носки и под штанины, противно царапал кожу.

– Ух, как же печёт! И ноги устали... Кошмар! И это солнце только встаёт! – захныкала таноржка где-то позади. – Что же будет в полдень?

– Возвращаться в лес нельзя, – ответила, машинально следя за дыханием. – В тени того валуна мы можем временно укрыться от солнца. Мы ушли до рассвета, даже если ларки не поняли, что наша прогулка затянулась, или после выхода Логана держат обиду на всех людей, команда вот-вот поймёт, что нас нет. Они поднимут шум и потребуют организовать поиски.

Моник вытерла рукавом струящийся пот со лба и согласно кивнула.

– Скорей бы всё закончилось... пить хочется ужасно.

Я растерянно пожала плечами, размышляя, сколько времени может понадобиться, чтобы нас нашли ларки. С каждой минутой становилось всё жарче и жарче, а голая безмолвная пустыня совсем не радовала. Я гипнотизировала взглядом валун, считая до него шаги. В какой-то момент взгляд соскользнул в сторону. В отдалении показалась внушительная гора песка.

«Странно, по-моему, её раньше не было... Неужели песок так быстро движется?».

Я вновь бросила взгляд на серый камень и ускорила шаг. Сзади запыхтела Моник.

– Лейла, куда ты? Мы же уже не спешим... погоди...

Я прикрыла веки, мысленно визуализируя предыдущую

картинку, затем прищурилась и снова посмотрела в сторону загадочной дюны.

«*Двигается!*»

Ростом со взрослого цварга песчаная волна двигалась в нашу сторону, несмотря на ветер, дующий перпендикулярно вбок. Пока что она всё ещё была в отдалении, но теперь я уже точно могла сказать, что мне это не кажется. И двигалось оно быстро. *Очень* быстро.

– Моник, – хрипло произнесла я, не узнавая в каркающе-осипших звуках собственный голос. – А ты не в курсе, в этих... песках кто-то водится?

– Последний раз, когда местные разрешали сфотографировать Ларк из космоса, территории пустынь были крайне малы. Сомнительно, чтобы здесь водился кто-то опасный, разве что скорпионы или змейки...

В этот момент специалист по флоре и фауне увидела то, что я заметила ещё пару минут назад. Её зрачки расширились, а лицо исказилось в гримасе неподдельного ужаса. Мы обе прекрасно понимали, что к нам на невероятной скорости под песком движется *нечто* огромное. Не сговариваясь, мы бросились к камню как к единственному спасению. Нечто, словно уловив, о чём мы думали, ускорило и слегка поменяло траекторию. Теперь оно уже несло нас наперерез.

– Но я не понимаю... Я не понимаю... Здесь не должно быть никаких животных крупнее собаки, – твердила Моник, плача и заламывая руки.

Время практически остановилось. Как песчинки в древних стеклянных часах, где каждая – стоимостью в муассанит чистейшей пробы. В висках бешено пульсировало: «Скорее! Скорее...». Вдоль позвоночника струился пот. Ноги неистово жалил раскалённый песок, и не менее жгучий ветер пробирался в лёгкие, безжалостно сушил горло, стремительно выпивал из нас влагу. Мы бежали – дюна ползла к нам.

Я первой достигла огромного, обтёсанного ветром и песком валуна. Попыталась подпрыгнуть и ухватиться за край, но пальцы предательски соскользнули с гладкой поверхности. Пришлось потратить несколько драгоценных секунд, чтобы разбежаться и прыгнуть на камень.

Прыжок – и в груди всё обмерло от страха.

«Если не допрыгну, то это, чем бы оно ни было, не оставит нас в живых...»

Резкий удар о глыбу пришёлся на грудь и солнечное сплетение. Боль пронзила тело, воздух с хлопком вылетел из лёгких, в глазах потемнело, и запрыгали цветные мушки, пальцы ослабли. Исключительно на голом упрямстве я перекинула ногу и подтянулась. Нагретая солнцем порода жглась похлеще, чем раскалённое сопло истребителя. Прямо на глазах ладони стали покрываться волдырями от ожогов.

«Что за ерунда? Так не бывает! Камень не может так сильно жечься лишь из-за солнца! Сейчас только утро...»

«Нет времени об этом думать!» – обрывает внутренний аналитик.

– Моник, дай руку!

Я подползла на четвереньках к краю и свесилась корпусом, чтобы помочь девушке. Моник рыдала и что-то бормотала, впав в шок. До дюны оставались какие-то десятки метров.

– Зачем? Оно не должно быть опасно... Это явно какая-то ошибка...

Двадцать метров.

– Я не умею лазить...

– Руку, Моник, дай руку!

Десять метров. Или пять?

Я сумела схватить кисть девушки и изо всех сил рванула её на себя. Цваргини во многом уступают мужчинам, и по силе в том числе, но, тем не менее, у всех представителей моей расы мышцы и сухожилия существенно плотнее, чем у людей – отсюда мышцы крепче, а регенерация тканей в разы быстрее. И по этой же причине в условиях стресса и напряжения любая цваргиня способна на многое. Я сама толком не осознала, как за доли секунды затянула Моник на валун.

Удар сердца – и огромное чудовище словно из воды выпрыгнуло и клацнуло челюстями там, где ещё недавно находились ноги таноржки. Всего на несколько мгновений жуткий монстр показался из песка целиком, но этих мгновений хватило с лихвой, чтобы его рассмотреть и от всей души пожелать больше никогда с ним не встречаться. Уродливая морда с тремя рядами острых зубов, продолговатые жёлтые

глаза без зрачков, длинное чешуйчатое тело, костяной гребень на голове, переходящий в позвоночный столб с острыми шипами, и узкий хвост с тяжёлым навершием. Больше всего это походило не то на змею, не то на гигантского оскалившегося червя, способного за раз проглотить взрослого гуманоида.

На несколько секунд я забыла, как дышать. Щупальца ледяного ужаса сковали по рукам и ногам мощнее, чем инъекция парализатора. Кровь в жилах застыла, несмотря на царящий зной.

Надо было дотянуться до коммуникатора, наплевать на задание и вызвать Аарона. Так поступил бы любой алеф- или бета-агент со специальной подготовкой на моём месте. В любой нестандартной ситуации надо доложить о случившемся, вызвать подмогу, просить страхующего напарника помочь... Но я оцепенела от страха и не могла найти в себе сил пошевелиться. Я никогда не видела ничего даже отдалённо напоминающего этого монстра.

Длинное склизкое тело нырнуло в песок. Песочная дюна замерла под нашим валуном.

«Как теперь быть? Что делать?»

Удушливая паника накатила волной и болезненными спазмами скрутила внутренности.

Как через ватный туман я услышала далёкие крики и осмотрелась. Моник сидела на горячем камне, обхватив колени руками, и раскачивалась из стороны в сторону. Она

громко всхлипывала, бубнила под нос что-то несвязанное, отдалённо похожее на «так не бывает, я сплю, это просто дурной сон», и сотрясалась всем телом от пережитого стресса.

Из леса на песок выбежала вся наша команда. Логан первым, за ним Януш и Джереми, а последней – лаборантка Таниа.

– Вот вы где! Моник, я не буду удивлён, если выясню, что это всё ты придумала, чтобы меня напугать... – донёс до меня жаркий порыв ветра отрывок фразы Логана.

Его ноги тонули по щиколотку, а местами и по колено в белом песочном море, но он на удивление упрямо шёл, если не бежал, к нам.

– Не надо!

Я с трудом нашла в себе силы произнести эти два слова вслух. Хриплый голос колючим репейником оцарапал горло. Как бы мне ни хотелось убраться подальше с этого валуна, я отдавала себе отчёт, что чудовище никуда не делось.

– Лейла, ну а ты что с ней пошла-то? Весь лагерь переполошили...

На моих глазах замерший холм песка дрогнул и задумчиво шевельнулся в сторону приближающейся группы людей. Несколько секунд червь словно раздумывал, стоят ли эти гуманоиды его внимания, а затем медленно, но верно дюна поползла.

– Не надо! Стойте, где стоите! Не надо!

Я отчаянно набрала полные лёгкие воздуха, чтобы докри-

чаться до спешащих таноржцев, и замахала руками.

«Остановитесь, Вселенная, пускай они остановятся! Остановитесь...»

– Вернитесь в лес! – крикнула я снова от отчаяния, наблюдая, как люди не только не хотят повернуть обратно, но и ускоряются.

Подлый ветер уносил мои слова в противоположную сторону. Логан настолько отвлёкся, глядя на меня и Моник, что совершенно не замечал приближающейся опасности. Песчаный червь явно набирал скорость. Я в ужасе поднесла руку ко рту, понимая, что уже ничего не успеваю сделать.

«Это сон, жуткий сон, я хочу проснуться...»

Чудовище атаковало внезапно. За несколько метров до спешащего Логана оно стремительным прыжком напало прямо из песка. Мелкая чешуя, словно жидкое масло, заблестела на солнце, ослепляя всех, кто находился поблизости. Удар сердца – и таноржца уже нет. Ни крови, ни одежды, ни частей тела. Монстр просто поглотил его целиком.

Раздался пронзительный визг Моник. Джереми и Януш резко остановились, Танита почти сразу же попятилась назад, вначале спиной, а потом и вовсе бросилась наутёк. К сожалению, она запнулась и упала на песок. Джереми схватил её за руку и потянул в сторону леса, Януш же замер, впав в шоковое состояние.

Песчаный червь вновь появился над поверхностью. На этот раз он выползал неторопливо, словно заранее насла-

ждался беспомощностью своих жертв. Отвратительное чешуйчатое тело метр за метром появлялось над поверхностью, демонстрируя всю свою мощь. Монстр открыл пасть и... замер.

За секунду до того, как ларки выбежали из леса, до меня донеслись характерные звуки: «Тщ-тщ-тщ». Бронзовые фигурки мчались, едва касаясь песка. Они так быстро перемещались, что движения казались текучими, словно вода. Как мираж в пустыне. Ларки не утопали, не вязли, не спотыкались... песок был их стихией, как идеальная прорезиненная беговая дорожка для алеф- и бета-агентов. Никогда бы не подумала, что можно вот так перемещаться, практически не касаясь поверхности, буквально летя над ней. Бесшумная поступь ларков в лесу меркла перед тем, что я видела сейчас.

Воины не кричали и не стучали в наплечники. Единственный звук, который от них исходил, был похож на тихий шипящий перестук маракасов...

«Наручи».

«Тщ-тщ-тщ», – донёс ветер до меня снова.

Звук не успокоил монстра, но заставил потерять интерес к Янушу. Песчаный червь вначале прислушался, а затем в гневе затряс головой, словно услышал что-то жутко неприятное. Мощный шипастый хвост задел Януша и отбросил несчастного в сторону как пушинку. Алая кровь брызнула на белый песок. К рыданиям Моник добавился истошный крик таноржца, и у меня заложило барабанные перепонки...

Я очнулась от ужасного кошмара и дрожащими руками набрала вызов страхующего агента.

– Лейла, что случилось?

Зачастивший пульс в висках и крики на фоне не давали сосредоточиться.

– Аарон, скорее! Лети сюда.

– Разворачиваюсь и запускаю поиск геолокации... Ты в пустыне?

– Да! Скорее...

Я облизала пересохшие от волнения губы и вновь посмотрела на поле боя. Полуобнажённые мускулистые ларки достигли червя, оттеснили истекающего кровью Януша, Тани-ту и Джереми к кромке леса и заключили беснующегося песчаного монстра в кольцо. Тычки ларков клинками не нанесли чудовищу травм, зато изрядно злили, и оно полностью выползло на поверхность.

– Лейла, объясни, что случилось.

«Да тут часа не хватит, чтобы объяснить всё...»

– Не могу... не сейчас... Аарон, прогрей лазеры. Вероятно, придётся стрелять на поражение с воздуха.

– Понял.

Агент отключил связь, а я вновь сконцентрировалась на ларках.

Песчаный червь мотнул хвостом, сотрясая землю, но ларки, в отличие от Януша, явно ожидали такого манёвра и с лёгкостью увернулись, успев пригнуться. Я закусила губу.

Отчаянно хотелось что-то сделать, но я прекрасно понимала, что самое большее, что я могу – это просто не дать сожрать себя и Моник. Сердце колотилось как бешеное, рискуя протаранить грудную клетку. Таноржка после убийства Логана стала совершенно невменяемой. Я боялась, что она вот-вот слезет с камня и с голыми руками бросится на червя.

– Ну же, Аарон, давай... что же ты так долго?

Секунды превратились в минуты. Минуты – в часы. Пятнадцать минут... За это время можно прожить несколько жизней и с десяток раз умереть. Вот гигант заметил Таниту и нацелился на неё. Если бы Терекх не отвлек его ударом по морде – от таноржки ничего бы не осталось. Червь взвился от ярости и попытался отомстить ларку. Удар хвостом плашмя – если бы воин не увернулся – это тоже обернулось бы смертью. Вот монстр разувает пасть и кидается на другого ларка. Удар сердца. Мимо. Повезло.

Я во все глаза смотрела на них, пытаюсь понять, что происходит, и непроизвольно вскрикнула, когда острые шипы пронеслись в нескольких сантиметрах от груди Шонхорна. Последний выделялся среди сородичей короткими волосами и чуть посветлевшими татуировками, но даже несмотря на то, что его остригли, он сражался со всеми против пустынного монстра. Шонхорн увернулся от червя и, видимо услышав мой вскрик, повернулся и насмешливо отсалютовал клинком. Мол, я таких ежедневно десятками выкашиваю. Я облегчённо перевела дыхание.

«Жив – это главное».

Арх-хан повернулся на мой вскрик. Цепкий взгляд серо-зелёных глаз моментально нашёл меня даже на таком значительном расстоянии. Мужчина прищурился, покачал головой, явно не разделяя веселья Шонхорна, а затем сделал кувырок, подставляясь под морду песчаного червя. Сердце в очередной раз пропустило удар, когда монстр раскрыл клыкастую пасть и бросился на жертву, но Арх-хан опередил его и стремительным броском вонзил дентайр прямо в глотку. Чудовище взвилось, издало высокий протяжный предсмертный стон и безжизненно рухнуло рядом с вождём огромной тушей, поднимая многометровую пылевую волну. Ларков затянуло песчаным маревом.

Я подняла взгляд на небо и увидела очертания истребителя. Очевидно, пока ларки боролись, они не обращали корабль внимания, но сейчас, как только пыль осядет, появятся вопросы. Лихорадочно нажав комбинацию клавиш на коммуникаторе, я тихо выдохнула:

– Аарон, всё закончилось. Твоя помощь больше не нужна. Улетай.

– Лейла, ты мне объяснишь, что это было?! – гневно прорычал напарник. – То ты звонишь, напуганная, с истеричными криками на фоне, и просишь помочь как можно скорее, то...

– Потом, Аарон, всё потом. Улетай, – коротко перебила. Песчаная занавесь медленно оседала.

– Нет, я хочу сейчас!

– Аарон, ты забываешься. На этом задании **я** ведущий агент, а ты страхующий.

Цварг скрипнул зубами и несколько секунд молчал. Затем он глухо произнёс:

– А ты, Лейла, не забывай, что ты моя невеста. Жду звонка.

Он сам оборвал связь. Я проследила за тем, чтобы тёмная точка на небе стала меньше, и лишь только после этого позволила рвотному спазму скрутить желудок.

Глава 16. Хтэрры

Лейла Виланта. Планета Ларк. На границе с Сухими Песками

Когда песок полностью осел, Моник в слезах сорвалась с валуна и бросилась к убитому песчаному червю. Я, оглушённая случившимся, пыталась отгородиться от эмоций и проанализировать произошедшее. Несмотря на исходящий от камня жар и полуденное солнце, ощутимо знобило. Взгляд упал на диктофон, выпавший из кармана таноржки, точь-в-точь такие же носили Януш и Джереми. Моник так спешила, что не заметила, как уронила гаджет.

«Записи по флоре и фауне... надо будет вернуть», — подумала я, нагнулась и машинально засунула диктофон в карман. Затем слезла, пытаясь как можно меньше дотрагиваться оголёнными участками кожи до валуна. Ладони покрылись гнойными волдырями и выглядели так, будто я без перчаток и оборудования лично меняла твэлы в реакторе.

Медленно, как во сне, я переставляла ноги, увязая в обжигающем белоснежном песке.

«Почему я осталась жива, а Логан погиб? Что это за чудовище? Как ларки вообще выживают на планете с такими чудовищами?!»

В голове было пусто и гулко, как после атомного взрыва, лишь отдельные бессвязные и бессмысленные вопросы

сталкивались и отталкивались друг от друга одноимёнными зарядами. Ни на один из вопросов у меня не было ответа. Что-то кричали таноржцы, обвиняя во всём ларков. Те в ответ ощетинились клинками и рычали в ответ на таких частотах, что переводчик не справлялся разбирать звуки на слова. Стояли шум и гам. Януш стонал от боли, из его плеча текла кровь. Танита сорвала с себя тунику и судорожно пыталась тканью остановить кровотечение. Руки тряслись так сильно, что она никак не могла завязать узел. Захлёбываясь некрасивыми всхлипами, словно раненая волчица, скулила Моник. Она оплакивала смерть Логана. Видимо, несмотря ни на что, она в душе его всё-таки любила...

Я сглотнула едкий ком в горле, стараясь не дышать, когда приблизилась к мёртвой туше песчаного червя. Алая кровь, много крови... какие-то внутренности. Алое на белом. Это сочетание цветов могло бы быть красивым, если бы не было таким жутким.

Меня повело от одного косого взгляда на убитое чудовище. Судорожно вдохнув, я поспешила убраться подальше. Сейчас меня не волновал ни бахрун, возможно, оставшийся в лесу, ни любая другая опасность. Я бесцельно брела, стараясь оказаться как можно дальше от поля боя.

Опустошение, шок, неверие – чувства сменяли друг друга, заикливались и разгонялись, как частицы в адронном коллайдере.

Не помню, сколько я шла, но ладони начало покалывать.

Шварховы волдыри! Надо хотя бы промыть их. Отстранённо заметила, что пережитое потрясение слегка притупило мой болевой порог. Звук ручья привлёк внимание, и я поспешила к нему.

Вода оказалась кристально чистой и очень холодной. Я запустила ладони в воду и принялась с силой тереть друг о друга. Водянистые пузыри лопались, красные полосы кожи отходили рваными лоскутами, как отрывается кусок ткани от старой, поеденной молью занавески. Удивительное дело: боли не чувствовалось совершенно, но и прохлада не приносила желанного облегчения. Я с диким остервенением скребла ладони ногтями, до крови раздирая собственные руки. В голове засела мысль, что надо отмыть их, или произойдёт что-то ужасное.

«У меня нет подготовки алеф- или хотя бы бета-агентов. Почему Оберан Мёрфи выбрал меня? Это же так глупо – слать таурель-специалиста туда, где нужна как минимум бригада боевиков! Аналитик? Это же просто смешно... Здесь точно не помешал бы кто-то, кто умеет расправляться с такими вот... животными. Очевидно, что информация, которую хотел получить Мёрфи, касается песчаных червей. Не верю, что СБЦ даже не догадывалась о проблеме на Ларке. Какую игру затеял Цварг? Почему ларки молчали?..»

Не знаю, сколько я так сидела на краю ручья и тёрла ладони, но именно в таком состоянии меня нашёл Арх-хан. Он

бесшумно сел рядом на корточки и положил крупные шершавые ладони поверх моих, заставляя остановиться.

Оливковые глаза с вертикальными зрачками внимательно меня осмотрели, задержавшись на разорванных на коленях брюках, грязной кофте, спутанных прядях волос с песком. Я остро почувствовала себя бесконечно слабой и грязной по сравнению с ним. Когда же ларк посмотрел в лицо, я отвела взгляд, прикусив нижнюю губу. В поле зрения попало загорелое мужское предплечье с блестящим наручем из крупных, похожих на монеты чешуек. Именно такими наручами ларки звенели у костра при инициации, и именно их специфическое шуршание отвлекло монстра и спасло жизнь астрофизику.

– Они сделаны из того же животного, как то, которое вы сегодня убили. Я права?

– Мы называем их хтэрры, – ровно ответил Арх-хан. – Их шкура лёгкая и плотная, защита получается идеальной. В случае нападения хтэрра звук их собственной чешуи отвлекает.

Понятно. Я судорожно вздохнула.

– И много у вас таких водится?

– Мы не пересчитывали.

Ещё один лаконичный ответ. Вождь ларков вёл себя настолько возмутительно спокойно, что внутри иррационально закипела злость. Я поймала себя на низком желании завизжать, совсем как Моник, вцепиться в его дурацкие кожаные

ремни, удерживающие наплечники, и потребовать объяснений. Какого шварха нас не предупредили? Почему не рассказали о хтэррах? Как вообще можно умалчивать *такую* информацию?! Но вместо этого я лишь глубоко вдохнула и выдохнула, призывая нервы к порядку.

«А кто ты такая, чтобы перед тобой отчитывались? Незваная гостья, которой чётко дали понять, что не рады...»

– Вы дрались очень слаженно и умело, – заметила я, вспоминая скупые движения вожака стаи и один-единственный удар клинком в широко раскрытую пасть чудовища.

Арх-хан невыразительно пожал плечами, словно случившееся было для него чем-то обыденным. Я помолчала и всё же уточнила:

– Вы поэтому сотрудничаете с Таноргом? Вам нужны лазерные установки, чтобы истреблять хтэрров?

Впервые за разговор в серо-зелёных глазах Арх-хана промелькнул намёк на веселье.

– Нет, Лейла. Таноржская техника очень хорошая, и мы многое используем внутри наших цитаделей, потому что у нас нет времени заниматься изготовлением и разработкой электроники лично. Лазер же чешую хтэрров не берёт, любые заряды рикошетят.

Я невольно повторно скосила взгляд на наруч Арх-хана. Красивый... Хотя, когда думаешь, какое чудовище вырастило на себе такую шкуру, становится дурно.

– Вы поэтому отобрали у нас электрошокеры, да? Если бы кто-то воспользовался, то заряд бы, скорее всего, ударил в человека или ларка.

Вождь вновь пожал плечами и ответил фразой, которую я слышала несколько раз:

– Оружие не должно быть в руках слабых.

Ножны на ноге воина скрывали страшное лезвие, с одной из двух сторон имеющее множество зубьев, как у расчёски. Из них торчала лишь невзрачная светлая рукоять. В голове вновь вспыхнул момент, как ларк ловко всадил клинок в глотку хтэрра и, не колеблясь, провернул оружие...

Внутренняя грудь воина напротив медленно поднималась и опускалась. Мышцы рук даже в расслабленном состоянии в объёме больше напоминали мои бёдра. От локтей и ниже вены переплетались и выступали под кожей, подчёркивая общий рельеф тела и полное отсутствие жировой ткани. Только мышцы, только грубая, необузданно-дикая, первобытная сила. Мурашки побежали по телу. Да уж, Арх-хана точно слабым не назовёшь.

Перед глазами пронеслось всё тело монстра. Костяной колючий нарост на голове хтэрра переходил в столб позвоночника, а хвост был украшен частыми шипами... Догадка озарила так же внезапно, как резко вспыхивает северное сияние:

– Твой клинок сделан из костей песчаного червя! Из его хвоста!

Ларк ничего не ответил, но согласно наклонил голову к правому плечу, рассматривая меня. Я же не могла остановиться:

– Чешуя хтэрров, видимо, настолько плотная, что победить их можно только оружием, сделанным из них самих же... Погоди, ты говорил: «Дентайр надо заслужить. На инициацию мы его не даём». Так ты имел в виду, что право носить такой клинок имеет лишь тот, кто однажды уже побеждал хтэрра?! Выходит, все воины, которые нас сопровождают... У них же у всех есть дентайры!

Арх-хан продолжал молчать, изучая меня прищуренным взглядом, а я нервно вырвала руки из его мозолистых ладоней и вновь принялась промывать их в ручье.

– Если для местного населения хтэрры не такой уж и секрет, то вы могли предупредить нас, что на Ларке водятся настолько опасные хищники!

– Наша планета – нам решать, что с ней делать и кому о чём рассказывать.

Было горько, что Арх-хан настолько не считал людей за мыслящих существ, да и вдвойне обидно, что он не сказал о хтэррах мне. Не то чтобы я выделяла себя на фоне таноржцев, просто то, что между нами...

«А что между вами? – эхом отозвался внутренний голос. – Ты его находишь сексуальным и всячески это отрицаешь, отталкивая так, что любой цварг на его месте уже давно бы оскорбился. Обнажила грудь, дала себя целовать,

усадить на колени, а потом резко вдавила по тормозам. Произойди такое с Аароном, он бы уже прилюдно объявил тебя своей, ему только дай повод. А Арх-хан, между прочим, вождь клана! Во всей ситуации с хтэррами Арх-хан в своём праве. Более того, он вмешался в ход сражения и фактически спас тебя. Уже за это ты должна быть благодарна».

– Вы ушли из лагеря. Обманули моих воинов и вышли в Сухие Пески. Зачем?

Вождь ларков прервал отчитывание внутреннего голоса. Я вскинула взгляд на мужчину рядом с собой и в который раз почувствовала себя перед ним виноватой.

– Моник хотела срезать несколько черенков ракхаши, чтобы попытаться вырастить деревья на Танорге.

Оливковые глаза напротив потемнели.

– Ты помогала ей в этом? Ты хотела оскорбить Духов Предков?!

Я отрицательно затрясла головой.

– Нет. Ни в коем случае. Я узнала о её плане лишь после того, как мы вышли из лагеря, и пыталась отговорить, но она не слушала. У Моник так ничего и не получилось, потому что на нас напал бахрун, и он же загнал в пустыню. Это звучит очень странно, но это правда!

Каменные плечи Арх-хана чуть-чуть опустились.

– Хорошо, – сказал ларк. – Я тебе верю. Бахрун защищал свою территорию. Дай руку.

– Что? – Я оторопела от того, как легко Арх-хан поверил

в эту историю, и не сразу поняла, что он просит.

– Руку.

– Мне не больно, не надо...

– Руку, – в третий раз повторил мужчина, и так жёстко, что я не посмела послушаться.

Не отрывая взгляда, вождь ларков медленно взял мою кисть, поднёс ладонь к губам и лизнул её. Сбавленный «ах» вырвался из горла. Меня прошибло током от прикосновения шершавого языка.

– Больно? – хмуро уточнил Арх-хан, заметив, как я дёрнулась.

– Нет... просто... – Я не знала, что сказать.

«Приятно. Безумно приятно. И это ведь совершенно неправильно, алогично и иррационально...»

– Не стоит... У меня волдыри и ожоги...

Я попыталась вытянуть свою ладонь, но не тут-то было.

– Я вылечу, – бескомпромиссно возразил ларк, не отпуская из плена звериных глаз.

Он лизнул меня вновь. Но на этот раз влажный язык прошёлся от крохотной косточки на запястье до кончиков пальцев, скользнув по тонкой коже между ними. А затем он повторил это действие снова. И снова.

Ощущения были сродни тому, будто в животе зацвели цветы. Сладко, немного щекотно и волнуяще. А ещё это было безумно дико, нецивилизованно, негигиенично, и... невероятно порочно. Смотреть, как мои ладони утопают в огром-

ных натруженных мозолистых руках, а влажный шершавый язык нежно трогает места, где ещё недавно горели багровые волдыри. Чувствовать прикосновения к рукам, но при этом ощущать их всем телом, как будто Арх-хан пускает по мне малые токи, а я превратилась в сверхпроводник. Мягкий язык сменялся обветренными губами.

Никогда не думала, что поцелуи рук могут быть такими. Цварги тоже припадают губами к запястьям, это дань этикету, но было бы кощунственным сравнивать официальное лобызание с неповторимо лёгкими, воздушно-нежными и одновременно горячими касаниями. За всю мою жизнь ни один поцелуй не рождал подобных чувств, когда распирает от щекотки лепестков цветов в животе и мурашками покрываются внутренности. Оказывается, мои ладони всё-таки замёрзли в ручье, и сейчас от прикосновений губ Арх-хана по телу вновь растекалось желанное тепло. Я прикрыла глаза, растворяясь в томительной ласке, что будила во мне что-то тягучее, глубинное и первобытное, внутри стали сворачиваться тугие спирали.

Поцелуй, ещё один поцелуй...

Мир резко сузился до журчания ручья, моего сбившегося дыхания и искушающих касаний Арх-хана.

Когда блаженная нега укутала с головой, послышался треск рвущейся ткани.

– Что ты делаешь? – Я распахнула глаза и ошеломлённо уставилась на остатки брюк.

Вся моя правая нога от икры до бедра была обнажена, штаны оказались разорваны по внешнему шву почти полностью, виднелся даже край кружевного белья. Арх-хан же на прямых руках нависал надо мной. Вертикальные зрачки затопили почти всю радужку непроглядной тьмой, ноздри покраснели и расширились, а грудь вздымалась так резко, будто он только что сразился с десятком хтэрров. Потемневшие золотые пряди обвили вспотевшие шею и крепкую грудь.

Словно издеваясь, память подбросила картинку в водопаде. Мокрый Арх-хан... Танцующие движения бёдер вперёд и назад. Загорелое совершенное тело без единого изъяна. Огромная ладонь, которая плавно ласкала не менее совершенное мужское достоинство... Я гулко сглотнула слюну.

– Ты *пахнешь*, – сказал ларк так, будто вынес приговор.

Зелёные глаза смотрели на меня, прищурившись, а большие ноздри трепетали, втягивая в себя воздух. Само собой пришло сравнение, что именно так хищник смотрит на жертву перед тем, как на неё напасть. Не надо было переводить на межгалактический или цваргский, чтобы понять, что ларк подразумевал под словом «пахнешь». От той неги, на волнах которой я качалась ещё минуту назад, не осталось и следа.

– Возможно, и пахну, – медленно произнесла я, сводя ноги. – Но соединения не будет.

Арх-хан поднёс лицо к моим волосам так близко, что захотелось отпрянуть, но я сдержалась, памятуя курс психологии: убегающая добыча лишь усиливает возбуждение.

– Почему?

– Потому что я не хочу.

– Врёшь. Хочешь. Ты пахнешь как цветок ракшаши, и это сводит меня с ума.

Я застонала от дурацкого ощущения дежавю. Глубоко вдохнула, выдохнула.

– Хорошо, я хочу тебя, но это не повод соединяться.

– Почему? – Ларк вновь склонил голову к плечу, изучая меня.

«Почему-почему! Заладил как испорченная пластинка», – мученически подумала я.

– У меня есть мужчина...

– С которым ты до сих пор даже не соединялась, помню. – Вождь невозмутимо кивнул.

– С которым я планировала провести остаток жизни.

– Родившая тебя женщина это планировала, а ты нет. И те смешные люди, которые брали твои анализы и рекомендовали, с кем тебе надо спариваться.

Я растерялась, не зная, что ответить. Арх-хан продолжил, всё повышая и повышая голос:

– Я тебя хочу. Ты тоже меня хочешь, и давно. Об этом буквально кричит твоё тело. Но ты, Лейла, почему-то предпочитаешь врать себе, врать окружающим и жить так, как хотят *другие*. Ты спрашивала, кого ларки считают слабыми. Так вот, слабые – это те, кто боится поступать так, как хочет сам, и брать на себя ответственность за поступки!

Глаза мужчины блеснули зловещей зеленью. Он оперся на камень и по-хозяйски потянулся к моему обнажённому бедру, но на этот раз я всё-таки дёрнулась и, путаясь в рваной штанине, неловко отползла от массивного ларка. Это произошло почти бессознательно, на уровне интуиции и воспитания, что годами вбивали на Цварге. «Нельзя давать мужчинам прикасаться без разрешения», «нельзя ярко проявлять эмоции», «нельзя откровенно их провоцировать», «нельзя», «нельзя»...

Наверное, надо было сидеть и не двигаться, терпеть его прикосновения...

Надо было. Наверное.

Арх-хан ничего не сказал, но я кожей ощутила, как меня окатило волной агрессии. В почти звериных радужках полыхнул огонь злости, кулаки резко сжались. На лбу набухла и часто-часто запульсировала тонкая венка. Он шумно дышал и напознал на меня. Огромная гора литых мускулов. Обнажённая каменная грудь, изрисованная узорами белёсых шрамов и чёрными письменами. Напряжённый живот. Сильные руки, на которых отчётливо проступили вены, когда Арх-хан сжал пальцы. Рельефные бёдра и пах, едва прикрытый короткой юбкой из дублёной кожи. Впрочем, полоски последней приподнялись так сильно, что слово «прикрытый» подходило с натяжкой.

В ягодицы упёрлись острые камешки, шнурок кроссовка зацепился на ветку, трава царапнула поясницу, но на всё это

мне было плевать. В висках застучала кровь, а во рту стало сухо, как в той проклятой пустыне. Страх накатил с такой силой, что я зажмурилась совсем, как это делают дети. Да, глупо, да, бессмысленно.

– Арх-хан, прошу, нет!

Секунда. Другая. Я сидела на траве, остро ощущая каждый листочек, каждую травинку, что кололась сквозь ткань штанов и кофты. Сердце качало кровь так мощно, что ребрам стало больно. Но ничего не происходило. Я распахнула ресницы.

На долю секунды между деревьями мелькнула покрытая чёрно-коричневыми письменами удаляющаяся спина вождя, злобное существо скалило пасть. Теперь я знала, что это был хтэрр.

Я зябко подтянула колени к подбородку и обхватила их руками, стараясь успокоить бешеное сердцебиение.

Дыхание перехватило, когда в поле зрения попали собственные ладони. Тонкая розовая кожа уже успела образоваться там, где недавно горели жгучие волдыри. Даже регенерации цваргини не хватило бы на то, чтобы раны зажили так быстро. Невероятно быстро! А вот царапины от кустов на коленке и бедре продолжали неприятно саднить.

Я прикрыла веки.

«У них не только пот особенный, но ещё и слюна дезинфицирующая», – педантично подытожил внутренний аналитик.

Глава 17. Деревня

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. На границе с Сухими Песками

Злость кипела и плавала внутренности так же, как солнце безжалостно переплавляет металлы в глубинах Сухих Песков.

Мало того, что женщины обманули воинов и сунулись на территорию хтэрров, так ещё и оставшиеся люди пошли за ними! Воины, посчитавшие, что охранять людей после выхода одного из них больше не обязательно, даже не сразу доложили о ситуации! Я успел в последний момент. А если бы не успел?! Глупые люди. Глупые человеческие самки. Глупый я, раз допустил такое.

Благословение Духов Предков, что хтэрр сожрал лишь одного человека и слегка задел другого! От мысли, что Лейла могла пострадать, внутри взметнулось багровое пламя ярости. Бросив воинам, чтобы ждали, я отправился по следу её запаха. Опять куда-то делась, никого не предупредив! Гнев бурлил в жилах, не находя выхода, а голос вождя клана требовал наказать самку, что так бездумно, безрассудно и бессмысленно рисковала собой, вышла на мёртвый песок и привлекла хтэрра! Блондинка – с ней всё понятно, но Лейла! Сладкоголосая сирена с цветочным запахом, образы которой не покидали с того самого дня, как я увидел её в водопаде.

У ларков есть поверье, что если встречаешь девушку или мужчину в проточной воде, то значит, сами Духи Предков благоволят этой встрече, ведь вода очищает тело и обнажает душу. Вода – это зеркало природы, которое не способно солгать.

«Да какая там душа... Она просто мылась после перехода». – Я раздраженно фыркнул про себя и остановился как вкопанный.

Человеческая девушка в одежде, больше смахивающей на лохмотья, сидела с опущенной головой и сведёнными бровями. Иссиня-чёрные пряди волос выбились из тугого пучка, оплетали длинную лебединую шею и завитками ложились на лопатки. Она шевелила губами, будто спорила сама с собой, и судорожно пыталась промыть ладони в ручье...

Сожрите меня песчаные хтэрры!

Заветы предков предписывают оберегать наших самок, а не чужих...

Заветы предков полетели в швархов атомный реактор в ту самую секунду, как пронзительно синие, как ночное небо над Ларком, глаза остановили затуманено-испуганный взгляд на мне. Со всего размаха я рухнул в эту кобальтовую пропасть. Как же Лейла, должно быть, испугалась и как великолепно держится, не каждая ларчанка так смогла бы! В поле зрения попали характерные ожоги, которые оставляет слюна хтэрров, и рык застрял в горле. Хтэрры – это яд. В пустынях всё ядовито: песок, валуны, а иногда мне кажется, что даже воз-

дух, ведь в полдень, когда солнце нещадно печёт, над дюнами появляется полупрозрачная дымка – токсичные испарения.

Сам не понял, как лизнул хрупкую ладошку. А затем ещё и ещё. Не собирался же ведь! А Лейла даже не осознала, что поцелуи Сухих Песков способны вылечить лишь ларки. Ещё одна причина из бездны тех, почему мы не пускаем чужаков на наши земли. Они беспомощны перед тайной Ларка и умирают слишком быстро.

Кожа Лейлы на вкус оказалась свежа, как только что выпавший снег. Почему-то я думал, что она будет напоминать холодный фарфор или пластмассу, которую так любят люди, но нет. Это был именно снег. Много лет назад, когда на Ларке ещё не разрослись мёртвые пустыни, в горных районах выпадали хрустящие белые хлопья. С тех пор климат сильно изменился, но я помнил вкус снега.

Снежная девочка, не привыкшая к сухому климату Ларка. Храбрая девочка. Почувствовала опасность, побежала, придумала, как спрятаться, залезла на камень, помогла подруге. Во всех смыслах храбрая...

Я так увлёкся, обрабатывая раны Лейлы, что не понял, в какой момент её запах изменился. Как бутоны рахшаши, которые могут спать месяцами, она расцвела внезапно. И вновь внутри всё скрутилось, зазвенело от напряжения, но уже другого характера. Я одурел от её запаха. Кровь вскипела. Неистовое желание соединиться натянуло мышцы в паху и запульсировало острой, сводящей зубной болью.

Будь я проклят Духами Предков! Ещё ни одно цветение ракхаши не действовало на меня так, как действовала Лейла. Перед глазами мелькнул калейдоскоп обжигающих сознание картинок – сочных и ярких, будто мы соединялись с ней уже не раз. Аромат её возбуждения наполнил ноздри, и я с силой рванул ткань штанов... А дальше всё вышло из-под контроля.

Лейла оттолкнула. Это взбесило. Я её спас. Я зализал её раны. Она пахла так возбуждающе вкусно, что мысли путались в голове. Даже если она не знала и не понимала наших традиций, её тело кричало «да»! По всем законам Ларка, я имел право взять её в любую секунду. Какого шварха она так одуряюще пахнет, призывая самца, но при этом отказывает?! Да и кому?! Мне! К общей клокочущей злости добавилось разъедающее чувство неудовлетворённого желания. Одна Вселенная знает, чего мне стоило взять себя под контроль, когда она отпрянула. Адреналин выплеснулся в вены и требовал сцапать жертву.

Какого хтэрра люди такие противоречивые?! Почему они лгут и считают, что делают приятно? Почему они прививают несъедобным вещам запахи продуктов, а потом прячут от детей куски мыла и прочие химикаты? Почему их женщины могут хотеть мужчину, но при этом уверенно говорить «нет» в лицо?!

«Решено! Вернёмся в деревню – найду себе ларчанку с понятной логикой, – думал, сжимая кулаки и челюсти. – Да

любая только обрадуется моему предложению...»

Когда я беззвучно вышел на край Вечного Леса, воины уже заканчивали разделявать тушу хтэрра. Все были заняты делом, никто не заметил моего появления, кроме Шонхорна. Друг детства и бывший советник чувствовал меня слишком хорошо. Порой даже лучше, чем родной младший брат.

Бывший советник поджал губы и бросил полный укоризны взгляд.

«Ты хочешь её не только покрыть, но и защитить».

Каким-то шестым чувством он понял, что я не просто проверил человеческую девушку, но и зализывал её раны. Я тряхнул головой, не желая признавать этого.

«Не твоё дело».

Шонхорн продолжал буравить меня взглядом

«Подумай, Арх-хан, она – человек! Эта планета убьёт её, как бы ты ни пытался позаботиться. Сколько людей у нас уже было, и как часто всё заканчивалось крайне печально. Ты не сможешь всегда её защищать! А человеческая девушка не станет подчиняться как ларчанка...»

За годы дружбы с Шонхорном порой мы читали мысли друг друга. Я хорошо понимал то, что пытался донести бывший советник, хотя бы потому, что его голос совпадал с голосом моей совести. Вот только наш зрительный диалог прервали.

– Мой вождь, чешуя срезана. Куда девать всё остальное?

Чувствуя подступающее раздражение, я перевёл взгляд на

Харца, приложившего кулак к груди. Воин честно приступил к исполнению обязанностей, которые раньше лежали на Терекхе.

– Хвостовую кость вынуть, пускай кто-нибудь сделает себе ещё один дентайр. Вы все достойно сражались и имеете на это право. Мясо закопать в песок.

Ларк нахмурился и допустил ошибку юнца в стае.

– Мой вождь, но это же неразумно... Мяса много, и оно съедобно, а у нас целый отряд...

На фоне злости на побег женщин, нападения хтэрра и отказа Лейлы это «неразумно» стало последней каплей. Ярость стегнула по и без того натянутым нервам. Шонхорну и Терекху я разрешал многое, но рядовому воину точно не стану. Не будь я вождём, вызвал бы его на бой и показал, что нельзя перечить старшим в стае. Видимо, Харц осознал, что сказал, так как тут же отступил на шаг и склонил голову:

– Я прошу прощения, мой вождь, я не это имел в виду... этого не повторится.

– Закопать. Всё, что порождено Сухими Песками, здесь и останется, – прорычал, изо всех сил стараясь успокоиться. Злость хороша в бою, но не с подчинёнными. – Как только разделаетесь, двинемся в путь в сторону деревни.

«Если хтэрры подбираются так близко к границе с Вечным Лесом, то надо проверить, что в деревне всё в порядке. Возможно, имеет смысл постепенно готовить стаю к переселению в Шарришеорон. Ларчанки не любят переездов, но

так безопаснее...»

– А люди?..

– Что люди?

– Они... готовились повернуть обратно. Вызвали корабль на ту поляну, куда приземлились.

На этот раз Харц не рискнул поднимать голову и смотрел в песок.

– Значит, их корабль прилетит на другое место, – ответил раздражённо. – И да, проследи за тем, чтобы они вспомнили, что подписывали перед посадкой на Ларк. Пускай Терекх им подробно разжуёт, что люди не имеют права рассказывать о хтэррах. Экономика Танорга напрямую зависит от экспорта электроники, которую мы покупаем в огромных масштабах. Смерть их коллеги – несчастный случай, и точка.

Воин склонил голову ещё ниже, принимая указания, и отошёл.

Я глубоко вдохнул раскалённый воздух и бросил взгляд в сторону горизонта. Надо уходить, чует моё сердце, и как можно скорее. Какого шварха я бросился за Лейлой, чтобы зализать её раны? Я хмуро оглядел людей, которые ютились в тени ракхаша, и крикнул воинам, чтобы поторапливались.

Лейла Виланта. Планета Ларк. На границе с Сухими Песками

– ...Надеюсь, ты понимаешь, что возвращение теперь да-

же не обсуждается? – хмуро спросил Аарон, после того как я рассказала о нападении песчаной клыкастой твари.

– Да, разумеется, понимаю.

А что тут ещё было сказать? После выходки Логана люди и так собирались на Танорг. Событие с песчаным червём должно лишь увеличить их желание покинуть планету. Вот только я не чувствовала себя от этой мысли счастливой, скорее, обманутой своими же.

– Аарон, – позвала, вглядываясь в светло-голубую голограмму мужчины с глубокой складкой между бровей. – Служба Безопасности Цварга явно знала о хтэррах. Я готова спорить на всё что угодно, что информация, которую мне требовалось скопировать с компьютера вождя в рамках данной операции, касается этой проблемы.

– Возможно, – нехотя отозвался страхующий агент после нескольких секунд размышлений. – Думаю, руководство не было уверено, просто пыталось понять, что происходит на Ларке.

Я покачала головой, не веря ни единому слову Аарона. Интуиция буквально пищала, что мне не сообщают какой-то детали... чего-то важного... настолько важного, что это лежит на поверхности – только протяни руку и пощупай. Внутри закипала густая тёмная горечь обиды. Видеоканал со своей стороны я не включила, а потому Аарон, не видя и не чувствуя меня, продолжил:

– Послушай, Лейла, в какой-то степени это даже логично,

что выбрали именно тебя. Если бы всё пошло по плану с самого начала, то ты бы оказалась в цитадели Шарршеорон, а она находится на приличном расстоянии от пустынь...

«Только если бы требовался исключительно профессиональный шпионаж, то ведущим агентом поставили бы тебя, Аарон. И ведь, в отличие от меня, ты прекрасно понимаешь цель операции, но ты её, разумеется, не скажешь...»

Цварг продолжал нести какую-то чушь, я даже не вслушивалась. Неожиданно стало наплевать на то, какие задачи преследовал Оберан Мёрфи и что спешно пытался придумать и втереть мне Аарон. После встречи с хтэрром резко надоело чувствовать себя пешкой в чужих руках, которой не дают достаточно информации, чтобы собрать все ниточки воедино. Это их шахматная партия, а не моя. Одних ларков с их тайнами позарез хватило...

Все мысли сами собой устремились к Арх-хану. Тело всё ещё мелко лихорадило, но уже не от пережитого стресса, а от воспоминаний, каким голодным и полным похоти взглядом резанул меня вождь ларков. На меня в жизни никто так не смотрел.

– Лейла, ты в порядке? – Вопрос выдернул из задумчивости.

– Да-да, всё в порядке.

Интонации в голосе Аарона изменились, стали мягче и бархатистее.

– Ты сказала, что обожгла ладони. Сильно болит?

– Нет, не сильно... Я же цваргиня, у меня отличная регенерация, – ответила, умалчивая о том, что волдыри стремительно рассасывались не только благодаря генам расы. – Всё быстро заживает.

– Насколько глубокие ожоги? Родной цвет возвращается?

– Нет, всё в порядке, цвет телесный, как у людей, нанопластины работают, – пробормотала я, сжимая пальцы в кулак и разжимая. Раны действительно зарастали буквально на глазах.

– Ты точно не хочешь включить видеоканал? – мягко уточнил цварг.

– Не хочу.

Я даже аргументировать не стала. Аарон тяжело вздохнул.

– Лейла, я, конечно, цварг и привык доверять бета-колебаниям, но мне хватает наблюдательности, чтобы понять, что ты злишься на меня, безо всяких резонаторов. Прости меня, малышка. Всё это задание, что ты на Ларке, я сам не свой и очень за тебя переживаю. Когда ты набрала меня часом ранее и прокричала, что требуется срочная эвакуация, я чуть не поседел от страха, что с тобой что-либо может случиться, а я не успею.

Я сидела на берегу ручья и всматривалась в изображение мужчины. Смена настроения цварга настолько выбила меня из колеи, что я не знала, как отреагировать. Но самое главное, вот сейчас, когда Аарон сказал всё это, я не заметила ни единого признака лжи на его лице. Я даже слово «малышка»

пропустила мимо ушей, настолько была потрясена услышанным.

– Мы последнее время много ссорились. Я очень надеюсь, что когда ты вернёшься на Цварг, то пересмотришь свои взгляды на нашу свадьбу. Возможно, я на тебя слишком сильно давил... но это исключительно от нервов. Я купил билеты в оперу на следующий месяц.

– Оперу?

– Да, на «Космический атлас». Ты как-то упоминала в столовой «Бункера», что тебе нравится это произведение и ведущий тенор.

«Действительно упоминала...», – растерянно подумала я. Сейчас прежняя жизнь на Цварге и типичные развлечения аристократии казались бесконечно далёкими.

– Я очень соскучился по тебе, Лейла. А ты?

Он склонил голову к плечу, явно прислушиваясь к моему голосу. Ему важен был ответ. А что я могла сказать?.. Пребывание на Ларке подходило к концу, и касательно дальнейшей жизни на Цварге я до сих пор старалась трусливо не думать. Один зеленоглазый ларк со своей кривой, но железобетонной логикой и вовсе выбил из колеи привычного мировосприятия... Как я теперь вообще вернусь на Цварг?

– Да, я тоже соскучилась. Тут плохо ловит, и мне действительно уже пора.

И, не дожидаясь ответа, я стремительно нажала кнопку выключения связи. Затем подставила под ручей ладони и по-

брызгала прохладной водой в лицо.

Почему всё так сложно? Почему, когда, казалось бы, надо радоваться, что моя нелепая и бессмысленная миссия на этой планете заканчивается, внутри так маетно и хочется остаться, чтобы во всём наконец разобраться? Зачем соврала Аарону? Почему не сказала правду о том, что Арх-хан зализывал мне раны на руках?

«Чтобы он не волновался. Ничего особенно не произошло, а, следовательно, рассказывать не о чем», – сердито ответила въедливо-дотошному внутреннему голосу.

Я нащупала в подушечке мизинца уплотнение и сжала его. Отражение в ручье изменилось, и теперь на меня смотрела всё та же девушка, но с фиолетовым цветом лица. Я вновь сжала кончик пальца – человек.

«Нанопластины работают, пульт управления не повреждён», – подвела мысленный итог и решительно поднялась с колен.

Когда я вернулась к границе Вечного Леса, никто не обратил внимания на всклокоченный вид и рваные штаны – все выглядели не ахти. Моник всё так же всхлипывала и стеклянным взглядом смотрела куда-то вперёд. Танита аккуратно подталкивала её, задавая направление. Януш выглядел бледным, хотя плечо ему перевязали и кровь остановили. Он морщился от каждого неловкого шага или движения корпусом, мне было действительно жаль астрофизика.

Я рассеянно оглядела белоснежную пустыню и обратила

внимание, что ларки уже полностью избавились от туши хт-эрра и стремительно собираются.

– И что теперь? – устало спросила я не у кого-то конкретно, а просто в пустоту.

Солнце едва-едва перешло в зенит небосвода, а день уже казался бесконечно длинным. Колоссальная усталость, как физическая, так и психологическая, навалилась тяжёлой гравиплатформой. Страшно хотелось просто лечь и поспать...

– Мы вызвали «Спейс-Икс», – тихо отозвалась Танита. – К сожалению, здесь приземляться нельзя, песок может засыпать турбины...

«Или привлечь своим шумом и вибрацией при посадке ещё несколько песчаных червей», – звенящей нотой повисло невысказанное в воздухе.

– Получается, на ту поляну? Но до неё несколько дней пути...

– Нет, ларки отказываются нас туда вести, – вклинился в диалог Джереми, поджав губы.

Я перевела вопросительный взгляд на Таниту.

– Они говорят, что до их ближайшей деревни всего полдня пути. К вечеру мы туда уже дойдём, а корабль можно будет посадить рядом. Ларкам так удобнее, да и нам... – таноржка бросила сочувствующий взгляд на Януша, – ... ближе.

«Полдня – это их шагом или нашим, с раненым челове-

ком?...» – хмуро подумала, но озвучила другое:

– А когда прилетит «Спейс-Икс»?

Джереми поморщился.

– Завтра... но не туда, куда надо. Януш внёс в настройки автопилота поляну, на которой мы высаживались. Вначале «Спейс-Икс» приземлится туда, а потом надо будет с ним удалённо соединиться и перенаправить в деревню. Вероятно, это займёт ещё один день. Надеюсь, у меня всё получится.

– Я могу помочь с перепрограммированием корабля. – Астрофизик встрепенулся и побледнел от резкого движения.

– Да сиди уж, – откликнулся палеонтолог, бросая сочувствующий взгляд на коллегу. – Разберусь, чай таноржец. Электроника у нас в крови.

Я помассировала гудящие виски, вникая в сказанное. Значит, сейчас в деревню ларков, там проводим двое суток, и на Танорг... Над головами раздался протяжный свист – так воины давали знать, что пора двигаться.

Вначале нас отвели в лагерь, чтобы собрать все вещи, но на последнее дали не больше получаса, а дальше мы продолжили путь. Ларки, как всегда, двигались бесшумно, скупое и чуть пружинисто. Теперь, глядя на их полуобнажённые тела, больше похожие на фигуры богов из древнезахранских легенд, я невольно думала о том, что другие мужчины на этой планете бы и не выжили.

Несмотря на быстрый темп, люди на этот раз не отставали. Даже Януш, выпросив ещё одну дозу обезболивающего,

двигался в ногу со всеми. Моник же шла и вовсе как под гипнозом, состояние шока не покидало. Этих двоих мы пустили вперёд, а сами – я, Танита и Джереми – пошли чуть позади.

– Хоть бы нам хватило антидепрессантов и обезболивающего, – пробормотала лаборантка, глядя в спины коллег.

– Антидепрессанты необязательны. Я верю, что Моник оправится уже на борту «Спейс-Икса», она сильнее, чем кажется, я знаю её уже много лет. А вот обезболивающее и кровоостанавливающее для Януша в достаточном количестве только на борту. Я сделал всё, что в моих силах. – Джереми вздохнул и взъерошил короткие тёмные волосы. Он часто так делал ещё на «Спейсе», но тогда получалось мило-очаровательно, а сейчас скорее нервно. – Я так понимаю, что ему ещё антибиотики, по-хорошему, нужны, да?

Лаборантка отрывисто кивнула и неожиданно обратилась ко мне:

– Ох, Лейла, я совсем забыла про тебя, а ты ведь тоже в нашей команде. Ты как? Ты планировала попасть на Тур-Рин и весело провести время в казино и спа-центрах, а в итоге пришлось пережить такое, что в страшном сне не приснится. У меня есть несколько блистеров успокоительного. Надо?

«На цваргиню не подействует, даже если я выпью всю упаковку за раз...»

– Спасибо, не стоит. Я в порядке.

Пока мы шли, я предпочла погрузиться в размышления и задействовать все уголки сознания, чтобы проанализиро-

вать ситуацию на Ларке. Сейчас, когда первая волна шока прошла, можно было спокойно подумать. *«Последний раз, когда местные разрешали сфотографировать Ларк из космоса, территории пустынь были крайне малы»*. То есть они всё-таки были, но потом начали расширяться. Как давно это произошло? Лет пятьдесят назад? Или все сто пятьдесят? Нормальная скорость распространения пустынь на обитаемых планетах – до шести-восьми километров в год.

Я механически переставляла ноги, тщательно прокручивая в голове события недавнего прошлого и собственные ощущения. Что меня так напрягло при первом же взгляде на белоснежный песок? Я ведь совершенно точно не хотела идти к одинокому валуну, но просто вариантов не оставалось. Почему интуиция сразу забила в набат?

На Цварге не было пустынь, и я себе плохо представляла, как они должны выглядеть вживую, но мне неоднократно попадались картинки похожей местности в инфосети. Может, меня напряг цвет песка? Обычно он жёлтый, от светло-ванильного до тёмно-горчичного. Возможно, дело в том, что он был молочно-белым?

«Нет, – возразил внутренний голос. – Песок бывает чёрным вулканическим, ярко-жёлтым канареечным и даже розовым, на берегах тропических островов. На Миттарии известны пляжи с синим и фиолетовым песками, которые образуются из-за большого содержания перемолотых фосфоресцирующих кораллов. Дело точно в другом».

Я мотнула головой, пытаюсь вспомнить всё, что знала о пустынях. На М-14⁷, к примеру, где проводились самые известные на всю галактику аэрогонки, на записях с голокамер были видны скалы, покрытые юккой, алоэ и песчаной акацией. Когда участники вылетали с трасс, то их искорёженные гоночные флаеры часто попадали в густые заросли верблюжьих колючек. От такого столкновения всё мгновенно вспыхивало, и участники могли запросто погибнуть, так и не успев выбраться из железной коробки... Если бы растительности на М-14 было меньше, а песка больше, то трассы были бы куда более безопасными. На человеческом Захране на территории пустынь и вовсе росли высокие кактусы, спели арбузы, а время от времени голоканал «Экзотические Миры Федерации» показывал рослых горбатых животных, с громким чавканьем жующих эти растения.

Выходит, здесь, на Ларке, подсознание сразу отметило абсолютную безжизненность песков, и именно эта странность заставила так сильно напрячься. И как показало нападение хтэрра – не зря. Очевидно, эти твари поедают всё, что видят, будь то растения или животные, оставляя после себя лишь безжизненные крупные валуны, да и те песчаные черви явно пытались облизать и проглотить. Иначе с чего последним быть такими ядовитыми?

⁷ Гонки на планете М-14 описываются в истории «Адвокат с Эльтона» и «Прокурор с Эльтона». Главный герой являлся неоднократным призёром. Планета М-14, помимо засушливого климата, отличается ещё и большим количеством действующих и спящих вулканов.

Кожа на ладонях стремительно затягивалась от полученных волдырей, но я прекрасно отдавала себе отчёт, что мне повезло: и с врождённой регенерацией, и с тем, что Арх-хан захотел помочь.

– Как же нам всё-таки повезло.

Я сбилась с шага, обнаружив рядом с собой Джереми. Оказывается, я так глубоко погрузилась в размышления, что не замечала ничего вокруг.

Впереди, метрах в двадцати, шли трое ларков, которые через плечо перекинули куски срезанной с хтэрра шкуры. Чешуя фантастически переливалась, когда на неё попадали редкие солнечные лучи, пробиравшиеся через плотный лиственный занавес. Мурашки пробежали от шеи до самого копчика, стоило посмотреть на неё и вспомнить габариты песчаного червя.

– Да, нам очень повезло остаться в живых, – пробормотала я машинально.

Палеонтолог поморщился, обернулся по сторонам, словно проверяя, слышит ли нас кто-либо, и понизил голос:

– Я понимаю, что это прозвучит немного кощунственно, но нам довелось увидеть живое ископаемое своими глазами. Посуди сама, Лейла, кто может похвастаться тем, что встретил настоящего песчаного червя, населявшего планету десятки тысячелетий назад? Вселенная, это же какой бесценный материал... Вот бы выпросить у них кусок чешуи и костей. Я не рискнул взять кровь червя в пробирку, так как по

одному взгляду на лица ларков стало понятно, что они не дадут...

Джереми бормотал что-то ещё, а я почувствовала, как в груди ощутимо кольнуло ледяной иглой. Это оно. Это точно оно! Интуиция агента таурель-класса взвыла сигнальной сиреной.

«*Десятки* тысячелетий назад?»

– Джереми, а ты... м-м-м... уверен? – Я облизала пересохшие губы и постаралась не выдать внезапно охватившего волнения. – Может, это какой-то современный гибрид пресмыкающихся?

– Лейла, конечно же, я уверен! – Палеонтолог бросил в ответ возмущённо-оскорблённый взгляд. – Посмотри на костяной гребень на голове и рудиментарное утолщение на хвосте.

Таноржец кивком головы указал на скаल्प хтэрра, который нёс молодой ларк с хвостом чуть ниже лопаток.

– У современных пресмыкающихся на любой из планет Федерации, где они водятся, хвосты к концу сужаются, чтобы было удобнее ползать и не застревать в почве. То же касается и выпирающего гребня. Это результат эволюции. Отсутствие зрачков – атавизм. Также столь крупные рептилии, способные проглотить жертву целиком, не имеют ядовитых желёз. Пока ларки разделявали хтэрра, я успел внимательно рассмотреть пасть животного. Ох, как же я хотел бы получить кровь этого животного! Жаль, что не получилось, они всё закопали в песок...

– Да, жаль, – откликнулась я на автомате, вновь обдумывая мысль про то ископаемое.

– Ну, что было, то уже позади. Я сомневаюсь, что на Ларке найдётся второе такое древнее животное. Скорее всего, оно чудом сохранилось до наших дней, впад в спячку несколько тысячелетий назад. Прискорбно, конечно, что такого червя не получилось исследовать живым... С другой стороны, ещё неизвестно, как его пришлось бы транспортировать на Танорг.

Я покосилась на Джереми и вдруг поняла то, чего не понял никто из людей: хтэрров *много!* Наручи ларков, сделанные из чешуи песчаных червей, отличались оттенками. Дентайры, выполненные из того самого рудиментарного навершия... Вселенная! Да только если пересчитать количество клинков в сопровождающем нас отряде, можно понять, что хтэрров на планете десятки сотен, если не тысяч...

Я открыла рот, чтобы возразить Джереми, и закрыла.

«Таноржцы не должны ничего знать. Это действительно не их проблемы».

Когда ноги начали гудеть, а небо меркнуть, массивные чёрно-коричневые стволы ракхаша расступились, сменяясь буйной разнообразной растительностью. Вечный Лес здесь заканчивался, зато начинались пушистые плодовые деревья с продолговатыми раздваивающимися листьями вперемешку с приземистыми кустарниками, а дальше – бесконечные луга с высокой травой, иссиня-фиолетовыми васильками,

мелкими ромашками и крупными головками алого мака. В нос ударила смесь всё тех же пёстрых луговых цветов.

С небольшого холма, на котором мы остановились, были видны дома. Необычные, сложенные из толстых брёвен, с покатыми, блестящими, как нефть, крышами двух- и трёхэтажные здания и простенькие одноэтажные постройки. Прямо на моих глазах из одной такой ларк вывел невысокое лохмотое копытное. Этот мужчина, в отличие от тех воинов, что сопровождали нас, не носил наручей и поножей – лишь кожаную юбку да такую же необычную причёску из множества кос и дредов. Достаточно широкие плечи, но никаких бугрящихся жгутов мышц под кожей, татуировок и шрамов. Только сейчас, сравнивая фигуру и внешность жителя местной деревни, я вдруг осознала, что для встречи таноржцев Архан отобрал настоящих воинов, лучших из лучших.

Дорожки между домами были уложены мелкими плоскими камнями, а по ним прогуливались ларчанки. У меня отлегло от сердца, когда я их увидела. До сих пор было дико взаимодействовать лишь с представителями мужского пола этой расы. Красивые, очень похожие на людей, но шире в бёдрах, крупнее и, что называется, фигуристее. Причём, если человеческие девушки практически все без исключения прибегали к помощи миттарской хирургии, то по местным женщинам можно было сходу сказать, что у них абсолютно всё натуральное. Пышная грудь, у тех, кто постарше, уже слегка опустившаяся. Лицо с мелкими мимическими мор-

щинками и россыпью тонких лучиков у глаз. Густые волосы самых разных оттенков, от светло-русого до морковно-рыжего. Женщины, в противовес мужчинам, были преимущественно одеты в длинные разноцветные сарафаны до пят. Их оказалось не очень много, и почти все возились с детишками.

Лица ларчанок озарили совершенно искренние и широкие улыбки, когда они увидели отряд. Тут же заголосили, подняли шум, запричитали... Нас выбежала встречать почти вся деревня. С лёгким любопытством они рассматривали нас, людей, но больше подходили к воинам, что-то им говорили на ухо, брали за руку и уводили. Отряд постепенно редел, а я, всё это время переводившая дух, только сейчас поняла, что ларки не собираются нам дальше помогать. Довели до деревни, хтэрры не сожрали – скажите спасибо.

Я видела краем зрения, как несколько шумных ларчанок обступили Арх-хана и восторженно заверещали, а меня иррационально кольнула острая игла обиды. Кажется, вождю на нас плевать.

– ...Лейла?

– А? – Я перевела взгляд на взмокших от перехода таноржцев.

Джереми устало потёр высокий лоб:

– У нас палатки одно- и двухместные, шатёр от ларков был бы удобнее. Можно одолжить у них на пару ночей, но, боюсь, я в одиночку не справлюсь с установкой, а Януш не сможет

помочь. Девушки, вы поможете?

Он бросил взгляд на измученного дорогой астрофизика, осевшего на голую землю и с закрытыми глазами баюкавшего травмированную руку. Моник стояла рядом, всем видом больше напоминая робота, чем человека. Она обхватила себя руками и мерно раскачивалась из стороны в сторону.

Джереми не стал акцентировать внимание на том, что после увиденного в пустыне вряд кто-то сможет заснуть на земле. Общий шатёр не защитит от хтэрров, но хотя бы вся компания таноржцев будет в одном пространстве. Люди – существа социальные, они любят быть вместе, это цварги легко переносят одиночество...

«Да, разумеется», – хотела ответить я, но осеклась, заметив, как Танита опустила взгляд на траву и слегка порозовела. В этот момент ларчанка с двумя медными косами приблизилась к нашей группе.

– Вождь сказал, что разрешает выделить вам крайний дом в нашей деревне на две ночи. Идите...

Слово «вождь» заставило меня резко повернуть голову. Арх-хан стоял в отдалении, но в упор смотрел на меня. На него вешались сразу две красивые светловолосые девушки, одна что-то мурчала на ушко и водила рукой по напряжённому мужскому животу, а вторая мило щебетала, активно жестикулируя. Но этот пронзительный серо-зелёный взгляд... буквально пригвоздил меня к месту.

«Ничего себе... Даже после того как Логан кидался оскор-

бительными высказываниями и угрозами, Моник попыталась сломать ветви священных деревьев и из-за нас ему пришлось сразиться с хтэрром, он всё ещё готов дать нам крышу над головой? Да ни один цварг бы не стал после такого протягивать руку помощи...»

– Лейла, что скажешь?

– А? – Я перевела растерянный взгляд на хмурящегося Джереми. – Да-да, это было бы просто замечательно, это огромная удача, что... что ларки такие гостеприимные.

– Да, это само собой. Но я не об этом, а о том, кто будет спать в доме, а кто останется в палатке. Януш очень плох, ему бы в тепло на ночь нужнее. А вас, девушек, трое...

Я вопросительно уставилась на Джереми, а тот в ответ лишь тяжело вздохнул.

– Ты так устала, что всё прослушала, да?

«Нет, меня так сверлит взглядом один наглый ларк, что я забываю, как дышать, не то, что слушать...»

– В доме всего три спальных места. Двое – видимо, я и кто-то из вас с Танитой – останутся на улице. Януш сейчас нуждается в тепле и покое, Моник не в себе. Тому, кто останется в доме, придётся о них позаботиться.

Вот теперь лаборантка нервно потерела поясок на высоких джинсах.

– Я вообще-то хотела сказать, что меня можете не считать... После нападения червя Терекх сказал, что если я захочу, то могу у него остановиться. В этой деревне ему как

защитнику обязаны выделить собственный дом. Он готов взять меня под крышу. Вы простите, но после всего произошедшего я не смогу даже лежать на земле. Я шла всё это время и вздрагивала... Как представляю ту огромную пасть, которая скалилась и чуть меня не проглотила! – Она нервно сглотнула слюну и всхлипнула. – Не осуждайте, ребят, но я просто не могу. И всё тут!

И, не дожидаясь ответа, Танита подхватила рюкзак и пошла прочь от нас. Аптечку она, разумеется, оставила.

Мы с Джереми синхронно переглянулись и шумно выдохнули.

– Ну... ввиду произошедшего... полагаю, очевидно, что на улице останусь спать я. Что ж, есть в этом всё и положительная сторона: шатёр нам больше не нужен, обойдусь палаткой. А бояться, в общем-то, и нечего, вряд ли тут второй такой водится, – попытался пошутить палеонтолог и неловко улыбнулся. Чувствовалось, что меньше всего на свете он хочет остаться на ночь в одиночестве в палатке, но всё же озвучил это предложение, будучи джентльменом. – Лейла, обрати внимание, повязку Янушу желательно сменить перед сном, и там ещё спрей-антисептик в сумке. Я в этом не разбираюсь, но думаю, что дополнительно обработать лишним не будет...

Я вновь перевела взгляд на Арх-хана. Он смотрел... просто смотрел, а у меня дрожь по телу пошла такая же, как у ручья. Мир сузился до этого серо-зелёного взгляда с верти-

кальными зрачками. До широких скул и нахмуренных бровей. До крепких рук, переплетённых на мощной груди. До воспоминаний о его шершавом языке и жёстких ладонях с выпирающими костяшками пальцев.

– ...А вот это попробуй всё-таки дать Моник.

– Джереми, не надо.

– Что не надо? – переспросил таноржец, так и не поняв, что я его даже не слушала.

– Не надо мне ничего объяснять. Сам поухаживаешь за Моник и Янушем. Останешься в доме с ними.

– А... – Он растерянно посмотрел на меня, словно не понимая. – А как же ты?

– За меня не волнуйся. Постарайся выспаться как следует, тебе ещё «Спейс-Икс» удалённо перепрограммировать.

Глава 18. Общий дом

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Деревня

Я смотрел на эту черноволосую сирену, а внутри бесновался дикий зверь. Думал, что как только дойдём до деревни, выберу себе ларчанку на ночь, и всё пройдёт, но они пахли *не так*.

Их голоса звучали не так.

Вообще всё было не так!

Внутри ломало, скручивало и корёжило от мысли, что по всем законам Ларка эта сладкоголосая сирена должна быть моей. Духи Предков свели нас уже дважды у проточной воды, хотя если считать случай у водопада, когда я мылся, то даже трижды. Немыслимо! Если ещё два можно было бы посчитать за совпадение (хотя Духи никогда не врут и не играют с такими вещами), то три – это знак. Они совершенно точно указывали, что она должна быть моей, а Лейла с такой же искренностью и чёткостью оказывала сопротивление.

Если бы мне ещё кто-то месяц назад сказал, что женщина будет отказываться от моей защиты, я бы посчитал, что воина слишком крепко приложил лось на охоте. Если бы мне кто-то месяц назад сказал, что на Терекха будут смотреть с обожанием, я бы порадовался, но особенно не поверил. Если бы кто-то сказал, что я испытаю дикую зависть, потому

что женщина младшего брата открыто примет предложение покровительства, а меня будут раз за разом отвергать – я посчитал бы ларка сумасшедшим.

И вот сумасшествие наступило. Правда, у меня.

Шонхорн после ночи инициации больше ни с кем не разговаривал, но его взгляд был красноречивее любых слов. «А я же говорил». Да плевать я хотел, что он говорил! Да, помещался. На этом запахе, на мягком певучем голосе, на глазах цвета ночного неба, на снежном вкусе её кожи...

Лейла что-то решала со своими друзьями, а я смотрел на её тонкую длинную лебединую шею и вспоминал, какая она, когда проводил по ней языком.

«Ничего, люди скоро уберутся с Ларка, и можно будет вздохнуть спокойно. К тому же ракхаши расцветут и вытеснят все мысли о ней. Скорей бы уже!»

Я поднял взгляд на звёзды, гадая, когда случится чудо, и в этот момент услышал её голос.

– Арх-хан, я не знаю, насколько это будет корректно... Но могу ли я попросить приютить меня в твоём доме?

Меня как будто с головой в кипящее лавовое озеро окунули. Какого хтэрра? Я же выделил дом с тремя спальнями для девушек, почему человеческие самцы не уступают удобства женщинам? Почему люди такие... люди?! Бросил взгляд на группу таноржцев в отдалении и скрипнул зубами от досады. Кажется, предстоит очень долгая ночь...

Лейла Виланта. Планета Ларк. Деревня

Это было рискованно. Это было совершенно бездумно, глупо и беспечно, словно я не агент таурель-класса, привыкший всё тщательно взвешивать и анализировать, а действительно легкомысленная таноржка, собиравшаяся на Тур-Рин. Видимо, в какой-то момент я вжилась в эту роль настолько, что сама не заметила... Но я не могла поступить иначе. Янушу и Моник требовалась помощь, а Джереми – тот, кто мог её качественно оказать, да и выгонять его спать на улицу в одиночестве после всего случившегося было бы издевательством.

Я видела себя как будто со стороны: вот – вежливо отвечаю Джереми, вот – беру вещи, вот – подхожу к вождю ларков и спрашиваю, могу ли остаться на ночь в его доме. Часть сознания отказывалась верить в то, что все эти решения приняла я, Лейла Виланта. В глазах с вертикальными зрачками полыхнул такой адский огонь, что внутри всё задрожало, и я почувствовала, как на висках выступили капли пота – определённо, от зашкаливающей дозы адреналина. От чего же ещё? Интуиция орала, что я только что подёргала очень опасного тигра за усы и хвост.

– Пойдём, – рыкнул Арх-хан, перекатив эти два слога в горле на таких низких нотах, что они как эхо раз за разом раздавались в голове.

«Нет, хвост я ему прищемила дверью».

Когда я переступила порог дома, то на миг замерла, сби-

тая с толку. Стулья, столы, шкафы – вся мебель, очевидно, была сделана из натурального дерева, и это ввело в лёгкое замешательство. В Федерации Объединённых Миров почти все предметы делали из пентасплава пластмассы, стеклотекстолитов, искусственного камня и других синтетических материалов, имитирующих дерево и минералы. Доски и стволы, как правило, власти планет закупали в отстающих Мирах, транспортировали огромными межгалактическими лайнерами или крейсерами. Это был безумно ценный и дорогостоящий материал. Крохотная шкатулка для украшений, к примеру, из сосны, вишни или трёхцветки, могла стоить как новенький флаер. Обилие натуральных материалов и потрясающий запах остро проассоциировался у меня с роскошной жизнью, которую могла позволить себе лишь самая богатая прослойка нашего общества.

Но для Арх-хана это, конечно, было само собой разумеющимся. Не стесняясь меня, он расстегнул ремни на груди и кинул доспех из пластин на ближайший стул. Туда же полетели и ножны с дентайром.

– Проходи, осматривайся. Ванна прямо и налево. Спален в этом доме должно быть несколько, выбирай любую на первом этаже.

– Должно быть?

«Он что, сам не знает, сколько в его доме комнат?..»

Мужчина неопределённо пожал плечами.

– В каждой деревне или городе всегда есть несколько сво-

бодных домов, которые строятся для воинов. Они общие. Любая стая рада будет рада, если сильнейшие защитники останутся на несколько дней. Спален несколько, чтобы воин не ограничивал себя в количестве женщин.

И, немного подумав, он зачем-то добавил:

– Я живу большую часть времени в году в Шарршеороне.

– Интересно вы живёте... – потрясённо пробормотала, глядя уже в спину, покрытую татуировками.

Ларк беззвучно взмыл по деревянным ступеням на второй этаж, а я осталась одна, хотя меньше всего этого ожидала. Ну, не самый плохой вариант развития событий. Я огляделась и отправилась изучать дом. Красиво, уютно, но как-то пусто, что ли: ни вазочек, ни салфеточек, ни рамок с фотографиями. Все картины – с природой Ларка. Одно полотно всё же притянуло взгляд, и я долго рассматривала потрясающие нежно-розовые цветы с сияющей золотой сердцевиной. Крупные, вытянутые в форме миндаля лепестки, перламутровые прожилки и мягкий переход от центра цветка к кончикам листьев, как будто кто-то щедро присыпал волшебной пылью.

«Сказочно красивые цветы... Если так цветут ракхаша, то неудивительно, что Моник всеми средствами пыталась получить семена или хотя бы черенки», – подумала я и перевела взгляд на пол. Повсюду лежали мягкие шкуры, в мехе которых утопали стопы, а по углам были разбросаны то тут, то там тканевые бескаркасные пуфы, судя по всему, с соломой.

Обойдя несколько похожих комнат, я пришла к выводу, что действительно этот дом хоть добротный и хорошо обставленный, но абсолютно безликий. Такое впечатление на Цварге после себя обычно оставляют гостиницы. В одной из комнат я не выдержала и потрогала занавеску руками. Лён. Самый настоящий лён! Огромный гладкий отрез ткани, закрывающий целое окно, приятный на ощупь и с матовым блеском. На родине его ещё любят поэтично называть «южный шёлк» – за то, что делался из растений, произрастающих лишь в тёплых краях.

Восторг и восхищение жильём несколько померкло, когда я добралась до ванны. Это явно было слишком громкое слово для гигантского корыта, отдалённо напоминающего пухлую бочку. Я настолько увлеклась местной мебелью и тканями, что даже не подумала, что здесь может и не быть нормальной сантехники.

На небе уже всю сияли звёзды, а потому я побыстрее стянула одежду и с удовольствием залезла в горячую воду, от которой поднимался еле заметный пар. Неужели кто-то её грел, прежде чем налить сюда?

«И грел, и носил вёдрами, водопровода-то тоже нет... Это всё для вождя ларков делалось, – пробурчал внутренний голос. – И несколько спален, что ты обошла, тоже для него построили. Ты же видела, как на него буквально вешались ларчанки».

Я сердито тряхнула головой, отгоняя неуместные мысли.

«Тебя это не касается, Лейла».

Я намылилась, окунулась с головой, прополоскала волосы и вылезла, обтираясь огромным куском холстины, найденным тут же, на табуретке в углу. Тело пело. Купание в бочке оказалось на удивление приятнее, чем я думала. Как же я соскучилась по горячей воде! Оделась в свежий комплект спортивных штанов и футболку, решив, что прямо в них и лягу спать. Подхватила рюкзак, открыла дверь и вышла – нос к носу, а точнее нос к широченной загорелой мужской груди, столкнулась с Арх-ханом.

Лёгкие мгновенно наполнило густой пьянящей смесью запахов леса, луговых трав и знойных песков, голова закружилась. Раньше я не замечала, что от него так пахнет, а вот сейчас, когда столкнулась... Крупная капля пота скатилась по острому кадыку, застряла на секунду в ложбинке над ключицей, а затем резким росчерком прочертила дорожку вдоль литой грудной мышцы.

«Вселенная, неужели после дневного перехода он ещё и спортом занимался?!»

– Ты всё это время мылась?

Я резко вскинула голову и попала в плен тёмно-оливкового взгляда. Вертикальные зрачки вновь часто пульсировали, между густыми пшеничными бровями залегла маленькая морщинка, но всё же выражение лица вождя оказалось нечитаемым. Я так и не поняла, расстроился он, что я так долго принимала ванну, разозлился или просто удивился.

– Да-а-а, – протянула я, чувствуя нездоровую сверхчувствительность от близости Арх-хана. Когда он вот так смотрел, и меня обжигало его дыханием.

«Правда, не совсем всё время, я ещё мебель рассматривала и занавески трогала...»

Мужчина так и стоял, замерев в проходе. Ни шагу назад, ни шага вперед. Замерла и я, просто не зная, что делать дальше. Во взгляде вождя читался такой откровенный голод, что меня будто молнией прострелило и пригвоздило к месту. Как бабочек накалывают на иглу, так же внезапно, бескомпромиссно и жёстко. И именно в этот момент желудок оглушительно заурчал, к щекам прилила кровь.

Вождь моргнул. Миг – и не было ничего. Мне всё показалось?

– Хочешь есть?

Арх-хан сложил руки на крепкой груди и насмешливо вздёрнул левую бровь.

«Издевается, или это мимика всё же у него такая?..»

Я кинула. Все консервы и сухпайки остались у людей, а во рту, по сути, весь день ничего и не было. На заре разбудила Моник, потом эта проклятая белая пустыня с хтэррами, а дальше переход... Не знаю, что там увидел ларк на моём лице, но он неожиданно резко отступил и молча пошёл вглубь дома.

«И что это? Приглашение, что ли?»

– Ты так и будешь там стоять? – донёсся голос вождя, и я

запоздало сообразила, что всё-таки это было приглашением.

Оказывается, на первом этаже была ещё и столовая или что-то в этом роде. Арх-хан жестом пригласил сесть за стол – массивную прямоугольную столешницу из плотно сколоченных досок с деревянными ножками. Судя по узору – дуб или ясень. Пока я разглядывала обстановку ещё одной комнаты, ларк скрылся за соседней дверью, а менее чем через пять минут перед моим носом образовалась тарелка с мясом и розмарином. Густой пар поднимался от еды, будто она была только-только с костра, но Арх-хан отсутствовал всего ничего. Я изумлённо моргнула и машинально взяла из рук мужчины еду. Следом мне протянули вилку. Я снова моргнула.

– А-а-а-а... э-э-э...

– Не такие уж мы и дикари, – произнёс он с раздражением и сел на низкий пуф напротив.

Я рассеянно кивнула и принялась есть. Ларк пристально смотрел на меня, это немного нервировало, но я продолжала есть. Скорее, чтобы развеять наступившую тишину, в какой-то момент уточнила:

– Там кухня, да?

– Да. Морозильный шкаф и микроволновка, кстати, та-норжского производства.

– А электричество? Я проводов не видела, – сказала, уpleteя поздний ужин.

М-м-м, как же вкусно... До последней минуты я и не думала, что насколько проголодалась.

– Солнечные батареи на крыше. Видела, как крыша блестит?

– Видела, – машинально ответила я, вспоминая гладкое чёрное покрытие, которое на первый взгляд показалось похожим на нефть.

«Ну разумеется! Солнечные батареи... как же ты сама не догадалась, Лейла? Мне за тебя стыдно...»

– А у вас таких нет разве?

«Он что, решил светскую беседу поддержать?»

От удивления чуть не подавилась.

– Нет, у нас всё больше высоты... – Я припомнила архитектуру Танорга по многочисленным видеозаписям, она мало чем отличалась от Цварга. Что-что, а мегаполисы людей и цваргов очень походили друг на друга. – На крышах, как правило, или бассейны, или зеленые парки.

– А электричество откуда тогда вы берёте? – заинтересовался ларк.

– Подземные атомные реакторы. – Я пожала плечами, озвучивая само собой понимающуюся.

Арх-хан задумчиво кивнул, а я вдруг залюбовалась его профилем. Несмотря на то, что его лицо не соответствовало ни единому стандарту красоты по меркам Цварга, он был красив. И крупная нижняя челюсть смотрелась отнюдь не по-дикарски, а скорее мужественно. Густые светлые брови, мощная шея, широкие скулы, вертикальные, как у зверей, зрачки – ничего общего с утончённой аристократиче-

ской красотой чистокровных цваргов, но почему-то будоражит кровь. И письма все эти чёрно-коричневые... Огромное тело хтэрра обвило правый бицепс, и – я точно знала – животное скалило пасть на спине мужчины. Жуткая картинка, которая кажется настолько живой и объёмной, когда ларк двигается, что ради собственного спокойствия хочется подойти и потрогать руками, чтобы убедиться, что это чудовище – лишь рисунок на теле.

И несмотря на то, что Моник сказала, что образы, составленные из отпечатков коры ракхаши – лишь плод моего воображения, – я готова была спорить до хрипоты, что на спине Арх-хана именно хтэрры. И убил он тоже далеко не одного песчаного монстра. Понятия не имею, как и почему, но вглядываясь внимательно в чёрно-коричневые письма на телах ларков, я всё чаще и чаще стала видеть причудливых животных, червей, змей, медведей, волков... А на спине Терекха днём рассмотрела бахруна. Мистика какая-то, но с той ночи инициации мне как будто кто-то протёр очки, и теперь я замечала в татуировках мельчайшие детали, которые раньше казались всего лишь закорючками.

«Это убогие, недоразвитые и дикие питекантропы, которым может стукнуть в голову всё что угодно!» – вдруг всплыли слова Аарона в памяти, и я сама себе отрицательно покачала головой.

Нет, совсем нет. Вождь ларков умный же ведь мужчина... при всей своей дикости и грубой, почти первобытной силе,

Арх-хан явно имеет какое-никакое образование и, возможно, даже бывал на других планетах Федерации... С людьми им сотрудничать выгодно, и потому волей-неволей они принимают таноржцев на Ларке, а вот с цваргами ни одной точки соприкосновения, потому и не заботятся о том, что о них пишут в прессе. Или же Аппарату Управления Цваргом выгодно, чтобы население считало ларков питекантропами?.. Ведь есть же у них и инфраструктура, и электричество от солнечных батарей, и техника от экспорта с Танорга...

Вилка всё никак не хотела поддевать кусочек мяса, я плюнула и взяла его двумя пальцами, как тогда, когда мы жили в шатрах и ели в лесу. Этот кусочек был обсыпан травами больше остальных, и когда я положила его на язык, непроизвольный стон удовольствия вырвался сам собой. Я кожей ощутила, что взгляд ларка прикипел к моим губам. Медленно опустила руку.

Накрыло острым чувством дежавю.

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Деревня

У меня складывалось ощущение, что она издевается. Манит, потом отталкивает. Снова манит, снова отталкивает. Я сделал несколько сотен отжиманий, чтобы прочистить мозг и лёгкие от этого сводящего с ума запаха, а когда спустился в ванну, и Лейла уже по всем прикидкам должна была отпра-

виться спать, встретил её!

Она буквально налетела на меня в коридоре. Как так вышло, что она до сих пор не помылась? Да что она всё это время делала?! Белая футболка облепила влажную кожу, чётко обрисовывая её грудь и съёжившиеся наверхия. Лёгкие наполнило сладким цветочным ароматом, кровь вскипела в жилах. Я почувствовал себя так, будто кто-то проткнул меня дентайером и беспощадно провернул лезвие. На висках выступили капли пота от скакнувшего адреналина. Духи Предков, что за наказание?! Я даже в борьбе с хтэррами спокойно мог контролировать дыхание, а с ней почему-то не мог. Видел её бездонные синие глаза, чёрный шёлк волос и мягкую грудь – и всё уносилось к шварховой матери.

Как идиот спросил её что-то про то, сколько она мылась, а Лейла так выдохнула слово «да-а-а», что меня прострелило от самого затылка к паху. Нежные розовые губы разомкнулись, перед глазами мелькнула картинка, как я провожу пальцем по нижней, а затем погружаю палец в её рот. И эти великолепные синие глаза... такие огромные, такие невинные. Как можно быть настолько сексуальной и не чувствовать этого? Ведь не чувствует же. Не играет, не жеманничает... Ларчанки уже давно воспользовались бы ситуацией – в одном доме, да ещё и с вождём клана. Остро захотелось схватить её, сжать в объятиях, трогать, целовать, пропускать между пальцев этот шёлк, заставлять её стонать и кричать... Не знаю, что бы сделал, если бы у неё не заурчал

желудок. Гнилые хтэрры, она была голодна. Что ж, мой долг как защитника – накормить женщину. Я разогрел остатки оленины, которые воины прихватили с собой, и поставил перед Лейлой. Вот уж не думал, что она настолько голодная... Неужели коллеги совсем её ничем не кормили? Как они вообще мужчинами называться после такого могут? Ни добыть еды, ни предложить консервы со своей планеты, вообще ничего... Ах да, у них там ещё другая женщина готовила и Терекха накормить пыталась...

Я смотрел на то, как ест Лейла, машинально поддерживал разговор и думал... думал о том, что слишком много совпадений. Духи Предков уже трижды указали мне на неё, но стоит мне проявить хоть каплю интереса, как Лейла делает шаг назад. Мрак какой-то. Складывается идиотское ощущение, и правда себя питекантропом чувствую. Лейла застонала, а меня как кипятком ошпарило. Вселенная, так не все женщины стонут, когда пребывают на пике блаженства!

– Я... эм-м-м... Спасибо, всё было очень вкусно, – пробормотала она, отодвинула от себя тарелку и уставилась на пол.

– Пожалуйста, – прохрипел я, понимая, что просто не могу встать с места.

Надо пару минут. Чтобы отпустило сводящий судорогой пах. И было бы просто замечательно, если бы она как можно быстрее скрылась с глаз моих долой... Но, как назло, Лейла продолжала сидеть на шварховом стуле и смотреть на швар-

хов пол. Уголок её футболки задрался, и с моего места открывался кусочек потрясающей бархатной кожи. Когда я уже хотел попросить её уйти, она внезапно заговорила:

– Арх-хан, послушай. Я вижу, что наше воспитание отличается, и не совсем могу понять... Скажи, то, что ты разрешил мне остаться на ночь в этом доме, у вас что-то значит?

Я криво усмехнулся, глядя на неё.

– А как ты сама думаешь?

Она резко подняла на меня взгляд и сверкнула синими глазищами.

– Я первая спросила. Я пытаюсь понять, ожидаешь ты чего-то от меня или нет. Я... человек. И не всё понимаю в ваших законах.

Громко фыркнул.

– Тут и понимать нечего, это не только наши законы, они везде такие. Если ты селишься под одной крышей с мужчиной, берешь из его рук еду и ресурсы, которые он приносит, то ты должна что-то давать взамен. Женское тело большинство мужчин устраивает.

– Что за ерунда, так никто не живёт! – искренне возмутилась Лейла и так очаровательно покраснела, что мне даже стало чуточку весело.

– Да, наверное, Танорг – единственное исключение из правил. – Я всё же согласился, рассматривая девушку. – Люди технологически так развились, что могут себе позволить вообще ничего не делать, а большую часть еды вырастят

ваши железные помощники в искусственных теплицах или синтезируют в пластиковых колбах. Я слышал.

Собеседница моргнула.

– Я имела в виду другие расы... Так никто не делает. Взять вон... цваргов. Они женятся, создают семьи.

– Мужчины работают, приносят деньги, а женщины их тратят. Всё то же самое, как у нас.

– Да нет же!

– Почему нет? В чём разница?

– Цварги женятся один раз в жизни, создают семью. Это другое.

– Я так и не услышал, в чём другое. В том, что их женщинам запрещено сменить защитника, если он её устраивает? Один на всю жизнь. В этом другое? В том, что ларки не маскируют отношения подо всякую ересь?

– Нет... Не все женщины хотят замуж... Некоторые цваргини, например, работают, если хотят! Я это точно знаю! У тебя неправильное представление!

Пока мы спорили, щёки Лейлы покраснелись, футболка задралась ещё чуть выше от активной жестикуляции рук, и она даже не представляла, насколько соблазнительно сейчас выглядела. Я несколько секунд любовался ею, а затем всё же вздохнул.

– Если женщина не подпускает к себе мужчину, значит, она считает его недостойным, ей нужен кто-то сильнее, вот и всё. У нас также есть ларчанки, которым нравится прини-

мать покровительство сразу двух или трёх защитников. Мы не навязываем своих законов другим расам, но и не хотим, чтобы люди или цварги лезли к нам с собственными правилами. Ты спросила, что у нас означают определённые вещи – я ответил. Разговор окончен. А теперь иди спать.

Лицо девушки вытянулось от удивления, рот слегка открылся. Она явно хотела поспорить, но у меня уже сил не было смотреть, как футболка облепила её влажную грудь.

– Иди спать, Лейла, – рыкнул я на неё, – а то я восприму это как знак, что ты хочешь отплатить за заботу по нашим законам.

Она ойкнула, быстро вскочила со стула, схватила дурацкий рюкзак, который таскала везде за собой, и метнулась из комнаты прочь. Я медленно выдохнул.

«Духи Предков, дайте мне какой-нибудь знак, что делать дальше...»

Стоило так подумать, как за окном сверкнула бледно-жёлтая молния, грянул раскат оглушающего грома, и по крыше дробью застучали первые капли дождя.

Глава 19. Когда зацветают ракхашаи

Лейла Виланта. Планета Ларк. Деревня

Дождь шёл всю ночь. Жара отступала, а на её место приходила желанная прохлада. Казалось бы, после такого длинного и полного стресса дня я должна была уснуть сразу, но сон всё не шёл и не шёл. В голове крутились обрывки картинок хтэрра, мысли о том, что на Ларке их много, слова Аарона, который неожиданно признался, что «соскучился», и взгляд Арх-хана. Последний вообще не давал покоя. Я закрывала глаза и видела его лицо... и понимала, что мы разные, как полюса планеты.

«Если женщина не подпускает к себе мужчину, значит, она считает его недостойным, ей нужен кто-то сильнее, вот и всё», – крутилось раз за разом как на испорченной флешке. Да чтобы он хоть что-то понимал! Проклятый ларк! Какого шварха я постоянно думаю о нём?! Я – цваргиня, у меня есть жених...

«Жених? – насмешливо повторял внутренний голос с интонациями Арх-хана и тут же добавлял: – А ларки не маскируют отношения под всякую ересь».

«И что ты мне предлагаешь?!» – хотелось взвыть, схватить за шкуру и как следует стукнуть об стенку этого невидимку внутри, что откровенно потешался надо мной.

Я ворочалась с боку на бок, пытаюсь поймать сон за хвост.

Как назло, на коммуникаторе всплыло сообщение Лоуталье, что он с нетерпением будет ждать меня в космопорту Танорга и сразу же заберёт оттуда, как только «Спейс-Икс» приземлится.

Кап-кап-кап. Тук-тук-тук. Дождь усилился.

Я встала с кровати и принялась кружить по комнате. От мысли, что я больше никогда не увижу Ларк и оливковые глаза с вертикальными зрачками, внутри всё противоестественно сжималось, становилось маетно, руки покалывало, а голова наливалась свинцом. Но разумная часть меня – чистокровная цваргиня – отчаянно не хотела признаваться даже себе в том, что Арх-хан мне нравился. По-настоящему нравился. Возможно, при любом другом раскладе, если бы у меня было больше времени, я бы...

«Ты бы что? – вновь перебил внутренний голос, но на этот раз без насмешки. – Что бы между вами ни случилось, тебе бы всё равно пришлось возвращаться на Цварг и выходить замуж... не за Аарона, так за Фабриса. Разве оно стоит того? Даже думать не смей...»

Серые нити извивались и поливали всё вокруг. Я подошла к окну и обнаружила, что в некоторых домах горят охровые огоньки. Значит, я не одна в деревне сейчас не сплю. Запотевшее стекло приятно холодило руку.

Стволы плодовых деревьев нагибались от сильного ветра, и тени от их крон, как взмахи крыльев бабочек, танцевали среди огней. Дождь изменялся по синусоиде, периодически

набирал мощь и барабанил с такой силой, что мне казалось, будто надо мной нет второго этажа – сразу крыша. А может быть, так оно и было, я не рассматривала внимательно архитектуру дома.

Кап-кап-кап. Тук-тук-тук.

Я сделала ещё один круг по временной спальне и поёжилась, представив, что было бы, если бы кому-то из таноржцев пришлось этой ночью спать в палатке на луговой траве. Хорошо всё-таки, что мы так распределились: Януш со своей раной в тепле, Джереми не промокнет и ему поможет...

– Лейла, почему ты не спишь?

Я вздрогнула и резко отвернулась от окна.

«Как же бесшумно они ходят!»

Арх-хан в тонких пижамных штанах стоял в дверях, приклонившись спиной к косяку. Золотые волосы разметались по его груди и плечам, облепили руки, но сейчас в пшеничной гриве я не заметила ни единой цветной бусины или колокольчика. Видимо, расплёл всё на ночь. А вот под глазами залегли тёмные круги. Неужели эти совершенные воины не такие идеальные, как кажутся на первый взгляд, и тоже могут уставать и не высыпаться?

– Я... не знаю, – пробормотала, смотря на хмурящегося мужчину. – А ты почему не спишь?

– Ты много ходишь.

«Ты слышишь, как я хожу? Но ведь дождь же громче!» – хотела воскликнуть я, но слова так и замерли на устах, пото-

му что вождь стремительно пересёк пространство спальни и взял мои руки в свои огромные ладони.

– Ты замёрзла. – Он вздохнул с такой укоризной, будто это была моя вина.

Я пожалала плечами.

«Может, и замерзла, а может, и нет... Уснуть не могу всё равно не из-за этого».

– Пойдём в постель. Ложись, я тебя согрею, – безапелляционно приказал Арх-хан.

Я на секунду зависла, подумав, что ослышалась. Вот всегда с ним так, он что-то скажет, а ты пытаешься понять – то ли переводчик ошибся, то ли действительно он *это* произнёс вслух. Сухие губы мужчины скривились в усмешке.

– Лейла, я сейчас вижу по твоим глазам всё, что ты себе надумала. Я искал сегодня вас с Моник по следу, сражался с хтэрром, разбирался с воинами, шёл до деревни и несколько часов пытался заснуть, но не смог, потому что ты здесь *ходишь*. У меня нет сил ни на что, и уж тем более на то, чтобы бороться с твоим сопротивлением. Ложись в постель. Вставать уже скоро.

Выражение досады промелькнуло на лице мужчины, а я вдруг устыдилась. И правда, у них же слух хороший и нюх, а я ему мешаю... Ко всему, зачем я, если он мог бы пригласить в соседние комнаты на ночь столько ларчанок, сколько захочет?

«Лейла, ты слишком много о себе думаешь...»

Я отвела взгляд от красивого лица с глубокой морщиной между пшеничных бровей и юркнула в кровать. Огромное горячее тело легло позади, продавился матрас. Я думала, что Арх-хан просто будет лежать рядом, но нет. Матрас прогнулся ещё ниже, мужская рука крепко обняла за талию и решительно притянула к себе. Сквозь тонкую ткань футболки я лопатками почувствовала обжигающую грудь ларка, а в ягодицы упёрся настолько каменный член, что я невольно сглотнула слюну... Даже уставший среди ночи Арх-хан был возбуждён.

– Арх-хан, я не думаю, что это хорошая идея...

– Лейла, успокойся. Я не глухой и прекрасно тебя услышал, – проворчал этот сонный медведь.

«Вот только с утра ты можешь изменить своё мнение...»

– Я улетаю послезавтра.

– Отлично! – рыкнул он раздражённо. – А теперь спи! – И с этими словами, не спрашивая разрешения, он ещё и закинул на меня ногу.

Я почувствовала себя плюшевой игрушкой в руках большого и горячего мужчины, разум протестовал, а тело неожиданно расслабилось – стало невероятно тепло и уютно. «Немыслимо, чтобы воспитанный цварг вёл себя настолько беспардонно с цваргиней...», – подумала я про себя и – уснула.

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета

Ларк. Деревня

Утро следующего дня

– Почему ты мне не сказал?!

– А что бы это изменило?

– Я должен был знать! Если бы ты сказал сразу, что моя помощь нужна...

– А я тебе сразу это и говорил, но ты не слушал.

Терекх злился, потому что воочию вчера увидел, как погибают ракхаша на границе с пустыней. Младший брат, несмотря на то, что обладал всего лишь одним настоящим глазом, оказался внимательнее всех. Воины были заняты разделкой туши и людьми, люди – травмой одного из своих, Шонхорн играл в молчанку, и лишь Терекх заметил посветлевшую кору деревьев...

– И давно они умирают? Что говорит Дайнагорн?

– Что пустыни расширяются и захватывают плодоносные земли.

Младший брат с силой потёр переносицу, затем лоб. Было видно, что волнуется и не может найти себе места. Он уже решил, что хочет покинуть Ларк, а тут такой сюрприз с угасающими Духами Предков.

– Арх-хан, послушай, если я тебе нужен, я могу остаться...

Я смотрел на младшего брата, такого не похожего и похожего на меня одновременно, и думал о Лейле. О том, как здорово было с ней просто спать в одной постели. Сколько лар-

чанок мечтало остаться у меня на ночь после совокупления, сколько приглашало стать их защитником – не перечить. Но именно с Лейлой оказалось спать совсем не так, как с другими женщинами. Я думал, что не усну, что тянущая связки и мышцы боль в паху не даст расслабиться, но в итоге вдохнул запах шёлковых волос и провалился в небытие. Удивительная девушка, которая пахнет цветами и снегом одновременно. Вот только меня Лейла отталкивала, таноржка Терекха – нет.

– Ты покрыл женщину этой ночью, – сказал я брату.

Это был не вопрос, а констатация факта. По запаху и так всё было понятно.

– Её зовут Танита. Сегодня утром она предложила создать пару. Я хотел улететь с ней на Танорг... до того, как увидел стволы ракхаша на границе с Сухими Песками. Теперь же понимаю, что не имею права подводить клан. Ещё и хтэрры размножились. Раньше они не рисковали подползать к Вечному Лесу так близко.

Брат со злостью сжал кулаки и уставился на горизонт. В памяти всплыла его отчаянная мольба: «Если ты меня уважаешь – отпусти». В отличие от ларчанок, человек его принимала таким, какой он есть. Если ещё неделю назад он готов был ради неё покинуть стаю, то сейчас я даже не представлял, какие чувства его обуревают. Я тряхнул головой, возвращаясь в реальность.

– Ты бы обменялся с ней брачными татуировками?

– Что? – Терекх перевёл на меня взгляд и озадаченно моргнул. – Ещё рано говорить об этом... но да. Если бы она согласилась, разумеется.

Он вновь отвернулся, теперь уже встав лицом к югу, и еле слышно добавил:

– Танига действительно не считает моё уродство позором... Она... доказала мне это прошедшей ночью.

– Тогда улетай со своей человеческой женщиной на Танорг, если она тебя принимает таким, какой ты есть.

Разноцветные глаза – один карий, один оливковый – уставились с непониманием.

– Но... как же... Ларк?

Я вдохнул воздух полной грудью и прикрыл веки. С нашего последнего разговора с Терекхом изменилось слишком многое.

– Ты же чувствуешь, да?

– Конечно. Все ларки чувствуют, – подтвердил Терекх. – Всю ночь шёл дождь, запахи прибило водой, но с самого утра аромат нарастает. Цветы раскрываются, уже к вечеру ракхашаи зацветут в полную силу, пыльца будет везде. – Он шумно вдохнул, облизал губы и добавил: – Я думаю, бутоны на этот раз не пустоцветы. Хайда будет... *густой*.

– Очень густой, – эхом согласился я. – Но ракхашаи зацветут раньше, чем улетят люди. Я спрашивал, они назначили отлёт на завтра, у них что-то там с кораблём. Получается, хайда попадёт на их пребывание, отложить празднование не

в наших силах.

Черты лица младшего брата заглубили, глаза резко сощурились.

– Арх-хан, на всё воля предков, но если ты как вождь против участия людей, мы можем запереть их в домах. Они не нашей расы, не исповедуют нашу религию – всё честно.

Я жестом остановил его.

– Нет, пускай Духи решают, кто достоин их милости, а кто нет. Я в эти игры не играю. Твоя таноржка в первую очередь человек, и она не поймёт, если ты примешь участие в хайде. В этой деревне много воинов, так что защитников будет достаточно.

– Но это против заветов предков. – Терекх нахмурился. – Я обменялся *бы* с ней брачными татуировками, но у меня их нет, а значит, я должен участвовать в хайде.

– Как вождь клана я освобождаю тебя от ответственности. Иди, отдай долг кровью прямо сейчас, сделай это поскорее, пока есть возможность пройти к ракхаши, а вечер можешь провести со своей женщиной.

Разноцветные радужки Терекха вспыхнули. Было сложно понять, что именно он испытал – радость от известия, что я освобождаю его от долга перед Духами Предков, или скорбь, что считаю его недостойным. Ещё месяц назад я бы поклялся, что второе, но сейчас склонялся к первому варианту. Но что бы ни испытал брат, он приложил кулак к груди и выдохнул:

– Спасибо, мой вождь.

Когда золотая коса брата скрылась за ближайшим домом, я закинул голову к ясному небу и тихо пробормотал самому себе:

– Ракхашаи зацветут. Если хайда устроит Духов Предков, то они вернутся. Пойдут семена, а с хтэррами справятся воины. Всё будет хорошо.

Жаркий ветер несогласно швырнул в лицо горсть пылицы и насмешливо прошептал в ответ:

«Самообман – худший из всех видов лжи».

Лейла Виланта. Планета Ларк. Деревня

Засыпая, я волновалась о том, что будет утром и как вести себя с одним зеленоглазым ларком, когда даже среди ночи он пришёл в мою спальню в возбуждённом состоянии. Но проснувшись, я обнаружила пустую кровать и абсолютно пустой дом. Сердце укололо тонкой иголкой иррациональной обиды. Какой-то части меня безумно хотелось проснуться в его объятиях утром, ощутить горячие шершавые ладони сквозь футболку и увидеть знакомую вертикальную морщинку между пшеничными бровями.

Вполне вероятно, что для вождя спать с женщиной – до зубного скрежета обыденное занятие, вот только у меня такое произошло впервые. Для цваргов спать не то что в одной постели, а в одной комнате – вещь весьма интимная. Я слышала, что не все супруги спят вместе, ведь во сне жен-

щины также испускают бета-колебания и, в отличие от бодрствующего состояния, не могут их контролировать. Не всякому цваргу будет приятно фоном улавливать такие вещи. Мне почему-то подумалось, что у ларков должно быть так же с обонянием... Но ведь Арх-хан же лёг со мной в постель? Значит, я ему как минимум не противна...

«Лейла, ты слишком многое себе надумала. Ты мешала ему спать, он пришёл и заставил тебя лечь и уснуть, на этом всё. Возбуждение... ну, мало ли о ком он думал? Почему ты вообще это приписываешь себе? Да и кто знает, как устроены ларки», – осадил внутренний голос.

В столовой ждал завтрак, что неожиданно удивило и подняло настроение. Пара аппетитных сэндвичей с куриной грудкой, травами и салатными листьями лежали на керамической тарелке, на соседней – яичница с тёртым сыром, рядом – высокий гранёный стакан с яблочным соком.

В состоянии лёгкой задумчивости я умудрилась съесть всё. Дождь за ночь закончился, и теперь в окне виднелись ясное голубое небо и яркое-яркое солнышко, активно поднимающееся по небосводу. Интересно, сколько уже времени? Одиннадцать? Двенадцать?

Я машинально потрогала запястье, чтобы проверить время, но вспомнила, что коммуникатор за две недели жизни в лесу всё-таки разрядился. Вчера мне пришлось поставить его на зарядку, а утром надеть устройство я забыла.

«Ну и к швархам... Аарон, наверное, прыгает от счастья,

что я улетаю с Ларка. Могу себе позволить последний день провести без нотаций и постной рожи...» – подумала я и мысленно махнула рукой.

Мякотью ароматного хлеба протёрла тарелку – совсем не аристократично, но вкусно же! – и закинула в рот. Поднялась со стула, подхватила тарелку, чтобы поставить в раковину на кухне, и – взвизгнула от неожиданности, чуть не врезавшись в медноволосую ларчанку.

– Что ж ты так кричишь-то! – Она схватилась за голову, прикрывая уши.

– Ой, прости-прости! Я просто не ожидала тебя здесь увидеть! И поступь такая бесшумная, всё никак не привыкну к вам.

Я с удивлением рассматривала ту самую ларчанку, которая вчера вечером сообщила о свободном доме на три спальни таноржцам. Высокий лоб и крупный нос, выразительные серые глаза в обрамлении пушистых ресничек и чуть тяжеловатая нижняя челюсть. Впрочем, открытая светлая улыбка скрашивала этот недостаток. Не первая красавица, но очень милая девушка. В толстые косы вплетены нити с бисером, яркий сарафан на широких бретелях, руки крепкие, мускулистые – с человеческой девушкой точно не спутать. Я вчера подумала, что это взрослая ларчанка, хозяйка деревни, но сейчас, присмотревшись, поняла, что заблуждалась. Передо мной стояла совсем ещё юная девушка, которой от силы лет двадцать.

– А ты кто? – вырвалось у меня само собой. – И что тут делаешь?

– Меня Раиса зовут. Арх-хан прислал прибрать дом и составить тебе компанию на день, чтобы скучно не было. Ты Лейша, да? – Ларчанка улыбнулась.

– Лейла, – машинально поправила, думая о том, что «составить компанию на день» – это совершенно не похоже на Арх-хана. – А почему ты?..

Я так и не сформулировала вопрос, но Раиса перебила:

– Убираю общий дом? Вообще у нас, конечно, не принято, чтобы ларчанки трудились, но ракхашаи сегодня зацветают, защитники сами не свои, потому вождь попросил меня за домом присмотреть. – Пока говорила, она ловко вынула тарелку у меня из рук, поставила в раковину и продолжила щебетать: – Ночью дождь шёл, колодец пополнился водой, здорово-то как! Мужчины насосы включают, можно будет хоть нормально помыться, а то вёдрами всё таскают, ни на что не хватает... Последние недели такими жаркими были, а тут двойная радость – и дождь, и Духи Предков праздник велют устраивать!

Раиса засуетилась, взяла откуда-то веник и начала подметать пол, а я остро почувствовала себя иномирянкой. Настолько странно было видеть, что кто-то это делает вручную, а не с помощью пылесоса.

– А-а-а-а... вы разве таноржскую технику не закупаете? – только и смогла пробормотать. Девушка ещё и тряпку отку-

да-то достала и принялась активно смахивать пыль.

– Закупаем, конечно. – Она серьёзно кивнула. – Но на всех же не хватает. Вот в цитадели, я слышала, да, там и ваши флайты, и гравибайки очень любят. Пылесосы в каждом доме и посудомоечные машины. – Она вздохнула. – Но я никакой комфорт не отдам за жизнь подле Вечного Леса. Городские вечно к нам мотаются. Вон, праздник цветения ракхашаши – к нам, инициация мальчиков – снова к нам, общение с душами погибших – к нам, чуть что – сразу к нам, но тут же нос давай кривить, видите ли, нет нормального водопровода... Ну, подумаешь, живём близко к Сухим Пескам, да, с водой тяжело, зато...

Раиса болтала без умолку и скакала с одного на другое так быстро, что я не могла ухватиться за мысль. Голова раскалывалась от обрушившейся информации. Как аналитик я любила всё разложить по полочкам и тщательно вникнуть, а тут... Зачем городские ездят к Вечному Лесу? Неужели на Ларке религия так много значит? Нет, есть народы, у которых чуть ли не каждую неделю принято посещать церкви или храмы... Фраза «близко к Сухим Пескам» резко заставила вновь изменить компас размышлений.

– А хтэрры? Тебе не страшно от того, что они в такой близости от вас?

Раиса посмотрела красивыми серыми глазами и удивлённо моргнула.

– Нет. А надо? Они же в Сухих Песках, а мы тут. Вождь

и его войны нас всегда защитят, если потребуется.

«Железная логика...» – подумала я и невольно сглотнула, вспомнив чудовище, которое выпрыгнуло и чуть не сожрало Моник.

– А если хтэрры выползут сюда? Если их будет слишком много?

Юная собеседница нахмурилась.

– Нет способа оскорбить ларка сильнее, чем усомниться в его силе. Я уверена, что наш вождь всё продумает и защитит.

– Ясно... – пробормотала я, думая о том, что это, конечно, хорошо, что ларчанка слепо верит в своего вождя, но она явно не в курсе масштабов надвигающейся катастрофы.

Воспоминание о вчерашнем дне навеяло мысли о том, что неплохо бы наведаться к таноржцам и уточнить, всё ли у них в порядке. Может, Джереми помощь с программированием «Спейс-Икса» нужна...

– Так, а где моих друзей поселили, не напомнишь?

– Так крайний дом на восток по этой улице. Погоди, а ты что, сейчас на улицу собираешься?!

Раиса резко перестала подметать пол и уставилась на меня. Я пожалала плечами.

– Да, а что? Нельзя?

– Не-ет, – протянула она, неожиданно нервно затеребив кончик медной косы. – Можно, конечно, просто ракхаши же зацветают... Арх-хан сказал составить тебе компанию здесь... вот я и подумала, что ты весь день и вечер в доме

проведёшь...

– Глупость какая! – Я махнула рукой и решительно направилась к выходу. – Что в доме сидеть, когда погода такая хорошая? И так проспала полдня...

– Лейла, погоди, а ты вернёшься? – окрикнула Раиса, когда я вышла в прихожую и взялась за ручку двери.

– Да, конечно, вернусь, – ответила, подумав про себя: «А куда я денусь-то?»

На улице меня мгновенно накрыло покрывало шума и гамма. Оказывается, в этих простых на вид деревянных домах отличная шумоизоляция. Было странно увидеть такое количество ларков, но ещё неожиданнее было то, что там, где вчера я видела пасшихся овец, сейчас рядами стояли флаеры, а всё те же овцы пытались выщипать молодой клевер из-под днищ машин. Несколько собак заливались лаем на крупных мужчин в спортивных костюмах, тут же стояли великолепные чёрные лошади с оленьими рогами и перьевыми хвостами... Лошади?! Я моргнула несколько раз, чтобы убедиться, что глаза меня не обманывают. Да, действительно, лошади...

Стоило шагнуть в сторону нужного дома, как около меня кто-то открыл дверцу машины и чуть не задел ею. Я увернулась в последний момент.

– Прошу прощения! Не ударил? – уточнил мужчина с вертикальными зрачками в самых популярных в Федерации тёмно-синих джинсах и белой футболке. Видимо, я за время пребывания в Диких Землях так отвыкла от скопления

гуманоидов, что слегка ошалела.

– Я из стаи Лунных айеров к северо-западу от Шарршеорона, боялся не успеть, а потому взял флаер... А вы из какой? – Ларк всё так же вежливо разговаривал со мной, но, рассмотрев, изменился резко в лице. – Вы человек? Здесь?! Сейчас?!

– Нет, не ударили, – отозвалась машинально. – Завтра уже улетаю. Извините, я спешу.

Я буквально продиралась сквозь толпу ларков, которых ещё вчера вечером не было в этой деревне, и даже, к своему стыду, пару раз подумала, а не стоит ли вернуться обратно в общий дом, где мне разрешил остаться Арх-хан, и дожидаться, когда вся эта масса рассосётся. Ларков было много... очень много. И это пугало. На Цварге, скорее, иная проблема – слишком низкая рождаемость – и такое скопление гуманоидов в одном месте казалось не то что непривычным, а диким...

Меня два раза случайно толкнули, три – поймали за талию, четыре – извинились и ещё два предложили прокатить на лошади, прежде чем я наконец достигла нужного дома. Поднялась по ступеням, с облегчением хлопнула дверь – и звуки стихли.

– Кто там?! – Резкий голос Джереми, а затем и его лицо с покрасневшими капиллярами глаз, заставили вздрогнуть. Никогда ещё не видела общительного и добродушного палеонтолога настолько уставшим. – Ах, это ты, Лейла. – Его го-

лос мгновенно стал мягче. – Проходи в гостиную.

– Вы не знаете, что происходит?.. – начала я спрашивать, но осеклась, завидев Януша.

Бледный как полотно таноржец лежал на диване в центральной комнате под толстой меховой шкурой, его зрачки лихорадочно бегали под полуприкрытыми веками. Впалые щёки надувались как воздушный шар, когда он выдыхал, и жутко облепляли череп – когда выдыхал. Сальные спутавшиеся волосы разметались по потному лбу и шее.

– Нестабильные туннели... – прошептала я, оглядывая Януша. – Что с ним? Вчера же было всё нормально!

– Заражение крови. Я нашёл кровоостанавливающее средство и чистые бинты в аптечке девушек, но этого мало. Очевидно, этот песчаный червь... как его...

– Хтэрр, – подсказала, подходя к астрофизику ближе.

– Да, хтэрр. Он ядовит. – Джереми с силой потёр виски, затем лоб, пропустил каштановую чёлку сквозь растопыренные пальцы. Короткие бараньи кудряшки палеонтолога встали торчком, но ему сейчас точно было не до того, как он выглядит. – Надо как можно быстрее доставить Януша на корабль, там есть антибиотики, и, вероятно, робот-медсестра сможет синтезировать что-то вроде антидота. Не знаю...

– Я могу чем-то помочь?

Джереми посмотрел на меня и кивнул.

– Да, я, собственно, хотел уже отправиться тебя искать, Лейла. Ты же говорила, что у тебя дед был программистом?

Рассеянно подтвердила, глядя на Януша, который в этот момент издал тихий сиплый ох.

– Ты не могла бы перепроверить мои расчёты? Это язык программирования последнего поколения, но, думаю, ты быстро разберёшься. Нам важно, чтобы «Спейс-Икс» приземлился рядом с деревней как можно скорее. Сегодня днём у него посадка на той поляне, где мы высаживались, и я смог настроить, чтобы он был здесь только завтра к полудню... Может, у тебя получится оптимизировать траекторию? Сейчас каждый час на вес золота.

– Да, конечно, неси планшет или что там, где ты занимался настройками.

В глазах Джереми мелькнула благодарность, он отрывисто кивнул и быстрым шагом вышел из комнаты.

– Не хтэрры ядовиты, а Ларк. Мы здесь лишние, и нам ясно это дали понять. Но я не жалею, что была здесь.

Я вновь вздрогнула, теперь уже от неожиданности, и перевела взгляд на Моник, которая всё это время, оказывается, сидела на подоконнике, поджав ноги, за плотной льняной занавеской. Она смотрела на толпящихся и спящих туда-сюда ларков. Задёрнув штору, таноржка повернулась ко мне лицом и дёрнула штанину вверх, обнажая щиколотку. Красивая ровная кожа девушки, от косточки – там, где обычно заканчивается носок – и до середины икры, покрылась раздражением и тонкими трещинками.

– Сухие Пески тоже ядовиты.

– Тебе больно?

Я с изумлением смотрела на Моник, которая даже не поморщилась, закатывая штанину. Вспомнились ощущения огненных жал, которые впивались в ноги, пока мы шли через белоснежный песок к валуну. К счастью, у меня ничего подобного на ногах не было, но я – цваргиня, и регенерация совсем другая... А о ладонях, которые я разодрала о нагретый камень до гнойных волдырей, позаботился Арх-хан. На фоне ранения Януша и растрескавшейся кожи Моник действия Арх-хана в лесу у ручья выглядели даже серьёзнее, чем я думала поначалу. Он действительно обо мне позаботился, хотя был совершенно не обязан это делать.

Таноржка в ответ пожала плечами.

– Я выпила обезболивающее, мне нормально. На «Спейс-Иксе» обязательно найдётся что-то подходящее. У меня нет ран, в отличие от Януша.

Джереми вернулся с планшетом и торопливо вручил его мне. У него подрагивали руки от волнения, а глаза покраснели ещё сильнее.

– Вот, я всё-таки не астрофизик, так что воспользовался стандартной программой перемещения корабля через выход на орбиту, а затем посадку... Может, ты посмотришь, и что-то получится, чтобы сэкономить время?

– Да, хорошо. – Я взяла устройство в руки и окинула взглядом палеонтолога. – Ты совсем не спал этой ночью?

Он отрицательно покачал головой.

– Поспал бы.

Джереми с сомнением посмотрел на Януша, затем на Монику и меня. Поджал губы.

– Я подремлю на этом кресле. Если вдруг что-то непонятно из настроек, смело буди.

Разумеется, я заверила, что разбужу, но стоило углубиться в программу, как несколько часов выпали из реальности: пока разбиралась с незнакомым языком программирования, пока перепросчитывала траекторию и топливо на «Спейс-Иксе». Можно было бы дать команду автопилоту подняться в стратосферу и переместиться к нам, но хваленая таноржская техника имела слишком много ограничений. В частности, бортовой компьютер шаттла считал, что может столкнуться с метеозондами, пересечь частные аэротрассы или сбить квадрокоптеры... Ох, все эти ограничения были вполне резонными, будь мы на Танорге или Цварге, но на Ларке это казалось до горьких слёз смешным... Пролететь над лесом – вот и всё, что требовалось от корабля, но занимало почему-то половину суток.

Я потёрла пустое запястье, на котором обычно носила коммуникатор. Януш выглядел так плохо, что у меня возникла мысль раскрыть своё инкогнито, но попросить Аарона отбуксировать «Спейс-Икс». Это заняло бы всего несколько часов. Из СБЦ за такое уволят раз и навсегда, но ведь это человеческая жизнь...

– Ух ты, Лейла, да ты гений! – Джереми перегнулся через

мою руку и посмотрел в экран планшета. Оказывается, он уже проснулся, а я и не заметила. – Тебе удалось пересобрать маршрут так, что наш шаттл будет здесь на заре!

– Да, я не вывожу корабль на орбиту, а пускаю по низкой баллистической траектории внутри атмосферы. Это дороже с точки зрения потребления топлива, но быстрее. Думаешь, так будет нормально?

Я с сомнением посмотрела на Януша, который укрылся толстой шкурой и теперь повернулся к нам спиной.

– Да, думаю, нормально. – Джереми бросил взгляд на коммуникатор и нахмурился. – Надо его напоить, да и время ещё одного укола подходит. Я сейчас вернусь.

Стоило палеонтологу скрыться за дверью, как всё это время тихо сидевшая Моник неожиданно спрыгнула с подоконника.

– Идём?

– Куда?

Когда она показывала ожоги на коже от песка, то выглядела скорее меланхоличной. Я бы приписала резкую смену настроения тому, что нам удастся попасть на корабль на шесть часов раньше, но таноржка даже не посмотрела в планшет.

– На праздник цветения ракхаши, разумеется! Ты видела, сколько ларков из цитадели прилетели к границе с Вечным Лесом? Сегодня на этой планете грандиозный праздник.

«Ракхаши сегодня зацветают, защитники сами не свои...»

– А нам точно можно?

– Я не думаю, что ларки нас прогонят.

– Вы куда собрались?! – гаркнул Джереми, стоило Моник схватить меня за запястье.

– На праздник.

– Моник, остановись.

– Нет.

– Моник, это не ты. Я тебя знаю уже много лет, сейчас ты обезумела от горя. Да, Логан погиб, всем нам тяжело, но это не повод посещать местную хайду. Я согласился на поездку во имя науки, но не вот этого всего. Тебе тяжело, ты наглоталась антидепрессантов и не способна принимать решения адекватно...

Палеонтолог пересёк пространство комнаты, схватил коллегу за плечи и ощутимо потряс.

– Я ничего не пила, и мой разум сейчас кристально чист!

Моник выпуталась и со злостью оттолкнула Джереми от себя. Я смотрела на разворачивающуюся ссору и понятия не имела, о чём думать.

– Ты ничего не понимаешь, Джер! Тебе легко, тебя дома ждёт твоя Эльвира и крошка Эленна! Ты счастливец!

– И что, Моник?! Да, Логан умер, но вы расстались ещё раньше, жизнь на этом не заканчивается... Ты сдурела идти на хайду?!

– Вот именно, Джер! Я о том и говорю! Ты исчерпал свою квоту, а я – нет! И я хочу!

Палеонтолог в ужасе отшатнулся от Моник и огромными карими глазами посмотрел на меня:

– И ты тоже? – пробормотал он тихо. – Ты пойдёшь с ней? На хайду⁸?!

Я растерянно смотрела на таноржцев. В голове пронеслась мысль, что Арх-хан послал Раису составить мне компанию... уж не за тем ли, чтобы я никуда не ходила?.. Да что же это за праздник такой странный? Да и слово какое-то... вроде я его слышала, но вроде и нет...

– Я не знаю... А что это такое?

Джереми и Моник переглянулись, палеонтолог открыл рот, чтобы что-то ответить, но биолог перебила:

– Лейла, ты хочешь посмотреть, как зацветает Вечный Лес? Очевидно, это единый организм, раз все цветы распускаются одновременно. Я думаю, будет так красиво и ярко, что это можно увидеть даже из космоса, но судя по тому, что ларки примчались с других деревень и цитаделей, цветение не продлится дольше одной ночи. Это уникальное на всю Федерацию событие, и вряд ли ты когда-либо в жизни увидишь что-то подобное.

⁸ Предполагается, что ларки не скрывают своих традиций и ритуалов, но и не извещают о них на всю Федерацию. В «Хранителях Федерации» майор Мэралайн Клинтс с Танорга уговаривала мужчину, в которого была влюблена, Галактиона Грешх-ана, посетить хайду, в то время как для девушки Грегори и главной героини рассказа «Хайда на Айонне» традиция ларков оказалась в новинку. Главная героиня «Таурель-класса» цваргиня, а потому предполагается, что она всю жизнь провела на Цварге и мало знает о ларках. Ранее отдельно подчёркивалось, что аналитических задач, связанных с этой расой, ей не ставили.

Я вспомнила изображение гигантского розового цветка с пылающей золотой серединой и невольно кивнула. Такие цветы мне хотелось бы увидеть.

– Тогда пошли. – Моник обошла Джереми и принципиально взяла меня за руку. – Я ей всё расскажу по ходу дела. Если ей не понравится, она вернётся.

Таноржец сложил руки на груди, явно собираясь спорить, но позади застонал Януш:

– Воды...

– Лейла, скорее, мы можем не успеть, – поторопила девушка.

На этот раз улица поражала пустотой. Ещё несколько часов назад здесь было не протолкнуться, а сейчас лишь масса криво припаркованных и брошенных то тут, то там флаеров, гравибайков и стреноженных лошадей всех мастей и пород своим видом безмолвно сообщали, что ларки где-то есть. Возникло ощущение, будто я приехала в Большую Оперу и вышла из зала раньше, чем начался официальный антракт.

Я оглядывалась по сторонам, пока Моник уверенно тянула в сторону леса и бормотала себе под нос:

– Я даже представить себе не могла, что мне так повезёт...

– Да, наверное, для тебя как доктора биологических наук цветение ракшаши – это очень важно. – Я вежливо попыталась поддержать разговор.

Блондинка остановилась как вкопанная и посмотрела с та-

ким странным выражением лица, будто я сказала абсолютную чушь.

– Ты же не с Танорга, верно?

– Что?

Во рту внезапно резко пересохло. Всё это время мне казалось, что я отлично вжилась в роль, а теперь выясняется, что Моник догадалась, что я не человек...

– Я... я не понимаю, о чём ты.

Таноржка тяжело вздохнула и возвела глаза к небу.

– Лейла, мне всё равно, какие тайны ты хранишь и почему попросилась на Ларк. Но ты слишком быстро бежала тогда, в Сухих Песках, вытянула меня фактически за одну руку...

– У меня просто физическая подготовка хорошая, – ответила на автомате, чувствуя при этом себя так, словно под ногами разверзается пропасть.

– Угу. – Моник фыркнула. – А ещё у тебя не осталось раздражения от пустыни на ногах, ты не просила обезболивающего или средства от ожогов...

– Я просила лекарства у Таниты! – соврала и тут же ощутила, что мне не верят.

Собеседница посмотрела скептически и добавила:

– Ты не знаешь, что такое хайда у ларков и квота на Танорге. Если по первому пункту я ещё готова поверить, что в твоём институте не преподавали религии и традиции рас Федерации Объединённых Миров или же ты активно прогуливала занятия, то по второму – у тебя нет оправданий. Закон

о квоте ввели десять лет назад, и даже если тебе на тот момент было всего пятнадцать... – Она, прищурившись, окинула меня взглядом, явно предполагая, что мой возраст колеблется в районе двадцати с хвостиком. – ...Ты совершенно точно должна была о нём знать. А когда мы с Джереми спорили, у тебя было настолько выразительное лицо, будто впервые в жизни такое слово слышишь.

Я пристыженно молчала. Что там говорят об агентах, которых рассекретили? Словно прочитав мысли, Моник примирительно подняла руку ладонью вверх.

– Лейла, я не хочу знать, по каким причинам ты попала на «Спейс-Икс» и втёрлась в доверие к нашей компании учёных. Я даже не уверена, что ты человек, но ты спасла мне жизнь в пустыне, и уже за одно это я тебе благодарна до такой степени, что никому ничего не расскажу. Но просто чтобы ты знала: Танорг часто называют киберраем, и в каком-то смысле это действительно так, но лишь отчасти. Ты была там хоть раз?

Я отрицательно покачала головой. Моник усмехнулась.

– У тебя хорошо получалось поддерживать разговоры на «Спейс-Иксе». Информация из инфосети?

Теперь врать было уже бессмысленно. Я вздохнула и постаралась ответить максимально обтекаемо:

– На моей родине тоже автоматизированы некоторые сферы жизни, а что нет – можно домыслить. Я так понимаю, что на Танорге роботы выращивают продукты, работают на фаб-

риках и заводах, 3D-принтеры отливают необходимые детали, а их программируют другие роботы⁹... О том, что ваше государство спонсирует население, обеспечивает качественным питанием, жильём и путёвками для отдыха, пишут в каждой новостной ленте, это не секрет.

– Не секрет, – эхом отозвалась Моник. – Квота – тоже, в общем-то, не такой уж и секрет. Это искусственное ограничение рождаемости. Каждый таноржец имеет право завести не более одного ребёнка.

– Ограничение рождаемости? – теперь уже я повторила за Моник, не скрывая ноток потрясения. Для меня, уроженки Цварга, где царит демографический кризис, это прозвучало почти что безумно. – У вас что, перенаселение, что ли?

– Нет, перенаселения, нет. – Доктор биологических наук неожиданно серьёзно покачала головой. – Существует занятный феномен, на Танорге его называют трагедией общины¹⁰. Если есть отличный ресурс, то каждый гуманоид эгоистично будет пытаться оттяпать себе как можно больше, не думая об остальных. Если каждый из общины будет так поступать, то от ресурса ничего не останется, и плохо станет уже всем. Танорг – сам по себе ресурс. Наша планета сформировала себе репутацию самого технологичного, комфортного и высоко-

⁹ О жизни на Танорге можно почитать в бесплатном рассказе «Художница на Танорге»

¹⁰ Здесь и далее рассказывается о явлении «tragedy of the commons», русскоязычная терминология не устоялась. Феномен также называют трагедией общинных ресурсов, трагедией общинного поля и др.

уровневого Мира Федерации. Девяносто три процента населения не работает, но при этом получает все блага цивилизации, начиная с качественной еды и заканчивая просторным современным жильём. Люди по своей природе ненасытны, каждый человек со временем хочет себе всё больше и больше. Вначале он рад однокомнатной квартире в многоэтажке, но увидев, что у соседа собственный дом, он уже хочет персональный участок на пару гектаров с бассейном, и так далее. А земля ограничена. Еда, деньги, воздух, энергия – всё в итоге ограничено. Год за годом на общественных собраниях люди эгоистично голосовали за увеличение льгот, расширение жилплощади и прочие блага. Каждый думал только о себе. И, разумеется, в какой-то момент Танорг застроили полностью, да и добываемую энергию распределили между проживающими гражданами. Больше свободных площадей нет, как и талонов на электричество, за счёт которого каждого человека обслуживает персональная армия роботов.

Моник усмехнулась, но как-то невесело.

– Когда АУТ поднял на референдуме вопрос о том, что для нового поколения не хватает того же жилья и надо бы поютиться, население проголосовало, что хочет жить так же, как и раньше, – она продолжила, вновь двинувшись в сторону Вечного Леса, но, правда, медленно. Я последовала.

– Я понимаю среднестатистического таноржца. Когда годами жил в современной просторной квартире, ходил в иллюзионы и гравитационные комнаты, развлекался в театрах

и виртуальных играх, привык, что любой каприз может выполнить один из домашних андроидов, очень сложно перестроиться на новый лад. АУТ же не может отобрать то, что уже подарил своим гражданам, и это не только морально-этическая сторона вопроса. В случае, если отбирать то, что люди уже считают своим, вспыхнет гражданская война, будет слишком много недовольных. Трагедия общины: никто не хочет делиться своим во всеобщее благо, каждый максимизирует свою выгоду, но глобальная проблема остаётся – новых граждан куда-то же надо селить, обслуживать, давать льготы... а ресурса больше нет. Единственным выходом, который смогло найти государство из этой патовой ситуации – квоты на население. Сейчас каждый таноржец имеет право завести только одного ребёнка.

Я слушала Моник, затаив дыхание. Я всегда считала, что Танорг из всех Миров Федерации – наиболее близкий нам. Мы также живём в высотках, у нас тоже вводятся в моду курьеры-квадрокоптеры из аптек и мелких продуктовых магазинов, а всё чаще и чаще во флаере вместо таксиста-цварга можно встретить автопилот. Но, выходит, сравнение было слишком поверхностным... Любой цварг сделает всё что угодно ради ребёнка, пускай даже чужого. Променять роскошь на детей на уровне государства – это... немислимо.

Я потрясённо кивнула и переспросила:

– То есть сами таноржцы проголосовали за то, чтобы рост населения искусственно ограничить?

– Да, – подтвердила Моник. – За квотами следят строго.

– А если всё-таки рождается больше одного ребёнка? – спросила я, всё ещё переваривая новую информацию.

– Штрафы, выселение с планеты, лишение гражданства, – перечислила биолог дежурным тоном.

Неполную минуту мы молчали. Я пыталась осмыслить озвученное, а Моник, кажется, думала о совершенно другом.

– Так что там с квотой?.. Ты сказала, что у Джереми...

– У него замечательная жена и очаровательная дочка. Я знаю его много лет и порой завидую тому, как он счастлив.

Я кивнула.

– А ты?..

– А я встречалась с Логаном почти пять лет, хотела от него завести детей, но, когда озвучила это, он очень долго откладывал разговор. Знаешь, как это бывает: «Зачем, ты же такая молодая», «ну куда спешить» и вот эти все стандартные отмазки?

Я понятия не имела, о каких «стандартных отмазках» говорила Моник, но сочла разумным промолчать. Она шла вперед, глядя под ноги, на потемневшую после ночного дождя землю, и продолжала рассказывать:

– А я ведь старалась выглядеть моложе, чем есть на самом деле. Мои деньги – это не только подачки АУТ, но и собственная зарплата в университете, я же всё-таки доктор биологических наук. Все заработанные деньги я тратила на свою внешность, хотелось быть привлекательной... Грудь, – она

обвела рукой, – я делала на Миттариин, там лучшие хирурги. Цвет радужек тоже изменила, ну а блонд мне просто больше нравится, потому что я чувствую в этом цвете себя моложе, ну и стандартные процедуры для поддержания упругости кожи. Я ведь действительно старалась ради Логана, а он и не догадывался, сколько лет мне на самом деле... В общем, когда в очередной раз он сказал, что пока рано думать о детях, я не выдержала и сообщила, что у меня скоро истечёт срок квоты.

– У квоты на детей ещё и сроки есть?!

– Ах, ты и этого не знаешь, ну конечно. – Моник шумно вздохнула, покачав головой. – Согласно исследованиям, считается, что дети генетически более здоровые, если рожать раньше. Так, например, у всех, кто пытался завести ребёнка самостоятельно после семидесяти лет, наблюдались отклонения. Незначительные... но ведь тоже же отклонения. Ввиду общей ситуации на планете Танорг ввёл срок квоты – пятьдесят лет. Если женщина не родила до пятидесяти, значит, не очень-то и хотела.

Я горько усмехнулась иронии Вселенной. Понятно, что цварги живут дольше, чем таноржцы, но и у нас пятьдесят лет – особая дата. Правда, цваргиня обязана выйти замуж к пятидесяти, и её семейная жизнь только начинается, а у таноржцев, получается, заканчивается...

– Ну вот, – продолжила Моник. Мы как раз покинули пределы и начали взбираться на холм. Она наклонилась, чтобы

ухватиться за сорняк и помочь себе подняться. – А мне уже сорок восемь исполняется в этом году.

– Сколько-сколько?!

Я чуть не споткнулась, но таноржка меня поддержала. Моник выглядела полностью моей ровесницей. Абсолютной. Но я-то цваргиня, и то, что мне можно дать максимум двадцать пять – это нормально, а она – человек...

– Миттарские процедуры омоложения, – улыбнулась блондинка, которая по фигуре и внешности вполне могла бы хоть сейчас пойти в фотомодели.

– И... ты, получается, сообщила Логану, что на самом деле у тебя нет времени? – уточнила я, слегка переварив информацию.

– Ага, – легкомысленно отозвалась доктор биологических наук. – И знаешь, что оказалось самым смешным в этой ситуации? – Она сказала слово «смешной» с такой горечью, что горсть мурашек пробежала вдоль позвоночника. – Оказывается, не только я врала Логану, но и он мне. Внезапно выяснилось, что на момент нашего знакомства Левандовский был в разводе и у него уже есть совершеннолетний сын.

Я прикрыла глаза, размышляя о том, как же всё сложно у людей. А ещё недавно мне казалось, что это самая простая и близкая нам, цваргам, раса. Ничего подобного!

– В общем, его квота вычерпана, а если я беременею... – Моник подняла руку, пошевелила пальцами в воздухе и поморщилась. – Сложно и долго объяснять систему, но полу-

чилося бы так, что половину ребёнка записали бы «на счёт» Логана, а половину – на меня. В таком случае он попал бы на колоссальные штрафы, а платить их он не собирался.

Она устало потёрла лоб.

– Разумеется, когда мы выяснили всё начистоту, то знатно поссорились. Я хотела ребёнка, а он – нет. Оказывается, он его даже не планировал! В общем... когда я предложила Джереми, Янушу и Таните посетить Ларк, для меня это было в первую очередь способом отдохнуть от личной жизни и сосредоточиться на науке, но Логан каким-то образом меня продавил, настаивая на том, что не считает, что мы расстались... Мол, да, детей он от меня не хочет, но это же ничего не значит. Вселенная, это так сложно! Вряд ли ты влезала в такого рода отношения и поймёшь.

Вот теперь я хмыкнула. У меня тоже был жених, который считал, что мы находимся в отношениях. Моник уловила интонацию моего хмыканья и неожиданно светло улыбнулась.

– У тебя было что-то похожее?

– Более или менее, – уклончиво ответила я.

– Ну, вот и мы подобрались таким образом к хайде. Вероятно, в институте, где ты училась, этого не проходят, но сейчас ты всё увидишь своими глазами.

Стоило ей закончить фразу, как мы забрались на холм, и я ахнула.

Глава 20. Священные цветы ракхаши

Я сама не заметила, как опустились первые сумерки. Небо над Ларком окрасилось в кобальтовый оттенок синего с тёмными фиолетовыми разводами, как будто кто-то стряхнул кисточку в стакан с водой, но поленился потрясти, как следует промывая ворсинки. Небо на этой планете было удивительным, но ещё удивительнее было то, что происходило на земле.

Ларки все до одного сидели в позе медитации перед гигантскими чернеющими стволами ракхаши, а на самих деревьях то тут, то там распускались перламутрово-розовые бутоны и ослепительно вспыхивали золотыми сердцевинами. Дыхание на миг перехватило. В первую секунду мне показалось, что Вечный Лес загорелся, но это было не так. Золотистый свет пронизывал пространство и мерцающими каплями бриллиантов рассеивался по широким плотным листьям, ложился на скукоженную шоколадно-коричневую кору ракхаши и всеми оттенками от соломенного до огненно-медного отражался в светлых волосах ларков.

Это было так красиво, что сложно было пошевелиться. Лёгкие наполнил сладкий медово-пряный аромат распуска-

ющихся ракхаша, голова закружилась как от бокала шампанского на голодный желудок. На Цварге был обычай запускать в небо бумажные фонарики, но он не шёл ни в какое сравнение со вспыхивающими лепестками великолепных цветов.

– Лейла?

Я повернула голову и с удивлением обнаружила Арх-хана. Я его не видела с ночи, когда он, уставший и неожиданно уютный, если это слово вообще применимо к ларкам, в пижамных штанах лёг позади и крепко прижал меня к своей груди. Внутри что-то защемило. На нём снова была короткая кожаная юбка, наплечники, ремни, перетягивающие мощную грудь, чешуйчатые наручи, а длинные волосы убраны в многочисленные косы и дреды с крошечными колокольчиками и стеклянными бусинами... Единственное, что отсутствовало в привычном облике воина – ножны с дентайром. Судя по выражению лица, он был потрясён моим присутствием не меньше, чем я – мерцающими в ночи бутонами ракхаша.

– Ты что тут делаешь?! Я же просил Раису остаться с тобой!

– Я... пришла посмотреть... на цветение... – пробормотала, застигнутая врасплох вопросом вождя. – А что, нельзя было?

Арх-хан прикрыл глаза с непонятным мне выражением лица. На какой-то миг его черты исказились, брови нахмурились, губы скривились, вокруг рта появились глубокие

складки. Это было похоже на смесь досады, непонятной боли и огорчения, но миг прошёл – и вождь тихо выдохнул, смирившись.

– Значит, тебя привели сюда Духи Предков. Что ж, на всё их воля.

– Это я её сюда привела, но если тебе так легче считать, то на здоровье, – неожиданно в наш разговор влезла Моник.

Я потрясённо обернулась на таноржку, которая позволила себе невоспитанно ответить вождю клана, но тот, на удивление, не повёл и бровью, словно сейчас, в эту самую минуту, Моник имела право говорить «ты».

«Все равны перед волей Духов Предков», – мелькнула догадка в голове.

Бутоны продолжали раскрываться один за другим, освещая кобальтово-фиолетовое небо огнями, словно тысячи крошечных бумажных фонариков, запущенных в бескрайнюю синеву. В какой-то момент огней стало так много, что было больно смотреть на деревья. Они ослепляли похлеще, чем муассанитовые горы в полдень, многократно отражающие солнечный свет. Воздух постепенно становился горячее. Тяжелее. Слаще.

– Ракхаши расцвели, – тихо прошептал Арх-хан.

И в этот момент один из цветков сорвался и полетел на землю, роняя пыльцу. Там, где золотые песчинки касались влажного дёрна, они оборачивались дымом, а когда само соцветие упало, то и оно превратилось в клочок тумана. Пер-

вый цветок упал на землю, второй тоже, а третий – на ларка с изображением бахруна на крупных бицепсах. Пыльца рассыпалась по бронзовой коже и задымила. Мужчина не дернулся, совсем нет, наоборот – медленно расплёл ноги, грациозно поднялся с места и текущей походкой двинулся к ракхаши, оставляя за собой след густого дыма. Я, потрясённо охнув, приложила руки к груди. Что он делает? У него же кожа горит!

– Его выбрали ракхаши, – прокомментировал Арх-хан и, словно прочитав мои мысли, добавил: – Это великая честь.

– Как же нам повезло, что ларки такие религиозные и не понимают очевидного, – прошептала на ухо Моник с другой стороны. Я обернулась на таноржку и заметила, что она часто дышит через рот, а над верхней губой выступили капельки пота. – Думаю, это что-то вроде реакции соляной кислоты с аммиаком, впрочем, неважно. Я достану этот цветок! Достану!

– Моник, ты точно не пила антидепрессанты? – пробормотала я, глядя, как нездорово расширились зрачки блондинки и подрагивают её руки.

Внутри нарастало непонятое тянущее чувство. Тягучее, как пряный мёд, будоражащее, как игристое вино, вяжущее, как незрелая хурма. Температура воздуха нарастала, я поймала себя на желании содрать одежду. Как же жарко...

Подул горячий ветер и одним махом содрал с деревьев десятки раскрывшихся бутонов. Розово-золотой дождь по-

сыпался на головы медитирующих ларков, а спустя секунды обернулся дымовой занавесью – такой густой, что сложно было что-либо разобрать. Судя по уплотнениям дыма, ларки – мужчины, женщины – вставали и шли к деревьям. Зашуршали наручи воинов, сделанные из чешуи хтэрров. «Тчштчш-тчш», совсем как при инициации мальчиков, и всё же по-другому. Дым наполнил лёгкие. Лепестки ракхашаи полетели в нашу сторону. Я стояла в оцепенении, не зная, что делать. Моник внезапно рванула вперёд, пробежала метра два, а то и три, рухнула на колени, но поймала обеими ладонями розовый цветок у самой земли.

– Моник, ты что делаешь?! – потрясённо воскликнула я.

Прямо на моих глазах пыльца покрыла запястья девушки, а затем от них повалили такие густые клубы сладкого тумана, что заслезились глаза. Не оборачиваясь на мой возглас, таноржка шагнула в клубы дыма. Я хотела было рвануть за биологом, но Арх-хан дёрнул меня за руку, заставляя посмотреть на себя, и отрицательно покачал головой:

– Нет. Лейла, её выбрали Духи Предков, а значит, она имеет право участвовать в хайде.

– Что, Арх-хан, о чём ты говоришь?! Кто выбрал? Она сама поймала цветок у земли!

– Он коснулся её кожи, значит, всё честно, – непреклонно заявил вождь ларков, смотря таким взглядом, от которого внутри всё скрутилось в тугий узел. – Она не нашей расы, но Духи её приняли.

Во рту пересохло, сердце забилося так часто, что в ушах зазвенело.

– Куда приняли? Что такое эта ваша «хайда»?

«Тчш-тчш-тчш» стало громче, к нему присоединились какие-то другие звуки, но я всё никак не могла разобрать их – не то шипение, не то ворчание, не то вовсе глухие удары... Собственный скакнувший пульс не давал сосредоточиться, а ко всему ещё свист ветра перекрывал отголоски того, что творилось за плотной стеной дыма.

– Раз в год ракхаши зацветают, и живущие в стволах деревьев Духи требуют отпраздновать с ними это событие. Если хайда будет достаточно густой, то на деревьях образуется завязь. Хайда – это наша традиция, долг перед Ларком.

– Что это? – в который раз я повторила.

– Лейла, ты всё прекрасно понимаешь.

Вождь ларков кивнул в сторону ракхаши. Как зачарованная, я последовала за его взглядом. Дым вокруг, цветочный запах, странные звуки... Вновь жаркий ветер налетел откуда-то со стороны, плотные клубы на мгновение рассеялись, и сквозь дымку проступил силуэт красавицы Моник.

Пот выступил у меня на висках, когда я осознала, что это были за звуки. Чья-то крупная ладонь гладила живот девушки, другая – мяла её пышную грудь, третья – сжимала ягодицы. Она извивалась и стонала, получая удовольствие, лёжа на чём-то... то есть на ком-то... Ещё один крупный силуэт проступил сбоку от девушки, и ещё один – около её головы.

Вселенная, сколько же их?!

Мозг вспышками, как с экрана головизора, выхватывал множество женщин и мужчин в самых разнообразных и завораживающих позах – на земле, прислонёнными к деревьям, на руках воинов... Зажатые между мужскими телами женщины стонали в голос, мужчины порывивали в ответ. Всё действие походило на дикий танец сплетённых и обнажённых тел, непрерывно ласкающих друг друга. Аналитик во мне тщетно пытался пересчитать участников и отметил, что ларков больше, чем ларчанок, а чистокровная цваргиня впадала в такой глубокий шок, что оцепенение захлестнуло даже мыслительные процессы.

Взгляд вновь вернулся к Моник. Она была уже с другими мужчинами. Не знаю, как я это поняла, просто информация осела где-то на подкорке мозга. А может, внутренний аналитик вновь пересчитал? Не знаю...

Я смотрела как загипнотизированная, как таноржка кусает пухлые алые губы, как она в экстазе запрокидывает голову, обнажая шею и давая многочисленным мужским ладоням мять её грудь, закидывать стопы на плечи, входить и выходить под ритм безумного танца. Её тело блестело от испарины и белёсых разводов, а гибкие руки касались обнажённых тел ларков.

Я потрясённо вглядывалась в лицо Моник, пытаюсь понять... Неужели это стоило того? Срок её квоты? Вот так... прилюдно... с десятками незнакомых мужчин... Вселенная,

неужели передо мной цивилизованная таноржка с докторской степенью?

Моник резко распахнула ресницы, и наши взгляды встретились. Её глаза были наполнены таким бездонным желанием, что меня прошиб холодный пот. Дым от ракхаша снова загустел, образуя зыбкую стену, а я, внезапно почувствовав колоссальное опустошение, сделала шаг назад.

– Лейла, ты куда?

Бесконечный миг мы смотрели друг на друга. Клянусь, он понял всё, что я думала об этом.

«Это ужасно».

«Это дико».

«Это ненормально».

– И ты?.. Туда же?.. – пробормотала я, периферийным зрением отмечая, как очередной цветок с пылающей золотом сердцевинкой опустился у ног Арх-хана. Он промолчал в ответ.

Странное чувство охватило меня, когда я поняла, что цветку не хватило буквально чуть-чуть, чтобы задеть вождя. Одна часть меня хотела, чтобы пыльца попала на его кожу, а вторая корчилась в муках при мысли, что такое только что могло произойти. Каких-то десять или пятнадцать сантиметров – и стопа мужчины покрылась бы сладким туманом. Я всхлипнула. Наверное, это была подступающая к горлу истерика.

– Прости... Я... действительно не должна была сюда при-

ходить... – бросила, пятясь назад, а затем и вовсе метнулась с холма.

Очередной яркий раскрывшийся бутон ракхашаи замаячил перед глазами, и я шарахнулась от него в сторону, как от прокажённого. Швархи меня загрызи, если я вляпаюсь в священную пыльцу! Вряд ли кто-то заставит меня участвовать в этой оргии, но лучше держаться от розовых цветов подальше.

– Лейла, стой! Лейла, послушай!

Мужчина выругался сквозь зубы, но я уже бежала в сторону дома – сработали инстинкты. Не знаю, как я, какая-то холёная цваргиня, смогла обогнать ларка, но факт остаётся фактом: я вбежала в дом первой и хотела запереться, но Архан вломился своим огромным телом сразу за мной.

– Лейла, да послушай же!

Он рванул меня за запястье и резко развернул к себе. Глаза в глаза. Моя мягкая грудь впечаталась в его, обнажённую и твёрдую. Вертикальные зрачки часто пульсировали, на высоком лбу мужчины вздулась венка, а из широких ноздрей практически шёл пар.

– Отпусти меня! Я не хочу тебя слушать, вообще ничего не хочу! Завтра я улетаю! Я всё думала-гадала, почему ларков называют дикими, а выходит, вы действительно совокупляетесь как животные... Кошмар! Отпусти мою руку!

– Ты сама пришла на тот холм! Ты сама решила посмотреть на наши традиции, так что не смей теперь говорить, что

тебе противно и мерзко! – зарокотал он надо мной таким тоном, что по телу все волоски встали дыбом. Хватка на запястье стала лишь крепче.

Тело боялось, а разум цваргини, запертый в нём, испытывал колоссальный стресс и бился в истерике от увиденного.

– Ты считаешь это нормальным?! Ты действительно считаешь, что вот так совокупляться *нормально*?! С кучей партнёров? На глазах у других?!

– И что именно тебя смущает? Количество партнёров или то, что на глазах у остальных? – произнёс Арх-хан, будто не было там ничего *такого*.

– Да... всё!

– Что такого в соединении на публике? Разве люди не занимаются совокуплением в общественных местах? Лифты, парки, флаеры... Разве вы не находитесь в вечном поиске острых ощущений?

– Не знаю, как остальные, но лично я – нет! – бросила ему в лицо.

«Вселенная, да на Цварге даже за руку подержаться – это верх неприличия!..»

Ларк не повёл и бровью.

– Хорошо. Объясню по-другому. У нас *превосходное* обоняние. Это просто глупо и бессмысленно скрывать, с кем ты спариваешься, если всё равно от тебя будет *пахнуть*. Да и во всех Мирах Федерации гуманоиды демонстрируют, с кем спят. Это не секрет. Вон, люди, миттары и цварги кольца но-

сят – и ничего. Это же какое-то лицемерие получается. Почему им можно, а нам нельзя?

– Нет, не лицемерие... – Я судорожно пыталась подобрать правильные слова, в отчаянии кусая губы. – Это другое!

«Нестабильные туннели, как объяснить этому дикарю, что оргия для меня недопустима?!»

– А что же? – с вызовом в голосе спросил Арх-хан, надвигаясь на меня, и я не выдержала:

– У нас один партнёр. Понимаешь?! Один! А не вот так вот... Вон, цварги вообще целибат ведут до того, как женятся на своих избранных.

Внезапно вождь ларков запрокинул голову и захохотал. Так зло и громко, что я почувствовала себя не в своей тарелке. Он смеялся, и этот смех переходил в отрывистый хриплый лай. Крупный кадык двигался вверх-вниз под загорелой кожей.

– Цварги! Ну ты и вспомнила, Лейла! И ты ставишь цваргов в пример? Да и кому?! Мне?! Защитнику Ларка?! – Ещё несколько клокочущих надсадных смешков последовало из его горла, вот только мне смеяться вообще расхотелось. – Хочешь поговорить о цваргах? Ну что ж, давай!

– А давай!

Я сама не поняла, как стиснула руки в кулаки, а ногти впились в ладони. Аарон никогда надо мной не смеялся, как этот... Да, он пытался командовать, он даже однажды на парковке у Серебряного Дома воздействовал бета-колебаниями,

но он *ни-ког-да* не смеялся надо мной.

Поведение Арх-хана... бесило! Я сама не поняла, в какой момент испуг и шок трансформировались в густую неразбавленную злость.

– Цварги – самые большие лицемеры и чистоплюи, которых знает Федерация! – тем временем продолжал вождь, буквально выплёвывая слова. Слово «цварг» звучало ругательством в его устах, и от этого у меня перед глазами заплясали мушки ярости. – Даже эльтонийки¹¹ в моих глазах в разы чище и благороднее, чем эти ублюдочные твари. Видимо, ты направлялась на Тур-Рин первый раз в жизни, и мне даже немного жаль, что ты туда не попала. Ведь все, кто хотя бы раз посещал планету развлечений, знают, что самые частые гости борделей – это цварги.

Я отшатнулась от Арх-хана и потянула зажатую в тиски руку на себя. На этот раз он с лёгкостью отпустил моё запястье.

– Врёшь...

– Не вру. Я точно знаю. Я там бывал.

Я смотрела во все глаза на ларка и понимала: не врёт. Да и не стал бы вождь клана опускаться до вранья. Для ларков ложь – это оскорбление...

¹¹ Об укладе на Эльтоне, законах, жизненных принципах и матриархате подробно рассказывается в «Адвокате с Эльтона» и «Прокуроре с Эльтона». Чуть менее подробно – «Агент алеф-класса». На Эльтоне социальное положение женщины в обществе, карьера и заработок зависят от её внешности и чистокровности.

Кровь пульсировала в висках и отдавала звонкими молоточками, голова раскалывалась от переизбытка эмоций... Швархи бесхвостые! Да нет... не может такого быть! Просто не может! Цварги никогда бы не опустились до шлюх... Продажная любовь! Да ни одному цваргу гордость не позволит иметь интим с женщиной, которая берет за это кредиты. Да ещё в масштабах расы... я бы точно знала!

...Или не знала?

– Ну... не все же цварги женатые. У них, – я сделала над собой колоссальное усилие, чтобы не сказать «у нас», – с рождаемостью плохо...

Ларк издал низкий рык, отдалённо напоминающий смешок.

– И что? Тур-Рин посещают все цварги без исключения. Более того, женатые, те, кто с кольцами на пальцах, даже чаще своих братьев, ведь «им нужнее». Я так и не понял эту логику, уж прости, высшую математику мне не преподавали. Я большую часть времени хтэрров пачками выкашивал.

– Я... я не знала... – пробормотала, действительно не зная, что на это ответить.

Мысли разбегались в голове в хаотичном порядке и путались между собой.

– А ещё цварги рассказывают о том, как искренне холят и лелеют женщин, но на деле, если надо, они мозги выжгут, но добьются своего! Ларчанки вольны в своих желаниях: хотят – живут здесь, хотят – меняют стаю, а хотят – улетают

на другие планеты. Мы силой никого не держим. Одна ларчанка из подчинённых мне стай вернулась спустя несколько лет путешествий. Только теперь она вздрагивает, когда видит лосей, потому что их рога напоминают ей о цваргах. Какой-то рогатый урод принудил её к соединению, пользуясь... как их там...

«Быть такого не может...»

«Почему не может? – возразил как всегда донельзя педантичный внутренний аналитик. – Любой мужчина твоей расы, Лейла, при желании может воспользоваться ментальным фоном и внушить нужные ему эмоции. Это на Цварге другие граждане учуют внушение, поднимут соответствующие законы, доведут дело до Аппарата Управления, а Тур-Рин – это совсем другая планета...»

Мурашки пробежались вдоль позвоночника.

– ...бета-колебаниями, – произнесла, облизав пересохшие от волнения губы.

Арх-хан коротко кивнул и сложил крепкие руки на мускулистой груди.

– Я ненавижу цваргов всей душой, и не смей ставить мне в пример эту расу. Раньше я думал, что только они нас за глаза считают дикарями, но, похоже, ошибался. Вон, вы, люди, тоже не самого высокого мнения о нас...

Я сглотнула слюну. Всякий раз, когда Арх-хан называл меня человеком, становилось тошно от собственного вранья. Я понимала, что не имею права рассказывать о своём истин-

ном облике, но слушать оскорбления в адрес цваргов тоже не хотелось. Отдельные личности – это не вся планета.

Зыбкая тишина опустилась на гостиную. Вождь сверлил меня тяжёлым взглядом и дышал так, будто сражался с хтэром, а не пытался объяснить свою позицию какой-то таноржке... Его грудь поднималась очень часто, а на лбу всё пульсировала и пульсировала венка. Гравитационная аномалия, зачем он вообще это делает?! Зачем спорит со мной? Зачем бросился догонять? Ему же должно быть наплевать на меня!

Я поёжилась и выдала последний аргумент:

– В моём Мире такие вещи, как цветы ракхаши, называют афродизиак. Они запрещены.

– И что? – в который раз спросил Арх-хан, разбивая аргументы как лёгкие кегли. – На праздник цветения могут не приходиться те женщины, кто не хочет участвовать. Более того, бутоны действуют лишь на взрослых ларчанок. Духи не глупы, они никогда не призовут ни детей, ни кормящих матерей, ни старых или близких к порогу смерти ларков. У моего народа хайда – это традиция, которая восходит корнями в древность. Более того, во многих кланах дочери вождей могут просить о собственной хайде в их честь.

Я прикрыла глаза, пытаясь осознать услышанное. Очевидно, что я не могла понять религию Арх-хана, а он отказывался понимать меня.

– И всё-таки вот так, когда множество мужчин берут всех подряд женщин без разбору – для меня это слишком, – тихо

пробормотала. – Зачем так?

– Как?

– Ну... – Я всё пыталась подобрать слова, как Арх-хан сам перебил меня:

– Дико? По-животному? Нецивилизованно? Лейла, а что, по-твоему, цивилизованно? Сдавать в белых, воняющих дезинфекцией клиниках кровь в пластиковые колбы и ждать результатов от гуманоидов, которые тебя совсем не знают, от какого мужчины тебе лучше зачать? *Это* цивилизованно?! – Он снова начал распалтаться. Венка на лбу вздулась, впрочем, как и мускулы на всё теле. Арх-хан сам не замечал, как начал сжимать и разжимать пальцы в кулаки. – Или вообще отнимать семя у мужчины и пытаться его подселить в чрево женщины, обколов её химикатами, которые вредят здоровью?! Чтобы мужчина даже не знал потом, сколько и от кого у него детей и ни разу в жизни их не увидел?! Отвечай, это ты называешь цивилизацией?!

Он схватил меня за плечи и потряс. А я молчала. Да, это цивилизация. На Танорге так было до перенаселения точно. У цваргов зачатие в пробирках не работает, мы пробовали... но если бы работало, то, наверное, тоже перешли бы на него.

Арх-хан прочёл ответ по моим глазам.

– Что ж, а для меня *это* варварство! Мы считаем, что семя может произрасти только после акта взаимного наслаждения. Если такого не было, то почвы для семени не будет. Оно не взойдёт. Хайда – это праздник, который диктуют нам са-

ми Духи Предков. Они благословляют тех, кто приходит на хайду, и будь уверена, твоя подруга Моник понесёт. Это наша религия. А вот у людей и цваргов – *цивилизация*.

Последнее слово было произнесено с непередаваемым отращением.

Мы стояли по центру комнаты, я смотрела в серо-зелёные глаза мужчины и не знала, что ответить. Арх-хан рушил мои убеждения, как тайфун срывает крыши с домов, поднимает в воздух тонны железа и вырывает с корнями вековые деревья. Походя. Не задумываясь. Для тайфуна это игра, а для гуманоидов – жизнь. Вот и сейчас Арх-хан говорил, злился, негодовал, а при этом рушил мою жизнь. Как тяжёлый молот расколачивал её на осколки.

Часть меня пыталась принять традиции ларков, утверждала, что в этом есть логика, а где есть логика – там всегда порядок. Часть меня отказывалась воспринимать аргументы Арх-хана. Чистокровная цваргиня, выросшая на планете, где всё всегда делалось по строгим правилам и законам, где рациональные решения априори считались аксиомами, исследования Планетарной Лаборатории – незыблемыми догмами, а излишние проявления чувств – плебейством, билась в припадке паники, не зная, как ей поступить.

Мужчина неожиданно расплёл руки на груди и порывисто шагнул ко мне.

– Скажи мне, Лейла, разве это не высшая степень свободы – заниматься любовью с тем, кого выбираешь именно *ты*?

Жить не по сценарию других гуманоидов, постоянно волноваться о том, как это смотрится со стороны и что подумают другие, а в этом конкретном моменте, наплевав на всё вокруг?! Делать именно *то*, что зажигает огонь внутри тебя. – Он понизил голос до шёпота и добавил: – Разве с самой первой нашей встречи больше всего на свете ты не хотела, чтобы я овладел тобой?

Он навис надо мной. Такой огромный. Такой дикий в своей внешности и поступках и такой цивилизованный – в своих принципах. Полный разрыв шаблона. Я стояла и смотрела на него, понимая, что вот сейчас передо мной настоящий Арх-хан. Он никогда не скрывал своих чувств и желаний, но именно сейчас я его понимала так, как никогда и никого. А он понимал меня. Ведь побежал же, наплевав на хайду и цветение ракхаша, попытался донести и объяснить. И про самую первую нашу встречу – снова правда. Я боялась себе в этом признаться, но он уже тогда понял, что всё моё естество потянулось к нему. Иррационально. Бессмысленно. Возможно, вначале это был просто сырой интерес на фоне той разницы, что буквально искрила между мной и им, а сейчас... Вселенная, найдётся ли хоть один гуманоид, который понимает меня так, как он?

«Разве с самой первой нашей встречи ты больше всего на свете ты не хотела, чтобы я овладел тобой?»

Если бы меня спросили, как себя чувствуют люди внутри поезда, который сходит с рельс, то я бы ответила – вот

так. Глаза в глаза. Когда ощущение, что ты срываешься в пропасть вместе с тонной железа, и наяву видишь, что через несколько секунд умрёшь. Тебя переломит как соломинку под грудой металлолома. Но есть миг, когда ты паришь в воздухе и, кажется, гравитация ещё не действует. Точка невозврата.

Его шёпот обжёг похлеще, чем раскалённые Сухие Пески. Он ничего не сделал, даже не притронулся, а у меня возникло ощущение, что Арх-хан уже нажал какие-то кнопки глубоко внутри меня. Одним своим оливковым взглядом с вертикальными зрачками. Одним горячим дыханием. Одной кривой ухмылкой, которая так ему шла.

Очень медленно мужчина поднял руку и провёл шершавой подушечкой по моей щеке, коснулся нижней губы, заправил выбившийся локон за ухо.

– Лей-ла-а, – протянул он, а у меня по шее пронеслись мурашки от того, как сладко и тягуче прозвучало собственное имя в его устах, – ты хочешь меня, а я давно хочу тебя. Разреши мне.

Он потрошил меня взглядом, на дне чёрных зрачков клубилось такое мощное желание, что низ живота потяжелел. Я никогда не хотела этого. Я не пробовала... ни с кем. И не представляла себе, как это – быть с мужчиной. Ни одна цваргиня, которая дорожит репутацией, не станет спать с мужчиной. Даже поцелуи – только с женихом, одобренным Планетарной Лабораторией.

Арх-хана никто не одобрял. Более того, у снулых чиновников рога бы распрямились от возмущения, если бы они узнали, что на меня – молодую цваргиню! – претендует ларк. В первом эшелоне всегда были чистокровные богатые цварги из аристократических ветвей. Во втором – не очень богатые, не очень родовитые, но всё еще чистокровные. В третьем... А не было третьего. Ни один полуцварг или мужчина с чуть разбавленной кровью не имел права жениться на цваргине. Раса находилась на пороге вымирания. А тут ларк...

В Арх-хане всё кричало о том, что он ларк. Стальные необъятные мышцы груди. Вытянутые зрачки, каких нет ни у одной расы на территории Федерации Объединённых Миров. Грубая крупная челюсть. Яростно трепещущие ноздри. Даже этот болезненный изгиб губ и пульсирующая тонкая венка на лбу...

Я чувствовала себя рядом с ним ланью. Дичью, которую поймали и вот-вот сделают что-то... страшное... или невообразимо прекрасное?

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Деревня

Я подышал в её взгляде. От шипов хтэрров никогда не умирал, а синие омуты затянули на самое дно. Злость, отчаяние, испуг, недоверие, шок, презрение, обида... За последний час я видел в этих глазах всё, кроме желанья. А она ведь пахла как этот швархов ракхаши. Всегда. Всё время. Кожа на-

поминала снег, который так сильно хотелось попробовать на вкус... Я не мог больше себя контролировать. Столько женщин было в моей жизни, и ни одна не сопротивлялась так яростно, не отталкивала, не сводила с ума.

Она не должна была приходиться на тот холм. Не должна была увидеть цветение ракхаши, а завтра утром улетала на этот дурацкий Танорг. Но всё пошло прахом, когда я увидел черноволосую тонкую фигурку рядом с собой. Что это, как не провидение Духов Предков? Они три раза сталкивали нас у проточной воды!

Шквал противоречивых желаний разрывал изнутри.

Мне отчаянно хотелось выслать её со своими идиотскими принципами подальше с Ларка.

Хотелось взять и обладать ею до утра, чтобы стонала и хрипела от удовольствия и больше не строила из себя замороженную рыбину, не занималась самообманом и не терзала возмутительно синими очами.

В паху всё полыхало с того момента, как я увидел её на границе Вечного Леса. Сам не знаю, как вообще смог догнать Лейлу, голова кружилась от её запаха, внутренности скручивало до рези в глазах, так сильно мне хотелось её. Именно её. Я видел, как цветок ракхаши упал рядом с моей стопой, но не коснулся – это тоже было знаком Духов Предков.

– Лейла, ты хочешь меня, а я давно хочу тебя. Разреши мне.

Она стояла, не шелохнувшись, не сказав ни «да», ни

«нет». Просто... стояла и смотрела. Как будто никто в жизни не говорил ей таких слов.

Очень медленно, боясь, что получу такой же решительный отпор, как у ручья, я наклонился и провёл языком по её нижней губе. Мягко вобрал в себя. Затем вторую. Толкнулся языком внутрь, и только тогда Лейла ожила. Она застонала прямо в рот, а мне показалось, что на меня как минимум опрокинули целое дерево с полыхающими бутонами ракхаша. В жаркой комнате её дыхание пахло свежестью и первым снегом. Мы целовались исступлённо, но она всё-таки упрямо молчала, ни жестом, ни вздохом не давая понять, что мне разрешено больше.

Наконец я разорвал поцелуй и упёрся влажным лбом в её лоб.

– Умоляю, Лейла, дай мне шанс.

– Я... я... завтра улечу, Арх-хан...

– То будет завтра. Сто ударов сердца, и, если ты не скажешь «да», клянусь, я оставлю тебя в покое.

Огромные синие глаза уставились с нечитаемой смесью эмоций, а я провёл костяшкой пальца по тонкой шее, по бешено бьющейся жилке, медленно вдохнул умопомрачительный запах её тела и шёпотом повторил:

– Сто ударов сердца, Лейла. Прошу.

Она молчала, как загнанная в угол косуля или кролик, кусала пухлые губы и сводила с ума даже этим молчанием. В душе вспененной волной взметнулась ярость. Неужели я с её

точки зрения не достоин даже шанса?!

– Ты не сказала «нет», Лейла, так что теперь считай!

Я ощутило сжал её тяжёлую грудь и скользнул под ткань рубашки, положил ладонь прямо на гладкий и ровный живот, неожиданно мягкий и шелковистый. Никогда такого не трогал, но почему-то был уверен, что у неё именно такой. Лейла вздрогнула от прикосновения, прикрыла глаза, задышала чаще и поверхностнее...

– Счит-а-а-ай! – прорычал я ей на ухо, плохо справляясь с собственными эмоциями. – Если ты хочешь, чтобы я остановился – считай!

Мой большой палец погладил маленькую ямку идеального пупка – последовал ещё один прерывистый выдох.

– Один, два, три... – послушно начала считать Лейла.

Одним движением я расстегнул штаны девушки и проник рукой в бельё. Какая же она влажная, как одурительно пахнет... Я жадно всматривался в потемневшие радужки Лейлы, стараясь уловить отклик. Как ей больше нравится? Как она хочет?

– Семь, восемь, девять...

Она откинула голову назад и закрыла глаза. Неужели хочет всё ещё хочет обмануть себя и сказать «нет»?!

– Лейла, на меня смотри! – хрипло прорычал, а когда она распахнула ресницы, не сводя с неё взгляда, опустился на колени, задрал рубашку и обхватил сосок губами.

Лейла Виланта. Планета Ларк. Деревня

Я сторала от его невыносимо упрямых губ. Наглых пальцев. Открытого взгляда.

Лишь одна мысль билась в голове и всё никак не давала сказать «да»: если Арх-хан узнает, кто я, если поймёт, что всё это время я его обманывала... Ларки слишком близко воспринимают ложь, и конкретно взятый ларк слишком сильно ненавидит мою расу.

Волна крупной дрожи сотрясла тело, когда шершавый язык лизнул мою грудь, а дерзкие пальцы нащупали точку феерического удовольствия. Меня выгибало дугой, а нервы превратились в оголённые провода. Ещё никогда в жизни я не испытывала ничего подобного и даже представить не могла, что секс может быть таким ярким. Таким мощным. Таким вкусным. Хотя я не уверена, что это можно было назвать сексом, ведь Арх-хан даже не разделся.

– Тебе нравится, Лейла? – тихо спросил мужчина.

А что я могла ответить? Лишь всхлипнула в ответ, молчаливо кусая костяшку указательного пальца.

«Да, нравится, безумно...»

– Считай, Лейла, считай. Ты же ведь хочешь, чтобы я остановился? – хрипло прошептал на ухо этот возмутительно роскошный мужчина, обжигая дыханием, а я – клянусь! – забыла математику.

Во рту давно пересохло, сердце билось в горле, а язык во-

рочался с колоссальным трудом.

– Двадцать один, двадцать два, двадцать три...

Собственное дыхание вырывалось клоками из лёгких, когда Арх-хан опустился передо мной не просто на колени, но и сел на пятки. Макушка цвета спелой пшеницы оказалась напротив того места, где только что побывали его пальцы, меня откровенно повело – выкинуло в другое пространство и время.

– Арх-хан, стой, это как-то неправильно! – только и успеваю выкрикнуть, наблюдая, как он рывком сдирает с меня штаны.

– Почему, Лейла? – Он щурит свои прекрасные серо-зелёные глаза, а я не знаю, что ответить.

– Ты же не собираешься...

Я просто не знаю, как облечь мысли в слова. Швархова мать, весь лексикон растеряла... Я видела сегодня оргию, я видела, как подругу одновременно имели по крайней мере трое мужчин, а затем ещё столько же, и всё равно вот это действие Арх-хана меня шокирует до такой степени, что дышать становится тяжело.

– Собираюсь, – легко и просто он мне возражает, а затем треск ткани – и он закидывает мою ногу к себе на плечо.

– Это неправильно... – вновь повторяюсь.

– Кто сказал? У людей ещё и учебники есть, как правильно заниматься сексом?

«У людей нет, а вот у цваргов, вообще-то, есть такие в

школах...»

Не успеваю додумать мысль до конца, как меня накрывает лавиной упоительных ощущений.

Его шершавый язык скользит по мне, – Вселенная! Природа, которая добавила в генофонд ларков эту особенность, просто гений! – проникает внутрь, таранит напролом, а я впиваюсь в мощные плечи ногтями.

– Лейла, ты считаешь? – в какой-то момент насмешливо спрашивает Арх-хан, а я чувствую себя захмелевшей от его ласк, потому что ноги не держат.

Цварги не пьянеют. Печень фильтрует алкоголь и регенерирует. Так нам рассказывали в школе...

Обманывали.

Я пьяна Арх-ханом в стельку, его горячим языком, мо-золистыми пальцами, что, не останавливаясь, растирают по мне влагу и дразнят, дразнят, дразнят! Я пьяна его запахом. Именно его, а не ракхашаи, как, возможно, он думает, ведь и тут соврала – афродизиаки не запрещены на Цварге, они просто на нас не действуют.

– Сколько уже?

Кого? Чего? Ах да, счёт...

– Сорок восемь, – ляпаю от балды, а ларк усмехается в ответ.

Подумать не могла, что этот огромный мужчина может быть таким нежным в постели. Хотя в какой, собственно, постели, если мы даже до дивана не дошли?

Словно читая мои мысли, Арх-хан вновь усмехается. Это кривая ухмылка действует гипнотически. Огромные сильные руки опрокидывают меня на что-то мягкое, укладывают, чтобы было удобно, и вновь бесстыдный рот начитает вытворять такое, что мне только и остаётся выдохнуть:

– Шестьдесят шесть, шестьдесят семь...

Когда пружина внутри сжимается так сильно, что терпеть уже нет сил:

– Скажи мне, Лейла, скажи «да»!

Наглый жадный язык продолжает меня бессердечно мучить, но я чувствую, что этого мало, хочу большего, хочу ещё чуть-чуть...

– Лейла, скажи! – рычит Арх-хан. Вибрации рыка передаются по нервным окончаниям, беспощадно бьют по сосредоточению удовольствия, и я чувствую себя музыкальным инструментом в его руках.

– Да-а-а-а...

Вселенная, да-да-да и миллион раз «да»! Он добавляет пальцы, и я теряюсь в омуте невыносимо-фантастически-запредельного наслаждения.

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Деревня

Сколько женщин мне говорили «да», но я никогда в жизни не чувствовал такого торжества, когда это короткое слово сорвалось с губ Лейлы. Ну наконец-то! Сколько можно

строить из себя правильную девочку и воротить нос от того, что естественно?

Она лежала передо мной совершенно обнажённая, чёрные волосы рассыпались по плечам, но никогда я ещё не видел её настолько красивой. Даже тогда, в водопаде. Потому что сейчас она была передо мной настоящая. Исчезла это шелуха напускной правильности и вечный испуг, будто я предлагаю ей что-то плохое. Исчезло то, что раньше меня останавливало словно бетонная стена. Её небольшая мягкая грудь высоко поднималась, тело блестело от пота, синие глаза потемнели и стали практически чёрными, как бескрайний глубокий космос.

Такая далёкая. Такая близкая. Такая вкусная...

Ларчанки пахли не так. По-разному, но не так. Отец рассказывал, что самое совершенное среди всех рас обоняние нам дано, чтобы найти ту единственную, с которой захочется пойти на поклон к Духам Предков. Я тогда посмеялся и сказал, что никогда не стану себя ограничивать запахом одной женщины, ведь это же противоестественно. Зачем? Ведь Духи Предков организуют хайду, а значит, они за то, чтобы у меня было множество ларчанок. Сейчас же... я дышал Лейлой, пробовал её кожу на вкус и думал, что нет ничего совершеннее этого вкуса и запаха.

Когда она сжалась вокруг моих пальцев, я чуть не отправился к праотцам. Меня колотило от одного её взгляда с поволокой. Хотелось сжать в объятиях, зацеловать и мучить,

наслаждаясь её «да-а-а», но я чувствовал, что ещё немного, и действительно превращусь в дикаря. Слишком долго я хотел эту женщину. Слишком много о ней думал последние дни. Слишком вкусно она пахла.

Одним движением развязав шнур на бедре, я отшвырнул одежду в сторону. Лейла приподнялась на локтях и посмотрела на меня затуманенным взглядом. Судорожно вздохнула.

– А... мы... разве дальше будем? – пробормотала она и облизала губы.

Меня буквально шарахнуло молнией от этого действия.

– Да, – прорычал, понимая, что просто не смогу остановиться, если она вновь даст по тормозам. – Ты уже сказала «да», так что отказы не принимаются.

Лейла Виланта. Планета Ларк. Деревня

Я никогда не задумывалась, что сексом занимаются больше одного раза подряд. В учебниках, одобренных Планетарной Лабораторией для женщин, писали, что одного раза в сутки более чем достаточно. Более того, «многократное семяизвержение мужчины подряд может снизить вероятность зачатия». Разумеется, я всё это не столько читала, сколько листала, ведь мама подкидывала мне статьи и файлы на коммуникатор, а затем так подробно выпрашивала, что приходилось хотя бы смотреть по диагонали.

Арх-хан был потрясающим во всех смыслах этого слова. Он потряс меня своей выдержкой и тем, что не мог мною насытиться. Я представить себе не могла, что такой мужчина, который буквально источает необузданную силу и мощь, который одной вибрацией рыка довёл меня до кульминации, на самом деле может так нежно заниматься любовью. Назвать просто сексом или интимом то, что творилось между нами – невозможно. Он раз за разом соединял наши тела во всевозможных позах, ласкал и гладил, целовал, лизал. Покусывал в порыве страсти и вновь покрывал кожу горячими поцелуями. Впервые с жизни я забыла обо всём на свете, откинула ненужную шелуху воспитания цваргини и делала всё, что мне захочется. Шалея от безнаказанности, я в ответ трогала его мышцы, твёрдый живот и волосы. Особенно мне нравились волосы – косы, дреды, бусины, колокольчики... Я перебирала их пальцами, а когда нашла несколько розовых и ткнула ему под нос со словами «это же женский цвет», он в ответ засмеялся, запрокинув голову. Крупный кадык заходил вверх-вниз.

– Это цвет бутонов ракхаши, у моего народа этот цвет очень даже мужественный.

С этими словами он мазнул по мне налитым кровью членом, и я подумала, что таки да... «розовый – очень даже мужественный».

От его улыбки подкашивались ноги, а в животе вновь тянуло.

Мы сделали это несколько раз на диване, затем он помог мне помыться и донёс на руках в спальню, где оказалось, что ему вновь не хватило.

Уже засыпая, он притянул меня к себе, зарылся носом в волосы, словно мой запах был для него источником жизни, закинул ногу на бедро и тихо-тихо прошептал:

– Останься.

Одно это слово – и из меня выбило дух.

«А ведь он никогда ни о чём никого не просил...», – подумала я в смятении...

За окном давно разливалась ночь, до рассвета оставались считанные часы, и я решила, что уставший мужчина вот-вот уснёт, но Арх-хан неожиданно сжал меня крепче и повторил свою просьбу:

– Я не могу покинуть Ларк, Лейла. Я вождь клана, и у меня есть обязанность. Пожалуйста, останься со мной.

Дурацкое маетное чувство охватило. Я закусила губу, понятия не имея, как на всё это реагировать. Мы не следили за временем, но чувствовали, что у нас остался какой-то час, может, два...

«Мне надо на Цварг...»

«Зачем? К Аарону? К Планетарной Лаборатории, которая найдёт тебе другого мужчину и потребует выйти замуж? К матери, которая не хочет слышать и слушать, что ты давно выросла и в состоянии принимать собственные решения? Чем тебя не устраивает Ларк?»

«Тем, что я могу влюбиться, а ларки не знают, что такое ревность, и, скорее всего, не понимают, что такое любовь... Взять хотя бы опыт Арх-хана. Сколько женщин у него было, чтобы научиться за сто ударов сердца довести любую до оргазма?..»

– Лейла, – мягко позвал ларк и из-под длинных полуприкрытых ресниц посмотрел на меня своими невозможными оливковыми глазами с вертикальными зрачками.

Шумно вздохнув, я ответила:

– Останусь, если ты пообещаешь, что нас будет именно двое. Никакой третьей женщины или мужчины в наших отношениях я не потерплю. И я не знаю, на сколько времени у меня получится здесь задержаться. Идёт?

– Идёт, – ответил он.

Глава 21. Шарршеорон

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Деревня

– Арх-хан, очнись! А что дальше? Люди на Ларке умирают. Здесь хтэрры, здесь Сухие Пески, здесь ракхашаи. Люди *другие* по своей природе, они не способны принять веру, не задавая вопросов!

– Лейла сможет, я чувствую. Она уже приняла хайду. Ко всему, я увезу её в Шарршеорон, всё будет в порядке. Я буду о ней заботиться.

– Приняла ли?

Младший брат смотрел на меня так, будто я собственными руками срубил священное дерево. Порезы затягивались на его ладонях – он уже попрощался с Духами Предков.

– Духи трижды сводили нас у проточной воды. Они не дали цветку ракхашаи упасть на мою стопу. Я думаю, что всё это связано, – ответил я, пожевав губу.

В разноцветных глазах Терекха мелькнуло что-то странное. Не то боль, не то недоумение, не то досада.

– Арх-хан, ты хочешь видеть знаки там, где их нет. Оставь Лейлу в покое, дай ей вернуться на родину. Ты понимаешь, что она *человек*?!

Я отрицательно покачал головой.

– Это ты слишком много пробыл со своей Танитой, да и

вообще переобщался с людьми, раз перестал видеть знаки судьбы. К тому же это ненадолго. Не знаю насколько, но временно.

– Нет ничего более постоянного, чем временное. Человек умрёт на Ларке. Помяни моё слово, – грустно ответил брат и приложил кулак к груди.

Терекх отошёл, чтобы помочь людям погрузить на корабль носилки с раненым таноржцем, а я обернулся на толчок знойного ветра. Рассвет только-только занимался, красное солнце неторопливо вставало над горизонтом. Отсюда, с холма, была видна чёткая, как нить, граница Диких Земель и Сухих Песков. Тонкая полупрозрачная дымка уже вилась над дюнами в глубинах пустыни. Испарения от слюны хтэров, которые раньше было видно лишь в полдень.

Надо уводить ларков в Шарршеорон.

Я повернулся к деревне и только сейчас увидел Шонхорна, скрестившего руки на груди и явно слышавшего разговор с братом. Глухая злость навалилась тяжелыми доспехами.

– А ты что там стоишь? Всё слышал?! Может, что-то ещё добавить хочешь?! – крикнул я.

Шонхорн в ответ лишь пожал плечами.

– Я не имею права больше что-либо тебе советовать, мой вождь. Я же теперь *бывший* советник. Но в кои-то веки я согласен с Терекхом. Ты допускаешь ошибку.

– Отраднo слышать, что вы наконец уняли свои разногласия, – бросил я, не скрывая раздражения. – Жаль только, что

тянули так долго.

Лейла Виланта. Планета Ларк. Деревня

«Пора вставать. Спейс-Икс скоро улетает», – сформировалась где-то на подкорке сознания чёткая мысль. Я открыла глаза и посмотрела на пустую кровать рядом. Смятые простыни и ещё тёплый матрас справа говорили о том, что Арх-хан всё же спал те пару часов, что у него были, рядом, но тишина в доме стояла идеальная.

«Ты обещала Арх-хану задержаться», – напомнил внутренний голос, обрушивая воспоминания о прошедшей ночи. Несмотря на короткий сон, я чувствовала себя хорошо. Я посмотрела в окно, где уже всюду сверкало в утренних лучах солнца космический шаттл, и принялась спешно одеваться – волосы в косу, рубашка, штаны, коммуникатор... Так, а где коммуникатор? Два шага к розетке, запитанной электричеством от солнечных батарей.

«Позапрошлой ночью был дождь, а вчера облака, надеюсь, гаджет хоть сколько-то зарядился...»

Тридцать восемь пропущенных звонков от Аарона. Бесчисленное количество сообщений.

«Лейла, ты как?»

«Лейла, ответь, с тобой всё в порядке?»

«Позвони мне!»

Я застегнула последние пуговицы на рубашке, одёрнула подол и набрала. Голубая рогатая голограмма с красивым ли-

цом и тонкими аристократичными чертами сплелась в воздухе. Вот только застывшая гримаса Лоуталье аристократизмом ни разу не отдавала.

– Да, Аарон. Что случилось?

– Это ты мне скажи, что случилось! Ты не отвечала на звонки, на сообщения, не выходила на связь, у меня чуть хвост не отвалился из-за нервного срыва! Лейла, что с тобой?!

– Всё в порядке. Коммуникатор разрядился, у меня вначале не было возможности его зарядить, а потом поговорить. Ты же сам знаешь, что я на территории Диких Земель. Тут сложно с электричеством.

Видимо, мой уверенный тон остудил пыл цварга. Он немного успокоился.

– Точно всё в порядке? А ночью ты где была?

– Дома, разумеется. Я только проснулась. А что такое?

Голограмма обрезалась по пояс. Рубашка, немного зашпанный вид... Страхующий агент верил моему вранью, а мне в кои-то веки так легко давалось лгать, что я даже об этом не задумывалась.

«...думаю, будет так красиво и ярко, что это можно увидеть даже из космоса», – всплыли в голове слова Моник. То есть Аарон прекрасно знал о традициях ларков, увидел цветение и взбеленился... Ещё бы! Его невеста будет участвовать в оргии. А ведь он с самого начала просчитывал такой расклад событий: *«Это убогие, недоразвитые и дикие пи-*

текантропы, которым может стукнуть в голову всё что угодно! Если они поймут, что ты на самом деле цваргиня...». Или он всё-таки искренне волновался? Если последнее, то почему же сразу не рассказал о традиции ларков? Почему скрывал? Вселенная, даже то сообщение от Дафны, что мне запрещено обсуждать задание с агентами таурель-класса, теперь виделось в другом свете. Все они – и Аарон, и Мёрфи, и наверняка Дафна, – знали, что на Ларке может быть цветение ракхаши. Но ни один из них не сказал мне об этом.

– Ничего, – ответил жених так, что если бы я не знала, что он врёт, то ничего бы и не заподозрила. – Я, наверное, слишком сильно по тебе соскучился. Как же здорово, что ты сегодня садишься на «Спейс-Икс» и улетаешь с Ларка...

– Ах да, об этом. – Я поморщилась, прерывая Аарона. – Я передумала. Меня пригласили в цитадель, и я согласилась.

– Что?! Лейла, ты с ума сошла? – Напарник вновь повысил голос.

– Почему? Изначальное задание было добыть информацию с компьютера вождя, так? Вот и считай, что у меня наконец появилась возможность его выполнить. Я скачаю информацию на флешку, если получится, и дам знать.

Я блефовала. Точнее, я не знала, буду делать это или нет в принципе. А ещё точнее, информацию-то я поищу... но буду ли передавать в СБЦ – большой вопрос. Арх-хан этой ночью перевернул мою жизнь, и я чувствовала, что если побуду с ним ещё немного, то уже смогу определиться. Опять

же, хтэрры... Даже если у нас ничего не получится, я хочу попробовать помочь всем, чем смогу.

Взгляд Аарона внезапно потяжелел, он прищурился, сосредоточившись на моей шее. Я с опозданием вспомнила, что в пылу страсти Арх-хан меня туда целовал и даже кусал. Ночь была длинной, за пару часов цваргская регенерация могла не успеть убрать следы...

– Ты мне врешь. Ты знаешь, что было у ларков этой ночью. Тоже, поди, решила поучаствовать? Ну и как? Понравилось быть шлюхой общего пользования?!

Я дернула плечом, поднимая воротник рубашки.

– А ты мне врал, ничего не говоря о хайде. И что? Один-один. И никакой шлюхой я не была, ты прекрасно знаешь, что на нас не действуют ни яды, ни афродизиаки.

– То есть решила стать персональной подстилкой местного блохастого вождя?! Я, конечно, знал, что наши женщины избалованы вниманием мужчин и порой их тянет на экзотику, но не ожидал, что и ты опустишься до такого! Ты меня очень расстроила, Лейла. Подумай, что скажет твоя мать, когда узнает, что ты отдавалась дикарю!

Я смотрела на голограмму Аарона и понимала, что впервые в жизни его слова не находят во мне отклика. Вообще никакого. Ни агрессии, ни обиды, ни чувства несправедливости. Я молчала не потому, что воспитанные леди не должны воспринимать оскорбления, а потому, что этой ночью что-то во мне окончательно и бесповоротно изменилось. Арх-хан

меня изменил. Я преступила одно из непреложных правил для чистокровных цваргинь – занялась сексом до брака – и ничуть не жалела о содеянном. Скорее, наоборот, если бы этой ночи не случилось, я бы сожалела всю жизнь.

– Аарон, меня не волнует твоё мнение, и моя личная жизнь тебя тоже не касается. Все вопросы с матерью я улажу сама.

– Это ты сейчас говоришь! – зарычал в ответ цварг. Чем спокойнее я отвечала, тем больше бесился напарник. – Они дикари, и ты скоро это поймёшь! Они не знают, что такое настоящие чувства, и совокупаются со всеми подряд! Ты наивная дуручка, если поверила в сладкие речи вшивого ларка. Ни один кобель этой породы не свяжет себя узами брака или той хренью, что они называют венчанием перед Духами Предков, с тобой!

– Это будет моя проблема, а не твоя.

Аарон открыл рот, чтобы продолжить пламенную речь, но внезапно осёкся. Красивые губы скривились в горькой усмешке.

– Ясно, Лейла. Ты всё уже решила. Потом не прибегай, поджав хвост, когда осознаешь, насколько у них другие понятия о чести, правде и свободе. Они ненавидят цваргов, потому что мы полная их противоположность. Во всём.

– Я учту твоё мнение.

Неполную минуту стояла тишина в канале, лишь тихое потрескивание говорило о том, что связь есть, она идёт пря-

мо сейчас, и это не статичная картинка корпуса мужчины замерла передо мной.

– Что мне передать Оберану Мёрфи? – наконец спросил агент алеф-класса.

Я пожала плечами. По правилам Службы Безопасности Цварга, если сотрудник пропадает, то его напарник должен месяц пытаться найти его. Конечно, я никуда не пропадаю, но цваргиня, объявившая, что хочет остаться на Ларке – всё равно что мёртвая. Силой они меня отсюда забирать не станут, так как это прямой конфликт, а не силой я не согласна... Конечно, ещё остаётся вариант, что меня попытаются похитить, но с учётом того, как резко неприязненно отреагировал на моё сообщение Аарон – вряд ли.

Всё взвесив, я ответила:

– Я рассчитываю, что этот месяц ты проведёшь на орбите. Если у меня получится взять информацию, то я её передам в СБЦ.

И мысленно добавила: «Если сочту нужным».

– Это же о хтэррах и Сухих Песках, верно?

Лоуталье молчал, его крылья носа раздувались в такт дыханию, а белки глаз покраснели. Вместо того чтобы ответить на мой вопрос, он сказал:

– Тебя будут ждать на Цварге в любом случае, но учти, я не буду молчать, что ты побыла ларкской подстилкой.

– Компенсацию у Планетарной Лаборатории обязательно попроси за бракованную цваргиню, – не удержалась от

шпильки в ответ. – Можно сразу двойной путёвкой на Тур-Рин.

Лицо жениха вытянулось, он начал что-то говорить, но я ткнула в кнопку выключения связи. Если всё сложится здесь хорошо, то на Цварг мне возвращаться уже будет не надо.

«Месяц, и всё решу: выясню всё про Сухие Пески и расскажу Арх-хану правду», – дала себе мысленный зарок.

Лейла Виланта. Планета Ларк. Деревня

Время закрутилось так же стремительно, как пульсар. Как во вспышках допотопной киноплёнки я видела, что «Спейс-Икс» приземлился на поляну рядом с деревней. Арх-хан о чём-то очень долго разговаривал с Терекхом. Как оказалось, младший брат моего мужчины решил улететь с Танитой на Танорг. Почему-то меня это совсем не удивило. Прямо на моих глазах ларки принесли носилки с Янушем ко входу в корабль, и Джереми поставил соответствующие капельницы. Медицинский робот, оказавшийся одной из последних разработок Танорга, меньше чем за десять минут провёл анализ крови Януша и тут же начал синтезировать препарат, который замедлил бы действие яда. «Не волнуйся, на Танорге ему помогут. Теперь всё будет хорошо», – шепнула Танита, проследив за моим взглядом.

Моник после ночи цветения ракхаши выглядела немного помятой и усталой, но неожиданно очень спокойной. Пропал тот лихорадочный блеск глаз, бледность и меланхолия,

которые меня пугали в ней последние дни. Доктор биологических наук крепко меня обняла на прощание и пожелала удачи. Когда блондинка поднималась по трапу и одна штанина поползла вверх, внутренний аналитик отметил, что кожа на её щиколотках вновь стала нормальной. Ожоги пропали. Похоже, и тут хайда пошла ей на пользу.

Я смотрела на поднимающийся в синюю высь «Спейс-Икс», когда Арх-хан подошёл сзади и крепко обнял за плечи, прижимая к горячей груди. Просто и прилюдно, никого не стесняясь. Впрочем, если вспомнить, как он держал меня на себе на инициации, то это по местным меркам совсем невинный жест.

– Не жалеешь? – спросил он на ухо, глядя, как поднимается корабль вверх.

Было непонятно, о чём он спрашивает: то ли о нашей ночи, то ли о моём решении остаться на его планете, но ответ был одинаковым в обоих случаях.

– Я не привыкла жалеть о собственных поступках.

Арх-хан посмотрел на меня очень внимательно и серьёзно кивнул, не разрывая зрительного контакта.

– Я запомню.

После отлёта «Спейс-Икса» ларки разом засуетились. Оказалось, что часть флаеров была заранее пригнана из Шарршеорона, чтобы перевести воинов в столицу. Видимо, мои глаза настолько загорелись, когда я увидела флаер, похожий на «Ласточку», что Арх-хан рассмеялся и разрешил

сесть на водительское кресло.

– Что, правда можно?

Я так изумилась, что зависла как старенький робот. Конечно, на Цварге у меня был свой флаер, но слишком уж часто в обществе звучали фразы, что мужчины водят машину лучше, цваргини за штурвалом опасны, да и вообще надо бы заменить всё на автоматику. С учётом того, что мне внушали, что Ларк ещё более патриархальный, чем Цварг, мысль, что женщина может управлять флаером, никак не укладывалась в голове, особенно после истории с электрошокерами. Если оружие нельзя доверять «слабым», то, вероятно, технику тоже?

В ответ Арх-хан пожал плечами и улыбнулся той самой солнечной улыбкой, от которой у меня внутри всё завязывалось в тугий узел:

– А почему нет? Способности к управлению техникой не зависят от пола. Ограничивать в чём-то, если это не влияет на здоровье, не считаю нужным.

Совершенно неприлично для представительницы моей расы взвизгнув, я бросилась к флаеру. Арх-хан сел на соседнее кресло, и мы стартанули.

Столица клана оказалось внушительным по площади, но невысоким трёх-четырёхэтажным каменным городом с незамысловатой архитектурой, покрытым такими же глянцево-черными крышами с солнечными батареями, какие я уже видела ранее, но без воздушных трасс – только протоптан-

ные и проезженные неширокие улицы. Ларки в принципе любили чувствовать землю и не поднимались в воздух без необходимости. На мой вопрос, почему флаеры не пустить во второй уровень, а пешеходам оставить первый, мужчина прокомментировал:

– Лейла, ну это же неестественно – летать, когда природа не дала нам крыльев. У нас сильные ноги, мы бегаем быстрее многих животных, и одного того, что используем флаеры, чтобы покрывать сотни километров за день, уже, на мой взгляд, достаточно.

Сразу же по приезде Арх-хан поселил меня в свои апартаменты и разрешил пользоваться всем, что понадобится.

– Кидай вещи, где тебе удобно, – произнёс он, переодеваясь в синие джинсы и футболку.

Преображение из дикаря в юбке из полос дублёной кожи, наплечниках, удерживаемых портупеей, и чешуйчатых наручах в современного мужчину произошло так быстро, что я даже не успела осознать этот момент. Перед тем как надеть джинсы, ларк отмотал ножны с дентайром и положил на стол, а оттуда взял стандартный браслет-коммуникатор.

– Мы будем спать в одной спальне?

Я как раз обошла все апартаменты и убедилась, что двуспальная кровать здесь одна. Не то чтобы этот момент мне был принципиален, просто, памятуя многоспальный общий дом в деревне, решила уточнить.

Арх-хан собирался ответить, как у него зазвонил комму-

никатор.

– Прости, – одними губами произнёс он и сосредоточился на звонке. – Да-да, слушаю. Да, уже в Шарршеороне. Как вышли? С нашей территории? Большое стадо пострадало? Скажи вождю Золотого клана, что мы сожалеем, но бахруны – это хищники, и они живут на территории Вечного Леса, а значит, мы не можем отвечать за их действия.

Не успел вождь сбросить звонок, как по второй линии его вызвал кто-то другой.

– Какой ещё водопровод? Ах, Шонхорн обещал... Передай стае Лунных айеров, что всё будет сделано. Я подниму документы. Да, разумеется, скоро подойду в зал правления.

Арх-хан сбросил звонок и повернулся ко мне.

– Лейла, прости, меня слишком долго не было в Шарршеороне. Ты что-то спрашивала?

Я пожала плечами.

– Ничего важного.

Вновь зазвонил коммуникатор.

– Как Аппарат Управления Таноргом на связи? «Спейс-Икс» вылетел лишь сегодня, пока они доберутся, ко всему, Терекх с людьми, а те подписали договор о неразглашении... Что? Поставки льна? Да, я сейчас подойду и всё решу.

Арх-хан вновь сбросил звонок.

– Лейла, у меня действительно скопилось очень много дел в столице...

– И ты должен идти. – Я грустно улыбнулась, глядя на со-

средоточенное мужское лицо.

– Да, но вечером обязательно вернусь. – Арх-хан смял мои губы, затем шумно зарылся носом в волосы и потёрся бедром, однозначно давая понять, на что рассчитывает вечером.

Такое вопиюще-вульгарное и пошлое движение для Цварга. Такое естественное и понятное для ларка.

– Буду ждать с нетерпением.

Перед выходом ларк всё же подхватил ножны с дентайром и повесил на пояс. Стоило Арх-хану шагнуть в прихожую, как коммуникатор вновь залился громкой трелью.

Апартаменты вождя клана располагались в центральном и самом массивном здании цитадели. Просторные, но аскетичные, если сравнивать даже с самым простым гостиничным номером Цварга. Тогда, в деревне, я подумала, что это черта исключительно общего дома, но сейчас осознала, что сами ларки, похоже, не сильно заморачиваются на обстановку. Вспомнился Серебряный Дом: резные статуи и ионные фонтаны, мраморный пол и помпезные светильники, мебель на воздушных подушках и столешница начальника департамента из горного хрусталя и тонких металлических спиц... Ничего общего.

Я обходила комнату за комнатой, пока не толкнула очередную дверь и не поняла, что попала в личный кабинет Арх-хана. Оказывается, даже *не запер дверь*, когда уходил.

Шва-а-а-рх...

На деревянной столешнице стоял его компьютер, тут же

были разбросаны многочисленные бумаги. Ни сейфа, ни камер слежения, ни хоть какой-либо сносной системы безопасности. Я ожидала сложностей, лабиринтов, как в «Бункере», а тут... На душе сразу стало маотно и гадко от ощущения, что я собираюсь влезть в ноутбук мужчины, который мне доверяет.

«Не лги», – возникла в памяти одна из священных заповедей ларков.

«Я ему расскажу, обязательно всё-всё расскажу», – подумала я, кусая губы и включая компьютер.

Лейла Виланта. Планета Ларк. Шарршеорон *Две недели спустя*

– Удивительно, какие чистые и ровные улицы при отсутствии асфальта, – пробормотала я, глядя под ноги.

Отчаянно хотелось обратно в главный корпус цитадели, чтобы вновь погрузиться в работу с информацией о Ларке, но приходилось делать над собой усилие и гулять по городу с Шонхорном. Арх-хан приставил ко мне бывшего советника и попросил показать Шарршеорон. Признаться, я побаивалась этого ларка и пыталась отказаться от столь любезного предложения, но мой мужчина в свойственной ему простой и открытой манере сказал, чтобы я не ерундила.

– Лейла, если ты с ним не найдёшь общий язык, то так и быть, я попрошу кого-нибудь из воинов тебя сопровождать. Прости, мне сейчас нужны все защитники.

Прогулки по городу стали ежедневным ритуалом. Будь моя воля, я бы сосредоточилась на проблеме разрастающихся пустынь и песчаных червях, но бывший советник принял приказ Арх-хана сделать экскурсию по Шарршеорону настолько буквально, что теперь каждый день с раннего утра мы ходили по столице, и ларк показывал мне дюйм за дюймом однотипные по архитектуре здания из серого кирпича и похожие друг на дружку как близнецы улицы, а когда я чувствовала себя совсем измотанной от жары и совершенно бесперспективного времяпрепровождения, он обязательно отводил меня на рынок. На тщетные попытки избежать последнего пункта программы и поскорее вернуться домой Шонхорн пожимал плечами и отвечал: «Арх-хан выделил деньги и приказал купить всё, что ты захочешь. Женщины любят покупать вещи». Порой эта фраза звучала так часто, что уже стала вызывать оскмину. Проще было ткнуть пальцем в первую попавшуюся шкуру, платье или картину, чем объяснять, что мне это совершенно не нужно.

– Шарршеорон располагается на большой плоской плите горной породы, и поэтому асфальтовое или прорезиненное покрытие не требуется. Зачем забивать планету синтетикой, если можно пользоваться тем, что создала природа? Вероятно, для вас, людей, это новость, но мы предпочитаем не наносить природе ущерб, если это возможно, – ответил мужчина.

Вечно хмурому и молчаливому Шонхорну такая длин-

ная речь была несвойственна, и я озадачилась. Обычно воин обходился короткими фразами, в которых сквозило пренебрежение, что-то вроде: «Арх-хан распорядился возвести каменные стены вокруг города не только для защиты, но и для регулирования потока граждан, но ты вряд ли поймёшь его мудрость» или «Вождь понизил налог на вещи ларкского производства и всячески стимулирует экономику. Хотя, о чём я? Люди весь хлопок и шерсть закупают у нас».

Что ж, если у него такое замечательное настроение, что он снизошёл до пояснений, то надо пользоваться.

– Шонхорн, слушай, а вон на крайних домах крыша другая, не с солнечными батареями, а покрытая мелкой чёрной черепицей. Скажи, это тоже чешуя хтэрров? Как та, из которой у вас сделаны наручи?

Под палящими лучами солнца я далеко не в первый день обратила внимание, что некоторые крыши у домов иные – все они блестели как нефть или мазут, – но, присмотревшись, я поняла, что структура-то разная. Те, которые были снабжены батареями, казались гладкими, а некоторые, у самой границы цитадели, будто черепицей покрыты.

Шонхорн бросил на меня укоризненно-презрительный взгляд и неодобрительно поджал губы.

– Женщина, какая тебе разница, из чего сделана крыша? Забудь про хтэрров. Упомянув о том, что ты их боишься, ты оскорбляешь мужчину, ставя под сомнение способности ларков защищать.

«М-да-а, кажется, он не собирается отвечать на заданный вопрос».

Дверь ближайшего магазина открылась, и на улицу вышла ларчанка, груженная кофрами и тканевыми сумками, вместе с двумя спутниками, которые несли ещё больше покупок. Медь блестела в волосах крупноватой, но симпатичной незнакомки. Она заливисто смеялась и, отвернувшись в другую сторону, случайно толкнула моего вечно недовольного экскурсовода. Смех замер на её устах.

– Шонхорн?

– Аллиша?

Ларчанка несколько секунд смотрела в глаза бывшему советнику, затем её взгляд скользнул по фигуре Шонхорна – посветлевшим татуировкам, которые торчали из-под рукавов футболки, простым тёмно-коричневым штанам без налёта на крепления для ножен, абсолютно голым предплечьям, коротким светлым волосам, которые едва-едва закрывали уши. Лицо девушки изменилось, она резко выдохнула и прикусила губу.

– Ох, Шонхорн...

Ларк громко фыркнул, скрестил руки на мощном торсе и перебил:

– Я не ожидал тебя здесь встретить. Думал, что ты любишь деревенскую жизнь. Что же изменилось, что ты теперь в Шарршеороне?

– Так... вождь приказал... – растерянно пробормотала

ларчанка и вопросительно посмотрела на меня.

Очевидно, человеческая девушка её заинтересовала, но мой персональный провожатый не дал ей сказать ни слова.

– Что ж, рад был увидеться, Аллиша, но нам с Лейлой пора. Всего доброго.

Шонхорн внезапно схватил меня за руку, хотя все предыдущие дни старался не трогать без острой на то необходимости, и потянул в противоположную сторону. Вслед нам до-неслось:

– Мне действительно жаль, что всё так сложилось!..

Желваки бегали по щекам воина, он крепко сжимал меня за запястье и размашистым шагом шёл вдоль улицы, тараня толпу словно лайнер, перед которым суетливо разбегаются катера и лодки поменьше.

– Шонхорн!..

– Потом...

Грозный рык, но я уже давно не боюсь ларков.

– Шонхорн!

– Да что такое?!

– Я не успеваю за тобой бежать! И мне руку больно, ты так запястье ломаешь! – сказала, пытаюсь отдышаться.

Он мгновенно остановился и разжал свою железную хватку.

– Прости.

«Ого, он ещё и извиняться умеет...»

– Это твоя бывшая, что ли? – уточнила я, чуть отдышав-

шись. Впрочем, по реакции обоих было понятно, что да, а также и то, что те двое ларков, с которыми она щебетала, её новые защитники.

– Тебе совсем спросить нечего больше? – грубо прорычал Шонхорн в ответ. – Я не настроен говорить о личной жизни, даже если она и бывшая. Тебя это не касается!

– Крыши, – мгновенно сориентировалась я. – Расскажи мне о крышах.

Ларк зло прищурил глаза.

– Я поражаюсь, как Арх-хан тебя только терпит! Ты сделала из него коврик для ног и старательно вытираешь стопы! Мы многое позволяем нашим женщинам, но это – просто позор. Да, это чешуя хтэрров! Она имеет свойства отталкивать тепло, тут, как видишь, актуально. Раньше ею покрывали всё, чтобы не спечься в жаркое лето, сейчас ставят солнечные батареи и запитывают от них кондиционеры. Это всё?

– Эм-м-м... – Про отталкивание тепла я могла бы и сама догадаться, раз Арх-хан говорил, что чешую даже лазер не берёт. – А почему она такая мелкая? На наручах воинов была крупнее.

Ларк наигранно громко вздохнул.

– Ну, видимо, потому, что раньше хтэрры были меньше! Допрос окончен? Можем возвращаться?

«Наконец-то!»

Глава 22. Что тяжелее: правда или ложь?

Лейла Виланта. Планета Ларк. Шарршеорон

Совість сгрызала изнутри, как термиты точат целлюлозу – впиалась острыми маленькими зубками и грызла-грызла-грызла. Арх-хан даже пароль установил самый короткий, какой только позволяла учётная запись. Долго взламывать не пришлось.

«Я обязательно ему всё объясню».

Различные документы мелькали перед глазами, карты Ларка с поверхности, снятые с большими промежутками времени, отчёты о состоянии земель от Дайнагорна и с какими-то неизвестными именами, судя по теме писем – от смотрителей других кланов. Здесь же были схематичные изображения хтэрров и их уязвимые места, а точнее отсутствие оных. Глаза да глотка – вот и всё, что было уязвимо у этих песчаных хищников, которые, как я и думала, питались всем: кактусами, ящерицами, скорпионами, животными покрупнее, кого могут проглотить физически, верблюжьими колючками и даже мелкими камнями.

Я читала и читала, впитывая информацию, как жаждущий воды путник, после нескольких дней скитаний внезапно нашедший оазис. Всё, что я увидела на компьютере Арх-хана,

полностью подтверждало мои наблюдения и умозаключения: пустыни, или, как их называют, Сухие Пески, расширяются, а вместе с ними множатся и растут хтэрры. Проблема не только на территории земель Арх-хана, но и по всей планете, и с каждым годом темпы роста пустынь увеличиваются. Это надвигающаяся катастрофа, которая грозит со временем убить всё живое на Ларке. Из того, что я не знала, но с удивлением прочитала – на планете когда-то выпадал снег, а теперь его нет. То есть имеет место ещё и глобальное изменение климата.

В тысячный раз я пересматривала одни и те же данные, перечитывала отчёты, часть цифр из которых могла бы воспроизвести уже во сне, но всё никак не могла успокоиться. Внутренний аналитик буквально кричал: «Ты ослепла и не видишь очевидного!». Я захлопнула крышку ноутбука и с раздражением побарабанила по ней пальцами. Даже после того, как я досконально изучила всю-всю информацию на компьютере Арх-хана, меня не покидало смутное ощущение, что не хватает пазлинка, какого-то микроскопического кусочка, чтобы полностью проанализировать ситуацию и найти выход. Чего-то такого, что знают все ларки и ими это воспринимается как само собой разумеющееся, но я как чужая не вижу этого в упор.

Несколько раз я пыталась завести с Арх-ханом разговор о хтэррах, но всякий раз терпела сокрушительное фиаско. Вначале он мягко пытался дать понять, что я не мужчина и

даже не защитник, а следовательно, не должна забивать себе этим голову. Когда я переформулировала вопрос и задала его в третий раз, Арх-хан впервые на моей памяти вспыхнул, посчитав, что я пытаюсь его унижить, и мы поссорились. В тот вечер он хлопнул дверью и не пришёл ночевать, зато на следующую ночь набросился на меня как оголодавший зверь прямо с порога.

Я с усилием потёрла виски, пытаясь унять боль, которая преследовала последние дни. Уже три с лишним недели я ломала голову над этой загадкой. Что же я упускаю? Должен же быть выход! Существовал же Ларк тысячами, и всё было в порядке... Откуда вообще взялись эти монстры? Почему раньше не нападали на ларков? Что изменилось?

Может, признаться Арх-хану во всём, объяснить, что это не праздный интерес и не способ его унижить, а лишь попытка найти решение?

«Ага, объяснить, что на самом деле ты чистокровная цваргиня и секретный агент Службы Безопасности, взломала его компьютер, копалась в документах и врала с момента высадки на Ларк исключительно из благих целей, – ехидно ответил внутренний голос. – Ещё не забудь добавить, что делала это потому, что считала коренных жителей неотёсанными глупыми дикарями. Ах да, напомни, какая вторая заповедь у ларков?»

– Не лгать, – тихо пробормотала себе под нос.

Проклятые астероиды, как же всё сложно!

Если бы у меня только получилось донести до Арх-хана, что на самом деле я аналитик, и если он всё подробно мне расскажет, то я обязательно смогу найти решение проблемы! А ложь... она же не такая большая...

«Или не сможешь. Прошёл уже почти месяц, а ты ни на шаг не приблизилась к разгадке».

И всё-таки хотя бы о расе я должна рассказать...

«А дальше что? Цваргинь не выпускают с родной планеты. Как ты себе представляешь ответы на последующие резонные вопросы? Снова врать? Неужели тебе не страшно?»

В горле засадило от досады на упрямый внутренний голос, на холодную логику, на всю эту дифренову ситуацию, в которой я увязла по самое горло. Страшно было ужасно, но я понимала, что рано или поздно должна буду это сделать, если хочу остаться на Ларке. Чем дольше буду лгать, тем будет хуже.

«Сегодня же расскажу ему о расе, а дальше посмотрим».

Замок входной двери щёлкнул, прерывая внутренние метания, и я бросилась в прихожую, чтобы встретить Арх-хана. Обычно он приходил позднее, уставший и измотанный после очередного совещания с вождями соседнего клана или после того, как целый день подписывал новые указы. Сейчас же передо мной стоял Арх-хан-воин, со спутавшимися от песка волосами, в потрёпанных пыльных джинсах, порванной грязной футболке и с длинной, тянущейся от запястья к локтю раной. Сердце пропустило удар, когда я увидела мужчи-

ну в таком состоянии. Когда каждое утро он одевался в привычную взгляду одежду и брал с собой дентайр, мне даже в голову не приходило, что последнее имеет какой-то значение. Я думала, что в Шарршеороне он носит клинок больше для статуса. Оказывается, нет...

– Вселенная! Что с тобой случилось?! – воскликнула, с ужасом разглядывая рваную рану и подозрительные сизо-багровые разводы на футболке Арх-хана.

Перед глазами тут же встало ранение Януша, и испуг сковал грудь ледяными тисками. А если там яд?! На Ларке нет ни одной лаборатории, чтобы синтезировать противоядие! Гравитационная аномалия, почему я не подумала о таком исходе раньше? Надо было попросить Джереми или Таниту хотя бы беспилотником выслать робота-медсестру...

– Хтэрр потрепал, царапина, ничего страшного. – Мужчина махнул здоровой рукой, но как-то неубедительно. – В джинсах сражаться ужасно неудобно. Сейчас помоюсь и выйду к тебе, а рана зарастёт.

– Где ты в городе хтэрра нашёл?!

– Не в городе. Сегодня был в одной из стай. Ах да, поищу мою птеругу, я закину её во флаер на будущее.

– Кого? – я с недоумением посмотрела на вождя. Переводчик в ухе молчал, тоже озадаченный незнакомым словом.

В глазах Арх-хана внезапно промелькнули смешинки.

– «Варварская юбка, которая не мешает совокупляться со всеми подряд и соблазнять женщин», как обозвали её люди,

ну и удобная, не сковывающая движений вещь для ларков.

Я машинально кивнула, а вождь тем временем стянул футболку, отшвырнул её на пол и добавил:

– Как же жарко, кошмар... Я даже не успел раздеться.

Только сейчас мне пришла в голову мысль, что и обнажённый торс у ларков – это ведь тоже не просто элемент «дикарства напоказ». Ведь рядом Сухие Пески, а температура тела ларков явно выше, чем у людей. Оголённый живот – лучший способ быстрой теплоотдачи.

Удивительное дело, я так долго видела Арх-хана практически голым, что мне было плевать, как он выглядит и во что одевается. Джинсы – и джинсы. Птеруга – и птеруга. Видимо, воспитание цваргини забылось за ненужностью. Рана на руке мужчины – вот что волновало по-настоящему.

Арх-хан неожиданно поймал меня за руку и нежно, но крепко прижал к себе.

– Не мечись, Лейла. Всё будет хорошо.

Оливковые глаза пристально смотрели на меня. За те дни, что я жила на Ларке, подсознание уже перестало воспринимать вертикальные зрачки как экзотику, да и внешность этой расы перестала казаться опасной или зловещей. Я провела рукой по широкой скуле мужчины. Он выглядел не просто помятым, а по-настоящему обессиленным.

– Точно всё будет хорошо?

– Точно.

Арх-хан продолжал стоять, обнимая меня, а я отстрани-

лась, понимая, что душ ему сейчас нужнее. Мужчина коротко кивнул, благодаря, бросил ножны на кресло и, на ходу раздеваясь, скрылся за дверью, а я так и продолжила стоять в прихожей, обнимая себя руками, чувствуя, как неистово колотится сердце, отдавая спазмами в лёгкие.

После переезда в Шарршеорон я стала видеть Арх-хана реже, но вот парадокс – влюблялась сильнее. Даже гуляя по городу с Шонхорном, каждое замечание, которое бывший советник отпускал, всячески пытаюсь показать, что я не парадля его вождя, растили во мне уверенность, что Арх-хан не просто сильный мужчина, но и мудрый правитель. Несмотря на отсутствие высшего образования, которое обязательно для жителей моей планеты, Арх-хан поступал рационально, умудрялся думать обо всех нуждах разрозненных стай, занимался внешнеполитическими проблемами, будь то между кланами или отношения с другими Мирами. Я поражалась тому, как он успевал делать всё и сразу. И вот выясняется, что он ещё и среди бела дня может запросто вернуться в пустыню, чтобы убить хтэрра.

В груди разливалось странное чувство.

«Я не могу его больше обманывать».

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Шарршеорон

Я видел испуг в глазах своей женщины и с болью думал о том, что как вождь я полное ничтожество. Она уже боит-

ся... Деревня, которая не хотела эвакуироваться и жителей которой пришлось буквально силком затаскивать в Шарршеорон, тоже вначале не боялась. Но когда некоторые из них почувствовали характерный знойный ветер и дрожь земли, мнение резко изменилось.

Как правило, днём я занимался делами клана – с падением Шонхорна и отлётом Терекха их вообще стало невпроворот, – отдавал приказы о перемещении стай ларков, летал на флаере на границу с ближайшими Сухими Песками... Но сейчас хтэrr подошёл невероятно близко к одной из деревень – той самой, где мы останавливались три с лишним недели назад. Червь обнаглел настолько, что решил попробовать выбраться в более плотную почву. К счастью, я как раз заехал туда, потому что хотел проверить завязь ракхаши после хайды. Но не успел подняться на холм, как все чувства обострились и возопили об опасности.

Мы с тремя воинами разделались с тварью, но паника и страх уже поселились в сердцах ларков и ларчанок. Я и так настаивал раньше на переселении в столицу, но не хотел пугать жителей. Теперь же деревенские побросали все дела и собрались буквально за считанные минуты. Я поклялся им, что в столице безопасно. Но вот вопрос: до каких пор?

Гадкое, склизкое, как хтэrr, предчувствие обвилось вокруг грудной клетки, сдавило лёгкие, вонзило в меня клыки сомнений и удушало, наслаждалось моей беспомощностью. Позор, какой же позор... Я сгорал в агонии беспокойства, но

при этом как вождь не мог показать, – просто не имел права! – что не знаю, как организовать безопасность ларков.

Шарршеорон находится на каменной плите, а значит, хтэрры не доберутся до горожан ещё какое-то время. Но насколько хватит твёрдости горной породы? Да и само решение – для трусов, конечно. Настоящий вождь уже придумал бы, как защитить подопечных.

Я рывком открутил вентили воды. Горячие струи ударили, ошпаривая грудь. Очень хотелось охладиться, но тратить энергию на охлаждение воды – глупо, а сама вода, хоть и зачерпывается из глубин прохладных озер Диких Земель, нагревается в трубопроводе.

Розовая кровь часто закапала на плитку. Я осмотрел царапину на руке, которую получил от одного из клыков хтэра, вздохнул и зализал. Лёгкий стук в дверь отвлёл.

– Арх-хан, можно к тебе?

– Конечно можно.

Я повернулся к Лейле и застыл, заметив тревогу в её удивительном синем взгляде. Ещё одна порция горького яда растеклась по телу, неистово раздирая и сжигая вены. Моя женщина боялась и старательно прятала страх в себе.

«Ну что ты за ничтожество, Арх-хан. Она уже считает тебя слабаком...»

«А ты и есть слабак. Что же ты за вождь такой, который не может ни спасти своих людей, ни успокоить единственную женщину?»

Единственную...

Мысль о том, что Лейла каким-то фантастическим образом стала проникать мне под кожу, тоже не давала покоя. Мы договорились, что она будет со мной на Ларке лишь некоторое время, и то, как организм внезапно пристрастился к ней, пугало меня самого. Я чувствовал её аромат повсюду, постоянно хотелось потрогать её, пропустить чёрный шёлк волос сквозь пальцы, притянуть близко-близко и не отпускать. И самое паршивое, что, несмотря на то, что у нас оставались фактически только ночи на двоих, это чувство лишь крепло.

«Отпусти её, Арх-хан, она же ведь человек. Ты думаешь, она долго сможет терпеть то, как ты с ней обращаешься? Ты не уделяешь ей внимания. Люди – не ларчанки. Лейла сейчас больше проводит времени со мной, чем с тобой», – буквально на днях сказал мне Шонхорн.

А как отпустить ту, без запаха которой уже не можешь уснуть?

Лейла изящно переступила с ноги на ногу, как кобылица айера, и даже не заметила этого. Белое воздушное платье облепило её восхитительные бёдра. С переездом в Шарршеорон девушка стала одеваться так же, как и ларчанки, а вот чёрные волосы всё ещё носила в тугих пучках. Девушка хмурилась и явно хотела сказать что-то не очень хорошее.

«Сейчас она сообщит, что ей надоело моё пренебрежение и она хочет улететь... и будет права. Зачем ей я? Вот только люди редко говорят всё сразу и прямо. Что ж, надо ей по-

мочь». Я вздохнул и спросил первым:

– Как прошёл твой день?

– Спасибо, замечательно. Шонхорн, по-моему, показал уже каждый уголок цитадели.

– Ты что-нибудь купила на рынке? Тебе очень идёт это платье.

– Да, кстати, об этом...

«Вот оно...»

Лейла Виланта. Планета Ларк. Шарршеорон

Вода стекала по роскошному мужскому телу прямо как тогда, у водопада. Мышцы перекачивались под кожей Арх-хана, но теперь я видела его по-другому. Если раньше мне казалось, что всё это сталь и мрамор, то теперь, зная, с кем им приходится сражаться, и увидев рану на его руке, я по-настоящему боялась за мужчину. Как бы ларки ни изображали из себя неуязвимых воинов, они таковыми не являлись. Струя воды прочертила дорожку от ключицы по выпуклой груди, твёрдому прессу и до паха. Я отвела взгляд.

Бескрайний космос, зачем я сюда пришла? Ах, да, проверить, как его рука, и попытаться поговорить... В последние дни у нас практически нет времени поговорить. Может, сейчас получится? Надо как-то признаться во всём. Начать хотя бы с того, что я цваргиня.

Пока я размышляла, Арх-хан заговорил первым:

– Ты что-нибудь купила на рынке?

– Да, кстати, об этом... Шонхорн целыми днями водит меня по городу, требует что-то купить. Я немного утомилась от его общества...

«Шварх, Лейла, что за ерунду ты несёшь?»

– В смысле, мне бы хотелось, чтобы это был ты и я проводила время с тобой...

«Но я понимаю, что ты очень занят и безумно устаёшь. Занят настолько, что я пришла поговорить даже сюда, в душ, хотя по меркам моей расы это верх неприличия. Кстати, о расе...»

Я уже мысленно сформулировала, что хочу сказать, как рука Арх-хана внезапно сгребла меня и притянула к себе. Вода резко намочила голову, брызнула в глаза, платье прилипло к телу...

– Что ты делаешь?! – возмущённо спросила, уставившись в невозможные глаза с вертикальными зрачками.

– Ты сказала, что хочешь провести время со мной, вот я и даю его тебе, – улыбнулся мужчина и нагло потёрся об меня прямо сквозь платье.

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Шарршеорон

Мысль о том, что Лейла хочет отказаться от моего покровительства и улететь с Ларка, хлестнула по нервам так, что я позорно смалодушничал и не дал девушке объясниться. Я схватил её и затащил под струи, покрывая длинную шею по-

целуями.

«Вселенная, не сейчас, только не сейчас...»

Сегодня я сражался с хтэрром, думая исключительно о том, что в столице меня ждёт Лейла, что я до безумия сильно её хочу – обнимать, дышать ею, трогать, спать, наслаждаться её розовым румянцем смущения, когда опускаю голову между её ног. Услышать вот это «но это же неправильно» и при этом увидеть понимание в глазах, что нет и не может быть между мужчиной и женщиной ничего неправильного, когда это нравится обоим.

«Ещё одна ночь, пожалуйста, Лейла... Дай мне хотя бы ночь, и, клянусь, я отпущу тебя, если ты попросишь. Проклятые хтэрры, только ради тебя я возвращаюсь домой! – мысленно умолял её, вдавливая в стенку и впиваясь губами в восхитительную грудь. Я понятия не имел, как объяснить ей, как много она для меня значит, а потому по привычке решил показать своё отношение не на словах, а на действиях. – Сегодня я буду делать с тобой такое, что ты захочешь остаться со мной ещё немного».

Внутри всё скрутило жгутами, когда острые соски проступили через белое платье. Адреналин, бурлящий в крови после схватки с песчаным червём, вскипел в крови, смешиваясь с первобытным желанием.

Треск мокрой ткани – её возмущённый вскрик.

«Да-да, рвать одежду в душе – это тоже неправильно».

Не слушая, я раздвинул коленом женские бёдра и уверен-

но стал продвигаться вниз. Лейла пыталась что-то сказать мне, но горячие струи барабанили по плитке, заглушая слова. В висках стучало от возбуждения, член уже давно налился кровью. Она всё ещё пыталась что-то мне сказать, и я усилил нажим. Даже сквозь воду язык улавливал её неповторимый снежный вкус, а пальцы сами стремились доставить удовольствие. Двадцать ударов сердца – я сосчитал – и Лейла наконец задрожала, перейдя на стоны и всхлипы.

Лейла Виланта. Планета Ларк. Шарршеорон

Сколько времени нужно, чтобы влюбиться? Минуты, часы, недели, месяцы или годы?

Я смотрела на Арх-хана и понимала, что меня затянуло в воронку чёрной дыры этого чувства так глубоко, что теперь я понятия не имею, как из неё выбраться. Я думала, у меня есть время. Месяц, который я давала себе, чтобы определиться, что делать дальше и возвращаться ли на Цварг, не истёк, вот только при взгляде на мужчину, который собственнически закинул на меня бедро, обхватил рукой и прижал к горячей груди, внутри всё давно замирало.

Самообман – худший из всех видов лжи.

Я влюбилась в дикаря. Я люблю его и не хочу никуда улетать.

Отголоски невероятной близости растворялись в теле, но я всё ещё чувствовала себя в блаженной неге. Арх-хан сегодня вновь изумил меня, и, пожалуй, впервые я могла бы

назвать его варваром, настолько неистово он вколачивался в меня в душе и потом снова в кровати. Дыхание его уже выровнялось, он спал, а я смотрела на подрагивающие длинные пшеничные ресницы и думала о том, что у меня больше нет сил ему врать... а ещё о том, что мне безумно страшно узнать его реакцию.

«Он обязательно поймёт. Надо просто объяснить, что я действительно хочу помочь с хтэррами», – подумала я, засыпая.

Глава 23. Гриф секретности – абсолютный

Лейла Виланта. Планета Ларк. Шарршеорон

Лучи солнца назойливо пробирались сквозь веки. Тело наполняло ощущение бесконечного счастья. Лёгкого, воздушного, пушистого. Оно растекалось ласковыми тёплыми волнами от шеи по позвоночнику, шаловливо покалывало кончики пальцев, уютным мягким пледом укутывало от самых щиколоток до макушки. Мне снилось, что я снова маленькая восьмилетняя девочка, которой на День Рождения подарили несколько сотен воздушных шариков. В тот день я обвязала их все вокруг талии, думая, что при желании могу подняться в небо. Надо лишь подпрыгнуть повыше.

Я распахнула ресницы, повернула голову и медленно выдохнула. Воображаемые шарики с тихим хлопком лопнули один за другим. Огромная двуспальная кровать оказалось пустой. Лишь смятые простыни, приятная ломота в мышцах и терпкий запах Арх-хана говорили о том, что всё, что произошло этой ночью, мне не привиделось.

«А я ведь так ему и не сказала...»

Сожаление кольнуло в груди крошечной льдинкой. Маленькой, хрупкой, как тонкий лёд на только что застывшем горном озере у подножья муассанитовых гор Цварга. И эта

льдинка тает и тает, вопреки всем законам физики лишь разжигая внутри горечь. Я ведь хотела. Я даже пришла в душ, чтобы поговорить.

– Сегодня обязательно скажу, – пробормотала себе под нос и встала с кровати.

Пока одевалась, краем зрения обратила внимание, что ножны с дентайром снова пропали. Значит, Арх-хан взял клинок и вновь допускает сражение с хтэррами. За окном нещадно палило местное солнце, и настроение стремительно катилось вниз по наклонной плоскости. Когда в апартаменты привычно постучался Шонхорн, я практически рывкнула на него, что не пойду смотреть город и закупать ткани на рынке. На удивление, ларк не стал ни спорить, ни огрызаться в ответ. Меня удостоили полным достоинством кивком и внимательно-прищуренным взглядом.

– Чем тогда займёшься?

Я прикусила губу, вспоминая, каким измученным Арх-хан выглядел последние дни и как поздно возвращался с соещаний. Безумно сильно хотелось ему помочь... вот только смогу ли?

– А почему ты не помогаешь своему вождю? – ответила вопросом на вопрос. – Ты же ведь умеешь управлять кланом, раньше был советником. Арх-хан явно не успевает делать всё.

Шонхорн тряхнул короткими волосами.

– Не думаю, что меня теперь кто-то послушает. Так что

будешь делать?

«Думать о поиске решения для вашей планеты».

Неожиданная идея пришла в голову как вспышка на солнце.

– А я могу взять флаер?

– Ты хочешь *покататься* на машине? На искусственной железяке, которых у вас полным-полно на Танорге?! – Лицо Шонхорна вытянулось не то от удивления, не то от презрения. – Если тебе так опостытели стены Шарршеорона, я бы мог договориться о прогулке на айерах...

Я вспомнила лошадей и мотнула головой. Нет, для моей затеи как раз требовалась «искусственная железяка».

– Я соскучилась именно по полётам на флаерах, – практически не соврала. – Можно взять? Арх-хан давал мне управлять машиной, когда мы ехали от деревни в столицу.

Мужчина невнятно пожал плечами, что можно было трактовать и так, и эдак.

– Да бери на здоровье, если не хочешь прогулку на айере. Где припаркованы флаеры, ты знаешь. Постарайся разрядить не весь аккумулятор и не отлетать далеко от городских стен.

Я активно закивала, боясь что-то сказать вслух. Шонхорн явно после встречи с бывшей был больше поглощён своими мыслями, иначе бы почувствовал по запаху, что я что-то задумала. Ларки, как я уже убедилась, те ещё эксперты по ароматам. Дождавшись, пока бывший советник уйдёт, я закрыла дверь, выждала десять минут, а затем спустилась во внут-

ренный двор, где стояли флаеры.

Шонхорн не обманул. Меня никто не стал задерживать на выезде. Похоже, все воины Арх-хана уже прекрасно знали, кто я такая и кем прихожусь их вождю. Я до последнего переживала, что не смогу обмануть охрану на въезде в цитадель, но меня не остановили.

Стоило отлететь чуть за городские стены, как первое, что бросилось в глаза – вереницы гружёных животных, караваны на горбатых ослах, гравиплатформы с мешками зёрен и просто ларки налегке, которые тянулись к Шарршеорону. Возможно, это и было нормальным трафиком для столицы клана, вот только вспомнилось растерянное бормотание Аллиши «вождь приказал». Нет, определённо, Арх-хан собирал всех в столице, и дело с Сухими Песками было худо.

Отлетев на приличное расстояние, я щёлкнула тумблером, чтобы набрать чуть-чуть высоты, и ввела в навигатор координаты границы с ближайшей пустыней. Собственно, именно потому, что я хотела сама исследовать Сухие Пески и при этом не привлекать внимания хтэрров, мне пришла в голову мысль использовать флаер. Если пролететь над песками, а не идти по ним, распространяя вибрации и запах, то вполне реально высадиться где-то в центре пустыни, попробовать проанализировать почву, понять, как так выходит, что Сухие Пески захватывают всё больше и больше земель.

Внутри зрела странная уверенность, что стоит мне ока-

заться снова там, как я обязательно найду ту крошечную детальку пазла, которой не хватает. Ведь был же раньше нормальный климат на Ларке, выпадал и снег...

Флаер набирал скорость и поднимался всё выше и выше. Под днищем мелькнули высокие, как небоскрёбы, ракхашаи. Они уже не цвели, но на ветвях образовалась завязь. Я покачала головой, вспомнив ночь цветения.

Полоска Вечного Леса резко оборвалась, а за ним раскинулись белые, как перемолотые кости, пески. Жара пробиралась внутрь салона, несмотря на исправно работающий кондиционер. Я поправила настройки охлаждения, поднялась ещё выше и осмотрелась.

Бескрайняя белоснежная пустыня потрясала своей тишиной и величественным спокойствием. Как ни вглядывалась, я не заметила поблизости ни единой неестественной дюны, зато вдалеке, в паре километров, белел костяной остов гигантского червя, окутанный полупрозрачной дымкой. Стараясь не смотреть в ту сторону, я медленно и аккуратно спланировала флаер на землю – почти как падающий осенний лист – и тут же выключила двигатель. Всё было сделано так, чтобы не привлечь внимания хищников. Никаких лишних звуков, движений, вибраций.

Удушающе знойный ветер дохнул в лицо, стоило открыть дверцу. Солнце стояло высоко в небе и нещадно припекало, щиколотки мгновенно утонули в густой белой массе и загудели так, будто их мгновенно покрыли укусами десятки

разъярённых пчёл.

Я поморщилась, но лишних шагов делать не стала.

«Найду причину роста пустынь и вернусь к Арх-хану с готовым решением. Он обязательно простит меня за враньё... Если на горизонте образуется дюна, то просто прыгну во флаер и улечу», – пообещала себе мысленно.

Как же печёт... Когда мы с Моник были в Сухих Песках впервые, стояло ранее утро, и жара переносилась в разы легче. Я присела на корточки и зачерпнула песок, рассматривая вблизи, даже на коммуникаторе открыла приложение с увеличительным стеклом. Песок представлял собой крошечные белоснежные камушки, ничего особенного.

«Думай, Лейла, думай, что-то особенное здесь должно быть. Где, если не здесь?»

Я машинально снова зачерпнула белую массу, не обращая внимания на покалывание в ладонях. Камушек покрупнее царапнул палец, и на миг сквозь телесный оттенок проступила сиреневая полоска. Она практически моментально затянулась – очевидно, сработала собственная регенерация вкупе с нанопластинами.

– Опасный песок, ядовитые хтэрры, – пробормотала про себя, пытаясь подойти к проблеме с другой стороны.

Стоило глубоко погрузиться в мысли, как ушёл весь дискомфорт – жжение в ступнях, общее ощущение зноя. Так со мной всегда бывало, когда верх брал внутренний аналитик.

А зачем СБЦ вообще спланировало эту операцию на Лар-

ке? Неужели цварги так сильно переживают за состояние земель другой расы? Или боятся повторения на своей планете? Но ведь не может же планета «заразиться» хтэррами... Опять же, Аарон совершенно точно не знал про песчаных червей, он был шокирован, когда я связалась с ним с валуна и попросила подготовить лазеры истребителя к атаке. То есть максимум, что мог знать Цварг на момент начала операции – что на Ларке неестественно быстро распространяются пустыни, и всё. Но любые общеклиматические проблемы – это вопрос нескольких лет, а никак не месяцев или недель. Оберан Мёрфи же настаивал на том, что свободных агентов нет и полететь на Ларк должна я, то есть срочность и приоритет у операции были...

Очередная песчинка поцарапала палец, кожа снова восстановилась за считанные секунды. Я отряхнула руки от песка и с удивлением уставилась на бледную дымку, исходящую от поверхности, которую не замечала раньше. Что это? Туман в пустыне? Впрочем, какая разница, я, кажется, что-то нащупала...

Внутренний аналитик вновь захватил сознание. Как же там говорил Оберан, когда пытался меня уговорить?

«Необходимо будет вызнать кое-какую информацию у ларков. Даже если не получится наладить контакт с коренными жителями, по нашим данным, всё должно быть на компьютере их вождя...»

Компьютер Арх-хана. Хтэрры. Всё то же самое, до чего я

додумалась сама.

Дымка поползла выше, охватывая ступни, а перед мысленным взором вдруг мощным вихрем замелькали многочисленные фразы, обмолвки, мимика, интонации...

*«Если делать **по-простому**, то можно воспользоваться кремом на молекулярной основе... Но так как я понимаю, насколько вы, Лейла, нервничаете, предлагаю сделать ту же процедуру, какую проводят всем **полевым агентам**...»*

Это была стандартная манипуляция. Мёрфи сделал вид, что оставляет мне выбор, но его не было с самого начала. Если одно решение «по-простому», а второе для «полевых агентов», понятное дело, какой вариант выберет перепуганная девушка. Лучший способ добиться чего-либо от гуманоида – это сделать так, чтобы он был уверен, что поступает по собственной воле. Ему *надо было*, чтобы я выбрала нанопластины.

*«...вся агрессивность ларков направлена на **мужских особей**»*

Мёрфи усыпил мою бдительность и практически открыто сообщил, что не хочет посылать цваргов, пока на Ларке не побудет девушка... Сколько раз я думала о том, что СБЦ требуется высококласный шпион, алеф-агент, который вынесет информацию на флешке, но на самом деле им в первую очередь требовался объект женского пола, чтобы протестировать нанопластины в условиях Ларка...

*«Насколько глубокие ожоги? **Родной цвет** возвращает-*

ся?»

Аарон, конечно, психовал после нападения хтэрра, но он остался профессионалом и почти сразу же уточнил, как повели себя травмированные участки кожи.

«Ты точно не хочешь включить **видеоканал**?»

Это не было заботой. Он хотел убедиться, что я не вру и даже в экстремальных условиях нанопластины подкрашивают ладони в телесный цвет...

«...*гриф секретности – абсолютный...*»

Это был запрет не мне общаться с коллегами. Это был в первую очередь запрет коллегам общаться со мной... потому что я была объектом для исследований. Я была и есть – эксперимент Службы Безопасности Цварга. Они плевать хотели на данные по пустыням, просто предположили, что наверняка есть какая-то причина в их стремительном расширении и изменении климата, это было обманным манёвром – тем, о чём я должна была думать всё время пребывания на Ларке, пока цварги ставили надо мной опыт... И очевидно, что вся суть эксперимента заключалась в том, рассекретят меня ларки или нет, поймут ли, что я цваргиня, или же до последнего будут считать человеком.

Но зачем?!

«А какая самая большая проблема на Цварге?» – эхом откликнулся внутренний голос.

Демография. Низкая рождаемость...

Белёсая дымка поднималась всё выше и выше, но я сиде-

ла на корточках и не шевелилась, понимая, что нахожусь на пороге открытия.

Теперь уже в голове всплыли картинки с хайдой, множеством обнажённых женщин и мужчин, а также напряжённый допрос Аарона наутро по коммуникатору. Напарник видел цветение ракхаша из космоса, он прекрасно знал о традиции ларков... Оказывается, о хайде знали вообще все вокруг, кроме меня. Это мужчинам разрешено покидать Цварг, путешествовать по Федерации и за её границы, а цваргинь ограничивают планетой, да и информацию, как выясняется, дают далеко не всю. Цваргинь слишком мало...

Итак, СБЦ хотели проверить на мне нанопластины, понимая, что если меня рассекретят, то уж точно не убьют... а вот цварга могли бы. А если их было бы несколько?

Сердце забилося втрое быстрее, стоило мысленно повторить эти слова. «Несколько цваргов». Десятки... сотни... все агенты могут использовать нанопластины, сделать невидимыми хвосты и рога, изменить цвет кожи, покрасить и отрастить волосы, мимикрируя под людей или даже самих ларков. Их цель – участвовать в хайде, оставить свой генетический материал, оплодотворить как можно больше ларчанок. А с учетом того, насколько религиозны ларки, то они допустят до хайды любого, кого коснётся пыльца ракхаша. Вон, Моник рванула и подхватила падающий цветок – её пустили за завесу сладкого дыма. Для ларков это священный выбор Духов Предков, который нельзя оспаривать. Я – опытный об-

разец, эксперимент в руках СБЦ, который, если закончится удачно, обернётся удручающими последствиями для самих ларков, ведь сотни женщин после такой хайды родят смесков, а если среди них будут девочки, то детей принудительно заберут на Цварг... Ради десятков девочек АУЦ вполне решился на скандал.

Внезапное осознание, *зачем* меня послали на эту планету, накрыло похлеще штормовой волны. Я почувствовала, что задыхаюсь. Нет, они не могли так поступить... или могли? Это же Служба Безопасности Цварга! Как?! Быть такого не может... Лёгкие свело судорогой.

Надо дышать! Надо очнуться!

Срочно!!!

Я пыталась проглотить воздух, но всё никак не могла поверить в догадку. С каждой секундой она становилась ярче и чётче, ослепляя словно взрыв сверхновой. Так ярко – что больно смотреть. Так чётко и точно – что больно дышать. Сердце забилося в агонии, уши заложило, горло свело жесточайшим спазмом. Я чувствовала себя утопающим.

Я и была им.

Я не могла сделать и глотка кислорода.

«Туман – паралитический яд. Испарение слюны хтэрров. Могла бы догадаться сразу».

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Шарршеорон

В тысячный раз за этот бесконечный день зазвонил коммуникатор. Я всё думал о синих глазах Лейлы и том, как хочу прогнать из них тревогу, провести вместе с ней хотя бы один день... Но Терекх покинул Танорг, а ни Харц, ни Лехои не понимали меня с полуслова так, как младший брат. Ко всему, Шонхорн, который раньше брал на себя львиную долю обязательств, не помогает совсем. Оно и понятно, Дайнагорн остриг его, но всё же хотя бы на совет друга детства я рассчитывал... А все советы Шонхорна вдруг стали сводиться к тому, чтобы я отпустил Лейлу домой, и это бесило. Лучше бы он помог эвакуировать все деревни в столицу.

Ну кто там ещё?

– Да, слушаю!

– Мой вождь, ваша человеческая женщина взяла сегодня флаер и вылетела за стены цитадели...

– И что?! – раздражённо рыкнул на начальника городской охраны. – Я же предупреждал, что ей всё можно.

– Да, но дело в том, что наши передатчики показали, что флаер достаточно долгое время находится с выключенным двигателем...

Я прикрыл глаза, подумав в первую очередь, что, кажется, Лейла всё-таки договорилась об отлёте с Ларка. Видимо, именно об этом она вчера и пыталась мне сообщить, а я как последний идиот не дал ей сказать ни слова... Она всё же решила разорвать наши отношения. Что ж, по крайней мере, на Танорге она будет в безопасности, и может быть, ко-

гда-нибудь, когда я разберусь с этим нашествием хтэрров, она вновь захочет прилететь на Ларк...

– Найдите флаер, пошлите дежурного и пригоните машину обратно. В чём проблема?

– Мой вождь, я бы не стал вас отвлекать по ерунде, но в том-то и дело, что передатчик показывает, что флаер остановился в глубине Сухих Песков.

Глава 24. Воскрешение

Лейла Виланта. Планета Ларк. Шарршеорон

Лёгкие жгло, кровь будто разбавили расплавленным свинцом. Я приходила в себя с большим трудом. Какая-то мокрая тряпка лежала на лице, дышать было сложно. Слегка пошевелив пальцами, я услышала негромкий женский вскрик и бормотание на неизвестном языке. Затем кто-то коснулся моего уха, – видимо, прикрепил переводчик, – и в голове набатным колоколом раздалось слова:

– Пожалуйста, не двигайтесь! Вы больше часа не подавали признаков жизни, вождь думал, что вы умерли, и лишь когда старший шаман Дайнагорн вознёс молитву Духам Предков, ваше сердце забилося вновь.

«То есть, когда лёгкие очистились от испарений слюны хтэрра, организм полностью регенерировал и начал гнать кровь по артериям...»

– Это настоящее чудо, что вы живы, Лейла! Я же могу вас так называть, да?

С колоссальным трудом, преодолевая тошноту и головную боль, я открыла глаза и посмотрела на собеседницу.

Совсем молоденькая ларчанка с густыми пепельными волосами и миловидным сердцевидным личиком сидела на стуле около кровати. Она кусала губы и теребила край цветастого сарафана. Я окинула взглядом комнату и обнаружи-

ла, что помещение мне незнакомо.

– У нас нет госпиталей или медицинских учреждений, как у людей, – словно прочитав мои мысли, тут же заговорила ларчанка. – Вождь приказал вас отнести сюда. Тут рядом ванна, я вас мыла и переодевала. После первого омовения вам стало существенно легче.

«Ещё бы, ядовитые испарения с кожи и волос смыли, а на остальное генов расы хватило...»

– Как вы себя чувствуете, Лейла?

– Голова кружится. Пить хочу, – с трудом протолкнула первые слова через саднящее горло. Ощущения были такие, будто мне сделали неудачную трахеотомию.

Ларчанка – как оказалось, её звали Джана – принесла мне воды и помогла сесть в постели. Она порхала по комнате, что-то говорила на тему того, как вождь будет счастлив узнать, что я наконец-то очнулась.

– После молитвы Духам Предков вам стало существенно лучше, поэтому я не сомневалась, что рано или поздно вы всё-таки очнётесь. Обычно Сухие Пески забирают жизнь в мгновение ока, но вы остались живы! Сам Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш бросил дела клана и сорвался в мёртвую долину!

– А где он сейчас? – перебила я её неожиданным вопросом.

– Так... работает. Он очень занят...

Джана растерянно развела руками.

– А когда заходил проведать последний раз?

– С тех пор, как распорядился перенести вас из апартаментов, не заходил. Только уточнял, очнулись вы или нет.

Коготки лёгкой обиды царапнули изнутри, но я мгновенно себя одёрнула, не давая этому чувству развиваться. Ну и что, что не навещал? Действительно нерационально тратить время на бесчувственную меня, когда на его голову свалилось столько проблем. Лейла, не будь неблагодарной. Всё могло бы закончиться в разы хуже, если бы тебя сожрали хтэрры. Ты несправедлива к Арх-хану. Во-первых, он всё-таки нашёл тебя и спас, а во-вторых, ты переносишь отношение цваргов на мужчину, который не сделал ничего плохого... Скорее уж наоборот, это он имеет полное право на тебя злиться. За несогласованную с руководством выходку СБЦ как минимум назначил бы месячный курс терапии с агентом пси-класса.

Воспоминания и умозаключения, к которым я пришла в центре Сухих Песков, заставили почувствовать рвотный позыв. Стало мерзко от осознания, что я оказалась для организации, на которую работала долгие годы, просто подопытным кроликом, но ещё противнее от того, что невольно приняла участие во всей этой гнусности. Джана покинула комнату, а я мысленно прокручивала в голове фразы и выражения, в которых объясню Арх-хану сложившуюся ситуацию. Понятное дело, он будет очень зол на меня за враньё...

Отрывисто пиликнул коммуникатор.

«Как стемнеет, жду тебя у ворот Шарршеорона. Если не выйдешь до полуночи, я улечу один».

Сообщение от страшного агента. Я с изумлением посмотрела на текущую дату на коммуникаторе. Вселенная! Я провалялась без сознания целых три дня! Сегодня ровно месяц, как истекает срок... Тихо выругавшись, я стремительным шагом покинула комнату.

Это была цитадель, я сразу же смогла опознать здание по коридорам, но противоположенное крыло тому, где располагались апартаменты Арх-хана.

– Простите, а где сейчас вождь? – обратилась к первому попавшемуся воину.

– Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш находится в главном зале.

Воин посмотрел на меня странно, хотя, вероятно, мне просто показалось, так сильно я нервничала. С каждым шагом кровь быстрее текла по артериям и венам, я чувствовала себя всё лучше и лучше, хотя лёгкий туман всё ещё оставался в голове.

В прошлом как агенту таурель-класса мне неоднократно приходилось помогать докам Службы Безопасности Цварга и составлять отчёты по подходящим медикаментам. Наша раса с лёгкостью переваривала большинство ядов, а как следствие, лекарств, обезболивающих и даже анестезий. Подобрать подходящий общий наркоз, если он вдруг срочно понадобится, – та ещё задачка. С учётом мощной регенерации

цваргов и аховых физических нагрузок, которые лишь ускоряют метаболизм полевых агентов, спрогнозировать нужную дозу и просто вещество, которое всё-таки подействует, но при этом не нанесёт непоправимого вреда организму, порой было ой как непросто.

«Наши бы обрадовались, если узнали бы, что слюна песчаных червей при вдохе может вырубить чистокровного цварга аж на трое суток», – подумала я, вспоминая лицо главного дока.

Двустворчатые двери в главный зал замаячили впереди, и я невольно замедлила шаг. Что я скажу Арх-хану? Что мне очень срочно и это вопрос не менее важный, чем управление кланом? Или выдать сразу с порога, что я не совсем та, за кого он меня принимает?

– ...Арх-хан, я думаю, стоит устроить хайду уже сегодня вечером. Принцесса клана Медных лисиц просила передать, что рассчитывает на тебя, Лехои, Харца, Терекха... Мы всё обговорили, я объяснил, что Терекх покинул планету.

В первую секунду мне показалось, что я ослышалась, но голос Шонхорна сменился глубоким тембром вождя:

– Да, конечно. Спасибо, что напомнил.

– Какую спальню велеть подготовить?

– Как обычно, самую просторную над этим залом.

Я наступила на каблук слишком резко, и голоса за дверью смолкли. Очевидно, услышали. Что ж, будет глупо дальше стоять под дверью.

– Арх-хан?

Шонхорн опирался обеими руками на столешницу, а вождь клана стоял к нему спиной и смотрел в окно, будто любовался цитаделью, швархи бы его побрали! На удивление, в этом просторном зале больше никого не было. На мой возглас Арх-хан обернулся. На его лице промелькнула улыбка, но быстро потухла.

– Я так рад, что ты наконец очнулась, Лейла.

– О какой хайде только что шла речь? Мне казалось, цветение ракхаши у вас раз в год.

Мы ничего друг другу не обещали толком, но всё равно я не смогла сдержать дрожь в голосе. Мой мужчина – хотя мой ли? – нахмурился.

– Шонхорн, оставь нас вдвоём.

– Мой вождь... – зарычал бывший советник, бросив на меня беглый взгляд.

– Оставь, – с нажимом повторил Арх-хан.

Шонхорн шумно выдохнул, но, больше не споря, покинул зал. Стоило тяжёлым дверям захлопнуться, как Арх-хан начал говорить:

– Да, Лейла. Раз в год проходит общая хайда в честь Духов Предков, а эту назначила принцесса соседнего клана. Вспомни, я тебе рассказывал. Принцесса хочет зачать достойного сына от сильнейших воинов, и так как она выбрала и меня в том числе, это мой долг перед расой – участвовать в её хайде.

Несмотря на мягкий, почти ласковый тон вождя, я по-

чувствовала, как пол ускользает из-под ног, и схватилась за спинку ближайшего стула.

«То есть, пока я приходила в себя, он рассчитывал, что займётся сексом с какой-то неизвестной ларчанкой, а потом сделает вид, будто ничего не произошло?»

Во рту внезапно стало сухо и горько, как в проклятых Сухих Песках, где я не так давно надышалась ядовитых испарений. Я даже позабыла, с какой целью шла в этот зал. Всё мгновенно перестало иметь значение – цварги, хтэрры, СБЦ... В висках стучала лишь одна-единственная мысль, что для мужчины, в которого я успела безответно влюбиться, мои чувства не значат ровным счётом ничего.

Неужели всё, что между нами было, с его стороны лишь простое физическое влечение?.. Сегодня одна женщина, завтра другая? Бескрайний космос, почему так больно дышать? Почему в груди разрастается сосущая чёрная дыра? Почему дрожат ноги и так сильно кружится голова? Умоляю, скажите мне, что это всё остатки испарений слюны песчаных червей...

– В смысле... мне казалось... что мы договаривались...

Я облизала сухие губы. Вселенная, как же неприлично тихо и пискляво звучит собственный голос, а в голове одна мешанина и гадкие слова напарника: «Они дикари, и ты скоро это поймёшь! Они не знают, что такое настоящие чувства, и совокупляются со всеми подряд!».

– Мы договаривались, что третьей женщины в наших от-

ношениях не будет. Ты согласился.

– Лейла, но у меня же с ней не *отношения*. Это всего лишь хайда. Принцесса выбрала меня, и я не могу отказать. Это долг перед расой, пойми. Она просто хочет от меня ребёнка.

Хотелось и смеяться, и плакать одновременно. Действительно, а что такого-то? Подумаешь, секс с другой женщиной. А может, с десятком? Сколько у них тут в округе принцесс кланов, которые имеют право выбирать мужчин для своей оргии? А если их желания наложатся на одного и того же защитника, интересно, как выбирают, с кем он будет в первую очередь? Подбрасывают монетку?

Уголки глаз у переносицы подозрительно защипало.

Чувствуя, что скатываюсь в истерику, я мысленно отвесила себе звонкую оплеуху. Нестабильные туннели, Лейла, соберись, тряпка! Ты цваргиня или кто? Уж что-что, а выглядеть истеричкой из-за этого кобеля ты точно не будешь! Не смей плакать!

Я проглотила неприятный ком в горле, который до сих пор мешал говорить, и поставила вопрос максимально чётко:

– То есть я не достойна выносить твоего ребёнка, да? Ты даже не рассматриваешь меня как женщину, которая может составить тебе пару?

– Лейла, да пойми же ты...

Арх-хан мягкой текучей походкой двинулся в мою сторону и поднял ладони в утешающем жесте. Такой красивый.

Такой великолепный. Сильный. Бесшумный. Уважаемый и мудрый вождь целого клана. Идеальный воин и лучший защитник. Лучи солнца отражались в его длинной пшеничной гриве, и та сияла так, будто кто-то, издеваясь, повесил швархов золотой нимб над его головой.

Это знакомое движение рук и открытые ладони, как если бы он собирался обнять, и стали последней каплей моей выдержки. Спусковым крючком. Ярость вскипела в крови, и она была куда как ядовитее слюны хтэрра.

– Я, по-моему, задала вопрос более чем чётко. Ответ, Арх-хан! Я недостойная, да? Потому что не принцесса или не ларчанка? А если бы я вдруг оказалась не человеком, а скажем... другой расы, с более сильными генами, я бы вдруг стала достойной?

Сердце разрывалось от переполняющей его боли, когда я смотрела на этого мужчину. Проклятые астероиды! Это ему я уже всучила своё идиотское сердце, это в него влюбилась без оглядки, а он относится ко мне как... как... к очередной любовнице, которая всё это «съест и не подавится». Понятия не имею, как с этим живут ларчанки, но шварха с два я теперь расскажу, что цваргиня. Это больше не имеет значения, что бы он сейчас ни ответил. Но Арх-хан будто бы и не собирался отвечать на данный вопрос.

– Лейла, это всё такая ерунда. Я так рад, что ты выжила... Это же настоящее чудо! Тебе нельзя сейчас волноваться, твой организм перенёс тяжёлое отравление...

«Какая ирония. Это отравление всего лишь на час остановило моё сердце, а ты только что разбил его вдребезги – раз и навсегда».

Арх-хан потянулся ко мне, а я инстинктивно отпрыгнула, словно от самого страшного во Вселенной хищника.

– Не трогай меня!

Слова сорвались с губ быстрее, чем я их осмыслила. Арх-хан замер, но лицо его перекосило.

– Лейла, пойми, это всего лишь хайда, ничего особенного, – теперь уже на меня зарычал мужчина. – Я никогда и ничего не скрывал от тебя! Ты с самого начала наших отношений знала, что такое хайда! Чего ты от меня хочешь? Чтобы я ради тебя изменил традициям? Чтобы от меня окончательно отвернулись Духи Предков?!

«А было бы неплохо», – подумала я, внезапно осознавая всю бессмысленность ссоры и безвыходность ситуации. Неожиданно пришло понимание, что Арх-хан уже всё давно решил. Ведь он сам говорил мне, что жизнь слишком коротка, чтобы ограничивать себя рамками чужих ожиданий. Он бы не стал делать что-то лишь потому, что этого от него ожидают другие... Выходит, он *хотел* участвовать в хайде принцессы. Жесткая правда обрушилась на меня на крейсерской скорости, расплющивая и расплавляя в дурацкую плоскую бляшку.

– Нет, я не хочу, Арх-хан. Поступай как знаешь. Я... улетаю с Ларка.

Я отвернулась, чтобы только не видеть больше этого ослепительно сияющего нимба над его головой, этих чётких широких скул и серо-зелёных глаз с вертикальным зрачком. Может быть, воины Ларка плачут от избытка эмоций, но цваргини – нет.

– Лейла, постой... Можно тебя хотя бы обнять напоследок?

Слова мужчины, на которого я с лёгкостью променяла бы планету и привычный уклад жизни, вонзились в спину ржавым кинжалом. Это было больно, но какой-то колоссальной сильной воли я собралась и ровно ответила, даже не оборачиваясь:

– Не стоит. Прощай, Арх-хан.

Боль чёрной лужей растекалась в груди, сдавливая лёгкие, мешала дышать, но я спокойно шла в сторону апартаментов, чтобы собрать вещи. Я быстро шла по каменной плитке и как никогда радовалась тому, что на Цварге всех девочек учили держать эмоции под контролем. Никогда бы не подумала, что эта способность мне понадобится в первую очередь на Ларке. Было стыдно... ужасно стыдно, что я допустила, будто могу значить для Арх-хана нечто большее, чем предыдущие ларчанки. Стыдно, что повелась на обаяние и харизму дикаря, хотя какой он к швархам дикарь? Дикари не управляют государством, не думают о защите населения и совершенно точно не берут на себя воспитание маленьких запутавшихся девочек, а ведь именно такой я была,

когда впервые ступила на Ларк.

В душе поднималось холодное безысходное отчаяние. После разговора с Арх-ханом я чувствовала себя как выжатый лимон. Оказывается, одного только стремления и желания начать новую жизнь мало. Меня все использовали, только каждый на свой лад. СБЦ по-своему, ларки – по-своему. Внутри что-то корчилось и судорожно царапалось в предсмертной агонии. Интересно, а существует ли гангрена души? И как называются больные, которые, вместо того чтобы лечиться, выбирают медленную и мучительную смерть?

Уже на выходе из покоев, где мне довелось прожить целый месяц с вождём, я неожиданно столкнулась с Шонхорном.

– Лейла? Ты покидаешь нас?

Он правильно оценил мои брюки, рубашку и походный рюкзак за спиной. В последний я покидала лишь те вещи, с которыми прибыла на планету, но их всё равно почему-то оказалось прилично. Накупленные на рынке многочисленные платья, ткани и прочую ерунду я брать не стала, так как не чувствовала эти вещи своими, да и никогда не хотела подарков от вождя. Может быть, у ларков и было так принято, чтобы мужчины одаривали женщин ежедневно, но всё, чего хотела я – самого Арх-хана.

Глядя на массивную фигуру Шонхорна, я вдруг меланхолично подумала, что этот крупный воин, с которым у меня не сложились отношения с самого начала, сейчас будет злорадоваться. Но этого не произошло.

– Тебе помощь нужна? – спросил он вместо этого. – Арх-хан очень занят, но просил помочь тебе со сборами.

Я отрицательно покачала головой.

– Спасибо, мне ничего не надо.

Шонхорн нахмурился, явно собираясь что-то сказать, но, не чувствуя в себе сил в принципе больше видеть ларков, я произнесла:

– Арх-хан мудрый правитель, а ты всегда был его преданным другом. Мне жаль, что такое случилось с твоими волосами и татуировками из-за людей... на мой взгляд, это несправедливое наказание, но я понимаю, что моё мнение здесь никто не учитывает. Береги его, а мне пора.

– А ты береги себя, Лейла. И мне тоже жаль, что всё так сложилось.

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Шарршеорон

Три дня назад

– А я тебе говорил, что девушку надо отпустить домой. И Терекх тоже говорил. А ты не верил. Ларк – не место людей! – рычал Шонхорн так, будто это была его собственная вина, что Лейла чуть не умерла в Сухих Песках.

«Человек умрёт на Ларке», – вторил фантомный голос младшего брата в голове.

– Шонхорн, замолчи! – За последний час я чуть не умер от мысли, что Лейлы больше нет. – У неё забилось сердце

несколько минут назад. Дайнагорн сказал, что Духи милосердны. Она выкарабкается.

– И всё-таки, когда она очнётся, ты должен сделать всё, чтобы она улетела. Ты понимаешь? – Он жёстко схватил меня за предплечье и посмотрел в глаза.

Крайне редко ларки осмеливались так поступать. Всё-таки это вызов. Но Шонхорн никогда не боялся высказывать своё мнение, за это я его и ценил все эти годы.

– Хорошо.

Я выдернул запястье и сделал шаг в сторону апартаментов.

– Арх-хан, ты куда?!

– Посмотреть, как она. Я чувствую, что я ей нужен.

– О Духи Предков, что мы только что обсуждали битый час?! – Друг закатил глаза, а затем одним слитым движением преградил мне проход в собственные покои. – Во-первых, прикажи её перенести как можно дальше от твоих комнат. Она выживет, Дайнагорн это подтвердил. Это всё, что должно тебя интересовать. Во-вторых, не приближайся к Лейле, даже если она всё ещё без сознания. Назначь ларчанку ухаживать за ней, и всё!

– Но...

– Когда Лейла очнётся, её ничто здесь не должно удерживать. Она должна подумать, что тебе на неё плевать. Ты это понимаешь?! – наконец заорал на меня Шонхорн. – То, что ты будешь сидеть у её кровати, несколько расхочется с этим, я не говорю, что сотня дел государственной важности дожи-

дается твоего срочного внимания. Хватит, Арх-хан! Это ты виноват, что не послушал Терекха и меня! Остановись! Какой тебе ещё знак свыше нужен, что эта женщина не для тебя?!

Ноздри Шонхорна раздувались, он был зол и выплёскивал злость на меня. Каждое его слово было подобно удару дентайра. Меня крючило и корёжило от мысли, что Лейла была любопытной настолько, что взяла флаер и сама полетела в Сухие Пески, а меня при этом не было рядом. Сердце разрывалось на части, стоило только вспомнить бледную бездыханную Лейлу в центре мёртвой пустыни. Слава Духам Предков, что я вообще нашёл её, что во флаер был встроено геолокатор, а хтэрры не приползли... похоже, она не ходила никуда по песку, просто высадилась, и всё.

Если бы Терекх не настаивал покинуть клан и Ларк, если бы Шонхорн не повёл себя так опрометчиво и глупо в вечном Лесу и помогал бы мне и дальше, если бы Духи меня слышали... если бы, если бы, если бы... то ничего этого не случилось бы. Я бы был с Лейлой.

«Если бы...»

Оправдание для слабаков. Отец всегда говорил, что настоящие защитники берут и делают что хотят, пока слабые ноют, что всё складывается не так, как они хотят.

Перед глазами всё ещё стояло её безжизненное лицо.

– Вот и займись государственными делами! – ответил другу детства, не скрывая раздражения. – От тебя вообще ни-

какой пользы. Нарушаешь заветы предков, потом ходишь обиженный на то, что тебя наказали соизмеримо проступку! Мне помощь твоя нужна была! Всё это время!

– А вот и займусь! – зарычал Шонхорн в ответ. – Я буду ходить за тобой по пятам и следить, чтобы ты не занимался дурью и не шёл проверять человеческую девушку, вместо того чтобы решать проблемы клана!

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Шарршеорон

Три минуты назад

– Шонхорн, она очнулась! Джана передала, я должен её увидеть!

– Нет.

Запрет друга детства опустился плетью на нервы. Массивная фигура преградила путь. Мы оба понимали, что начнись драка, я его одолею, но это не решит проблемы. Он будет стоять насмерть и не выпустит меня из этого зала. Шонхорн вынул из ножен клинок и отбросил его на стол, демонстрируя, что не хочет крови, но не отступится. Не дентайр – после наказания ему запрещалось его носить, – но весьма опасный и острый кинжал.

– Арх-хан, что мы обсуждали все эти три дня? Если ты не можешь вышвырнуть её с планеты, ты должен поступить так, чтобы она разочаровалась в тебе и сама захотела её покинуть. Оттолкни Лейлу. Это будет самым гуманным реше-

нием.

– Шонхорн, ты не понимаешь, она нужна мне! – с горечью возразил. – Я не могу без неё. Сейчас я понимаю даже тех ларков, которые добровольно ограничивают себя и образуют союзы перед Духами Предков. Я думаю, что мог бы пойти ради Лейлы на это.

Друг покачал головой.

– Ты не имеешь права так поступать. Во-первых, я напоминаю, что ты вождь. Ребенок вождя должен быть зачат с достойной ларчанкой.

– Лейла храбрая! Не каждый воин смог бы убежать от хт-эрра, а она смогла сама и уберегла подругу.

– И потому, что она храбрая, она безрассудно взяла флаер и рванула в центр Сухих Песков одна? – Шонхорн сплёл руки на груди, не скрывая скептицизма. – Не знаю, как это называется у людей, у них другая логика, но у нас это зовётся безумием.

– Я уверен, что если с ней поговорить, этому найдётся разумное объяснение...

– Арх-хан, да очнись же! Не факт, что человеческая девушка выносит твоего ребенка без их так называемой медицины. Люди слабые и хилые здоровьем. Ты не можешь и не имеешь права покинуть Ларк. А если Лейла здесь останется, то точно умрёт. Тебе мало того, что случилось *уже*?!

Стараясь контролировать рвущуюся наружу злость, я отошёл к окну и прикрыл веки. Шонхорн был прав во всём...

кроме одного. Вся моя сущность тянулась к этой маленькой черноволосой девушке со вкусом кожи, напоминающим первый снег. Вселенная! Меня ведь накрыло ещё до ночи цветения... от одного её запаха.

– Пожалуйста, подумай, – Шонхорн понизил голос и явно попытался достучаться до меня словами. – Я даже не говорю сейчас о твоём статусе вождя; о том, что Лейла вряд ли когда-либо примет наши законы; ей было откровенно скучно все эти дни в цитадели, и она и близко не похожа на наших ларчанок, взять хотя бы то же отношение к подаркам... А если завтра подует другой ветер? Если испарения слюны хтэрров принесёт сюда, в Шарршеорон? Ларки-то выживут, а человеческая девушка? Ты готов взять её смерть на свою совесть? Разве истинные сыны Ларка настолько эгоистичны?!

Я распахнул веки и посмотрел на собственное отражение. В одной из кос мелькнула белая прядь. В тот день, когда я искал Лейлу в мёртвой пустыне, эта прядь потеряла цвет. Теперь я каждое утро старательно заплетал её в толстую косу или жгут. Ларк, поседевший от страха... Какой позор! Шонхорн прав, я не достоин этой женщины и не имею права удерживать её на Ларке. Я поднял руку и машинально поправил белую прядь, пряча её в общей массе волос. В отражении поймал понимающий взгляд друга детства:

«Ты *должен* это сделать».

Словно Сухие Пески пробрались с очередным вдохом, ядовитыми песчинками осели на лёгких и теперь медленно

выжигают меня изнутри.

«Я хочу хотя бы обнять её напоследок и глотнуть аромат».

Ответил так же взглядом, осознавая, что друг поймёт. Он медленно кивнул и в абсолютной тишине зала тяжело опёрся на столешницу, а затем где-то вдали послышались лёгкие шаги и цветочный запах.

– Арх-хан, я думаю, стоит устроить хайду уже сегодня вечером. Принцесса клана Медных лисиц просила передать, что рассчитывает на тебя, Лехои, Харца...

Глава 25. Возвращение на Цварг

Лейла Виланта. Космос. На полпути до Цварга

– Ну что, накувыркалась с питекантропом и решила вернуться в лоно цивилизации?

Аарон смотрел на меня, не скрывая своего презрения и, кажется, даже брезгливости. О последнем я сделала вывод, исходя из того, что, когда молча вынула флешку из кармана рюкзака, он не стал её брать в руки, а кивком указал, чтобы я бросила её на стол.

Почти весь взлёт с поверхности Ларка Лоуталье молчал, сосредоточившись на навигации корабля, но стоило покинуть орбиту планеты, как начались упрёки и откровенные оскорбления.

– А я ведь тебе говорил, что нечего ноги раздвигать перед блохастыми. Ну, что молчишь? Думаешь, после всего я теперь возьму тебя замуж?

Я молчала, думая о том, что если раньше эта тема волновала и даже задевала, теперь мне абсолютно всё равно, кто станет моим будущим мужем. После того, как я узнала, что СБЦ меня использовали в качестве подопытного кролика, меня тошнило от всех цваргов вместе взятых. Ведь Служба Безопасности хоть формально и не имеет никакого отношения к Аппарату Управления, всё равно огромная структура. Выходит, многие мужчины с моей планеты считают, что нор-

мально вот так использовать нанопластины, менять цвет кожи, делать невидимыми рога и хвосты и манипулировать религией другой расы, чтобы использовать ларчанок...

Аарон выставил в навигаторе конечной точкой маршрута родную планету, установил максимальную для истребителя скорость, щёлкнул тумблерами автопилота и наконец всем корпусом развернулся ко мне.

– Лейла, тебе придётся очень хорошо научиться просить, если хочешь, чтобы информация о твоих развлечениях не достигла ушей твоей мамы и Планетарной Лаборатории.

– А ты ещё им не рассказал? – Я слегка удивилась тому, что агент молчал всё это время, а потому вступила в диалог.

– Нет. – Лоуталье серьёзно покачал рогатой головой, не сводя с меня чёрного взгляда. – Я рассчитывал, что рано или поздно ты одумаешься и попросишь тебя забрать. Жаль, конечно, что ты одумалась так поздно, но это лучше, чем никогда. А раз уж ты теперь здесь со мной и поездка предстоит нам долгой... – Он потянулся к пряжке ремня. – Предлагаю договориться.

Я вопросительно изогнула бровь. Какой-то части меня было даже слегка любопытно, что может предложить Аарон.

– Ты сейчас компенсируешь все неудобства, что мне пришлось из-за тебя терпеть лишний месяц на орбите, а я, так и быть, закрою глаза на то, что ты отдавалась дикарям.

Под мерное гудение двигателей отчётливо звякнула молния ширинки на штанах напарника.

– Под «неудобствами» ты подразумеваешь отсутствие интима? Ты хочешь, чтобы я занялась с тобой сексом?

– Ага, его самого. Но меня устроит и старый добрый минет. Ты же теперь у нас опытная, Лей-ла. – Моё имя он произнёс, растягивая слоги. – Соси, дорогая.

Он приподнялся, явно чтобы стянуть брюки чуть ниже, но я неотрывно смотрела ему в глаза. Как так получилось, что мужчина, которым восхищалась моя мама, который имел превосходное резюме, работу, финансовое и социальное положение на Цварге, оказался таким гнилым изнутри? Да при всех моих разногласиях с вождём ларков Аарон не стоил и мизинца Арх-хана. Вселенная, за все недели, что мы были вместе с ларком, он ни разу не оскорбил меня ни словом, ни жестом, ни к чему не принуждал и никак не ограничивал мою свободу. Даже с той же хайдой он был предельно честен... Это мне не подошли правила его народа, но тут уж он не виноват.

– Лейла, ты оглохла, что ли?! Не хочешь, чтобы матушка расстроилась, а твоё фото красовалось в голосети под вывеской «цваргиня-шлюшка, любящая извращения» – соси! Уверен, за последние недели ты научилась это делать весьма неплохо.

– Нет.

Я сама мысленно поразились тому, насколько спокойно и холодно прозвучал мой голос.

– В смысле «нет»?

Похоже, самоуверенному и самовлюблённому агенту алеф-класса ещё никто и никогда в жизни так категорично не отказывал. По крайней мере, в сексе... Хотя в сексе-то как раз и логично, если взять во внимание информацию, что большинство цваргов навещает бордели Тур-рина. Лицо Аарона вытянулось, и я была готова поклясться, что с моим отказом и член опал, вот только смотреть на него ниже пояса совершенно не хотелось. Фиолетовые губы скривились, а белки глаз покрылись красноватой сеткой капилляров, как только до агента дошло, что моё «нет» было не сиюсекундным «нет, я не хочу», а взвешенным и твёрдым «нет, я не буду».

– Лейла, ты понимаешь, что вся твоя репутация пойдёт под откос? Что на твою семью на Цварге будут показывать пальцем и высмеивать? Что тебе заказан теперь вход в любое приличное место?!

– Всё равно нет. – Я пожала плечами.

Прежняя я, возможно, и испугалась бы... Но урок Архана я усвоила твёрдо. Жизнь слишком коротка, чтобы ограничивать себя рамками чужих ожиданий. Я больше никогда не буду делать того, чего не хочу сама, и не поведусь на общественное мнение.

Внезапно Лоуталье дёрнулся и резко схватил меня за запястье, вынуждая приблизиться. Зачем он это сделал, я поняла лишь тогда, когда ощутила лёгкую волну бета-колебаний, как щекотку сквозь грубую ткань.

– А ты понимаешь, что я могу тебя заставить?! – прорычал мужчина, не скрывая угрозы. – Здесь только ты и я, а нам ещё минимум неделю лететь до дома. Не проще ли не злить меня и сделать всё самой?

– Нет, не проще. – Я снова отрицательно покачала головой и с усилием выдернула руку из жёсткого захвата. – Ты мне противен, Аарон, и простым воздействием обойтись не сможешь, а на сильное у тебя кишка тонка. Сразу же после задания меня будут осматривать пси-агенты и доки СБЦ, и серьёзное вмешательство в мой эмоциональный фон не останется незамеченным. Это тебе не внушить симпатию давно знакомой девушке, чтобы она сама поцеловала. Учти, я буду сопротивляться до последнего, тебе проще будет мне мозги выжечь.

Несколько секунд мужчина смотрел на меня неотрывно, а затем криво ухмыльнулся. Краснота из глаз пропала. Вновь звякнула ширинка штанов.

– А я смотрю, за время выполнения задания ты зубки-то отрастила, – протянул он, поправляя одежду.

Я отвернулась от напарника. Истребитель небольшой, спать придётся на этих самых креслах, раскладывая их в лежачее положение, если не перебираться спать в багажный отсек, так что мудрее всего будет помалкивать. Но Лоуталье явно исстрадался от одиночества, а потому продолжил:

– На самом деле так даже интереснее. Заставить тебя сделать то, что я хочу, словами.

Я не удержалась и фыркнула. Как можно иметь настолько большое самомнение?

– Чего фырчишь, думаешь, не получится? – Настроение моего напарника менялось так же стремительно, как направление силы притяжения на гравитационных горках.

– Попробуй.

– Ну вот смотри, мы прилетим на Цварг, ты сдашь задание, а после я скажу твоей матери, что застал тебя в командировке за неприличными действиями вместе, скажем... хм... с человеком... Понятное дело, о Ларке я говорить не стану, но кому надо будет знать в СБЦ – донесут...

Аарон что-то говорил и говорил, распаялся, доказывал, а я чувствовала, что даже его не слышу. Все мысли были о совершенно другом мужчине. Стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором вставали оливковые радужки с вытянутыми зрачками, широкие скулы, твёрдый подборок и хмурая складка между бровей. Арх-хан выглядел грозно в моих воспоминаниях, таким его запечатлело подсознание, потому что я ожидала встретить именно дикарей. Но стоило ларку улыбнуться или засмеяться, как его лицо фантастическим образом преобразалось, правда, я не видела, чтобы он улыбался кому-то, кроме меня...

– ...тлетворное влияние дикарей... – где-то на фоне раздавался голос напарника.

– Аарон, а почему ты меня отпустил на Ларк, если знал, что такое хайда? – неожиданно перебила его. – Если ты дей-

ствительно считал меня своей невестой, то почему не рассказал обо всём заранее? И не говори, что понятия не имел о традиции, я тебе не поверю.

В ответ агент алеф-класса скрипнул зубами.

– Если напряжёшь память, Лейла, то вспомнишь, что я не хотел тебя отпускать на Ларк и всячески уговаривал вернуться. Да, я знал, что такое хайда, но на тот момент думал, что у меня нежная и неиспорченная невеста, которой станет дурно даже от упоминания о групповом совокуплении вшивых животных, именующих себя ларками. Разумеется, я бы тебе сказал, просто считал, что это вредно для твоей психики.

Я задумчиво кивнула.

– То есть Оберан Мёрфи приказал тебе мне ничего не говорить. Он хотел поставить чистый эксперимент, а ты прекрасно «съел» тот факт, что твою невесту будут иметь другие мужчины.

– Что за бред ты несёшь, Лейла?! – резко вспыхнул Лоуталье. – Какой ещё эксперимент? Ты должна была добыть информацию о пустынях на Цварге... тьфу, на Ларке!..

Я смотрела на напарника и думала, как же была слепа все эти годы. Как можно было работать в СБЦ и не замечать *такого*? С другой стороны, меня извиняло то, что с Аароном Лоуталье я старалась свести общение к минимуму, а в те редкие встречи, которые у нас всё-таки случались, он прикладывал все силы, чтобы мне понравиться.

– Эксперимент с нанопластинами, – ответила я напарнику, внимательно следя за его мимикой. – Вы хотели убедить-ся, что ларки не опознают во мне цваргиню, и если уж на то пошло, Оберану Мёрфи было выгодно, чтобы я попала на хайду, ведь в идеальном раскладе множество цваргов сможет попасть туда так же под личиной человека или ларка...

– Ты говоришь чушь! Пустыни...

– Настолько важны, что ты даже не посмотрел содержимое флешки.

Я насмешливо кивнула. Забавы ради я передала в руки Аарона пустой съёмный накопитель. Если бы он проверил его и возмутился, всегда можно было бы сказать, что перепутала флешку, но он даже не посмотрел её содержимое, ведь вся эта легенда была придумана для отвода глаз. Моих глаз.

Мёрфи – действительно виртуозный манипулятор, раз продумал даже то, что я не смогу длительное время ничем не занимать свой мозг и меня нужно отвлечь на какую-то глобальную проблему. Он же даже чётко не сформировал задачу, ориентируясь на то, что у ларков обязательно должны быть какие-то секреты. *«Необходимо будет внедриться в группу отдыхающих людей с Танорга, представиться человеком и вызнать кое-какую информацию у ларков. Даже если не получится наладить контакт с коренными жителями, по нашим данным, всё должно быть на компьютере их вождя...»*

Гениально, просто гениально! Я бы поаплодировала этому

интригану стоя, если бы не оказалась в центрифуге интриг. Агент таурель-класса, аналитик до мозга костей, разумеется, сама себе придумает проблемы. Пустыни и хтэрры никогда не интересовали СБЦ, но я стала копать глубже и глубже, а Аарону оставалось лишь сильно не препятствовать мне, ведь на самом деле он знал истинную цель задания.

– А знаешь что, Лейла?! – вновь взбеленился Аарон, поняв, насколько глубоко его раскусили. – Да, Оберан Мёрфи специально выбрал тебя, и да, он запретил мне рассказывать о хайде, но я старался тебя уберечь как только мог! Сейчас ты пытаешься выставить меня виноватым, но на самом деле я всё это время заботился о *тебе*! Я спал полтора месяца в этом крошечном истребителе, не сходил с орбиты, питался консервами и сублимированными пайками, не ходил в спортзал, а ты даже этого не оценила! Могла бы сказать элементарное «спасибо»!

Он высоко вскинул подбородок, явно ожидая похвалы. Видимо, мне что-то ударило в голову, потому что вся ситуация показалась зашкаливающе абсурдной.

– Спасибо, – произнесла я и, дождавшись, когда Аарон переварит благодарность, добавила: – А сколько раз ты летал на Тур-Рин, чтобы воспользоваться услугами ночных бабочек? Скажи, среди них ларчанки бывали?

– Да как ты смеешь?! – Возмущение алеф-агента можно было бы смаковать, если бы у меня было соответствующее настроение. Но его не было. Я лишь пыталась понять, на-

сколько двуличен мой напарник.

– Так ты спал с ларчанками? – повторила вопрос, чётко глядя в тёмные глаза.

– Приличная цваргиня никогда в жизни не спросила бы о таких вещах...

– Так я же неприличная, мы всё выяснили пять минут назад. Итак, я для тебя грязная потому, что у меня была связь с вождём клана. Грязная настолько, что ты хочешь рассказать об этом как можно большему количеству цваргов и растоптать мою репутацию на родине. А ты сам, Аарон, сколько связей имел с расой ларков?

Желваки прокатились по точёным лиловым скулам.

– Меня тошнит от того, что приходится тебе объяснять столь очевидные вещи, Лейла. Ты – чистокровная цваргиня, женщина, которых исчезающе мало на нашей планете. К ногам таких, как ты, сильнейшие мужчины швыряют всё богатство и выстраиваются в унижительную очередь, чтобы вы могли выбрать. Но мы стойко терпим даже это. Ты, совокупляясь с животным, оскорбляешь не только меня, но и всю расу, весь цивилизованный Цварг! Те связи, которые были у меня, это другое! Я был вынужден, в конце концов, я всё-таки мужчина. И заметь, я старался скрыть эту информацию от тебя, когда считал, что ты станешь моей женой. Я не хотел ранить твои чувства. Сейчас я уже искренне сомневаюсь, нужна ли мне супруга, предпочитающая извращения.

Я хмыкнула. Супруга не нужна, но от минета в моём ис-

полнении он бы не отказался. Да уж, там не двойные, там как минимум тройные стандарты. К счастью, к этому разговору мы с Аароном больше не возвращались. То ли ему стало неприятно вспоминать, что у него всё-таки был интим с ларчанками на Тур-Рине, то ли я сказала, на его взгляд, что-то настолько вопиющее, что желание получить с меня «компенсацию» остыло, то ли он чувствовал, что нажми чуть сильнее, и я начну плевать настоящим ядом – не знаю.

Всю дорогу до Цварга Лоуталье гнал истребитель на шестой космической, ощутимо злился, но говорил со мной лишь при острой необходимости: «Проверь топливный бак», «сложи закрылки», «соединись с Дафной»... Я выполняла просьбы механически, а воспоминаниями погрузилась в Ларк. Чем дальше мы удалялись, тем сильнее разрасталась дыра в груди. Провёл ли Арх-хан уже хайду, о которой упоминал Шонхорн? Не вылезли ли хтэрры за территорию Сухих Песков вновь? Вместил ли Шарршеорон все деревни в округе?..

Я засыпала и просыпалась на одном и том же неудобном кресле, тело ломило от долгого сидения, но всё это меркло на фоне тоски по зеленоглазому красавцу. Сердце болело как открытая рана, но я старалась не показывать своей уязвимости Аарону. Просто сидела и молчала. За иллюминатором проносился чёрный космос, одинокие грязно-коричневые планеты и астероиды – картинка была такой же серой, печальной и унылой, как у меня на душе.

Порой, когда я засыпала, мне снилась восхитительная улыбка златогривого ларка или его открытый взгляд, и это добивало даже сильнее, чем любое самое замысловатое оскорбление Аарона, ведь просыпаясь, я понимала, что уже никогда не увижу этого мужчину. Яркие чудесные сны сменялись суровой контрастной реальностью: я лишняя на Ларке, вождь увидел во мне лишь временную любовницу, а я как последняя идиотка влюбилась в него. На Цварге рано или поздно придётся выйти замуж по указке Планетарной Лаборатории, и будет хорошо, если моим мужем станет не напыщенный индюк, как Аарон.

Один раз мне приснилась наша первая ночь с Арх-ханом. Ощущения во сне были обжигающе дикими, страстными и до мурашек материальными. Горячий язык Арх-хана дразнил, крепкие ладони сжимали ягодицы, я слышала его дыхание, а потом смотрела в неповторимые экзотические глаза, когда он подтянулся на руках и вбивался в меня на всю длину своего великолепного каменного члена... И особенно болезненно мне далось пробуждение, ведь потребовалось почти полчаса, чтобы понять, что подсознание сыграло злую шутку и показало калейдоскоп несбывшихся мечтаний.

«Ничего, всё пройдёт. Даже самые глубокие раны со временем зарастают», – сказала я самой себе, вытирая рукавом бусины пота со лба.

После того как я проснулась, Аарон ещё очень долго сверлил меня тёмным взглядом, неодобрительно поджимая губы,

НО ТАК НИЧЕГО И НЕ СКАЗАЛ.

Глава 26. Бункер

Лейла Виланта. Цварг. Штаб-квартира агентов

– Посиди здесь, пока я доложу начальству, что мы прибыли с задания, – не скрывая раздражения, буркнул Аарон и подтолкнул меня к знакомой двери. – Я позову тебя, если понадобится.

– Ага.

Я зашла в маленький уютный кабинет и устало опустилась в стандартное офисное кресло. Этот крошечный кабинет был моим личным пространством в Бункере, хотя большую часть рабочего времени я проводила в общем зале, принадлежащем всему таурель-отделу.

Я вытянула затёкшие ноги и бросила взгляд на зеркальную поверхность двери. Из отражения на меня смотрела чистокровная цваргиня – как только я села в истребитель, Аарон сразу же перегнулся через разделяющие подлокотники, схватил меня за руку и сдвинул подушечку мизинца, отключая маскирующие нанопластины. Вроде бы в зеркале отражалась прежняя я: чуточку уставшая, с темными кругами от недосыпа и сна в неудобном истребителе, но я. А вроде и не я. Так сразу и не скажешь. Полтора-два месяца для представителя расы со средней продолжительностью жизни в двести пятьдесят лет – это миг, но в то же время именно эти два месяца изменили внутри меня что-то кардинально.

Я прикрыла глаза, вспомнив, как в космопорту прямо на трапе меня бросилась обнимать и сжимать в объятиях мама. Как она тут же стала засыпать меня вопросами о командировке и об Аароне, а тот вежливо извинился, взял меня за руку и сказал, что мы должны предоставить отчёт фирме, и лишь только после этого я могу вернуться домой. Лералина активно закивала, стреляя глазами в широкую спину агента алеф-класса и явно показывая, чтобы я поторопилась. «Мы ещё наговоримся, дорогая, – простодушно сказала она и подмигнула. – Если такому мужчине, как Аарон, требуется твоя помощь, то, конечно же, помоги ему». От неё не укрылось, что Лоуталье взял меня за руку, не спросив разрешения, и даже, кажется, в какой-то момент приобнял за плечи. Лично мне было плевать, зачем он это сделал, но на маму это произвело впечатление сродни «единственная дочь выходит замуж уже завтра».

Прежняя я наверняка бы или смутилась, или стала упираться и пытаться объяснить, что между мной и Аароном ничего нет, но я нынешняя просто кивнула, не считая разумным тратить время и силы на ненужные разговоры. Плевать, что мама подписала предварительное согласие на брак от моего имени. За Аарона я замуж не выйду, да и он явно не горит желанием, после того как понял, насколько близка я была с вождём ларков.

Поездка во флаере так же, как и большая часть пути в истребителе, прошла в гробовой тишине, ну а в Бункере целая

толпа знакомых бросилась здороваться к алеф-агенту. Аарон какое-то время отшучивался и общался с приставучими коллегам, затем извинился и, оставив меня у личного кабинета, скрылся в направлении собственного.

Неожиданно в дверь постучались. Я открыла глаза.

– Да-да, войдите.

– Здравствуйте. Я должен провести стандартный медицинский осмотр после окончания задания.

Молодой цварг в белом халате с таким же белоснежным чемоданчиком стремительно зашёл внутрь кабинета и закрыл дверь, затем ойкнул, обернулся и сбивчиво уточнил:

– Госпожа Виланта, ничего, что я закрыл дверь на замок? Всё-таки процедура предстоит медицинская, и будет не очень хорошо, если кто-то войдёт не вовремя...

Я мысленно хмыкнула. «Госпожа», обращение на «вы»... как же я от всего этого отвыкла на Ларке. Что ж, придётся возвращаться в привычные будни и расшаркивания.

– Ничего, – мотнула головой, показывая, что меня это не сильно волнует. – Приступайте.

Лаборант – судя по внешнему виду, это был именно он, а не профессиональный док, – принялся раскладывать чемоданчик на моём столе, суетливо доставать пробирки и бормотать:

– Это стандартное обследование, которое проходят все полевые агенты после завершения задания. Мне надо убедиться, что вы не отравились, в крови нет никаких примесей

психотропных веществ, ядов...

– Я знаю-знаю, – махнула рукой, чтобы сотрудник просто сделал свою работу, и откинулась на спинку стула.

Мужчина провёл ваткой по руке в области сгиба локтя, воткнул иголку шприца.

– Я много не возьму, тут стандартный набор катализаторов... – пробормотал он. – Вы же агент таурель-класса, да? Никаких стрессов не испытывали?

– Стрессы? – переспросила машинально.

Мне даже на миг смешно стало от формулировки вопроса. Стрессом для цваргини на этой планете считались излишне шумные места, посещение пиков муассанитовых гор в полдень, потому что там становится слишком ярко и идёт избыточная нагрузка на зрительные нервы, ну и классические пробки на автотрассах...

– Таурель-агентов редко назначают на задания, – без задней мысли ответил молодой цварг. – Я бы попросил пройти МРТ головного мозга, если вы чувствуете утомление, но это не обязательно. Оцените, пожалуйста, своё состояние от единицы до десяти, где десять – это колоссальное нервное перенапряжение.

«Двести».

– Никаких стрессов. Только сердце останавливалось на час, может, другой. По крайней мере, мне так сказали.

– Что?! – Рука лаборанта дрогнула, а я поморщилась. – У вас, видимо, была сильная брадиаритмия, на фоне которой

не прощупывался пульс... Организм цварга иногда впадает в такое состояние, чтобы скопить силы на рывок для регенерации. Но господин Лоуталье не упоминал, что вы пережили что-то подобное! Вас обследовали в клинике на планете, где проходило задание? Вы можете подробно рассказать, что случилось?!

«Ах да, про собственную смерть я как раз и забыла рассказать напарнику...»

– Да вроде и нечего рассказывать, всё обошлось. – Я вежливо улыбнулась лаборанту. – Надышалась ядовитых испарений, три дня пролежала без сознания, потом очнулась. Нет, обследований не было.

«Ларки не признают медицину, а на фоне разбитого сердца отравление слюной хтэрра кажется и вовсе ерундой, не стоящей внимания...»

– Простите, мне тогда придётся взять больше биоматериала, чтобы перепроверить весь организм, – пробормотал стремительно побледневший мужчина. – И я буду вынужден доложить начальству о том, что отчёт по операции от господина Лоуталье некорректен.

Я пожала плечами, так как мне было действительно наплевать на то, что Аарону сделают выговор. В том, что я взяла флаер и в одиночку отправилась в Сухие Пески, он не был виноват, но никаких тёплых чувств, чтобы покрывать мужчину, я не испытывала. Если бы он перепроверял геолокацию каждые полчаса, то заметил бы моё исчезновение из

Шарршеорона. А так... в том, что не подстраховал, есть и его вина.

Через добрых пятнадцать минут я выслушала все варианты фразы «вы только не покидайте Бункер, пока не придут первые результаты, вдруг вам станет плохо!», с горем пополам выпроводила суетливого молодого цварга в белом халате и устала на рабочий терминал. Ну и что мне дальше делать? Сколько тут ещё сидеть? Неожиданно накатило раздражение на Аарона, который бросил меня словно собачку, и теперь я должна ждать неизвестно чего и неизвестно как долго... Пальцы сами собой набрали номер внутренней линии, но не успела я нажать последнюю кнопку установки связи, как роботизированный голос произнёс:

– Агент Лейла Виланта находится на задании в связке с агентом Аароном Лоуталье. Возможные виды связи: видимая двусторонняя, невидимая односторонняя. Какую предпочитаете?

Рука замерла над кнопкой. Обычно внутри Бункера агенты могли связываться друг с другом лишь по видимой связи, которая являлась, в общем-то, полным эквивалентом самого обычного аудио или голозвонка, но вот невидимая... Изначально она разрабатывалась, чтобы верхушка могла в любое время посмотреть, чем занимаются подчинённые. Со временем это стало так удобно, что невидимую связь включили внутрь команд – выходящих на задание двоек и троек, – и именно полевой агент во время задания мог подключиться в

одностороннем порядке и узнать, что сейчас делает страхующий. Психологи СБЦ привели исследования и заключили, что такая вещь существенно укрепляет веру действующего полевого агента в своих напарников и повышает вероятность успеха операции.

Очевидно, Аарон так спешил с докладом к руководству, что *забыл* заявить о завершении задания. Немыслимая оплошность для алеф-специалиста. И в нашей связке именно я была *ведушим* звеном.

– Невидимая односторонняя, – шёпотом отдала приказ роботу, не веря в свою удачу.

Миг – терминал моргнул зелёным светом, а на экран монитора вывелась картинка стандартного кабинета Бункера – серые стены, пол, укрытый стандартной офисной плиткой, обычная мебель. Лоуталье ходил вдоль комнаты туда-сюда, заложив руки за спину и хмурясь, а прямо перед ним зависла голограмма Оберана Мёрфи.

– Ты уверен, что она так и не сообщила ларкам, кем является? – переспросил начальник департамента, а у меня заскребли кошки на сердце.

– Да, уверен. Когда я её забирал, она всё ещё была с активированными нанопластинами. Я сам их отключил в истребителе. Да и Лейла бы сказала мне, я уверен... – ответил Аарон.

Я горько хмыкнула, услышав ответ Лоуталье. Он даже представить себе не мог, как много я ему не рассказала, но

да, секрет СБЦ я не выдала... а жаль.

– Выходит, о технологии ларки не в курсе, хайда на цветение ракхаша у них продолжается, всё замечательно! – Мёрфи громко хлопнул в ладоши. – Ко всему, пока тебя не было, я запросил последние результаты сыворотки, она замечательно сработала на тех трёх ларчанках, которых удалось осеменить на Тур-Рине.

Я напряглась, впервые услышав о какой-то сыворотке, но в этот момент Мёрфи перебил сам себя:

– Аарон, да хватит уже мельтешить перед глазами! Туда-сюда, туда-сюда, сколько можно?! Остановись!

И, к моему колоссальному удивлению, вместо того чтобы остановиться и культурно замереть на месте перед боссом, агент алеф-класса внезапно ударил наконечником шипа об пол и вспылал:

– Мне это всё не нравится, Оберан! Всё! Когда ты отправлял её на задание, ты обещал, что эти животные её и пальцем не тронут, а что теперь?! Она же грязная! У меня такая выгодная партия наклёвывалась!

Аарон и сам понял, что отреагировал слишком импульсивно, по тому, как изменилось выражение лица высокого начальства.

– Я... я прошу прощения... Оберан...

– Ты позволяешь себе слишком многое и забываешься, – процедил сквозь зубы Мёрфи таким тоном, что даже у меня по коже пробежали мурашки. – Если бы ты не был алеф-

агентом, я бы давно тебя уже отстранил. Ладно, сейчас подтвержу выполнение задания и выпишу тебе внеочередной отпуск. Видимо, Ларк на тебя повлиял сильнее, чем я рассчитывал. За действия Лейлы я отвечать не мог, увы, но ты и не обязан брать её в жёны, если не хочешь...

Громкий писк заглушил речь говорящего. Голограмма Оберана поморщилась и поднялась с кресла, в поле зрения остался виден один лишь мужской рукав.

– Что там такого срочного, что вы не можете подождать, пока у меня закончится совещание?! – рявкнул он недовольно.

– Простите... пришли первичные анализы агента таурель-класса госпожи Виланты.

– И что там?!

– Помимо того, что нам не сказали, что у агента была остановка сердца и стандартного осмотра явно недостаточно, госпожа Виланта беременна. Требуется полный скрининг организма, а также необходимо заполнить заявку на постановку на учёт в Планетарную Лабораторию, – зачастил невидимый собеседник.

В эту секунду мне показалось, что я оглохла. Сердце вдруг перестало биться, на уши навалилась вязкая тишина, голова резко закружилась. Уже ни скрежет шипа дока об пол, ни зуд – ничто не волновало. Несколько мгновений я пыталась переварить услышанное.

Как и большинство цваргов, я даже не думала о предо-

хранении, когда летела на Ларк. Многим парам везёт завести ребенка лишь через десять или двадцать лет совместной жизни. Для расы, которая стоит на грани вымирания, противозачаточные средства выписываются исключительно по рецепту доков и с согласия Планетарной Лаборатории. Родить хотя бы одного ребёнка – мечта каждой цваргини.

Я почувствовала себя крошечной песчинкой в астероидном поясе – меня хаотично шатало и болтало во все стороны, а я всё никак не могла осознать, где же центр притяжения. Каких-то два слова за одну секунду перекроили всю мою жизнь. С одной стороны, захотелось улыбнуться и искренне рассмеяться такой замечательной новости, а с другой, где-то глубоко в животе свернулась тугая пружина страха. Что же теперь будет?

С огромным трудом я заглушила собственное сердцебиение и сосредоточилась на диалоге мужчин, которые, оказывается, всю уже спорили.

– ...Женишься на ней! – приказом прозвучал голос Мёрфи.

– Чтобы стать посмешищем?! Ну уж нет!

– Аарон, ты совсем не понимаешь? Я уже второй раз за сегодня начинаю сомневаться в том, что ты тянешь на классификацию «алеф». Мало того что, оказывается, ты спровоцировал брадиаритмию подопечной, так ещё и отказываешься рассуждать логически! Согласно легенде, вы летали на два месяца в командировку на Танорг, об этом знают многие. Все

будут думать, что ты отец, а у нас есть сыворотка, до сих пор удачно подавляющая ларкские гены. Если выключить в ближайшее время Y-хромосому того, с кем она трахалась, то, скорее всего, родится девочка, что даст тебе дополнительные льготы на Цварге.

– В смысле, Оберан?! Так сыворотка действует лишь на ларчанок! Я не генетик, но даже мне очевидно, что пары ларчанка-цварг и цваргиня-ларк – принципиально разные вещи!

– Так вот и проверим, Аарон! Ты-то что теряешь? Тебе всего-навсего надо, чтобы Лейла подписала брачный договор, у тебя даже уже предварительное согласие её матери есть, а укол я уж как-нибудь организую...

– Оберан, мне это не нравится.

– Понравится, когда увидишь гонорар. Шварх, ты «алеф» или кто?

Ужас на мгновение парализовал, когда я наконец поняла, о чём разговаривали мужчины. Нестабильные туннели! Послать меня на Ларк и проверить действие нанопластин было лишь частью плана. Оказывается, СБЦ разработали сыворотку, обеспечивающую рождение чистокровных цваргов... Бескрайний космос... я думала, что хуже уже быть не может, но, как оказалось, может. Меня резко затошнило, в ушах звенело, а ноги, как назло, перестали слушаться, стоило услышать:

– Собственно, укол сделаем прямо сейчас. Я распоряжусь,

чтобы ей сообщили, что это витамины после длительного пребывания под звездой другой системы. Чем раньше будет введена сыворотка, тем больше шансов, что всё пройдёт успешно. Так, Аарон, а ты прямо сейчас направишься к ней и...

Дальше я не слушала. На подрагивающих ногах я встала с кресла и вышла из собственного кабинета. Я даже не позаботилась о том, чтобы выключить терминал. Счёт шёл на минуты. Надо было срочно что-то делать. Аарон и на Ларк-то не хотел меня отправлять, но Оберан его продавил. Очевидно – продавит и в этот раз, ведь Лоуталье уже неоднократно показывал, что работа для него важнее, чем потенциальная будущая жена. Агент быстро сообразит, что я всё подслушала, следовательно, заметать следы – пустая трата времени. Запирать кабинет – тоже лишнее. Каждая секунда стоит как чистый муассанит.

Дверь, коридор, ещё один коридор. Вызов лифта.

– Ой, Лейла, наконец-то ты вернулась! Теперь уже можно обсудить твоё задание? Гриф секретности снят?

Вежливая улыбка, рассеянный кивок, какой-то невнятный ответ коллеге.

Так, на конец разговора Аарона с Мёрфи уйдёт ещё минуты две, от силы три – они всё обсудили. Четыре минуты быстрым шагом до моего кабинета, ещё одна на то, чтобы он сообразил, что я вышла далеко не в туалет... Итого семь. Может, попытаться выиграть себе ещё парочку минут и за-

путать следы?

– Там сейчас Лоуталье подойдёт, ты не мог бы передать, что я спускаюсь на уровень медблока? Мне надо пройти МРТ.

– Ась?

Коллега напрягся, явно почувствовав подвох во фразе, да и бета-волны у меня наверняка сейчас не самые приятные.

«Вдох-выдох, Лейла, дыши, как тебя учили курсах подготовки. Тебе нужны эти минуты. Скажи частичную правду... Нет способа соврать лучше».

– Прошу прощения, я немного нервничаю. Это моё первое полевое задание, сейчас финал и подведение итогов. Я очень волнуюсь. Тут неожиданно док сказал, что хорошо бы полностью провериться.

Коллега, чьё имя я даже сходу не смогла вспомнить, улыбнулся, легонько кинул и отошёл.

Ну, давай же, лифт, приезжай!

Дышать давалось всё ещё с трудом, через раз, с громким противным присвистом. Один, два, три, спокойствие, Лейла, главное не привлекать лишнего внимания, не фонить колебаниями... Аарон сейчас уже, наверное, всё обсудил с Мёрфи и направился в мой кабинет. Четыре, пять, шесть... Сейчас он поворачивает в соседний коридор. Лифт, ну где же ты, когда так нужен?!

Створки соседней кабины наконец-то открылись, я на радостях влетела в него, вдавила самую верхнюю кнопку. В от-

личие от наземного этажа, парковка флаеров на крыше меньше по площади, но там часто останавливаются аэротакси. Я практически добежала до ближайшего флаера с характерной раскраской, рванула на себя ручку двери и села на заднее сиденье.

– Добрый день, взлетаем! Я очень спешу! – крикнула водителю.

– Да-да, конечно. – Цварг бросил на меня удивлённый взгляд через центральное зеркальце, но двигатель завёл.

– Куда летим?

Хороший вопрос. Очень хороший. Надо бы остановиться и подумать, но ощущение, что время ускользает сквозь пальцы как солнечный ветер, сдавливало горло. Я оглянулась на створки лифта и, повинувшись интуиции, ответила:

– Давайте вверх и в центр, а дальше я укажу маршрут.

Стоило флаеру подняться на какой-то метр или два над землёй, как на крышу вышел Аарон. Он никуда не спешил, но, увидев взлетающее такси, проводил меня настолько взбешённым взглядом, что я поняла: чудо, что вообще удалось выбраться из Бункера. Лоуталье уже твёрдо решил модифицировать гены ребёнка экспериментальным препаратом.

Как назло, именно в этот момент позвонила мама. Я сбросила звонок, но с всё возрастающим ужасом осознавала, что зашла в тупик. Что делать? Коммуникатор отслеживается, СБЦ – серьёзная организация, Мёрфи – не менее серьёзный противник, покинуть Цварг мне никто не даст... Как

быть?! Вот прямо сейчас? Домой – нельзя, там будут искать в первую очередь. У родителей – во вторую. В гостиницу? СБЦ менее чем за сутки разошлёт мои данные и найдёт меня. Даже если каким-то чудом мне удастся скрываться по низкоквёздочным отелям сутки или несколько, моё фото и ориентировку выдадут сотрудникам Планетарной Полиции. Это всё – лишь временные решения, которые не приведут ни к чему хорошему.

Одна мысль о том, что кто-то хочет вытравить из меня кусочек Арх-хана, причиняла практически ощутимую боль. Я ещё не знала, кто это будет, девочка или мальчик, понятия не имела, какой срок у ребёнка, но уже безотчётно любила этого малыша, потому что его отцом был восхитительный зеленоглазый мужчина. И неважно, что мы не смогли найти с ним общий язык и договориться... неважно, что он не испытывает ко мне и доли тех чувств, в которых безвозвратно потонула я сама. Это наш ребёнок, и я просто обязана его защитить.

Отчаяние медленно, но верно закипало в крови, глаза нестерпимо жгло от невыплаканных слёз. Я кусала губы, а водитель, так и не получив ответа, куда лететь, вёз меня по кольцевой. Безвыходность ситуации была налицо. И именно в тот момент, когда водитель уже недовольно обернулся ко мне, посчитав, что ему попала совсем уж ненормальная клиентка, которая очень спешит, но не знает куда, безумная по степени дерзости идея пришла в голову.

– Госпожа, мне долго ещё круги наворачивать? Вообще-то флаер заправить надо. Вы всё-таки определились, куда опаздываете?

– Да, в Серебряный Дом! – крикнула я и, судорожно схватив коммуникатор, нашла в адресной книге номер цварга, который когда-то давно бескорыстно предложил свою помощь.

– Фабрис, здравствуй! Ты где?

– Лейла, это ты?

Чтобы связь установилась быстрее, даже голоканал включать не стала. Аудио – и всё.

– Да, я. Фабрис, умоляю, скажи, что ты в Серебряном Доме, а не где-нибудь за пределами Цварга!

– Да, я здесь. Второй этаж, зал восемнадцать. Только я немного занят...

– Я буду через десять минут! – выкрикнула и положила трубку, чувствуя, как горят щёки.

Я понятия не имела, какие отношения у Робера с Мёрфи, насколько эмиссар высшей категории может не послушать начальника департамента теневого и полевого агентов, но мысленно молилась, чтобы Фабрис мне помог. Или хотя бы захотел помочь.

– Госпожа, – проворчал с переднего сиденья недовольный мужчина. – Вы же понимаете, что у меня нет пропуска на парковку у Серебряного Дома? Как я вас высаживать-то буду? За квартал? Там знаете какое оцепление?

Несмотря на то, что я являлась цваргиней, водитель явно составил обо мне не лучшее мнение: взволнованная, вспотевшая, бледная, со всклокоченными волосами, следами усталости на лице и в непонятном полётном комбинезоне вместо делового платья или хотя бы мало-мальски приличного костюма.

Я прикрыла глаза и выдохнула:

– Я быстро выскочу, и ждать меня не надо. Но если даже на посадку диспетчер запросит пропуск, скажите, что везёте госпожу Виланту к господину Мёрфи. Пропуск вам дадут.

Мужчина с сомнением покосился на меня, но возражать не стал.

Глава 27. Игры в политику

Лейла Виланта. Цварг. Серебряный Дом

Я буквально летела над мраморным полом Серебряного Дома, рассматривая таблички на дверях. Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

Крупный цварг в деловом костюме показался из-за поворота и заставил меня вздрогнуть всем телом. Оберан? Слава космосу, нет, не он...

Аарон связывался с начальником департамента по голоканалу, и было логично предположить, что последний сейчас тоже находится где-то в Серебряном Доме. Именно поэтому я сказала водителю, чтобы пропуск выписали как гостье Оберана Мёрфи. Счёт снова шёл на минуты. Вряд ли такой прожжённый манипулятор поверит, что я действительно приехала в Серебряный Дом ради того, чтобы добровольно сдать в его руки. Если Аарон уже разобрался, что я их подслушивала, – а я в этом уверена, – то он также и сообщил о своих наблюдениях начальнику. Обмануть последнего же будет сложно...

Восемнадцать!

Дверь с нужной табличкой показалась в нескольких метрах, и одновременно с тем, как я её увидела, в конце коридора появилась ещё одна компания цваргов в деловых костюмах. Не теряя ни секунды, я рванула ручку двери.

Фабриса Робера я увидела сразу.

Как и полсотни репортёров.

Вспышки голокамер и обычных камер, жужжание переносного оборудования, гвалт толпы, множество цваргов, одетых в самые разные одежды, от простой футболки и джинсов до пёстрых нарядов – всё это обрушилось на меня как потоп. На секунду я опешила от собрания, так как думала, что помещение будет таким же пустым и просторным кабинетом, как у Оберана Мёрфи... Признаться, когда Фабрис начал говорить «только я немного занят...», я почему-то подумала, что у него спортивный час на беговой дорожке в кабинете или вот прямо сейчас красавица-секретарша на столешнице с раздвинутыми ножками – после известия о ночных бабочках Тур-Рина и не так фантазия разыгралась. Я была готова практически ко всему, кроме огромной толпы репортёров.

– Почему строительство аэротрассы длится так долго?

– Это правда, что предыдущая тюрьма на астероиде была плохо укреплена и из неё похитили наших граждан?

– Что собирается сделать Служба Безопасности Цварга в связи с пропажей граждан на рейсе КР-328?

– Какова политика Аппарата Управления в отношении императора Кейтера?

«Вот это у него работа... филиал ада в чистом виде», – мысленно присвистнула я, сопоставив со своими спокойными и однообразными буднями в Бункере. Но, так как Мёрфи мог в любой момент заявиться, я начала медленно про-

бираться к Фабрису. Мелькали назойливые вспышки, в помещении стояла жара и духота.

– А как вы прокомментируете...

– А почему...

Я слышала, что Робер что-то спокойно отвечает корреспондентам, и прямо-таки всей кожей ощущала, как его пытаются продавить, найти тонкие места, вытрясти сенсацию... Да за те несколько минут, что я пробиралась в первые ряды и пыталась попасться на глаза мужчине, меня несколько раз толкнули и отпихнули не глядя с такой силой, что я сама возненавидела журналистов как класс.

– Эй, куда прёте, дамочка?

– Сейчас наш голоканал интервью брать будет, подождите снаружи.

– Поздно, наша очередь!

– Фабрис! – мой выкрик наложился на последнее возмущение репортёра, одетого в штаны, которые ему были велики на три размера, и растянутую футболку. Он, хоть и прекрасно понимал, что я женщина, всячески старался меня не пустить в первый ряд, считая конкуренткой.

Фабрис Робер повернул голову, и на миг наши взгляды встретились. На его лице не промелькнуло ни тени эмоции, ни улыбки от радости встречи, ни удивления, ни огорчения... Ничего. Стерильно чистые эмоции. Он ждал моей реакции, чтобы правильно подстроиться. Всё-таки Аарон набрехал с три короба, рассказывая, какой Фабрис неудачник,

потому что вот так может вести себя только высокоуровневый профессионал. Если Фабрис ушёл из агентурной сети, то это было его собственным решением. Все эти мысли промелькнули одна за другой, собственно, как и то, что, кажется, я нащупала единственную ниточку к спасению. Я набрала в лёгкие побольше воздуха и рискнула всем:

– Милый, я так соскучилась! Я наконец-то вернулась из этой ужасно скучной командировки.

«Прости меня, умоляю, прости-и-и-и...» – подумала я, каким-то седьмым чувством ощущая, что Оберан Мёрфи в эту самую секунду зашёл в зал. Понятия не имею, как он так быстро меня нашёл... видимо, просчитал знакомство. А может, тут скрытые камеры в коридорах? Впрочем, какая разница?

Фабрис Робер. Серебряный Дом

Пресс-конференция, которая рано или поздно всё-таки должна была состояться, хотя лучше бы позднее, чем раньше, – состоялась. Я терпеть не мог всех этих журналистов, которые ждали любого мало-мальски удобного момента, чтобы выудить информацию и переиначить слова ради громкого заголовка, но профессия эмиссара высшего звена обязывала. Когда-то, когда я работал на агентуру, я мог позволить себе не общаться с публикой и репортёрами, но то была прошлая жизнь, от которой я отказался.

Разумеется, я хорошо помнил Лейлу Виланту. Да и как не запомнить такую энергичную брюнетку из аналитического отдела, которая была помешана на работе так же, как и я. Пожалуй, именно эта черта её характера – дотошность и профессионализм – заставили меня обратить на неё внимание ещё задолго до того, как столкнулся с ней в коридоре Серебряного Дома и увидел выпавшую анкету с результатами теста на совместимость. Меня настолько поразило, что цваргиня носила анкету при себе, что я предложил обращаться за помощью. Сиюминутный глупый порыв, случайно брошенная фраза – скорее дань вежливости, ведь очевидно, что я её не заинтересовал нисколько.

По Лейле сразу было видно, что такие, как она, помощи никогда не просят, потому что сами привыкли решать все возникающие проблемы. Да и какие проблемы могут быть у молодой, красивой, образованной и яркой цваргини? Разве что агентурный департамент Службы Безопасности Цварга – не самая лучшая стезя для девушки, но ведь она в таурель-отделе, так что внутренние подковёрные игры и змеиный клубок не должны её касаться.

Неожиданный звонок спустя два месяца после той короткой встречи удивил, но она сама оборвала связь, и я не исключил того, что Лейла, как и все женщины, могла передумать в процессе разговора. Как показывал жизненный опыт, женщины вообще весьма непостоянные и взбалмошные существа, а уж если говорить о чистокровных цваргинях, то

надо в любую секунду быть готовым к тому, что она «передумала», «расхотела», «ей внезапно надоело»... Понятия не имею, как сородичи решаются на женитьбу, но я искренне сочувствовал двоюродному брату, который сообщил, что какая-то цваргиня, с которой ему пришлось встретиться по настоянию Планетарной Лаборатории, с непонятного перепугу выбрала его в мужа и теперь спускает все доходы от бизнеса на тряпки и туфли.

В тот момент, когда я увидел Лейлу в зале для пресс-конференций, я ожидал от неё всего, чего угодно. Ну... практически всего.

Лейла Виланта. Серебряный Дом

Я постаралась запрятать страх так глубоко, как только могла, сосредоточилась на радостных эмоциях – а я нашла среди этого хаоса Фабриса, и это определённо достижение! – и постаралась их распространить, чтобы цварги почувствовали мою искренность.

– Фабрис, я так рада! – язык продолжал нести полную чушь, и поскольку все разом обернулись на меня, только я заметила, как резко сузились, а затем расширились зрачки господина Робера. На меня обрушился водопад ослепительных вспышек фото- и голокамер.

Робер же принял эстафету, как говорят в наших кругах, «бесшовно» – ни вопросом, ни жестом, ни мимикой не по-

казав замешательства. Одна фраза «милый, я так соскучилась!» – это признание на весь мир, что у нас серьёзные отношения. Да ни одна цваргиня в жизни не скажет такого, если не будет рассматривать мужчину как кандидата в супруги.

– Уважаемые господа, время пресс-конференции вышло, прошу всех покинуть зал, – произнёс эмиссар таким тоном, будто я сейчас на весь зал не его девушкой представилась, а курьером с пиццей.

– Господин Робер, а кто ваша леди?

– Господин Робер, можно узнать, как давно вы состоите в отношениях?

– Всё потом, господа, спасибо за уделённое время, – произнёс он холодным тоном, давая понять, что больше не намерен общаться с прессой ни единой лишней секунды.

Я, чувствуя облегчение, шагнула к Фабрису, понимая, что надо объяснить, но в этот момент меня достаточно жёстко поймали за плечо.

– Какой сюрприз, Лейла! А я почему-то был уверен, что вы решили посетить Серебряный Дом ради того, чтобы лично рассказать о результатах командировки.

– Я... нет...

Я на секунду растерялась, увидев не только начальника департамента, но и маячивших за его спиной охранников. Он определённо вознамерился ввести мне сыворотку если не хитростью, то силой. Вокруг сновали репортёры, у кого-то упала камера, кто-то слишком шумно сложил штатив... На-

катило ощущение, что я тону и мне никто не поможет.

– Хотите прежде пройти в медпункт? Давайте я вас проведу, – произнёс Мёрфи, дёргая меня в сторону двери, но спасение всё же пришло.

Фабрис пробился через толпу назойливых журналистов.

– Оберан, какой сюрприз, а я думал, что ты из своего кабинета не вылезашь. Отпусти, пожалуйста, мою... девушку. Я что-то не слышал, чтобы ты спросил разрешения взять её за руку.

– Девушку?

Мёрфи ничего не оставалось, как демонстративно отпустить меня. Однако он сузил глаза и продолжил испепелять меня взглядом. Я тут же отпрыгнула в сторону Фабриса и спиной впечаталась в его грудь. Не самое приличное прикосновение на публике Цварга, но сейчас мне было вообще плевать, как это смотрится.

– Да, разумеется, девушку.

Фабрис не стал меня обнимать, однако я чувствовала спиной, как он напрягся.

– И позвольте узнать, как давно вы встречаетесь? – произнёс Оберан настолько слащавым тоном, что даже у меня зубы свело. – Неужели ты между посещением очередной помоечной планеты и тюремного астероида нашёл время очаровать моего сотрудника?

Репортёры оглядывались на нас, но охрана Серебряного Дома, явившаяся вместе с Мёрфи, неожиданно вспомнила о

своих обязанностях и стала стремительно подгонять гостей на выход.

– Не позволю, – легко отозвался Фабрис. – Я больше не работаю в твоём департаменте, а следовательно, не обязан перед тобой отчитываться.

– Зато она, – кивок в мою сторону, – работает. И я бы хотел получить полный отчёт о *командировке на Танорг*.

Я стояла и слушала этих двух типов, понимая, что ниче-гошеньки не понимаю. Определённо Робер имел какие-то рабочие отношения с Мёрфи, и совершенно точно они не закончились ничем хорошим. Сам Оберан продолжал назы-вать мою поездку «командировкой», но при этом не скрывал, что я работаю на него, хотя в помещении ещё оставались ре-портёры, развесившие уши... Голова буквально взрывалась, я не успевала обработать информацию, а потому просто мол-чала, предоставляя право Роберу меня защищать. Внутри зрела уверенность, что он сможет.

– Да, отчёт будет непременно, но рабочий день уже закон-чился. – Фабрис подчёркнуто манерно встряхнул правой ру-кой и посмотрел на коммуникатор, который, к слову, выгля-дел настолько странно, что я даже не сразу поняла, что это такое. – Двадцать три минуты назад. Ты не имеешь права удерживать сотрудника после окончания рабочего дня без его согласия. А теперь прошу дать нам выйти.

Начальник департамента полевых и теневых агентов скрипнул зубами, но всё-таки шагнул в сторону.

– Разумеется, проходите.

Робер, не дожидаясь больше ни слова, подтолкнул меня в спину.

– Идём, пока здесь свидетели, он не сможет тебя насильно удерживать, – шепнул Фабрис на ухо и нарочито вежливо уточнил: – Дорогая, я могу тебя взять за руку?

В полном ошеломлении, что, кажется, у Робера получилось выцарапать моё тело из сетей руководителя агентурной сети, я протянула ладонь Фабрису. Он скрестил наши пальцы, как если бы мы действительно состояли в отношениях, и молча повёл к выходу. Уже когда замаячила дверь, в спину нам донеслось злое:

– Госпожа Виланта, я жду вас завтра в офисе с докладом. Не опаздывайте, пожалуйста.

Я вздрогнула, поняв, что экзекуция не отменена, а лишь отложена, но Фабрис неуловимо крепче сжал мою ладонь и ответил за меня:

– Да-да, разумеется, моя девушка придёт на работу вовремя.

Я плохо ориентировалась в лабиринтах Серебряного Дома и все силы прикладывала к тому, чтобы сосредоточиться на эмоциях и не выдать, как сильно напугана. Робер же уверенно вёл нас на выход. Кажется, кто-то удивлённо его окрикнул по пути, кажется, кто-то неприлично громко присвистнул справа и протянул «быть такого не может», но всё это пролетело лишь фоном. Пульс так часто и громко стучал

в ушах, что я старалась просто идти за Фабрисом и ни на что не обращать внимания.

Мы вышли на парковку, в нескольких метрах от нас приветливо моргнул невероятно быстрый флаер тёмно-серого цвета, и я машинально села внутрь, не дожидаясь, пока передо мной откроют дверцу. Просто дёрнула её на себя и села. Неприлично, невоспитанно, но желание свалить отсюда как можно скорее и как можно дальше накрывало почти ощутимым удушливым покрывалом. Фабрис никак не прокомментировал моё поведение, просто обошёл флаер и сел на водительское сиденье. Прежде чем завести мотор, он неожиданно мягко сказал:

– Лейла, дай, пожалуйста, руку. Позволь мне на тебя слегка воздействовать на уровне бета-колебаний, чтобы успокоить.

– От меня так сильно фонит? – разочарованно протянула, уже вкладывая ладонь в мужскую руку. – А я-то думала, что у меня получается держать себя в руках...

– Получается, – Фабрис серьёзно кивнул, – очень хорошо получается. Я чувствую твоё волнение только при физическом контакте, хотя у меня развитые резонаторы. Просто мне кажется, что ты на самом деле нервничаешь куда сильнее и прикладываешь все силы, чтобы эмоции не просочились вовне. Так я могу слегка на тебя воздействовать? Это будет как медицинское вмешательство. Обычно это не больно, и я до сих пор думал, что цваргини его не ощущают, но на

практике столкнулся со случаем, когда одна женщина ощущала даже малейшие колебания в свой адрес крайне остро¹².

При слове «медицинское» я вздрогнула, но всё же неохотно кивнула. Спокойствие мне сейчас не повредит. Совсем не повредит. Стоило согласиться, как мягкая тёплая волна коснулась сознания. Собственный пульс перестал так бить по барабанным перепонкам, да и железные тиски, сковывающие всё это время грудную клетку, как будто бы ослабли. Я глубоко вздохнула и откинулась на сиденье. Ещё какое-то время Фабрис держал меня за руку с выражением сосредоточенности, а затем отпустил, щёлкнул тумблерами зажигания и поднял флаер в воздух.

Я набрала полные лёгкие воздуха, чтобы наконец начать объясняться, но Фабрис будто прочитал моим мысли и жестом остановил:

– Не здесь.

«Почему? Это же его машина. Неужели он подозревает здесь наличие жучков?» – удивилась я мысленно, а затем вспомнила, как подслушала разговор Лоуталье и Мёрфи. А ведь Аарон тоже находился в своём личном кабинете и был уверен, что связывается по защищённому каналу с начальником... Я вновь посмотрела на профиль мужчины за рулём, но уже с глубоким уважением. «А вот его прослушать по невидимому каналу точно не получилось бы, Фабрис преду-

¹² Отсылка к событиям в «Муассанитовой вдове». Главная героиня Селеста Гю-Эль не переносила даже минимальные воздействия.

смотрел бы и это», – подумала невольно.

Всю дорогу в итоге я провела с закрытыми глазами, пытаюсь продлить чувство умиротворения, которым со мной щедро поделился цварг, а распахнула ресницы лишь тогда, когда флаер начал снижаться на крышу самого обыкновенного, ничем не примечательного здания в спальном районе Цварга. Обычная парковка, обычный лифт. Какая-то часть меня ожидала, что Фабрис будет жить в роскошной стеклянной высотке бизнес-класса, но нет. Пожалуй, единственное, что было необычным – это кодовый замок на двери квартиры. Цварг вначале приложил ладонь к биосканеру, потом наклонился и дал лучу считать сетчатку глаза, а после ещё и ввёл буквенно-цифровой код. Я нервно дёрнула плечом, глядя на эту трёхфакторную аутентификацию личности.

– Ты точно квартиру открываешь, а не сейф с муассанитами? – пошутила неловко, когда замок на входной двери всё же щёлкнул.

– Я люблю безопасность. – Мужчина пожал плечами и жестом предложил войти первой. – Не вижу в этом ничего плохого.

Я смущённо кивнула и прошла. Не знаю, что подсознательно ожидала увидеть, но совершенно точно не крошечную холостяцкую берлогу без единого намёка на то, что её хозяин баснословно богат.

«Может, это запасная квартира для каких-нибудь временных любовниц с Тур-Рина? У него же даже флаер дороже,

чем эта жилплощадь», – подумала я, оглядывая небольшую гостиную и единственную дверь из неё – надо полагать, в спальню. Я совершенно точно помнила про домик на экваторе и оценку финансового состояния Планетарной Лабораторией моего знакомого. Да апартаменты Арх-хана по сравнению с этой квартирой – просто дворец! Но Фабрис меня и тут огорошил:

– Добро пожаловать, Лейла, в мой дом. Я здесь живу. Прости, здесь немного тесновато, но я обычно не вожу сюда гостей. И... дворцового или личного уборщика у меня тоже нет.

Теперь уже я под внимательным тёмным взглядом пожала плечами. Ну нет и нет. В конце концов, каждый сам решает, как ему жить и на что тратить деньги. У меня проблемы куда как серьёзнее.

– Не волнуйся, всё отлично. Я пару недель спала в спальнике на жёсткой земле, а ела из котелка, так что меня мало чем можно удивить. – И на изумлённо взметнувшиеся на лоб брови мужчины добавила: – Где у тебя руки помыть можно?

– Там, дверь слева. Проходи, а я чайник пока поставлю и что-нибудь соображу покушать. Ты же голодная, да? Заодно, пока будешь есть, всё мне и расскажешь.

Глава 28. Фабрис Робер

Я закончила свой рассказ, который, к слову, оказался длиннее, чем я предполагала, и уставилась на кусок заветренного сыра поверх одинокой печеньки. Не то чтобы я рассчитывала на плотный и вкусный ужин, но отсутствие еды в квартире Робера слегка удивило. Впрочем, это было несущественно. У меня остались считанные часы, чтобы определиться, что же делать дальше.

Цварг молча сидел и смотрел в окно, помешивая длинными, тонкими, как у пианиста, пальцами ложкой чай.

– Фабрис, – позвала я мужчину, немного опасаясь реакции, и попыталась разрядить атмосферу: – Ты даже сахар не клал, зачем тебе ложка?

– А? – Он перевёл рассеянный взгляд на руки. – На самом деле я даже чай не люблю, это просто привычка размешивать сахар, когда думаю. Итого, резюмируя историю: ты беременна от ларка, об этом знает начальник департамента теневой и полевой агентурной сети, и он хочет сделать тебе экспериментальный укол, меняющий гены ребёнка. Спрятаться на планете от Оберана Мёрфи практически нереально.

Я кивнула, испытывая лёгкое замешательство. Фабрис чётко обрисовал ситуацию, но в его устах она не выглядела той катастрофой, которой представлялась мне...

– Я люблю отца ребёнка и не хочу что-либо менять в прин-

ципе. Ко всему, это же какие-то нелегальные эксперименты...

Сама не знаю, как уловила тень на лице Фабриса при слове «нелегальные», и вдруг с пугающей ясностью осознала, что Робер не выглядит потрясённым. У него в принципе мимика небогатая, но если бы эта информация была для него хоть сколько-то в новинку, то наверняка последовали бы уточняющие вопросы... Неужели он тоже имеет отношение к опытам? Неужели я попала из одной ловушки в другую?

– погоди, а ты знал про сыворотку, подавляющую гены другой расы? Про ларчанок?! Фабрис, почему ты так легко воспринял всё это?!

Мужчина едва заметно поморщился, прикрыл глаза, а затем чётко посмотрел на меня блестящими тёмными глазами.

– Да, я знал. Не обо всём, о чём ты рассказала, но о многом. Собственно, все грязные дела департамента и стали причиной, по которой я уволился с должности агента алеф-класса. Мёрфи извалял моё резюме в сточных канавах как мог, когда я заявил, что ухожу, но нарисовать ничего хуже, чем раскрытие личности, он не смог.

– Так ты обо всём... знал? – повторила я напряжённо.

В Серебряном Доме мне казалось, что если я найду честного цварга и всё расскажу как есть, то он обязательно мне поможет в силу своих возможностей. Хотя бы просто потому, что такие эксперименты с насильственным изменением генов – это негуманно! В случае с эксплуатацией религии

ларков это вообще выливается в масштабное паразитирование на расе! Но если Фабрис и раньше обо всём знал...

Мужчина отложил чайную ложку и потёр ладонями лицо.

– Лейла, повторяю, я знал лишь о частичных экспериментах с этой сывороткой... ну и догадывался, что они не закончились, так как периодически СБЦ требует сделать документы на новорождённых чистокровных цваргов. Понятное дело, что кто-то же их рождает. Тур-Рин – планета со смешанными расами, у них свои законы, и, если женщины соглашаются вынашивать детей от наших мужчин за деньги – меня это не касается. Какое-то время я даже был уверен, что в качестве суррогатных матерей находят захухрей или таноржек, потому что человеческий геном почти всегда автоматически подавляется цваргским естественным путём. Но когда узнал о ночных бабочках и исследованиях сыворотки... ушёл из департамента. О ситуации с хайдой слышу впервые, но если те тесты прошли успешно, то оно и логично. Лейла, пойми, на Цварге всё очень плохо с рождаемостью. Ты даже представить себе не можешь, до какой степени. – Он посмотрел на меня с лёгким укором. – Ты, между прочим, аналитик, а многие числа лежат в инфосети в открытом доступе, могла бы и свести кое-какие вещи. Раса действительно на грани вымирания.

– И что? – Я резко напряглась, не ожидая таких слов от Фабриса. – Ты хочешь сказать, что если уж те женщины подписали договор, что отдадут ребёнка, и готовы были обко-

лоть себя какой-то дрянью, то и я должна? Ради сохранения расы?!

– Нет, Лейла, ты снова меня неправильно поняла, – мягко возразил он и, видимо, интуитивно потянулся к моей ладони, чтобы успокоить.

Я моментально убрала руки под стол. Мужчина замер, осознав, что на этот раз я не хочу воздействий, сжал губы и осуждающе покачал головой.

– Тебе вредно сейчас волноваться, а я чувствую твой эмоциональный фон. Выпей хотя бы чай, он на травах. Я уже дал тебе слово, что помогу.

Я нервно отпила не самый вкусный чай, поставила кружку на стол и вопросительно посмотрела на мужчину. Фабрис сдался:

– Я лишь пытаюсь донести до тебя, что беременная чистокровная цваргиня от ларка – это беспрецедентный случай, Лейла. Аппарат Управления Планетой знал про сыворотку, но делал вид, что это их не касается. Формально всё это происходит даже не на Цварге, а на Тур-Рине, то есть эта ситуация полностью в ведомстве СБЦ. Если вдруг поступит какая-то жалоба или Тур-Рин поднимет шумиху, то члены правления АУЦ сделают круглые глаза и скажут, что ни о чём не знали. Опять же, помножить ситуацию на секретность всего предприятия, и я допускаю, что большинство сенаторов действительно не в курсе экспериментов Мёрфи. Но ты, Лейла, станешь вызовом, когда родишь полукровку, это

раз. Два – ты чистокровная цваргиня, и если сыворотка сейчас пройдёт официальную регистрацию, то тебя могут принудить сделать укол, так как ты гражданка Цварга. А ещё, пока у тебя крошечный срок и пол плода окончательно не сформировался, сыворотка многократно повышает вероятность рождения девочки. Понимаешь?

Я понимала, что у меня голова лопается от обрушившихся проблем. И то, что я ни при каких условиях не разрешу ставить геномодифицирующие эксперименты на собственном сыне или дочери.

– Препарат разрабатывался не для цваргинь, а для ларчанок, – проговорила я медленно. – Что будет, если он подействует неправильно?

Фабрис Робер промолчал, но молчание это было красноречивее любых слов.

«Всё что угодно, вплоть до летального исхода, но в последнем случае СБЦ точно ещё всё и обставит так, что ты сама, Лейла, виновата во всём... не сознаваться же им в своём преступлении».

– Бескрайний космос... что же делать... – пробормотала я в сотый раз за день, в отчаянии прикусив нижнюю губу. – А как же то, что цваргини – высшая ценность расы? Что ничего и никогда не сделают против воли женщины на Цварге? Как же все эти правила и законы, где в первую очередь всё решает цваргиня?!

Последний вопрос у меня получилось выкрикнуть почти

истерично, на что Фабрис всё-таки накрыл мою ладонь своей и успокаивающе погладил пальцы.

– Я не отказываюсь тебе помочь, Лейла, и не забираю свои слова обратно. Обещаю, мы всё решим. Касательно высшей ценности, ты и сама должна понимать... потенциальная выгода перевешивает риск. Если выяснится, что сыворотка идеально тебе подойдёт, то Цварг вообще может начать выпускать женщин на другие планеты просто под роспись о том, что они сделают этот укол в случае беременности. А если медицина шагнёт ещё дальше, то уколы будут ставить до возможного зачатия. С точки зрения Цварга, это колоссальные возможности пополнения населения.

– Цель оправдывает средства, – пробормотала я машинально и обхватила себя за плечи. – Но я не хочу становиться подопытным кроликом.

В душе взметнулась волна протеста, стоило даже подумать о том, что хотят со мной сделать. Становилось мерзко от одной только мысли, что Оберан Мёрфи пытался вновь меня использовать. Но если первый раз я полетела на Ларк сама, наивно веря, что он ценит мои способности аналитика, то сейчас не собиралась сдаваться без боя.

– Не хочешь – не станешь, – вздохнул Фабрис.

Он поднялся со стула, сходил куда-то за электронной бумагой и пером и сунул их мне под нос.

– Пиши.

– Что писать? – не сразу сообразила я.

– Отчёт о поездке на Ларк, всё, что считаешь нужным, на одном листе и заявление на увольнение на втором. Я передам это завтра Оберану лично в руки со словами, что ты заболела. Болеть ты будешь аккурат три недели. У него не должно быть ни повода, ни возможности вызвать тебя в офис.

– Поняла... – пробормотала я немного шокированно.

Не то чтобы после всего случившегося я мечтала остаться на службе в таурель-отделе, просто удивилась самой себе. Я думала, что буду отвоёвывать право работать на государственную организацию у будущего супруга, а в итоге сейчас сама готова подписать любое заявление, лишь бы только не трогали меня и моего ребёнка. Как же быстро меняются приоритеты и желания...

– Твои вещи в офисе остались?

– Да, там рюкзак, но это не обязательно...

– Принесу. Ещё что-то?

– Нет. – Я отрицательно покачала головой и неожиданно спохватилась: – Погоди, а если Мёрфи разозлится, что я не пришла на работу лично, и вызовет кого-то, чтобы меня отсюда забрали силой?

Впервые за всё время я увидела промелькнувшую улыбку на лице эмиссара.

– Ну пускай попробует, даже интересно, как это будет выглядеть. Начиная с того, что никто не знает, где я живу, и заканчивая тем, что взломать эту квартиру очень сложно.

Дверь и окна сделаны из ударопрочного материала. Стрелять надо минимум из лазерной пушки.

– Перемолотая чешуя хтэрров, что ли? – Улыбнулась в ответ, вспомнив Сухие Пески.

Фабрис покачал головой.

– Нет, с этим зверьём не встречался и твоему вождю, конечно, не завидую.

А я загрустила. Из уст Робера «твоему вождю» прозвучало так естественно, как будто бы он был действительно моим. Из-за чего именно мы поссорились с Арх-ханом, я не стала вдаваться в подробности, чтобы подсократить рассказ. Упомянула, что не сошлись взглядами, и на этом всё. Удивительное дело, но Фабрис не стал ни ехидничать, ни язвить на тему дикарей, лишь сухо кивнул, принимая такое объяснение.

– Также мне придётся всем сообщить, что ты моя невеста, Лейла. Я надеюсь, ты понимаешь, что всё серьёзно и в ином случае Оберан надавит на Аарона, чтобы тот распустил слухи, что на Танорге вы познакомились ближе, чем следует, а ребёнок его?

Я махнула рукой. Удивительно, каких-то два месяца назад меня волновало столько вещей, а сейчас было откровенно плевать даже на собственную репутацию. Ну переспала с мужчиной, который даже считался не женихом до свадьбы, и что с того? Кому какая разница до моей личной жизни? Почему все должны это обсуждать?

– Думаешь, Аарон не станет настаивать на тесте на отцовство? – уточнила на всякий случай.

Фабрис усмехнулся и подхватил свою чашку. Так и не отпив из неё чай, он вылил коричневую жидкость в раковину и принялся собственноручно мыть посуду.

– Насколько я знаю Оберана, тот ему не даст. Мёрфи привык плести интриги, но в этот раз заигрался в высшие силы и считает, что у него всё получится, а честный тест на отцовство лишь пошатнёт выдуманную небылицу. Оберан не захочет до последнего открывать информацию, что твой ребёнок полуларк, ведь он уверен, что в ближайшее время даст геномодифицирующую сыворотку, а в случае успеха – и только в этом случае – всё можно будет рассказать Аппарату Управления. Твоя задача – пересидеть в этой квартире до тех пор, пока Мёрфи не откажется от введения подавителя генов по медицинским показаниям. Насколько я себе представляю, ещё две-три недели, и препарат уже колоть опасно для жизни плода. Им придётся отказаться от этой затеи.

Я кивнула с тяжёлым вздохом и посмотрела на коммуникатор. Если уж мне здесь предстоит жить какое-то время, то как минимум надо заказать еды. Не представляю, как выживает Фабрис здесь в одиночку, но одной печенькой я точно не наемся... На свежую и натуральную еду, как на Ларке, не претендую, но хоть что-то питательное хотелось бы съесть, тем более мне теперь надо заботиться не только о себе... Я ткнула несколько кнопок и почти сразу же обнаружила, что

браслет не работает.

– Фабрис, а как мне выйти в инфосеть? Что-то с моим коммуникатором... тут связь не ловит.

– Здесь подавитель сигнала, чтобы нельзя было отследить переносные электронные устройства, если на них жучки. В прихожей стоит роутер на выделенной зашифрованной линии. Выйти в инфосеть можно только через него. А тебе зачем?

– Так еду хотела заказать... пиццу или бургеры.

– Никаких доставок еды на дом! – Цварг гаркнул так, что я невольно вытянулась по струнке, а затем понял, что переборщил, и смягчил тон. – Я закуплю всё что надо, напиши список, но адрес сообщать в рестораны и заведения общепита не разрешаю. Оплату чипом можно отследить через банковскую систему, а базу данных таких заведений – взломать. Если сделать всё в течение суток, то адрес для курьера сохранится у последних – и вуаля, спецслужбы уже знают, где ты живёшь и чем ужинала.

Я несколько секунд хлопала ресницами, прежде чем сообразила, о чём говорит эмиссар.

– Фабрис, тебе не говорили, что ты немного...

Я даже растерялась, не зная, как охарактеризовать его отношение к безопасности, но он опередил меня сам:

– Параноик. Да, говорили. Но я считаю, что лучше перебдеть, чем недобдеть. Давай пиши список, что купить, отчёт и заявление на увольнение.

Лейла Виланта. Цварг

Фабрис Робер старался вести себя так деликатно, как только мог любой воспитанный цварг. Он предложил занять спальню, в то время как сам устроился на диване в гостиной, и в тот же вечер привёз глухую женскую пижаму и, что меня поразило, весьма дорогостоящее обручальное платиновое кольцо с россыпью муассанитов, идеально угадав размер моего пальца.

– Я забронировал место в клинике, чтобы тебя осмотрели и убедились, что с ребёнком всё в порядке. Кольцо нужно, чтобы у окружающих не возникло вопросов. Скорее всего, док из СБЦ уже отправил в Планетарную Лабораторию оповещение, что ты беременна, да и журналисты выпустили первые новости после того, как ты назвала меня «милый» в Серебряном Доме...

Последнее предложение мужчина произнёс с какой-то странной интонацией, и я так и не поняла, злится, что я прилюдно обратилась к нему как девушка, или нет. Он склонил голову набок, совсем как это делали ларки, и внимательно рассматривал меня. Вроде бы и раньше смотрел, но под конкретно этим взглядом я почувствовала себя неудобно.

– Фабрис, я прошу прощения, что вот так ворвалась в твою жизнь, – пробормотала, рассматривая кольцо. – Я даже не представляю, сколько проблем обрушила на тебя, но мне совершенно точно не надо покупать таких подарков. Уверю,

это лишнее.

– Поверь, у меня хватает средств. Надевай. – Мужчина внезапно улыбнулся, а мне ничего и не оставалось делать, как надеть обручальное кольцо.

Осмотр в клинике не выявил никаких отклонений у плода, а на глубокое сканирование я не согласилась. Вечером того же дня Робер привёз из Бункера походный рюкзак с вещами, который подарил Джереми, а также новый коммуникатор. «На всякий случай», как объяснил мне цварг. Больше разговоров об Оберане Мёрфи мужчина не поднимал, коротко сообщив, что всё уладил, но ближайшие две или три недели мне всё-таки лучше носа на улицу не показывать – мало ли что придёт в голову бывшему начальнику.

Каждое утро Фабрис уходил рано утром на работу и возвращался лишь затемно, а я от нечего делать зависала в инфосети, и как-то так само собой получалось, что искала информацию о пустынях. Несмотря на то, что Ларк остался за триллионы километров, проблема расширяющихся Сухих Песков и многочисленных хтэрров не давала мне покоя. В каком-то смысле мне даже проще было сосредоточиться на проблеме другой планеты, потому что стоило мозгам вынырнуть из привычного состояния «анализ всего и вся», как в голову шли или переживания из-за генетических тестов, или вовсе один зеленоглазый воин. Стоило хоть чуть-чуть забыть, и меня начинали съедать страх, гнев, отчаяние, паника... А что делать дальше? Как жить? Что скажет обще-

ство, когда у меня родится полуцварг-полуларк? Не то чтобы мне было не всё равно, каково будет общественное мнение, просто я боялась, как это отразится на ребёнке.

Совместный быт с Фабрисом оказался неожиданно настолько лёгким, что я невольно сравнивала мужчину с Арханом. И внезапно у вождя клана ларков и эмиссара высшего звена нашлись общие черты. Фабрису было также неприципиально, что он ест и где спит, а ещё он оказался таким же неисправимым трудоголиком. Я понятия не имела, в чём состояли обязанности псевдо-жениха, но видела по выражению лица мужчины, что он думал о работе даже в те минуты, когда мыл кружку. Кстати, мытьё кружки было у него каким-то особенным ритуалом. Однажды я спросила у Фабриса, почему он это делает сам, а не поставит посуду в посудомоечный шкаф, на что меня смерили почти возмущённым взглядом:

– Лейла, ну здесь же мои отпечатки пальцев, слюна... Через сколько секунд заработает посудомойка? Десять? Двенадцать? А если я кружку неправильно поставлю и накрою кастрюлей случайно? А так я контролирую процесс, что кружка действительно будет помыта.

Этот обескураживающе прямой и логичный ответ неожиданно заставил засмеяться. Почему-то подумалось, что если бы тогда, когда мама вручила анкету Фабриса под видом кандидата в супруги, я с ним встретила бы, он вёл бы себя точно так же открыто, попросил бы в ресторане одноразовые

приборы, а затем ещё и лично утилизировал последние. Он бы не стал пытаться соорудить из себя кого-то другого или показаться лучше, чем есть на самом деле. Совсем как ларки...

Чем больше я общалась с женщиной, тем отчётливее понимала, что Робер стал бы замечательным супругом, очень внимательным и заботливым, местами даже чересчур, но при этом я никогда в него не влюбилась бы так, как в Арх-хана.

Фабрис Робер. Цварг

Никогда не предполагал, что у меня будет невеста. После неудачных отношений с Адель, которая во всеуслышание объявила, что я «долбаный психопат», я вообще старался держаться от женщин подальше. Если и представлял себе жену, то спокойную, интеллигентную и полную внутреннего достоинства, как раз именно такую, как Лейла Виланта. О том, что у нас ничего не получится, я понял ещё в тот момент, когда она рассказывала об Арх-хане. Её синие глаза светились, когда она говорила о ларке, хотя голос был полон печали. Лейла все силы прикладывала к тому, чтобы не демонстрировать, как дорог ей этот мужчина, но я понимал, что в сердце цваргини места на кого-то ещё уже не будет. Глупец он, если её отверг, просто глупец.

И глупец я, купивший настоящее обручальное кольцо.

Фраза «милый, я так соскучилась!» всё никак не хотела идти из головы. Одна мысль о том, что кто-то может ждать дома, заставила потратиться на украшение, которое бы я подарил девушке, если бы она действительно была моей невестой.

А ещё Лейла оказалась лёгкой в общении. Не знаю, может, это было связано с тем, что мы и раньше с ней пересекались в Службе Безопасности Цварга и как-никак взаимодействовали, но она безропотно принимала и делала всё так, как я говорил, не задавая лишних вопросов и не терзая мои нервы. Мы прибыли в клинику на аэротакси, а после осмотра спустились на подземный паркинг и сели в заранее приготовленный арендованный флаер. Цваргиня лишь кивнула, полностью доверив мне себя. Про смену коммуникатора она тоже не задавала вопросов, а лично мне так было проще. Было очевидно, что возомнивший себя богом Оберан Мёрфи будет пытаться связаться и надавить на Лейлу, но если дать ему надежду, что она якобы раздумывает над его предложением, то в Аппарат Управления с сывороткой в ближайшие дни он точно не пойдёт, а это, по сути, и единственное, что сейчас требуется.

Глава 29. Религия, имеющая глубокие корни

Лейла Виланта. Цварг

Прошло около двух недель. Дни летели друг за дружкой, но я перестала ощущать время, оно превратилось в странную вязкую субстанцию. Я чувствовала себя мухой, которая попала в кисель и всё никак не может оттуда выбраться. Стоило подумать, что я живу с Фабрисом, как меня начинала съедать совесть, но она почти сразу же отступала перед воспоминаниями об Арх-хане, которые и вовсе могли довести до слёз. В итоге с утра до вечера я изучала инфосеть: пустыни, черви, причины изменения климата на планетах.

Неожиданно на дне принесённого Фабрисом рюкзака оказался диктофон Моник. Он выпал у неё из кармана, когда на нас напал хтэрр, а я так и не вернула ей гаджет, потому что элементарно забыла. Электронный малыш таноржского производства оказался крайне живучим. Несколько дней я смотрела на него, думая, что надо бы попросить Фабриса отправить вещь хозяйке, а затем почему-то решила нажать на единственную круглую кнопку. Не то чтобы я ожидала узнать для себя что-то новое, просто вдруг захотелось услышать весёлый голос таноржки.

«...Одновременное появление бутонов на стволах ракха-

ши – косвенный признак того, что Вечный Лес является уникальным единым организмом. Ни на одной планете Федерации Объединённых Миров такого феномена до сих пор не встречалось. Диаметр стволов колеблется от ста шестидесяти до ста восьмидесяти сантиметров, что говорит о том, что каждому из деревьев приблизительно от трёхсот до пятисот лет, однако отдельным стволам я дала бы более пяти тысяч. Установить возраст Вечного Леса более точно, к сожалению, не представляется возможным. Я почти уверена, что ларки воспримут бурение ствола любого из деревьев как надругательство над их религией, так как они примитивно отождествляют каждый из исполинов с душой умерших вождей. При ближайшем рассмотрении ракхашии мне удалось заметить, что у некоторых кора с южной стороны заметно светлее и более сморщенная. Совсем светлые стволы находятся на границе с Сухими Песками. Предполагаю, что растениям не хватает минеральных веществ, что неудивительно при такой плотности высадки. Скорее всего, если вырубить часть стволов и сделать лес более разреженным, это принесёт всеобщую пользу. Цветение ракхашии крайне непредсказуемо, и сложно сказать, удастся ли на него попасть, но если все исполины зацветут одновременно, это уже станет неопровержимым доказательством...»

Я остановила запись и вновь её переслушала. Слова о том, что Вечный Лес – уникальный единый организм, звучали из уст от Моник ещё на Ларке, но тогда я не обратила на них

внимания. Эта деталь за собой потянула другую – замечание Аарона, над которым я в своё время ещё внутренне посмеялась: *«И постарайся не углубляться в лес, местные деревья излучают помехи»*. Почти сразу же отчётливо вспомнилось, как я включила детектор электромагнитных волн, разыскивая электронные устройства у ларков, но зафиксировала помеху лишь от дерева.

А что, если Вечный Лес – это не просто древнее растение? Что, если я до сих пор я искала проблему в пустынях, но она гораздо шире и больше? Что, если религия ларков имеет под собой более плотные корни во всех смыслах этого словосочетания?

Доктор биологических наук отметила, что многие деревья, на её взгляд, испытывают недостаток полезных веществ. Перед глазами вспыхнула картинка, как мы убегали от бахруна. А ведь ракхаша светлели, чем ближе мы подходили к границе Вечного Леса и Сухих Песков.

А что, если Моник ошиблась и кора на деревьях светлее совсем по другой причине? Не от нехватки минеральных веществ, а от того, что Вечный Лес с чем-то борется и как единый организм пытается противостоять болезни, вытягивая ресурсы из соседних стволов? В этом случае, чем плотнее лес, тем больше шансов противостоять песчаным червям и сохранить почву. В голове всплыла картинка с абсолютно безжизненными Сухими Песками. Ни колючки, ни жалкого кактуса, ни мелкой песчаной мышки. Ничего. Лишь чёткая

граница между лесом и песками, и бахрун, который так и не вышел из леса.

Догадка пока ещё только начинала брезжить в сознании, как разгорается тусклая примитивная лампочка, но я вдруг почувствовала, что нахожусь на правильном пути. Надо только всё вспомнить... чётко вспомнить последовательность событий.

Терех говорил, что бахруны умные и просто так не атакуют. Очевидно, что дикое животное напало на нас лишь тогда, когда Моник собралась сломать несколько веток ракхаши. Оно расценило это как попытку навредить Вечному Лесу.

«Бахрун защищал свою территорию», – эхом прозвучали слова вождя ларков в голове.

Вселенная, да ведь он мне практически открытым текстом объяснил, что любой не только ларк, но и зверь будет защищать ракхаши!

Я вскочила с кресла и заметалась по небольшой гостиной Фабриса. Догадка казалась немыслимой. Фантастической. Невероятной. Но чем больше я крутила в голове гипотезу, тем больше находила ей подтверждений... Бескрайний космос, как можно было не заметить *столько* знаков?!

Я обхватила себя за плечи и погрузилась в воспоминания, пытаясь воссоздать каждый день на Ларке, каждый взгляд коренных жителей и каждый жест, который мог бы окончательно раскрыть загадку Ларка. Именно в таком виде – рас-

качивающуюся из стороны в сторону, в пижаме, которую так и не передела с утра, и с лихорадочно блестящими глазами – меня нашёл Фабрис.

– Лейла, ты в порядке? – Мужчина потормошил меня за плечо, а я осознала, что так глубоко провалилась в анализ ситуации на Ларке и перебор вариантов, что даже не услышала, как он вошёл в квартиру.

– Я поняла! Фабрис, я всё поняла!

– Что поняла? – тихо переспросил он и присел на корточки. – Лейла, прошло уже две недели, Оберан, судя по всему...

– Фабрис, помнишь, я рассказывала тебе о хтэррах?! – перебила мужчину, отказываясь слушать, что он говорит.

Мысль билась в голове так оглушительно, что ею обязательно надо было с кем-то поделиться. Непременно. Вот прямо сейчас! А Фабрис – идеальный кандидат, он всё поймёт.

– Лейла, мне кажется, что ты последнее время слишком много сидела взаперти и свежий воздух тебе не помешает. Может, погуляем где-нибудь в парке? А потом ты мне расскажешь, что тебя так взволновало.

– Нет. – Я затрясла головой, так меня распирало от догадки. – Фабрис, ты не понял. Я смогла всё проанализировать и составить единую картинку! Я поняла, почему пустыни на Ларке расширяются! Я точно знаю!

Цварг нахмурил брови.

– Ну и почему же?

– Любая религия не появляется на пустом месте, как и её традиции. Это вещь, которая возникает исторически, объединяет гуманоидов в общину и помогает выживать. Например, в некоторой древней цивилизации на Захране, согласно вере, нельзя было есть мясо, так как у людей не было холодильников, и оно быстро протухало. Те, кто ел мясо, быстро умирали из-за размножившихся вредных бактерий. В дальнем секторе Г-56 за границей Федерации религия предписывает поклонение единому божеству. Расы очень рано стали выходить в космос, они воевали друг с другом, и общая религия их смогла примирить...

– Я понял-понял. – Фабрис поднял ладони вверх. – Лейла, ты пытаешься сказать, что религия часто имеет под собой логическую основу. Я не спорю с этим фактом. Продолжай свою мысль дальше.

Я посмотрела на цварга, которому не пришлось разжёвывать первый этап моих размышлений, и кивнула.

– На Ларке коренные жители отождествляют деревья-исполины с Духами Предков. Ларки поклоняются деревьям и оберегают Вечный Лес. Вначале я думала, что это ерунда, но если посмотреть с точки зрения того, что вера помогала ларкам выживать тысячелетиями, всё приобретает совершенно другой оттенок. У меня есть причины полагать, что Вечный Лес – это на самом деле архидревный организм, который жил с предками ларков в симбиотической связи...

– Лейла, помедленнее, я не успеваю за твоими мыслями.

Это ты тут целыми днями научно-фантастическую литературу штудировала. – Фабрис попытался пошутить, но его глаза при этом остались совершенно серьёзными.

– Все обряды ларков шли во благо ракхаши и наоборот... – Я закусила губу, подбирая максимально доступные слова. – Вот, например, они прикладываются вспотевшими спинами к коре после обряда инициации. Я видела, как Терекх разрезал ладонь, когда прощался с Вечным Лесом. Вполне вероятно, что для ракхаши в поте и крови ларков содержится что-то важное. Моник обратила внимание, что деревья очень долго стояли с бутонами, но не зацветали. Бутоны распустились лишь после того, как ларки закопали рядом с Вечным Лесом огромную тушу мёртвого хтэрра. Весьма вероятно, что предки ларков так поступали и раньше, принося подношения Духам Предков. А эффект получился, как если бы растение очень хорошо удобрили.

– Лейла, ты действительно считаешь, что Вечный Лес разумен?

Фабрис чуть улыбнулся, но мне было не до улыбок. Я вспомнила татуировки на спинах ларков и то, что в какой-то момент они для меня стали складываться в чёткие рисунки... конечно, оставался шанс, что всё это придумало моё больное воображение, и я очень сильно хотела обмануться. Но я всё же кивнула.

– Да, я думаю, это разумное существо. Просто оно спит... или умирает.

– А какая же с него польза ларкам? Ты говорила о взаимовыгодном симбиозе.

– О! – Я осознала, что так долго думала над загадкой Вечного Леса, что не сказала самого главного. – Хтэрры – определённо очень древние животные. У нас в группе был палеонтолог, и он это подтвердил. В последнее время на Ларке хтэрры значительно размножились и увеличились в габаритах... Я считаю, что предки ларков знали и понимали, что единая корневая система Вечного Леса борется с хтэррами. А разрастающиеся мёртвые пустыни – это уже следствие жизнедеятельности песчаных червей...

– Вселенная, Лейла! – Фабрис встал с корточек и принялся ходить по комнате. – Правильно ли я понял, что ты считаешь, что пустыни на Ларке стремительно развиваются из-за хтэрров, которые, в свою очередь, расплодились потому, что Вечный Лес не справляется с их сдерживанием?

Я кивнула.

– Звучит невероятно, да? – пробормотала, чувствуя, что в устах Фабриса Робера моя теория хотя и выглядела правдоподобной, всё равно звучала как бред сбежавшего из заведения для душевнобольных.

Цварг неопределённо пожал плечами.

– А проблемы у Вечного Леса из-за чего, на твой взгляд?

– Ракхаши раньше нейтрализовали яд в почве, но перестали с этим справляться. Очевидно, кто-то или что-то задело их корневую систему. Я изучила открытые данные по экс-

порту древесины с Ларка и обнаружила, что её объёмы в последние годы были увеличены! Да, это вырубка обычных деревьев, но она задела корни исполинов и общую экосистему. Одно потянуло за собой другое. Ты знаешь, что грибы обеспечивают растения водой, а те в ответ отдают грибам органические соединения? Я думаю, что Вечный Лес – это как гигантская грибница, покрывающая сеть всю планету и взаимодействующая с другими растениями.

Теперь уже я встала с дивана и закружила по гостиной, проговаривая то, о чём думала весь день. Я старалась не смотреть на собеседника, потому что мне очень сильно не хотелось увидеть разочарование в его глазах. Фабрис – умный мужчина, и мы неоднократно с ним пересекались по работе, когда мне требовалось делать для него сводки и анализы. Если он посчитает, что после Ларка у меня травмированная психика и я не могу здраво рассуждать, то это будет как минимум обидно.

– Постоянная вырубка лесов вызывала медленное потепление на Ларке, и из глубин планеты появились первые хтэрры. Пока на Ларке было прохладно, они прятались около мантии планеты, где тепло и сухо, но постепенно стали пробираться всё выше и выше, к тому же их больше не сдерживала плотная сеть корней Вечного Леса. Они и раньше существовали на Ларке, просто ближе к ядру. Песчаные черви привыкли питаться всем подряд, в результате чего события стали развиваться по экспоненте. Поглощаемые червями

растения больше не держат влагу в верхних слоях почвы, та превращается в пустыни, давая хтэррам ещё больше площади для размножения. Я бы назвала ситуацию нарастающей как снежный ком, но, по иронии, именно снега на Ларке уже много лет как нет.

Внезапно Фабрис поймал меня за запястье и потянул к себе. Я не ожидала от него такого действия и легко поддалась, остановившись в считанных сантиметрах от груди мужчины. На Ларке такое не посчитали бы даже флиртом, но тут, на Цварге, я буквально всей кожей ощутила, что между нами скопилось напряжение.

– Ты думаешь, я сошла с ума, да? – протянула я, так и не поняв выражение лица Фабриса.

Глаза мужчины – а сейчас я обратила внимание, что они всё-таки были тёмно-серыми, а не чёрными, – подозрительно блестели.

– Я думаю, Лейла, что ты фантастически талантливый аналитик! Много раз по долгу службы я ловил себя на мысли, что вся информация мне известна, но я просто не знал, как ею воспользоваться. Ты свела данные в единую и имеющую право на существование теорию. Я восхищаюсь твоими способностями отбросить все эмоции и мыслить рационально.

Фабрис произнёс это так, что у меня побежали мурашки вдоль позвоночника. Пожалуй, ещё никто и никогда не делал настолько искренних комплиментов. Я не заблуждалась – это было признанием в романтических чувствах по-цварг-

ски. Именно так, тонко, ненавязчиво, с полным уважением и сохраняя личные границы, как настоящие джентльмены дают цваргиням понять, что те им нравятся. Я настолько опешила от этих слов, что растерялась, не представляя, что ответить.

Мужчина медленно приблизил своё лицо, а я инстинктивно сделала шаг назад. В тёмно-серых глазах вспыхнуло болезненное понимание. Несколько секунд он молчал, а затем, откашлявшись, произнёс:

– Ты хочешь, чтобы я связался с вождём клана и объяснил всё, к чему ты пришла?

Всё ещё загипнотизированная его взглядом, я покивала, затем спохватилась.

– Нет! Я хочу обратно на Ларк. Я чувствую, что нужна там и быстрее всего смогу разобраться, чего именно не хватает ракхаши, на месте.

Я прикусила губу, увидев, как посуровел взгляд Фабриса.

– Ты хочешь вернуться на Ларк?

Такой простой и такой сложный вопрос одновременно. Робер, в отличие от Аарона, не сказал и слова плохого в адрес ларков, но я ощущала его неодобрение. Променять цивилизованный Цварг на непонятно что... Как же объяснить всё, что происходит в моём сердце? Вместо всего этого я отвела взгляд и медленно заговорила:

– Фабрис, пойми, я чувствую, что на правильном пути. Даже цветение ракхаши, за которым следует традиционная хай-

да, укладывается в мою теорию. Вечному Лесу как организму хорошо, бутоны распускаются, а пыльца для ларков является сильнейшим афродизиак, иницирующим... групповое размножение. Таким образом, возрастает популяция ларков. Полная взаимосвязь. Хорошо одному организму, хорошо и ларкам. И наоборот... ракшаши стали умирать, и это не смогло не отразиться на населении планеты. Если я пойму, чего именно не хватает деревьям...

– Я всё прекрасно понимаю, Лейла – мягко, но настойчиво перебил Фабрис. – Но ты и так проделала гигантскую работу. Самую сложную часть – аналитическую. Зачем тебе на планету дикарей, туда, где водятся хтэрры? Зачем тебе рисковать своей жизнью?

Наверное, целую вечность мы смотрели в глаза друг другу. Фабрис знал ответ. И я знала. Я даже знала то, что он знает, что знаю я. Но существуют вещи, о которых все до последнего будут делать вид, что не знают. Их надо озвучить.

– Потому что люблю его. Я люблю Арх-хана, – наконец произнесла я обессиленно и рухнула на кресло позади.

Почти четверть часа в небольшой гостиной эмиссара стояла абсолютная тишина. Фабрис не закидывал меня вопросами, не осуждал мой выбор и не пытался надавить на совесть, отчего я была уже безгранично благодарна. Вероятно, в какой-то другой Вселенной я бы и могла остаться с Фабрисом, мы действительно подходили друг другу... я это чувствовала, да и он тоже. Вот только глупое сердце до последнего уго-

лочка было занято другим мужчиной. И даже несмотря на то, что он меня отверг и не посчитал мои чувства чем-то весомым, чтобы изменить своим традициям, я его любила.

Я вновь глубоко погрузилась в размышления о Вечном Лесе и почти забыла, что Фабрис находится в этой же комнате. Ровно до того момента, как услышала спокойное и взвешенное:

– Лейла, выходи за меня замуж.

– Что?

В первую секунду я не поняла предложения. Во вторую, правда, тоже. И в третью...

– Мне показалось, ты сказал, двух или трёх недель в этой квартире будет достаточно, чтобы Оберан не смог вколоть сыворотку, а дальше я в принципе могу его не бояться. Общественное мнение сильно не изменится от того, буду я замужем или нет, после того как у меня родится полуцварг-поллуларк... Фабрис... я не понимаю. Зачем тебе это?

– А зачем люди вступают в брак? – вопросом на вопрос отозвался мужчина.

Признаться, в голове так зашумело, что я потерялась с ответом.

– Ты же это не серьёзно?

– А почему нет? – Цварг улыбнулся, правда, улыбка выглядела скорее грустной. – Я же признал для прессы, что у нас с тобой отношения. В новостях уже вышло несколько статей на эту тему... Что я обманом соблазнил молодую

цваргиню. Почему бы не оформить всё официально?

Я потрясённо уставилась на цварга, только сейчас осознав, насколько сильно моя выходка могла пошатнуть карьеру Робера... Вселенная, это ж ещё пока в общество не просочилась информация о моей беременности!

– Я прошу прощения, что испортила твою репутацию, Фабрис. Как только три недели пройдут, я съеду из твоего дома, да и по ребёнку будет понятно, что ты не отец, а следовательно, все слухи улягутся...

– Лейла, ты меня не слышала? Я, наоборот, предлагаю понастоящему узаконить отношения в рамках Цварга и всей Федерации. И я признаю твоего ребёнка.

В ушах всё ещё шумело и шуршало, я всё никак не могла взять в толк слова мужчины. Тем временем цварг продолжил:

– Ты пойми, если ты не оформишь брак со мной, тебе всё равно придётся что-то делать. Искать отца для ребёнка и... – он выразительно посмотрел на мой пока ещё плоский живот, – нервничать. Если мы оформим все документы официально, я смогу получить визу на тебя и вывезти с планеты в любой момент туда, куда ты захочешь. И на тот же Ларк, ты же ведь хочешь туда, я правильно понял?

Я помотала головой, пытаюсь прийти в себя. Мысли закручивались в такой вихрь, что их сложно было остановить.

– Нет, я-то как раз понимаю, что брак с тобой мне выгоден. Фабрис, но тебе-то он зачем? Планетарная Лаборато-

рия вычеркнет тебя из списка мужчин... Ты никогда не сможешь претендовать на руку и сердце цваргини, если она тебе понравится. Ты осознаёшь, что для тебя даже призрачного *шанса* больше не будет на то, чтобы найти подходящую женщину?!

Цварг, не сводя с меня взгляда, медленно подошёл и взял за руку, затем зачем-то покрутил обручальное кольцо на безымянном пальце и очень тихо произнёс:

– Я всё понимаю, Лейла. Но сейчас же речь идёт не обо мне, а о тебе. Если тебе требуется такая помощь, то я готов её оказать. Я не представляю, каким ещё легальным способом вывезти тебя на Ларк, честно. Если ты выйдешь за меня, я подам в аппарат Управления заявление на визу для любимой жены, скажем... на отдых на Зоннен на неопределённый срок. А для вездесущих журналистов оформлю всё так, будто моя жена предпочитает жить на частном острове на экваторе Цварга и никого не видеть. Если ты решишься сойтись с Арх-ханом, то для него, я практически уверен, наш с тобой брак ничего не изменит. Как ты могла заметить, ларки легко относятся к бумажкам, для них куда как важнее благословение Духов Предков.

Я кивнула, не сводя взгляда с цварга. Он был со мной предельно честен, и это подкупало. А потому я не могла не спросить:

– И ты это сделаешь просто ради меня? Безвозмездно? Ничего не попросишь взамен?

Он покачал рогатой головой.

– Я попрошу тебя дать мне шанс, Лейла. Наверное, у меня уйдёт около двух месяцев, чтобы связаться с вождём ларков и договориться о встрече на нейтральной территории в космосе. Просто побудь эти два месяца моей женой хотя бы на людях.

– Ты же понимаешь, что я люблю другого мужчину?

– Понимаю. – Он спокойно кивнул. – Но женщины часто меняют своё мнение.

– Я не передумаю. Но на твоё предложение согласна. А вождя ищи по имени Шонхорн.

Глава 30. Цваргиня

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Планета Ларк. Шарршеорон

За каких-то три месяца земли клана преобразились. Ларки в панике бежали в Шарршеорон, кто-то спрятался в Вечном Лесу, а я с воинами теперь каждый день выходил за стены цитадели, чтобы расправиться с очередным десятком атакующих хтэрров. Нам повезло больше, чем соседним кланам, так как Шарршеорон находился на широкой каменной плите, но я понимал, что даже это везение, по сути, временное.

Вынув дентайр из пасти очередного червя и вытерев лезвие о край птеруги, я толкнул тушу ногой и приказал воинам возвращаться в город.

– Но, мой вождь, там вдалеке ещё одна дюна! – Харц прищурился, рассматривая горизонт. – Скоро будет здесь.

– Возвращаемся.

– Но, мой вождь, хтэрр всю ночь будет есть почву и кусты...

– Возвращаемся! – гаркнул я во все лёгкие. Ещё чего не хватало, жизнь воинов важнее, а они уже с ног валяются от усталости. Пускай тварь жрёт. Утром уничтожим. – А эти туши... сожгите всё. Закапывать нет времени и сил. – И, чуть повысив голос, добавил: – Всем выспаться, хорошо отдох-

нуть и быть здесь снова на рассвете.

Харц молча кивнул, а я сунул дентайр в ножны и трусцой направился в цитадель.

«Хорошо отдохнуть». Тьфу. Самому от себя противно. Как можно нормально отдыхать, когда с каждым днём ситуация только всё больше выходит из-под контроля?..

Навстречу попадались горожане и деревенские, все деликатно расступались перед вождём, но всё равно приходилось протискиваться сквозь толпу... Слишком много стай предпочли эвакуироваться именно в Шарршеорон. Я в уме набрасывал на мысленную карту последствия сегодняшнего сражения с хищниками в тот момент, когда меня прямо в коридоре перехватил Шонхорн.

– Арх-хан! Дайнагорн сообщил, что на северо-западной границе умерло ещё восемь ракхаши, а соседний клан Медных лисиц просит поделиться воинами...

– Шонхорн, как ты мне надоел! Нет у меня воинов для хайды принцессы, и даже если она сама сюда прилетит на флаере, я не соглашусь, да и защитникам не позволю отвлекаться! У меня каждый ларк, способный держать дентайр, на счету!

– ...для защиты границ их цитадели, – закончил Шонхорн и посмотрел на меня осуждающе.

Я почувствовал не то злость, не то бессилие. Когда хтэрры выползли из Сухих Песков, старый друг бросил свои обиды, перестал обращать внимание на длину волос и поблекшие

татуировки. Он просто взял всё, что мог, на себя. Фактически бывший советник сейчас и был вождём клана, выслушивал население и взаимодействовал с соседями, пока я с зари до заката махал дентайром.

– Я плохой вождь, – внезапно озвучил мысль, которая уже много месяцев крутилась в голове.

– Арх-хан, перестань, не всё зависит только от тебя...

– Я плохой вождь и плохой защитник, – вновь настойчиво повторил. – Духи Предков от нас отвернулись. Впервые за последние десять лет ракхаши распустились не пустоцветами... Хайда была густой, но завязи засохли! Это позор! Хорошо, что ты убедил меня сделать так, чтобы Лейла покинула Ларк...

– Кстати об этом. – Друг внезапно почесал затылок и отвёл взгляд. – Сегодня со мной связывались представители Цварга...

– Шонхорн, упаси меня от политики, решай сам всё с цваргами, сил моих на это больше нет! Надеюсь, ты будешь достаточно дальновиден, чтобы не приглашать их к нам в гости, а всё остальное... можно будет рассмотреть тогда, когда нас не будут пытаться сожрать!

Я резко развернулся, чтобы отправиться в сторону своих покоев, но друг окрикнул:

– Арх-хан, поверь, я полностью такого же мнения и готов был высказать им всё, вот только связавшийся со мной цварг... Фабрис Робер... заявил, что знает, как решить нашу

проблему.

– Цварги знают о хтэррах?!

Я почувствовал, как напряглись все мышцы в теле. Меньше всего на свете мне хотелось бы, чтобы эта спесивая лицемерная раса строила из себя добродетелей и давала непрошенные советы, как нам жить на своей земле.

– Лейла Виланта знала о хтэррах.

– И что?!

– Внезапно выяснилось, что она, оказывается, цваргиня...

Я тряхнул головой. Да быть такого не может! Я видел её светлую кожу и даже зализывал раны на ладонях после того, как она обожгла их в Сухих Песках... Будь там маскирующий крем или ещё какая дрянь, я бы точно это почувствовал хотя бы на вкус!

– У них, оказывается, есть специальные технологии, позволяющие менять внешность и цвет кожи, – сказал Шонхорн, чётко считав реакцию по моему лицу. – Не спрашивай, зачем они попытались спрятать среди людей цваргиню, хотя я догадываюсь. Не это сейчас самое важное, а то, что Лейла летит сюда.

– Что-о-о?!

Я думал, что шокировать меня ещё сильнее уже нельзя. Определённо, ошибался.

– Какого шварха, Шонхорн?! Что ты ей наговорил такого, что она летит сюда?! Её надо перехватить и развернуть обратно!

– Арх-хан, ты меня вообще слышишь?! Я только что сказал, что Лейла врала всем нам, прикидываясь человеком. А ещё то, что Робер утверждает, что она знает, как помочь Ларку...

– Да плевать мне на то, что она врала! – воскликнул неожиданно сам для себя. – Ты заставил меня соврать ей, так что в чём-то мы квиты!

– Если бы ты пошёл на хайду с принцессой Медных лисиц, то никакого бы вранья не было! – парировал Шонхорн.

Я махнул рукой на советника, не желая больше спорить, и рванул в апартаменты, чтобы переодеться в нормальную одежду. Что-то подсказывало, что Лейла близко и мне следует поторопиться. Словно прочитав мои мысли, Шонхорн скинул координаты корабля, который шёл к нам.

Всё то время, что я наскоро ополаскивался от песка и крови хтэрров, лихорадочно переодевался в джинсы и футболку, шёл к небольшому шаттлу, перегнанному в черту цитадели, и взлетал на орбиту Ларка – всё это время я думал о Лейле. О том, что на самом деле безумно по ней скучал целых три месяца и смотреть не мог на наших женщин. Что сказал Шонхорну правду о том, что готов предстать с ней рука об руку перед Духами Предков и попросить благословения, если ей так важно, чтобы я больше не участвовал в хайдах.

Грудь раздирало от противоречивых эмоций. С одной стороны, мне до безумия хотелось её обнять и попросить остаться на Ларке, с другой стороны, сейчас бы я смог уделить ей

внимания ещё меньше, чем три месяца назад, да и на Ларке стало находиться ещё опаснее...

Потом, всё потом. Сейчас увижу её, вдохну дивный аромат её волос и попрошу вернуться позднее. Может, через год или два я сам прилечу за ней.

Глава 31. Брак по-цваргски

Лейла Виланта. Цварг

Фабрис действительно пытался за мной ухаживать. Изысканно, ненавязчиво, но настойчиво. Он приглашал меня в фешенебельные рестораны с открытыми верандами на головокружительной высоте, лучшие иллюзии и дизайнерские парки, дарил охапки цветов, и это всё при том, что мы продолжали жить вместе. Более того, мы расписались на следующий же день после того разговора.

Я чувствовала себя очень странно, когда прикладывала ладонь к сканеру, чтобы подтвердить согласие на брак. Красивая тихая церемония, которая при этом никак не затронула чувства. Накатило ощущение сюрреалистичности происходящего, я будто бы смотрела на себя со стороны.

Много лет я пыталась объяснить матери, что выйду замуж непременно за того мужчину, которого буду любить.

Много лет я представляла себе, что свадьба станет для меня каким-то грандиозным событием, на которое я надеюсь самое красивое платье и позову родственников, а также не удержусь и расплачусь от счастья в самый ответственный момент.

Много лет я в красках воображала свою первую брачную ночь и пересматривала учебники по половому воспитанию и этике, которые давали всем цваргиням в институте без ис-

ключений.

Пожалуй, единственное, что совпало с ожиданиями – это образ жениха. Фабрис действительно был сногсшибателен в элегантном серебристом смокинге и с традиционными платиновыми кольцами. Такого Фабриса я ещё не видела, но эмиссар не был бы самим собой, если бы после того, как приложил ладонь к сканеру, он не достал дезинфицирующую салфетку и тщательно не стёр свои отпечатки. И я рассмеялась. Искренне и громко, сбив речь того, кто проводил церемонию, а в конце ещё и не дала себя поцеловать, протянув лишь запястье. Впрочем, Фабрис даже взглядом не показал недовольства, просто молча коснулся губами тыльной стороны ладони, и на этом всё.

Первая брачная ночь прошла без эксцессов и намёков, тут Робер тоже повёл себя как джентльмен – сделал вид, что у него масса работы, и... ушел из квартиры. Вернулся лишь под утро. От него пахло крепким алкоголем и кофе, но в остальном он выглядел как обычно – улыбнулся, вежливо пожелал доброго утра и надолго заперся в ванной комнате.

Конечно же, я понимала, что нравлюсь Роберу, но о том, насколько, поняла лишь тогда, когда взяла свой старый коммуникатор. Оказывается, за то время, что я пользовалась новым браслетом, Фабрис с моего старого номера вёл целую переписку с Обераном Мёрфи, да и с Аароном тоже. Последнего он практически сразу заткнул за пояс, объяснив, что ребёнок не его, а при любом поползновении в мой адрес я со-

вершенно точно выйду замуж за Фабриса. Эмиссар буквально за несколько сообщений подвёл Аарона к мысли, что я для подающего надежды агента алеф-класса буду ненужным балластом. И как-то так ловко у него это получилось объяснить, что я даже ничуть не обиделась.

А вот с Мёрфи переписка оказалась внушительной. Фабрис от моего лица делал вид, что раздумывает над сывороткой, хладнокровно расспрашивал о её действии и возможных последствиях, одним словом, вёл себя так, как я бы точно не смогла. В одной фразе он давал надежду, что я вот-вот соглашусь, в другой – вновь появлялись сомнения. Это была виртуозная игра, и, наверное, будь я Обераном Мёрфи, тоже не пошла бы в Аппарат Управления, общаясь с беременной женщиной, которая вот уже практически добровольно согласилась на введение сыворотки. А ещё Фабрис умудрился выяснить множество нюансов по сыворотке. В переписке только и мелькали словосочетания «экспрессия генов», «рецессивные аллели», «блокировка мутаций»... Вероятнее всего, эмиссар расспрашивал всё это для себя, а потому я пролистала в самый конец, где была назначена дата и встреча... Разумеется, она не состоялась. Далее следовали угрозы и оскорбления, но самое важное – Оберан так вовремя и не обратился к Аппарату Управления, а следовательно, я действительно теперь была в безопасности. Ну или более-менее безопасности, до тех пор, пока не родится ребёнок, ведь полуларк-полуцварг от чистокровной цваргини – это вызов

устоявшейся системе, давным-давно навязанной Планетарной Лабораторией.

Просмотрев бесчисленное количество сообщений, я всё-таки отважилась наконец-то позвонить матери. Бледно-голубая голограмма Лералины Виланты соткалась в воздухе почти мгновенно.

– Ну вот ты и позвонила, дочь. А я уже думала, ты совсем про меня забыла, – сказала мама вместо приветствия.

Судя по голограмме, она сидела за письменным столом и читала электронную книгу, когда её застал звонок. Я пожалала плечами.

– Нет, не забыла. Просто не готова была говорить с тобой раньше.

– И на свадьбу ты тоже решила нас с папой не приглашать? Для меня свадьба стала настолько обыденным событием, что я действительно никого из родственников не позвала.

– Надеюсь, ты простишь меня за это. – Я улыбнулась, стараясь сгладить момент.

Мама шумно вздохнула.

– Ну платье-то, надеюсь, было красивое?

Я вспомнила элегантный, но не вычурный наряд, которой Фабрис привёз в день свадьбы, настаивая, что всё должно выглядеть максимально по-настоящему, ведь будут репортёры, и кивнула.

– Да, очень красивое.

– И ты вышла замуж за того ювелирщика, про которого

написали в новостных листках, что на самом деле он эмиссар высшего звена Службы Безопасности... – протянула мама.

– Да, в Планетарной Лаборатории что-то напутали и неправильно отразили его профессию. – Я решила не вдаваться в подробности. – Mam, я звоню совсем по другому поводу. Пока что это ещё не известно, но мне хотелось бы, чтобы ты узнала раньше прессы. Я жду ребёнка.

– Ты что-о-о-о?

Застывшая маска на лице Лералины Виланты треснула, глаза засияли, а руки задрожали.

– Так, выходит, ты поэтому всё в секрете держала, да? Поэтому не хотела встречаться с Аароном? Почему же ты не сказала, что у тебя отношения с Фабрисом?! Вселенная, я теперь понимаю, почему вы никого не позвали и захотели провести церемонию побыстрее... А срок какой?..

Последовал ещё приблизительно миллион и один вопрос, прежде чем мне дали слово. Конечно, признаться совсем во всём было трудно.

– Ма-а-ам, погоди. Ребёнок не от Фабриса.

– Что? – Улыбка застыла на лице Лералины и стала какой-то стеклянной. – Я не понимаю. Ты же вышла за него замуж. А от кого тогда? Всё-таки от Аарона?

Я буквально видела по её взгляду растерянность.

– Нет, отец вообще не цварг.

– А кто же тогда? – протянула она изумлённо и перебила саму себя: – Ты летала в командировку на Танорг, а танорж-

цы ведь люди. Их гены более слабые, а значит, у тебя родится цварг с гениальными мозгами математика или программиста, всё будет хорошо...

Я грустно усмехнулась. Танорг – развитая планета, даже в чём-то опережающая Цварг. Всё было бы чуточку проще, если бы отцом ребёнка был таноржец.

Я набрала в лёгкие воздуха как перед прыжком в воду и произнесла:

– Я всё это время работала на теневой отдел агентства Службы Безопасности Цварга и являлась агентом таурель-класса. Уже уволилась, не переживай. Фабрис в каком-то смысле мой бывший коллега...

Первоначально признание мне давалось с трудом, но чем больше я говорила, тем легче становилось на душе. Мама слушала, не перебивая. Лишь по тому, как расширились её глаза от удивления, я сделала вывод, что она действительно поверила с первого слова.

– ...Вот как-то так. – Пожала плечами, пересказав всё то, что со мной случилось.

– Лейла, получается, отец твоего ребёнка – ларк?! – только и смогла выдохнуть Лералина после рассказа. Я умолчала о хтэррах и прочих нюансах, оставив лишь самое главное: летала на Ларк по заданию, влюбилась, вернулась.

– Да. – Подтвердила кивком. – Он очень приятный мужчина, хороший воин и вождь клана...

– Но ведь ларки же почти что животные!

Она даже дослушивать меня не стала.

– С чего ты взяла? Ты знакома с кем-то из ларков?

– Нет, но так же все говорят! Это же общеизвестный факт!

Питекантропы, дикари, грубые животные...

Она перечисляла и перечисляла всё то, что говорил мне Аарон, а я вдруг с ужасом осознала, насколько мы далеки друг от друга. Она и раньше-то меня не всегда понимала, а сейчас не поймёт и подавно. Неужели и я раньше была настолько зашоренной? Неужели и я говорила примерно те же слова, когда Оберан Мёрфи впервые попросил меня отправиться на Ларк?!

Слова Арх-хана всплыли в голове сами собой: *«Лейла, неужели тебе не надоело жить с мыслями, что о тебе подумают другие? Жизнь слишком коротка, чтобы ограничивать себя рамками чужих ожиданий»*. Так кто же дикари на самом деле? Цваргини, которые на слово верят слухам и сплетням, честно выполняют долг перед расой, связывая себя узами брака с мужчинами, которых не любят, или ларки, которые живут так, как хотят?

– ...но в любом случае, я очень-очень рада, что ты вышла замуж за Фабриса и он признает сына своим. В конце концов, это самое важное!

– Мам, но я не люблю Фабриса! – Я предприняла последнюю попытку достучаться до матери. Куда там!

– Главное, что он тебя любит, деточка! Если он взял тебя в жёны даже такую, порченую, то не волнуйся. Со временем

стерпится-слубится...

Не знаю, до чего бы дошёл наш разговор с матерью, если бы коммуникатор у неё не забрал отец. По тому, как замелькала картинка, я поняла, что он взял гаджет и ушёл в другую комнату. Наконец голограмма сменилась полностью, и мне в глаза почти целую минуту смотрел Кайрон Виланта.

– Дочь, правильно ли я понял, что ты беременна от ларка, но при этом вышла замуж за Фабриса Робера?

Вопрос прозвучал так чётко, что я даже вздрогнула. Но кивнула.

– Ты понимаешь, что поступила плохо по отношению к эмиссару? – сразу же последовал очередной вопрос.

Я отрицательно покачала головой.

– Я не просила этого, он сам предложил, и он прекрасно понимает всю ситуацию. Мне нужен этот брак ради визы, чтобы я могла вернуться на Ларк.

Отец тяжело вздохнул и покачал головой.

– Лейла, тебе, конечно же, решать самой, и я поддержу любое твоё решение, но прими во внимание, что нужно обладать колоссальной силой духа и высокими нравственными принципами, чтобы не воспользоваться силой, которая дана нам, цваргам, от природы. К сожалению, в большинстве случаев мужчины предпочитают идти по лёгкому пути. По тому, как ты здраво себя ведёшь и всё ещё не влюблена в Фабриса Робера, я чувствую, что он даже не думал оказывать на тебя влияние, хотя мог бы. Хотя бы чуть-чуть. Подумай,

пожалуйста, точно ли тебе надо возвращаться на Ларк, когда рядом такой достойный цварг пытается добиться твоего внимания всеми силами и даже пошёл на то, чтобы его вычеркнули из списков Планетарной Лаборатории.

Отец не сказал ничего нового. Я и сама всё это понимала, но, тем не менее, после его слов на душе как будто кто-то стеклянную крошку рассыпал. Там, на Ларке, остался мужчина, которого я люблю, но для которого мало что значу, а здесь, на Цварге, другой... полная его противоположность, но для которого я почему-то немало значу сама.

– Обещай хотя бы подумать, – наконец сказал Кайрон, а я с готовностью кивнула.

– Ты сказал, что поддержишь. А мама? – переспросила я, перед тем как разрывать связь.

– И Лералина, разумеется, тоже, – чётко ответил отец. – Просто ей надо время, чтобы перестроиться и понять тебя. Возможно, пройдёт время, но я уверен, что и она тебя поймёт. В конце концов, самое главное, чтобы ты была счастлива.

На этой ноте мы распрощались, а вечером Фабрис вновь меня позвал погулять, на этот раз предложив посетить гигантское колесо обозрения. Он был внимателен, галантен, остроумен, заботлив и порой забавен в своих привычках, наследованных от агента алеф-класса, но как бы он ни старался мне понравиться, я отчётливо понимала, что он не Арх-хан. Совсем не Арх-хан.

Дни летели как птицы. И когда Фабрис подошёл и сказал: «Я всё уладил, сегодня едем в космопорт», – это стало сюрпризом даже для меня.

Глава 32. Ревность ларка

Арх-хан Шаррше Варкхарий Вакхаш. Космос. Нейтральная территория

За те три месяца, что я не видел Лейлу, она как будто стала ещё красивее. Или же я привык видеть её в человеческом обличье, так что натуральный фиолетовый цвет кожи, оттеняющий кобальтово-синие глаза, так и манит прикоснуться? Правда, Лейла была бледнее, чем обычно, но причина её состояния выяснилась очень быстро. Фабрис Робер – цварг, который её сопровождал, – объявил практически сразу после стыковки:

– Это моя жена, но она настояла на том, что хочет вернуться на Ларк, и она в положении. Я прошу внимательно её выслушать, а уже потом принимать решения.

Меня как рукоятку дентайра по голове приложили. На полной скорости прямо в каменную кладку цитадели.

Жена. В положении.

Вселенная, я последний идиот в этой галактике...

Наши корабли состыковались, мы сидели в рубке звездолёта Робера, а я смотрел на эту идеальную пару, и у меня в голове ничего не укладывалось. Цварги же лицемерны и ревнивы, жуткие собственники, которые не дают своим женщинам сделать и лишнего вдоха без разрешения... Какого шварха он привёз её сюда?! Как вообще вывез с Цварга?!

Зачем? Что это за цирк вообще? Я бросил родной клан, воинов, скинул дела на Шонхорна, чтобы примчаться и увидеть Лейлу... чтобы что?!

– ...Я думаю, что Вечному Лесу не хватает в первую очередь воды, но, возможно, и ещё каких-то элементов. Шонхорн упомянул, что вы раньше общались с ракхаши, но они перестали отвечать. Я взяла с собой оборудование, которое улавливает малейшие вибрации... Арх-хан, ты меня слушаешь?

Лейла попыталась привлечь внимание и дотронулась до моего предплечья, а я мысленно отметил, что если бы яд хт-эрра пролился на это место, то кожа горела бы меньше. С непередаваемым отвращением к себе я осознал, что уже битый час пожираю её взглядом и думаю о совершенно неподобающих для вождя вещах.

Как бы её нагнул.

Как бы трахал ртом, потом пальцами, потом снова ртом.

Как бы она стонала и кончала, пока я бы вколачивался в неё ни шварховой матери не уважительно. Не так, как этот Фабрис Робер поддерживает её за локоть и галантно отодвигает стул.

Проклятые Сухие Пески! Меня злило и бесило всё, и я не мог найти себе места. Я летел сюда, чтобы встретиться Лейлу, развернуть и отправить обратно, а что в итоге?! Сижу и слушаю её теорию про ракхаши, вспоминаю наши совместные ночи на Ларке и испытываю странное саднящее чувство, ко-

торому не могу дать объяснения.

Ларки – не цварги. Мы не испытываем ревности! Мы легко уживаемся в тройках, вон, Шонхорн и Терехх сколько лет делили Аллишу и были счастливы... Все трое! Ларчанки вообще предпочитают вынашивать детей от разных защитников, потому что чувствуют себя таким образом свободнее и независимее. А мужчины всегда это понимают и принимают. Так какого вонючего хтэрра всё, о чём я могу думать, это что за те три месяца, пока я выкашивал хищников Сухих Песков, она нашла подходящего, по меркам её расы, мужика и подарила ему право стать её защитником?!

Сейчас разговоры о том, что медицинская лаборатория подобрала для неё список мужчин, виделись совершенно в другом свете. Вселенная, каким же слепцом я был всё это время!

От меня не укрылось, как Робер положил руку на плечо девушки и тронул чёрный локон. Волосы! Он трогал её волосы! Внутри всё скрутилось от бурлящего гнева. Да, она разрешила ему это, и, судя по всему, он имел на это право... Но если первоначальным моим желанием было отправить Лейлу обратно на её родную планету, то после этого жеста я уже не был в этом так уверен. Целый час, пока Лейла говорила, я целенаправленно представлял себе, как брал бы его женщину во всех позах и ракурсах и как бы ей было хорошо *со мной*. Уверен, даже если резонаторы цварга барахлили, он всё равно прекрасно всё понял.

Цварг дёрнул щекой, но промолчал, а меня это взбесило вдвойне. Какого нестабильного туннеля здесь происходит?! Что за ерунда?! Я уставился в чёрные глаза Робера и со вкусом визуализировал всё, что сделаю с его женой, если она покинет этот звездолёт со мной. Это цварги все из себя такие утончённые и джентльмены, которые не станут приставать к беременной женщине, а мы же ларки, не такие! Мы же животные! Звери похотливые. Тупые питекантропы.

Я был готов поклясться, что если Фабрис чего-то не уловил ментально, то совершенно точно понял по моему взгляду. Лейла говорила и говорила, а я злился всё сильнее, отчаянно желая выйти из этого состояния.

– Арх-хан? Ты точно меня слушаешь?

Сожрите меня песчаные черви, у неё всё ещё голос как у сирены...

– Да, слушаю. – Я потрянул гривой, сосредотачиваясь на женщине перед мной. – Ты предполагаешь, что ракхаши надо полить водой. Я услышал.

– Как часто у вас дожди? Помню, что когда я была на Ларке, шёл дождь перед... – она бросила взгляд на Фабриса и смущённо покраснела, а я почувствовал, как внутри всё скручивается от бессильной злости лишь сильнее, – ... цветением ракхаши.

Шв-а-а-арх! Почему она на него так смотрит? Почему мне не плевать?!

– Раз в семь или восемь месяцев.

– Так редко?! – изумилась Лейла, но я перевёл взгляд на цварга, давая понять, что разговор окончен.

Пускай уже или увозит её, или отдаст мне. Хотя второе крайне сомнительно. Мужчина вновь положил ладонь на плечо Лейлы, чем выбесил меня окончательно. Была в этом жесте такая нежность, что стало невыносимо муторно.

– Мы можем поговорить с женой наедине? – подчёркнуто спокойно уточнил этот цварг.

– Да пожалуйста! – Я демонстративно фыркнул, вставая из-за стола. – У меня есть дела в клане, и через пятнадцать минут я улетаю обратно на Ларк. Мне надоело терять здесь время. Обсуждайте быстрее, что хотели.

Я вышел из рубки звездолёта и даже закрыл дверь за собой, вот только отойти на достаточное расстояние не успел, а эти двое, видимо, забыли, что у нашей расы не только обоняние лучше, чем у большинства, но и слух.

– Лейла, ты уверена? Он же... – тут же послышался голос Робера.

«Ну давай, скажи, что я дикарь и ты её не отпустишь».

– ...неуравновешенный.

– Арх-хан – вождь клана. Он очень ответственный и сейчас переживает за свой народ, – возразила цваргиня, а я грустно усмехнулся. Я бросил воинов ради того, чтобы увидеть её хотя бы на пару часов... Где тут ответственность?

– Лейла, ты не чувствуешь того, что чувствую я, у тебя нет резонаторов. – Робер замялся. – Этот мужчина... испы-

тывает слишком сильное желание по отношению к тебе. Я переживаю за твою безопасность.

– Он мне ничего не сделает. Не переживай, Фабрис, всё будет хорошо, – уверенно ответила цваргиня, а я внутренне зло рассмеялся. Отсюда до Ларка целые сутки полёта, и я не цварг: если Лейла будет пахнуть возбуждением, меня не остановит то, что она носит ребёнка от другого.

Не желая дальше слышать диалог, который явно предназначался не для моих ушей, я ушёл через стыковочный шлюз в свой шаттл. Пятнадцать минут. Уже тринадцать – и я улетаю. Если она не придёт, то и ладно.

Но Лейла вошла вместе с уже знакомым объёмным рюкзаком через шесть.

Лейла Виланта. Космос. Нейтральная территория

Шаттл Арх-хана до невозможности сильно напоминал квартиру Фабриса – такой же маленький и такой же холостяцкий, если это слово применимо к космическому кораблю. Узкий прямой коридор, санузел, небольшая рубка и дверь в единственную каюту, минимум мебели... Ну что ж, это всё равно больше, чем истребитель Аарона, а лететь тут всего около суток – большую часть пути довёз Фабрис с комфортом.

– Проходи, садись на кресло второго пилота.

Арх-хан даже не обернулся, и это неожиданно неприятно цапнуло душу. Несмотря на то, что сердце продолжало бо-

леть при упоминании одного его имени, я всё-таки соскучилась.

– Вещи можешь положить сразу в спальню. Кровать здесь одна, спать будем вместе.

А вот тут я опешила. Фабрис, конечно, предупреждал, что ларкам все наши документы о браке до десятого астероида, но, если честно, я ожидала хоть какого-то уважения к своей персоне.

– А ничего, что я могу этого не хотеть? – постаралась произнести как можно нейтральнее, но всё равно голос к концу фразы дал петуха, выдавая, как сильно я нервничаю.

– И что?

Арх-хан повернулся в массивном кресле и всё-таки посмотрел неповторимыми серо-зелёными глазами с вертикальными зрачками. Вселенная, я уже и забыла, каково это, чувствовать на себе этот взгляд! Несколько цветных бусин звякнули в длинных волосах, уложенных в ухоженные косы и жгуты, и в блеске приборной панели шаттла показалось, что одна из прядей у виска не золотая, а белая.

– Я беременная женщина и хотела бы спать с комфортом. Тебе так сложно уступить мне кровать на ночь? Кресла пилотов раскладываются.

– А я воин, у меня каждый день сражения с хтэррами, и мне *надо* качественно отдыхать. – Арх-хан фыркнул и добавил: – Сомневаюсь, что ты спала всё это время отдельно от Фабриса Робера из-за плохого самочувствия. Не понимаю,

почему я должен жертвовать своим комфортом.

И прищурился. Гад зеленоглазый.

А меня вдруг пробрало. Если бы передо мной был цварг, то я бы ещё могла предположить, что тут имеет место ревность, но передо мной же ларк! Самоуверенный вождь клана... чтоб его! Нет, это точно не ревность! Это наглость в последней инстанции! Ему, значит, можно на приглашения принцесс в постель отвечать, а я должна вести жизнь монашки? И это хвалёная полигамия ларков?! Ну получай...

– У Фабриса потрясающе удобная огромная кровать!

Вот чистая правда, даже матрас ортопедический.

– Он вообще меня не стеснял собой.

Как может стеснить мужчина, который и домой-то приходит не каждый вечер?

– И он габаритами меньше, так что да! Я ожидаю, что ты уступишь мне спальное место на одну ночь, потому что спать с тобой вместе не собираюсь!

– Так тебя мои размеры не устраивают?

Он щёлкнул тумблером автопилота и поднялся с кресла. Бицепсы на его руках напряглись, футболка обрисовала мышцы и сухожилия мужского торса без единого изъяна... Я вдруг подумала, что этот мужчина в одежде выглядит не менее огромным и сексуальным, чем без неё. Даже, скорее, наоборот, к Арх-хану-воину в птеруге и наплечниках я как-то привыкла, а вот к такому Арх-хану, в джинсах и домашней футболке – не очень.

Неожиданно накрыло острым пониманием, что я потеряла нить диалога.

– Нормально всё у тебя с размерами...

– Нормально?

Текучим, как голодный хищник, движением он обогнул кресло второго пилота и приблизился ко мне, гипнотизируя своими чертовыми пульсирующими зрачками.

– Нормально?!

– Н-нормально...

Арх-хан сузил глаза до щёлочек, а я сглотнула колючий ком в горле. А что мы сейчас обсуждаем?! Складки около рта, поджатые губы, широкие ноздри, пристальный взгляд...

Когнитивный диссонанс. Да нет, быть такого не может... или может?

– Если бы я не знала, что у вашей расы полигамия, то я бы сейчас подумала, что ты меня ревнуешь, – пробормотала, чувствуя, как тону в темнеющих оливковых радужках.

Ларк скрестил руки, что подчеркнуло мощные грудные пластины. Оказывается, разговаривать с Арх-ханом в рубке звездолёта при Фабрисе был ещё легко. Подумаешь, у него лишь время от времени становился такой взгляд, будто его с ног до головы осыпали священной пылью ракхаша... Вот сейчас от его близкого присутствия ноги невольно задрожали, горячая кровь хлынула по артериям, и захотелось опереться на что-нибудь... на всякий случай.

Арх-хан демонстративно медленно расплёл руки и опёрся

ладонью на балку позади меня, отчего между нашими лицами остались считанные сантиметры.

– Ревную, – практически выдохнул он мне в лицо, а у меня голова закружилась. – Ты меня сломала, Лейла. Ни один ларк не ревнует самку, с которой спаривается, а я три месяца к тебе не прикасался, но сейчас меня раздирает так, что укус хтэрра – ничто в сравнении с этим отвратительным чувством! Когда я думаю, что ты по законам Цварга выбрала себе защитника с высокой совместимостью, меня всего корёжит! Да если бы из меня хребет вынули, и то было бы проще! Ты не из моего Мира, ты совершенно не похожа ни на одну ларчанку, поступаешь и говоришь так, как не сделала бы ни одна из них, суёшь свой нос в мужские проблемы, втаптывая единственное, что от меня осталось – моё достоинство – в глубокую лужу дифрена, а я просто не могу перестать думать о тебе! Довольна?!!

Я изумлённо уставилась на собеседника, не зная, что ответить. Ревнует? Он? Меня? Захотелось смеяться и плакать одновременно. А ещё поколотить кулаками эту широченную накачанную грудь. Замечательно! Я вышла замуж за одного-единственного цварга из списка, предоставленного Планетарной Лабораторией, лишь *после* того, как он пытался донести, что регулярное совокупление с принцессами клана – это обыденность, обоснованная традициями предков, которых я не понимаю. И после этого он меня ревнует? Да он издевается? Особо изошрённая шутка, чтобы иметь несколь-

ких женщин?!

Крылья носа Арх-хана затрепетали, он шумно вдохнул, от чего несчастная футболка затрещала по швам...

– Ты меня хочешь!

Это был не вопрос, это было сухой констатацией факта. Отлично, и на скольких женщин у него действует эта отменная фразочка?

– Нет!

– Врёшь.

– Не вру! Я не хочу, чтобы ты меня трогал!

– Твоё тело и твой запах говорят обратное.

Почему у меня ощущение дежавю?

Да, я его хотела, я понимала это чётко, разве можно не хотеть *такого* мужчину? Особенно, когда тело помнит, как он умеет доставлять фантастическое удовольствие. Вот только ещё больше, чем хотела, я боялась. Боялась себя, своих реакций, что на этот раз уже не смогу собрать своё сердце по осколкам и навсегда останусь безвольной тряпкой, которая будет со смирением смотреть, как её мужчина ходит на хайды, занимается сексом с другими женщинами, чтобы зачать детей, а сама при этом пересыпает из ладони в ладонь песок из крупы гордости.

Не успела я возмутиться тому, что ларк влез в личное пространство, как этот невозможный мужчина положил обжигающе горячие ладони на талию, сжал, притянул к себе и настойчиво проник языком в мой рот. Горячо, сильно, мощно

и сладко...

Поцелуй – борьба, в которой я проиграла практически сразу.

Поцелуй – как падение в бездну.

Невозможно злиться и ругаться, когда тебя целуют глубоко и крепко, стараясь подарить всего себя, когда не хватает дыхания, а лёгкие жжёт. Целуют так – будто ты частица, которую разгоняют до сверхсветовых скоростей, и она вот-вот сгорит в адронном коллайдере хлещущих изо всех щелей эмоций. Я искренне верила в то, что в эту самую секунду стала центром Вселенной для Арх-хана, вот только когда он отстранился, я также подумала, что таким центром может стать для него кто угодно. Любая женщина, которой он захочет подарить себя. Это же очевидно... Ларки могут быть нежными и заботливыми любовниками, но постоянство и верность – совершенно точно не их конёк.

Вождь склонился и шумно провёл носом вдоль моих волос.

– Лейла, как же я по тебе скучал, – произнёс он почти шёпотом, и всё возмущение, которое я тщательно копила, чтобы заставить Арх-хана отступить, споткнулось о неприкрытую искренность этих слов и тоску.

– Я... я...

Я хотела ответить, что тоже очень скучала, но тут влажный шершавый язык скользнул по моей шее, а бесстыжие пальцы одновременно спустились ниже и принялись недву-

смысленно мять мои бёдра.

– Арх-хан! Я тебе не разрешала! – вновь взвилась я.

Проклятый ларк... второй раз этот трюк со мной не пройдёт! Я даже ударила его в грудь, пытаясь отстраниться, но этому медведю было хоть бы хны. Вместо этого он сжал меня сильнее, приподнял над полом прямо за ягодицы, как это делал когда-то в лесу, и решительно понёс в каюту. Внушительная эрекция тёрлась о внутреннюю поверхность бедра через двойной слой ткани и не оставляла фантазий о том, что собирается сделать ларк.

– Арх-хан, остановись! – завопила я, когда услышала звон пряжки ремня и вжиканье молнии. Каким-то невероятным образом он умудрился в процессе транспортировки в постель начать меня ещё и раздевать. – Мы не будем спать вместе! Арх-хан!

– Конечно, не будем. – Меня повалили спиной на мягкий матрас. – Я и не предлагаю тебе спать, Лейла. В ближайший час ты будешь молить, чтобы я тебя взял. Мы же это уже проходили. Считать до ста будешь?

За какие-то секунды вождь клана рывком стянул мои штаны вместе с бельём, коленом развёл ноги и, не отрывая взгляда, с нажимом провёл рукой по развилке бёдер. А я... позорно прикусила губу, понимая, что целых три месяца мечтала об этих ладонях. Об этих экзотических глазах. Об этом сильном и независимом мужчине, который привык всё взваливать на свои плечи. Я ждала его. Я хотела его.

Судорожный всхлип вырвался из моих лёгких, когда Арх-хан, не спрашивая разрешения, задрал рубашку и накрыл губами грудь, при этом он продолжал творить что-то невообразимое пальцами руки ниже пояса. Его горячий шершавый язык перекатывал сосок во рту, томительно посасывал, а моё тело зажило отдельной жизнью – его простреливало молниями удовольствия и выгибало в пояснице. Вождь клана и раньше проделывал то, о чём не писали в учебниках по половому воспитанию на Цварге, но в этот раз он превзошёл себя, мучая, терзая, прикусывая, целуя...

Оказывается, я даже представить себе не могла, насколько ненасытным и жадным до физической близости может быть Арх-хан. Признаться, какая-то частичка меня до последнего думала, что близости в самом полном смысле этого слова у нас всё-таки не будет. Зачем вождю ларков, не обделённому вниманием других женщин, такая, как я, когда есть десятки желающих? С расплывшейся талией и округлившимся животом... Под свободной рубашкой этого не было видно, но когда мужчина оголил мою грудь, всё тайное стало совсем уж явным. Док, к которому несколько раз возил меня Фабрис, сказал, что я очень быстро набираю вес, и был обеспокоен, но я-то знала, что ребёнок от ларка, а следовательно, будет крупнее, чем среднестатистический цварг.

Арх-хан ощутимо сжал грудь, а вот сам живот покрыл почти невесомыми поцелуями, и в тот момент, когда мужские губы коснулись местечка над пупком, я всё же собрала остат-

ки гордости и предприняла попытку выпутаться из крепких рук мужчины.

– Лейла, тебе неудобно?

Он моментально вскинул голову и посмотрел мне в глаза, ловя мельчайшие отголоски эмоций. Правая же рука мужчины тоже замедлилась и теперь вырисовывала мягкие круги вокруг самой эрогенной точки. Я прикусила губу, понимая, что надо это всё остановить, пока у меня ещё остались моральные силы.

– Нет, всё в порядке... – Я вздохнула и всё же набралась храбрости. – Арх-хан, зачем я тебе?

Он моргнул.

– Не понимаю вопроса.

Я покачала головой. Всё он прекрасно понимает. Неужели я всё-таки одна из многих?

– Если это из-за того, что я лечу с тобой на Ларк и пытаюсь помочь...

Я попыталась сформировать причину, но даже в моей голове всё звучало как-то слишком гадко. «А почему бы не завалить её ещё раз?», «Вспомнить былое», «Секс из благодарности...».

– Женщина, какая же у тебя всё-таки каша в голове! – неожиданно громко зарычал Арх-хан, что-то прочитав в моём взгляде, а затем неожиданно расстегнул джинсы и, не меняя положения, просто вошёл. Быстро, но осторожно. Огромный, горячий, твёрдый. Как всегда идеальный.

– Вселенная, Лейла, как я по тебе скучал, – сипло просто-напал он, опираясь на предплечья и утыкаясь лбом в мой лоб. Порыв был резким, но Арх-хан тут же замер. – Ты как?

По лицу мужчины пробежала судорога желаний, и, клянусь, в этот момент я поверила бы не только в то, что у него никого не было все эти три месяца, но даже в то, что планеты выстроились на одну орбиту и водят хоровод.

– Я... хорошо, – пробормотала, окончательно теряя разум.

Как только Арх-хан оказался во мне, что-то изменилось. Будто это он не соединил наши тела, а склеил мою душу. Сопротивляться и возражать вмиг расхотелось. Вместо этого я, наоборот, обняла его руками и скрестила икры на поясице, притянула ближе, зарылась руками в длинные пшеничные жгуты волос со стеклянными бусинами. Даже здесь, в глубоком космосе, он пах как истинный ларк – густым лесом и свежей хвоей, сладким клевером, пряным влажным дёрном и знойными песками. Мышцы бугрились на руках, шее и спине, и было колоссальным удовольствием трогать его везде, щупать кожу, дышать, ощущать в себе. Он снова был со мной, и всё остальное вдруг потеряло всякое значение.

Ларк плавно наращивал толчки, а я отвечала даже интенсивнее, потому что уже давно горела и хотела, чтобы он ускорился. Мне было слишком его мало, слишком давно у меня не было *его*! Три долгих месяца! Я даже его не видела! Он размеренно двигался, заставляя испытывать удоволь-

ствие и часто дышать, но всё равно хотелось ещё больше, ещё мощнее, ещё глубже! Всё-таки Арх-хан осторожничал, попеременно снижая темп, капли пота катились по его вискам, а тонкая белая прядь выбилась из косы и теперь обвивала крупную шею.

Сильное желание схлестнулось с обидой на несправедливость Вселенной, я не выдержала и вонзила зубы в плечо Арх-хана. Резко, со всей силы сомкнула челюсти с посылом: «Ну возьми же уже меня по-настоящему! Я знаю, как ты умеешь! Тех, других, наверняка трахаешь лучше!».

Сама не поняла, что сделала и как осмелилась повести себя настолько варварски дико, но Арх-хан внезапно застонал мне прямо на ухо, а затем отстранился и полностью вышел.

– погоди, малышка, я так больше не могу.

Я расстроено застонала, чувствуя сосущую пустоту внутри, но она практически сразу же сменилась мужскими пальцами и губами.

Он целовал, прикусывал и облизывал мою кожу, двигал подушечками пальцев то невыносимо медленно, то часто и быстро, ласкал и мучил одновременно. За эти три бесконечных месяца я почти забыла, каково это, гореть в его руках... Бескрайний космос, как давно это было!

Огромная волна наслаждения копилась и копилась, как копится вода за дамбой, а затем меня буквально прорвало от эмоций и блаженства. Чистый экстаз сотряс тело, и лишь только после этого Арх-хан удовлетворённо кивнул и вновь

накрыл меня собой, во второй раз доводя до бесстыдно упительного пика удовольствия.

Удивительное дело, но именно чувствуя глубокие и сильные толчки Арх-хана, я смогла наконец-то свободно вздохнуть. В эту самую минуту я была самой собой. Я была благодарна Арх-хану за то, что он меня изменил. Что всю жизнь я жила под гнётом «нельзя», «так надо», «пристойно», «стерпится-слюбится», «правильно», и вот сейчас, с ним, чувствовала себя свободной от всего вороха прошлого. От того, что однажды он научил меня жить ради себя, быть более эгоистичной, поступать так, как хочется, а не как надо кому-то. Что «цивилизованно» не значит «хорошо».

Жизнь слишком коротка, чтобы жить по правилам, которые тебе не подходят.

Жизнь слишком коротка, чтобы жить по сценарию, который не находит отклика в душе.

Жизнь слишком коротка, чтобы быть любимой лишь наполовину.

Последняя мысль вспыхнула в голове настолько ослепительно ярко, что я разрыдалась. Самозабвенно, громко, не менее интенсивно, чем кончала под Арх-ханом. Я рыдала и рыдала, слезы лились по щекам, а всё никак не могла остановиться. Мне было бесконечно жаль себя и то, что этот восхитительный мужчина никогда не станет моим, а я не ларчанка, я не смогу терпеть того, что он уходит по зову принцесс других кланов. Мне было жаль своё бедное сердце, ко-

торое умудрилось выбрать настолько неподходящего мужчину. Почему он? Почему не тот же Фабрис Робер? За что?!

– Лейла. – Арх-хан тут же перекатился на бок, чтобы не задеть меня, и положил правую руку на мой живот. – Я сделал тебе больно? Что случилось?

– Ничего не случилось. – Я снова всхлипнула, жалея себя. – Просто ты уйдешь от меня... будешь с другими женщинами, а я так не могу.

– Лейла, да я уже всеми словами, какие только знал, признался, что ты для меня всё и мне больше никто не нужен! Шварх, Лейла! Я сейчас занимался с тобой любовью, и мне было даже плевать, кто отец этого ребёнка! Даже если Духи Предков меня не услышат и не благословят наш союз, я буду лишь с тобой!

– И не пойдёшь больше ни на какие хайды?

Я изумлённо уставилась в оливковые глаза, не веря тому, что слышу.

Мужчина отрицательно покачал головой.

– Не ходил с той ночи, как ты впервые разрешила быть с тобой, и не пойду при любом раскладе.

Слова Арх-хана никак не хотели укладываться в голове. Если бы сейчас произошёл взрыв или корабль врезался в астероид, я и то чувствовала бы себя менее оглушённой.

– Но... а если Вечный Лес не благословит... это же вроде как единственный способ отказаться от участия в хайдах... а я не ларчанка...

– Я надеюсь, что Духи Предков на этот раз меня услышат. Но даже если Вечный Лес не подарит нам брачные браслеты, я уйду с роли вождя клана, вот и всё. Шонхорн займёт моё место... будет сложно, конечно, но мы справимся. Скорее всего, придётся покинуть Шарршеорон и построить дом где-то подальше даже от деревень, а на цветение запираяться...

Пока я ошеломлённо переваривала то, что Арх-хан уже всё решил, спланировал и даже готов отказаться от должности, он снова нежно погладил мой живот.

– И малыша твоего я признаю своим. Это частичка тебя, а для меня это самое важное. Если Фабрис захочет его видеть, то сможет прилетать в любое время. Я разрешу, несмотря на то, что цваргам запрещено высаживаться на Ларке. Но тебя касаться запрещу.

Я смотрела во все глаза на ларку, понимая, что он так и не осознал, пожалуй, самой очевидной вещи. Мне неожиданно стало смешно.

– Почему ты смеёшься над моими словами? – Он тут же нахмурился.

– Да пытаюсь представить, как будет выглядеть наша жизнь. Ты же понимаешь, что на Ларке нет прививок и прочих медицинских услуг, а если Фабрис будет настаивать на том, чтобы я привозила его сына на Цварг, то и я полечу.

– Значит, я полечу с тобой.

– На Цварг? Думаешь, тебе кто-то даст визу?

– Я что-нибудь придумаю.

Желваки пробежали по скулам мужчины, а я вновь глупо хихикнула.

– Ну хорошо, что Фабрис не будет ни на чём настаивать и ребёнок этот не его.

– В конце концов, того же Робера можно попросить... Погоди, что?!

Арх-хан даже приподнялся на локте, чтобы посмотреть мне в глаза. А я с непередаваемым удовольствием коснулась его лица и прошептала:

– Он твой, Арх-хан. Это наш с тобой сын. И судя по заключениям дока, он будет очень сильным.

Эпилог

Я наблюдала, как слаженно обнажённые по пояс мужчины достают из флаеров бочки, перекачивают их и заливают раскалённый белый песок водой. Жидкость мгновенно нагревается, шипит, и часть её испаряется, однако часть успевает проникнуть сквозь землю. На первый взгляд кажется, что это бесполезная работа, однако я уже видела, как потемнела кора исполинов, что росли ближе всего к пустыне, и появились первые травинки там, где вода смыла яд слюны хтэрров.

На меня, стоящую поодаль в белом воздушном платье, никто не обращал внимания. Многое изменилось за последние месяцы, и если в свой первый приезд на Ларк я ловила на себе заинтересованные мужские взгляды, то сейчас все как будто нарочно обходили меня по дуге и старались не смотреть в глаза, потому что считали это чем-то неприличным. Кого-то шокировало, что я на самом деле чистокровная цваргиня и несколько недель обманывала их вождя, а кто-то отнёсся к этому факту спокойно, но старался лишний раз не контактировать. Теперь я уже принципиально не активировала нанопластины и всегда ходила в своём истинном облике. Удивительнее всего, пожалуй, было то, что Шонхорн первым из всех ларков заговорил со мной на равных. Правда, произошло это лишь после того, как я под его и Арх-хана скептическими взглядами обмотала один из ракхаши прово-

локой, подключила детектор вибраций и планшет с программой дешифровки языков. Прошло несколько дней, но всеми правдами и неправдами мне удалось получить сообщение, что ракхаши нужна вода и... кровь.

Ларки посчитали это гласом Духов Предков, я – логичной просьбой древнего организма, живущего в симбиозе со всей планетой и предками самих ларков. Так или иначе, Арх-хан согласился, что нужно орошать планету, прорывать каналы, строить акведуки, протягивать водопроводы в деревни и цитадели. Этот вопрос и раньше поднимался, но теперь занял первостепенное место. Вода была ещё хороша и тем, что из-за отсутствия кислорода хтэррам приходилось или выползать на поверхность, где их уже ждали воины, или уходить вглубь Сухих Песков. А после того, как туши убитых червей стали не сжигать, а закапывать близ границы Вечного Леса, состояние коры ракхаши заметно улучшилось. Завязь этого года, к сожалению, засохла, и семян не ожидалось, но Дайнагорн – старший шаман клана – сказал, что они обязательно образуются в следующем году.

Кто-то подошёл ко мне сзади, положил руки на огромный живот и мягко привлёк к себе. Я откинула голову и залюбовалась правильными чертами лица Арх-хана. Золотая грива волос блестела в лучах утреннего солнца, а побелевшая прядка у лица выбилась из общей массы и лежала отдельно, её украшала синяя бусина. Я узнала, что, оказывается, эта прядь изменила свой цвет в тот день, когда Арх-хан нашёл

меня в Сухих Песках и думал, что я умерла. Так сильно он за меня испугался. Трогая эту прядь волос, я испытывала лишь бесконечное сожаление, что не рассказала ему о своей расе раньше.

Я развернулась в кольце крепких рук и заглянула в любимые серо-зелёные глаза.

– Ты быстро вернулся. Неужели у тебя ушло всего две недели на то, чтобы облететь соседние кланы и договориться не продавать древесину на экспорт на Танорг?

– Да. – Арх-хан зарылся носом в мои волосы и шумно вдохнул. – А те кланы, с кем по-быстрому не удалось договориться, я спихнул на Шонхорна. Я безумно боялся, что вернусь и ты передумаешь.

Я покачала головой. Не передумала. Страшно, конечно, было, но после того как Арх-хан чётко сказал, что вне зависимости от того, примут Духи Предков наш союз или нет, он останется со мной, я боялась лишь того, что ему придётся отказаться от должности вождя. Арх-хан взял мою руку в ладонь и подвёл к ближайшему ракхашу. Я почему-то думала, он попросит разрезать руку до крови и напитать кору, но он просто положил оба наших предплечья на шероховатую поверхность. Она оказалась неожиданно тёплой.

– А как же костёр... нужен же пот или кровь, разве нет? – Я растерялась от такого простого действия мужчины.

В воспоминаниях всплыли слова Моник о том, что татуировки на спинах ларков проступают из-за особой химиче-

ской реакции. Я-то и так переживала, что являюсь цваргиней и у меня может быть другой состав пота.

Ларк с улыбкой отрицательно покачал головой.

– Лейла, ты и так сделала очень многое для планеты. Духи Предков читают в сердцах и видят мотивы тех, кто к ним приходит. Ты согласишься стать моей до конца жизни по обычаям и законам Ларка?

– Надо ещё подумать и перечитать ваши заветы, но склоняюсь к положительному ответу, – ответила шутливо, почему-то чувствуя кожей разливающийся жар. – А ты?

Однако вместо «да» или «нет» Арх-хан молча перевернул мою руку. На внутренней стороне предплечья, там, где кожа касалась дерева, начала проявляться тонкая чёрная вязь с причудливыми изгибами и символами. Оторопело перевела взгляд на Арх-хана и только сейчас увидела, что на его запястье проступил точно такой же рисунок.

– Я уже согласился.

Бонус №1. Инициация сына Арх-хана и Лейлы

Лейла Виланта. Ларк. Двенадцать лет спустя

Я не могла найти себе места. Солнце уже клонилось к закату, начинало темнеть, а Эрланц всё никак не возвращался с инициации. Материнское сердце сжималось от нервов и болело, стоило подумать о том, что если мой мальчик не докажет, что может прокормить в будущем семью, то его изгонят. Вселенная, ну зачем он так рано попросился на инициацию?! И почему не взял дополнительное оружие? Сети для ловли рыбы хотя бы...

Я требовала у Арх-хана, чтобы он запретил нашему старшему сыну проходить эту жуткую традицию так рано, на что муж заявил, что сын сам должен решить, когда хочет стать мужчиной. Последний раз мы с ним так крупно поссорились, лишь когда выбирали имя. Я хотела цваргское, Арх-хан настаивал на ларкском... получилось что-то среднее.

– А если он не вернётся до заката? – тихо спросила у мужа, стараясь не выдать, как сильно меня напрягает очередная дурацкая традиция ларков.

Умом я понимала, что Эрланц должен заслужить место в стае и уважение среди ровесников, но этот обычай казался мне настолько варварским... Моему мальчику всего одина-

дцать лет, а ему уже вручили оружие для охоты. И это как никогда вызывало внутренний диссонанс с заповедью «не отдавай оружие в руки слабым».

– Лейла, ты оскорбишь нашего сына, если будешь так явно показывать сомнение. – Арх-хан неодобрительно поджал губы и покачал головой.

Несколько стай собрались у высокого костра, Дайнагорн уже готовился к проведению обряда. Вокруг было множество ларков – из деревни и из Шарршеорона – все общались, шумели, смеялись... Для ларков этот день был праздником. Четверо из пяти мальчишек уже вернулись, и все не с пустыми руками, а вот Эрланц всё ещё где-то пропал. Его друзья принесли две туши белок, одного лиса и толстую неповоротливую птицу, напоминающую нечто среднее между индюком и голубем, а я всё кусала губы, надеясь, что сын вообще вернётся до заката. Он был заметно меньше, чем его ровесники, скорее ларк, чем цварг, но цвет кожи с заметным сиреневым оттенком, что резко выделяло его на фоне коренного населения. Если для меня как жены Арх-хана спокойно делали исключение, то Эрланцу приходилось сложнее. Не то чтобы я видела, что его кто-то обижает, просто чувствовала это. Хвоста с шипом, как у всех цваргов-мужчин, у него тоже не было, а рога совсем крошечные, скорее наросты...

Повезло хотя бы, что он частично наследовал хорошую регенерацию от меня. Она, конечно, не такая, как у чистокровных представителей моей расы, но зато и слюна дезин-

фицирующая, как у его отца, и если на пути встретится ядовитая змея, то это не так страшно. А вот о крупных хищниках с клыками и когтями думать совершенно не хотелось. Хорошо, что последние три года хтэрры не беспокоили соседние деревни и ушли так глубоко в Сухие Пески, что теперь о них даже не все вспоминают...

– И всё-таки ему всего одиннадцать! – в сердцах воскликнула я, на что Арх-хан положил ладонь на мою талию и привлёк к себе.

– Он так решил, Лейла. Ему так надо, – тихо произнёс мужчина мне на ухо.

Я кивнула, чувствуя свою вину за то, что я такая, какая есть – цваргиня. Была бы ларчанкой или хотя бы человеком, то и сын бы внешне не так сильно отличался от ровесников, и он бы не стал так рваться на инициацию...

Вселенная, хоть бы он нашёл какую белку или догнал зайца... Ну что за идиотская традиция доказывать, что сможешь добыть еду?! Варварство какое-то! Если Эрланцу не повезёт на охоте, то я просто возьму и уеду на Тур-Рин или любую другую планету, где есть круглосуточные супермаркеты. Всё, решено!

– Смотрите, смотрите! – неожиданно раздались шепотки со всех сторон, и я повернула голову туда, куда указывали, и в первую секунду испугалась, заметив, как защитники схватили свои дентайры.

Из-за толстых стволов ракхаши лениво ступали сразу три

бахруна. Гибкие лапы, огромные тела, покрытые густым мехом, острые когти и клыки, способные прорезать сталь... Один-то бахрун считается серьёзным хищником, а уж если три – то лучше отдать животным то, зачем они пришли. Самый крупный бахрун тащил в пасти тушу волка. Мне стало немножко дурно от всего этого, но я не шевелилась, искренне надеясь, что семья хищников пройдёт мимо, а вот воины, наоборот, приготовились к драке. И тут из-за огромного тела животного вдруг появился Эрланц.

Невероятно грациозным движением – очевидно, наследие отца – он бесшумно прыгнул со спины самого большого бахруна и... потянул на себя тушу волка из его пасти.

Сердце пропустило удар. Пот выступил на спине и потёк струйкой вдоль позвоночника. Краем глаза я заметила, как Арх-хан метнулся к сыну, но даже мне было понятно, что он не успеет.

Попытаться отобрать еду у хозяина леса! Прямой путь разгневать животное! Вселенная, Эрланц, зачем?! Неужели он даже несчастного птичьего гнезда не нашёл...

Но удивительнее всего было то, что бахрун спокойно разжал зубы, выплюнул несчастного волка или то, что от него осталось, и... развернулся вместе со своими мохнатыми спутниками. У меня не случился инфаркт, наверное, только в силу того, что я цваргиня. Очнуться получилось лишь тогда, когда шепотки переросли в крики и свистки, толпа ларков зашумела, словно взволнованное море...

– Мам-мам, ты как? Мам, ты чего?!

Эрланц тормозил меня за плечо, а я поняла, что от страха на несколько секунд, а может, даже минут, выпала из этой Вселенной.

– Ты живой? Нигде не болит? – Я с тревогой принялась осматривать и ощупывать сына, пытаюсь понять, всё ли с ним в порядке. – Это ничего, что ты инициацию провалил, я договорюсь, чтобы нас на Тур-Рин взяли, там много смесков проживает, всё будет хорошо...

– Ма-а-ам, ты чего, какой Тур-Рин?! Мне на Ларке нравится!

Эрланц отстранился и уставился на меня огромными оливковыми глазами с вертикальными зрачками. Совсем как у отца.

Я рассеянно поглядела на его пустые руки и чистый нож, который ему выдали с собой. Он перехватил мой взгляд и неожиданно рассмеялся.

– Ой, мам, да я подумал, зачем марать оружие, если же можно попросить бахрунов помочь с охотой.

– Помочь?

– Ну да. – Он пожал плечами и почесал наросты на голове. – Я чувствую их эмоции, они считают себя хозяевами леса и не очень довольны, что малышня тут бегает, шумит, копает ямы... Я и попросил помочь так, как папа учил с айерами разговаривать.

Бонус №2. Пропущенная сцена в Вечном Лесу

Танита. Ларк

Зарядка у коммуникатора закончилась, и я горестно вздыхала, что больше не получится поиграть. Поездка казалась откровенно скучной: сплошные деревья вокруг, никакой цивилизации, комары и мошкара, готовить – и то мне не дали. Моник постоянно ссорилась с Логаном, и у меня уже уши свернулись в трубочку от их перебранок, Лейла вечно где-то пропадала, а Януш и Джереми так здорово общались друг с другом, что я чувствовала себя лишней в их обществе. Нет, они, разумеется, всегда были рады моей компании, но кто такая молодая лаборантка рядом со светилами науки? Правильно, никто. Мне чтобы докторскую получить, ещё учиться и учиться... Будь я хотя бы такой красивой, как Моник или Лейла, может быть, ещё и вписывалась бы в компанию, а уж с моим лишним весом и любовью покушать...

Я махнула рукой и решила пройтись на поле, которое показал Терекх, чтобы поесть ягод. В конце концов, если уж мне повезло оказаться на Ларке, то надо наслаждаться выпавшей возможностью перепробовать всё что можно. Я как раз думала, что могла бы попытаться сделать в походных условиях что-то вроде протёртой ягоды с травами и упаковать

вать в вакуумный контейнер, в тот момент, когда острая боль пронзила икру.

– У-у-у-у-а-а-а, – непроизвольно вырвалось вместе со слезами боли. – Мало того что толстая, так ещё и неуклюжая... Уф-ф-ф, кошмар, как же теперь доползти до лагеря, здесь добрый километр, если не больше... Что ж за день такой неудачный? И зарядка на коммуникаторе села, и ногу подвернула!

– Тебе нужна помощь?

Знакомый мужской голос послышался в нескольких метрах, и я тут же замерла, застигнутая врасплох. Разумеется, это был Терекх. Плакать захотелось ещё сильнее. Этот ларк мне был действительно симпатичен, но сейчас он застал меня на земле, зарёванную и перепачканную землей... Пока я соображала, что ответить, мужчина беззвучно приблизился, присел на корточки и закатал штанину до колена. Нога выглядела самой обычной, но боль по телу разливалась просто адская. Терекх аккуратно провёл ладонями вдоль икроножной мышцы. Его руки показались неожиданно очень горячими, и я ойкнула от необычных ощущений.

– Тут болит, да? – Терекх каким-то удивительным образом нащупал точку, с которой, собственно, и прострелило конечность. Внешне это место никак не отличалось – ни раны, ни опухоли...

Я изумлённо кивнула.

– Да, здесь.

Терекх вздохнул.

– Будет неприятно, я сейчас размассирую. Похоже, для тебя этот поход – слишком большая физическая нагрузка, вот мышцы и свело судорогой.

Горячие пальцы Терекха обхватили щиколотку и начали медленно с нажимом подниматься от самой косточки до коленной чашечки, разгоняя кровь. Ощущения при этом были, надо признать, волнующие. У Терекха оказались такие большие руки, что моя стопа в них утопала. Ещё ни один бывший парень не делал мне массаж, а сравнивать роботизированное кресло с вот этими ощущениями было бы крамольным.

– Так не больно? – уточнил ларк, поставив мою ступню себе на бедро, которое, к слову, оказалось не менее горячим.

То ли я замёрзла, то ли у ларков температура тела на пару градусов выше. Интересно, а ближе к паху там, получается, как в терморекторе? Так, отставить неприличные мысли, Танита! Для таких сексуальных мужчин ты – пустое место, вон, даже средненький по внешности Януш на тебя внимания обращает не больше, чем на домашнего робота...

– Нет, не больно.

Я помотала головой, немного смущённо наблюдая, как мужские пальцы разминают икру. Меня простреливало странными щекочущими молниями, на долю секунды пару раз было действительно неприятно, но в целом... Терекх делал с моей ногой что-то такое, от чего у меня начали пылать щёки. А может, ещё и этот вид оголённой мускулистой груди

на меня так действовал? Вот бы мы оказались сейчас не в лесу, а в более удобном месте...

«Угу, на кухне. И ты бы накормила его борщом, потому что в любом другом месте этот великолепный мужчина смотрел бы на тебя с искренним недоумением», – ехидно сообщил внутренний голос, возвращая с небес на землю.

– Скажи, а ты действительно считаешь меня красивым? – неожиданно спросил ларк, чем привёл ещё в большее смятение.

Мужские пальцы перестали разминать икру и замерли, обвив кольцом щиколотку.

– Э-м-м-м...

Я замялась, внутренне разрываясь между «ну ты вроде ничего так» и «я бы тебя съела без шоколадной пасты». Чего только у меня не спрашивали парни: смотрятся ли они достаточно мужественно в этих кожаных сапогах по колено, не делает ли блондинистое мелирование их слишком мягкотелыми, не нужно ли подколоть мышцы на руках, чтобы смотрелись крупнее... Но красивым?! И это уточняет вот *этом* вот мужчиной?! Да я даже названий всех этих мышц на его животе не вспомню, шварх, у меня анатомический атлас в квартире беднее... Если это шутка, то определённо не смешная!

Однако Терекх в упор смотрел на меня разноцветными глазами и с предельно внимательным выражением лица ждал ответа.

– Ты очень мощный и крупный, если сравнивать с мужчинами с моей планеты... но да, я нахожу тебя красивым, – наконец собралась я с ответом.

– Нет, ты не поняла. Я про глаз. – Он указал пальцем на лицо, будто я могла не заметить. – Он же уродливый. А ты назвала меня красивым. Ты посмеялась надо мной?

Я отрицательно покачала головой.

– Да нормальный у тебя имплант. У нас на Танорге люди после ста двадцати вообще частенько что-то себе заменяют. Кто-то сердце, кто-то почки, всякое случается...

Ларк посмотрел на меня, так широко распахнув глаза, что я тут же пожалела о сказанном, занервничала и, как всегда со мной случалось в такие моменты, лягнула:

– Я вон на липосакцию коплю, у меня вообще лишний вес. Вот это по-настоящему уродливо.

– Где? – Мужчина изумлённо окинул меня взглядом.

Где-где... на животе, в боках тоже есть немного, но не говорить же мне это открыто?

– Везде, – буркнула неопределенно и потянула ногу на себя, чувствуя, что настроение испортилось. – Я мягкая.

– Где? Я не понимаю.

Терекх продолжил меня осматривать, сузив глаза, а я почувствовала себя откровенной дурой. Шварх, ну зачем я вообще завела разговор в эту сторону?.. Но судя по всему, от меня настойчиво добивались ответа.

– На животе.

Не успела я договорить, как наглая пятерня одного не менее наглого ларка задрала мою футболку и устроилась... над пупком!

– А-а-а! – взвизгнула я. – Прекрати!

– Тебе больно? Ты поэтому хочешь сделать эту... ли-по-сак-цию? – уточнил мужчина, всё ещё щупая мой живот своей горяченной ладонью, а я... шва-а-арх, я бы приплатила, чтобы меня трогали там. Ага, и вот там, и там...

– Нет, мне не больно, но у меня там складка жира.

– Но ты же сидишь.

Ларк моргнул разноцветными глазами, всё-таки убрал ладонь, а я... расстроилась. Всё-таки у него ладони такие большие, тёплые и шершавые... Приятно было, да и вообще, меня давно никто не трогал. Олежка, вон, сказал, что начнёт со мной встречаться только после того, как я похудею...

– Сижу. – Я горестно вздохнула. – Но это не отменяет того, что когда встану, у меня всё равно будет мягкий живот.

Словно попытавшись это показать, я нащупала ствол дерева позади и, опираясь, начала подниматься. Кажется, сеанс бесплатного массажа закончен, а сейчас начнётся сеанс унижений.

– А должен быть твёрдым? – последовал очередной дурацкий вопрос от этого приставучего ларка. Блин, я обиделась на него, что он пристал-то ко мне? Да, я толстая, отстань уже!

– Что?

– Ваши женщины считаются красивыми, когда живот

твёрдый? Или это надо, чтобы прощупывались органы?

Я даже зависла над этим вопросом. «Прощупывались органы». Сразу представилась рука в хирургической перчатке, которая прощупывает кишечник, селезёнку... Ой, фу, бе-е-е!

– Нет. – Я замотала головой. – Просто мне хотелось бы немного сбросить вес, вот и всё.

– Ты хотела бы быть такой же твёрдой, как я?

Терекх, до сих пор с интересом наблюдавший, как я медленно взбираюсь по дереву, стараясь лишний раз не шевелить правой ногой, вдруг решительно взял мою ладонь и положил себе на... о-о-о... на низ живота он положил. Низ. Живота.

Но мне хватило.

Чтобы ноги вновь подкосились.

Ларк, словно почувствовав, что вот сейчас, в эту самую секунду, я упаду, вдруг ловко извернулся, подхватил, и – я оказалась у него на руках. Сердце осталось где-то в пятках. Ничего себе!

– У тебя всё ещё нога болит. – Этот силач неодобрительно поджал губы. – Ты не против, если я отнесу тебя в лагерь на руках?

– Я... я... тяжёлая... – только и смогла проблеять.

– Глупости. – Терекх отрицательно покачал головой. – Ты вообще пушинка. Наши женщины гораздо крупнее и тяжелее.

«Их женщины...».

Ну да, в принципе логично, жир ведь легче мышц... Я обвила руками крепкую шею ларка и прижалась к обнажённой груди. Когда ещё доведётся попутешествовать на руках такого потрясающе сильного мужчины? Никогда, наверное... надо брать от жизни всё. Словно не заметив поползновений в свой адрес, Терех невозмутимо двинулся по дорожке обратно в лагерь.

– Ларчанки любят и ценят независимость, а свобода в некотором смысле равносильна силе. Многие из деревенских самок тренируются наравне с защитниками, но мне всегда казалось это странным. Я считаю, что женщина должна быть мягкой.

Ой, это он мне комплимент пытается сделать и поддержать? Я растроганно шмыгнула носом и пробормотала в ответ:

– У меня с собой в рюкзаке банка ореховой пасты есть. Я с собой взяла в качестве стратегического запаса. Ты меня когда донесешь до спальника, оставайся, попробуй. Очень вкусно.

Бонус №3. Фабрис Робер

Даниэлла (Даня Медведь)

Я смотрела на мужчину в чёрных одеждах с внушительными обсидиановыми рогами, на его резкие, но скупые движения, на чётко очерченные скулы, длинные, как у пианиста, пальцы и понимала, что попала. Никогда не верила в любовь с первого взгляда, ерунда это полная, но этот мужчина... точнее, цварг, зацепил. Я просто не могла выпустить его из поля зрения. Смотрела и смотрела, как загипнотизированная профессиональным иллюзионистом.

– Дорогая, осторожнее, ты в нём дыру прожжёшь. – Подруга вернулась с двумя рожками мороженого и протянула один мне. – Вот твой.

Жесты, аура, глубокие вибрации голоса цварга – всё в нём было идеально.

– Ты знаешь, кто он? – протянула я, так и не взяв мороженое из рук подруги.

– Кто? А, о-о-о-он. – Ульянка сделала вид, что не поняла, о ком я, но потом всё же шумно вздохнула. – Это эмиссар высшего звена Фабрис Робер, Служба Безопасности Цварга. Неприлично богат, красив и... глубоко женат. Забудь, дорогая. Говорят, он даже не смотрит на женщин.

– Улавливаю логическое противоречие между словосочетанием «глубоко женат» и «даже не смотрит на женщин», –

ответила машинально, пожирая взглядом мужчину.

Чёрные рога переливались матовым блеском в лучах местной звезды и как будто бы поглощали солнце. Интересно, какие они на ощупь? Гладкие или шершавые? Тёплые или костяные? Вселенная, а какой шип на хвосте... Мурашки пробежали по коже, когда мне подумалось, что одним таким взмахом мужчина может, в общем-то, даже переломать хребет.

Словно услышав мои мысли, Вселенная решила продемонстрировать возможности конкретно взятого цварга. Стройка шла вовсю, один из рабочих-пикси споткнулся на пустом месте, и пентапластмассовые доски посыпались из его рук. Оказывается, даже шесть верхних конечностей – не панацея. Пикси попытался схватить всё выпавшее, но стройматериалов было слишком много. Одна из досок отъехала в сторону, край свесился за недоделанный балкон без стеновых панелей, неуклюжий рабочий толкнул ботинком доску, вместо того чтобы наступить на край... Я даже вскрикнуть не успела. Длиннющая пентапластмассовая балка сорвалась с пятого этажа здания точнехонько в девочку, которая шла к палатке с мороженым, так неудачно расположенной рядом со строительным забором. Эмиссар, стоявший по другую сторону забора, каким-то чудом почувствовал опасность, задрал голову, а в следующий миг уже перемахнул через забор и вместе с девочкой откатился в сторону. Два куска пластиковой доски валялись поодаль. Лишь годами на-

тренированное зрение и внимательность дали мне уловить момент, когда он рассёк хвостом балку. Фабрис встал с асфальта, помог подняться девочке, а затем обернулся к рабочим. Он не повышал голоса, – я бы отсюда услышала, – но те мгновенно побледнели от страха.

Я выдохнула, чувствуя, что за каких-то пять секунд успела безумно испугаться и испытать облегчение, что всё хорошо закончилось.

Ульянка же рассмеялась, она всё это время стояла спиной к стройке.

– Дань, ты как всегда. Я имела в виду, что видела фотографии его жены. Очень красивая, высокая, утончённая чистокровная цваргиня с роскошными чёрными волосами – ну просто вах! И, думаю, с высшим образованием. А ты видела, как цваргини ведут себя? Как королевы! Поверь, тебе ничего с Фабрисом Робером не светит.

От длинной хвалебной оды в адрес незнакомой цваргини, да ещё и от моей подруги, я почувствовала раздражение. Вот теперь я перевела возмущённый взгляд на Ульяну.

– А я что, некрасивая, что ли?!

Она не менее красноречиво посмотрела в ответ.

– Очки? Дранные джинсы? Кеды? Мужское имя? Дань, ты серьёзно?

– Уль, ты ничего не понимаешь, это же образ у меня такой! Как мне, по-твоему, выходить на соревнования по взлому сейфов?! – тут же вспыхнула я.

Подруга покачала головой.

– Ага, веснушки и рост тоже образ? И нарисованный диплом?

Я поморщилась... Ну да, невысокая. В сравнении с цваргами, вот прямо совсем «не», но кто мешает каблуки надеть? Веснушки замазываются тональником нормально, если захочу. А про диплом – ну сколько можно напоминать? Я же смогла его внести в базу данных института так, что никто ничего не заметил, а значит, можно считать, что диплом заработан честно!

– Дань. – Уля положила руку мне на плечо и погладила в успокаивающем жесте. – Пойми ты, этот цварг хорош даже по их цваргским меркам. Посмотри, какой он. И какая ты. Ну? А ещё, я повторяю для тормознутых: он женат. На цваргине. Поговаривают, что он любит её так сильно, что даже купил целый остров, чтобы только жену никто не тревожил. Пробей информацию, у него наверняка даже ребёнок есть. А ты всего-навсего человек. Понимаешь?

Я автоматически кивнула, чувствуя, как внутри всё сопротивляется этому жесту. Бескрайний космос, разве можно влюбиться в мужчину за десять секунд?

– Дань, ты же отходчивая, я знаю! Да вы же даже не знакомы! Всё, держи уже мороженое, а то оно тает, у меня все руки уже теперь липкие. Уверена, завтра ты об этом Фабрисе даже не вспомнишь.

Я вновь согласно кивнула, чувствуя, что на этот раз по-

друга ошиблась. Если бы кто-либо когда-либо меня спросил, как должен выглядеть идеал мужчины, то я совершенно точно ткнула бы пальцем вот в этот фантастический экземпляр.

– Слушай, Уль, а можешь ещё за содовой сходить, а то жарко что-то? – пробормотала я, понимая, что не посмотрелась на идеального мужчину, а подруга будет жужжать над ухом.

Ульянка всплеснула руками, эмоционально пробормотала: «Шварх, ну сразу сказать нельзя было?» – но развернулась и ушла, а я... позорно уставилась на цварга, делая вид, что ем лакомство.

«Женат. Даня, он женат. Прекрати пялиться!» – строго одёрнула совесть.

– Ещё минуточку... – пробормотала, отдавая себе твёрдый отчёт, что интерес к цваргу носит совершенно не здоровый характер. – Да и смотреть-то никто не запрещает... пялиться на женатого мужчину – не преступление...

Отчитав рабочих, эмиссар снял пальто и перекинул через правый локоть. Затем присел на корточки рядом с упавшей балкой, от чего тонкая ткань деловых штанов тесно облепила мускулистые ягодицы и бёдра. Я шумно сглотнула слюну, убеждая себя, что это просто слишком сладкое мороженое. В следующую секунду Фабрис взял в руку кусок доски, поднёс к лицу и внимательно его рассмотрел, а затем... достал левой рукой из кармана платок и протёр доску. Платком. На стройке.

– Он стёр отпечатки пальцев, – пробормотала шокированно, чувствуя, как внутри всё стягивает в тугой узел, а волоски по телу поднимаются дыбом.

Шва-а-а-арх, никогда не видела ничего более сексуального...

Высокий, красивый, богатый, с идеальной реакцией, левша и стирает отпечатки. Бинго. Полный набор. Только женатый.

«Даня, поздравляю, ты долбаная извращенка», – с осуждением добавил внутренний голос.

Бонус №4 Квота

Моник

– Женщина, ну вы бы ещё пришли, когда пора рожать уже было бы! – прищипнула языком сотрудница клиники «Танорг Медикум», оглядывая меня с головы до ног. – Какая неделя? Двадцать шестая или уже ближе к тридцатой?

– Пятнадцатая.

Брюнетка в белом халате фыркнула, поворачиваясь к компьютеру.

– Ага, конечно. Это мы сейчас по УЗИ проверим.

Моник не поверили, и, с точки зрения беременной, это оказалось ожидаемо.

– А кто отец?

– Запишите ребёнка полностью на меня. Квота целиком моя, отец не таноржец.

– Женщина, вы все так говорите, а что в итоге? – Сотрудница вздохнула. – Мы же всё равно узнаем. У нашей клиники есть доступ в общую базу данных людей, проживающих на Танорге, с их ДНК. Когда вы родите, сразу станет известно, кто отец, налоги и штрафы всё равно платить, только из-за сокрытия информации штраф будет с прогрессирующим коэффициентом. Оно вам надо? Давайте притворимся, что я не слышала предыдущего ответа. Ещё раз спрашиваю: кто отец?

– Ларк.

Сотрудница медцентра закатила глаза.

– Ага, красивый чистокровный ларк, защитник по меркам их расы. Отхватили случайно на крыше соседнего здания, когда любовались цветочками. А я балерина в пачке. Повторяю свой вопрос в третий и последний раз: кто отец?

– Ларк, говорю же. – Моник развела руками. Неужели не очевидно? – А не приходила раньше на учёт исключительно потому, что была занята научной работой. Я биолог.

Брюнетка в белом халате задумчиво посмотрела на пациентку, которая напоминала скорее воздушный шарик. И почему она не хочет сказать правду про отца и срок беременности? Ну глупо же. Внезапно ей пришла в голову идея, как вывести пациентку на чистую воду.

– У вас красивая грудь, – сказала она внезапно. – Где делали? На Митгарии или тут?

– Спасибо. Здесь, на Танорге.

– Ну вот, что и требовалось доказать! Не может быть отцом ребёнка ларк. Я как-то познакомилась с одним на Тур-Рине, хотела приятно провести время... А он мне отказал. Знаете почему?

Доктор биологических наук во все глаза смотрела на медицинского работника и думала о том, что обещала Джереми зайти сегодня вечером в гости, а если весь стандартный осмотр будет проходить с такой же улиточной скоростью, с какой данная фифа заполняет личную карточку, то она рис-

кует попасть не на ужин, а на завтрак.

– Простите, меня не интересует ваша личная жизнь, вы бы не могли внести меня в базу и выдать направления...

– Потому что у меня были нарощенные ресницы и ногти, и якобы я пахла пластмассой! – Фифа подняла палец с таким гигантским ногтем, что его, к слову, можно было бы классифицировать как карманное оружие. – А у вас грудь сделанная! Значит, отцом ребенка не может быть ларк.

– Хорошо, не ларк. Я соврала, но имени мужчины не знаю. Дайте, пожалуйста, направления на анализы.

Моник неожиданно решила, что легче во всём согласиться с регистраторшей, чем пытаться доказать неизвестно что неизвестно кому. Таноржка в халате удовлетворённо кивнула, бодро застучала по клавиатуре и наконец-то принялась вносить данные и распечатывать назначения.

Спустя три часа, после обхода всех врачей, уставшая беременная женщина протянула свою карточку в регистратуру.

– Меня через неделю приглашают. Запишите, пожалуйста, на приём и скиньте время на коммуникатор. Всего доброго.

Сотрудница «Танорг Медикум» быстро выполнила свою работу и фыркнула.

«Зачем они всегда врут насчёт того, кто отец? Ну ведь когда родится ребёнок, всё будет понятно. А эта даже срок решила себе подправить...» – возмущённо подумала девица, так и не посмотрев, что в графе особенности написано:

«Очень большая масса плода, большой процент мышечной ткани, развитие с опережением».

Бонус №5. Шонхорн Арри-Нараш Талигх

Шесть лет после основных событий

Шонхорн перебирал бумаги на рабочем столе, откладывая то, что пока терпит, складывая в стопку договоры на подпись, причём сортировал по внутренним и внешним делам. Одна из бумаг выпала из общей пачки на пол, и пришлось наклониться, чтобы поднять её. Короткие волосы тут же попали в глаза и закрыли половину обзора. Он раздражённо заправил прядь за ухо и всё-таки взял документ.

Прошло шесть лет с тех пор, как Дайнагорн отрезал ему косу, но он так до конца и не привык к длине волос по плечи. У некоторых рас такая длина для мужчин считалась чуть ли не «роскошной гривой», но для Шонхорна это было «почти ничего». Вождь разрешил отпустить волосы ниже, но у советника почему-то не находилось времени заняться этим.

Когда Лейла забеременела первенцем, всё внимание Архана досталось ей, и в итоге на плечи Шонхорна легло бремя управления Шарршеороном. Не все воины были довольны таким раскладом, кто-то пытался доказать, что достойнее, но сила и опыт были на стороне бывшего советника. А ещё многочисленные карты и идеи по водоснабжению деревень,

которыми делилась цваргиня. Шонхорн постоянно ругался с Лейлой, не было ни дня, чтобы они не погрызлись из-за какой-то ерунды, но при этом ларк испытывал колоссальное уважение к паре друга детства. А в год после рождения Эрланца Арх-хан настолько растворился в сыне, что фактически дела за него вела Лейла – невероятно странное и нетипичное распределение обязанностей для ларков, но так сложилось.

Шонхорн посмотрел на листок и рукописную пометку цваргини, что надо построить ещё одно водохранилище, и усмехнулся. Даже будучи на сносях, она всё равно умудрялась думать о благе жителей Шарршеорона. Удивительная женщина, хотя и упряма так, что порой сил не хватает её переспорить.

Дверь скрипнула, и в кабинет скользнула Раиса с подносом. Девушка поставила термос с травами и кружку на стол рядом с мужчиной. С переселением из деревни в цитадель она изъявила желание продолжать помогать вождю и работала по мере сил. Шонхорн задумчиво посмотрел на ларчанку. Медные косы отросли ещё ниже, лицо чуть вытянулось, а руки стали ещё более мускулистыми, что у ларков определено считается красивым. Ей уже двадцать три весны, молодая, но в хайдах не участвовала, защитников, а тем более пары нет. Что делает в цитадели? Почему до сих пор не вернулась в деревню близ Вечного Леса, ведь хтэрры отступили вглубь, и Арх-хан разрешил стаям расселяться обратно?

– Отвар из сонных трав, чтобы лучше заснуть, – прокомментировала Раиса, деликатно оставляя термос рядом с бу-магами.

– Спасибо, – только и ответил Шонхорн, но наливать на-питок не стал: пока ещё рано, надо перечитать последние по-правки от Лейлы. Вряд ли она что-то изменила существен-но, но мало ли...

– Советник, вам бы поспать, – неожиданно сказала Раиса, почему-то так и не уходя из кабинета.

Ларк изумлённо выгнул бровь.

– Боюсь, не могу. Я слишком нужен вождю, чтобы отсы-паться. Он сейчас занят, а потому...

– Потому вы делаете почти всю работу за него, но не отрастите волосы даже по лопатки?! – Девушка неожиданно вскинула голову и гневно сверкнула глазами. – То есть как управлять государственными делами и взваливать на вас ра-боту, так нормально, а как вернуть звание защитника – так нет?!

Шонхорн по-настоящему удивился. Не то чтобы он не считал себя защитником... когда требовалась помощь с хт-эррами, Арх-хан не брезговал обратиться, да и воины на вто-рой год стали прислушиваться и выполнять указания совсем как раньше. Конечно, стычки случались, но, пожалуй, самые серьёзные были как раз с Лейлой, потому что к цваргине си-лу не применишь, а на язык она оказалась очень даже ост-ра. Особенно долго злилась, когда узнала, что Шонхорн дей-

ствительно пытался организовать хайду с участием Арх-хана для принцессы клана Медных Лисиц. Советник много пытался объяснить, что вождь на тот момент не обручился с ней браслетами, а следовательно, Шонхорн был в своём праве, но... женщины порой обижаются по сущей ерунде.

– Раиса, да вроде как-то я и не просил вернуть звание защитника. – Шонхорн поморщился.

В принципе, такое положение его устраивало. Тщеславным он никогда не был, в хайдах особенно участвовать не хотел, ещё по молодости многократно вступал в сладкий дым цветов ракхаша, а Аллиша больше не пыталась с ним связаться или заговорить, а следовательно, в этом нужды не было.

– В смысле не просили? – Раиса даже моргнула от изумления. Гнев моментально испарился с её лица. – А-а-а... почему?

– А зачем? – вопросом на вопрос ответил мужчина. – Меня всё устраивает. Не вижу смысла. Дентайр, конечно, хотелось бы вернуть, но, когда мы выходим в Сухие Пески, Арх-хан отдаёт мне оружие, а в черте Шарршеорона оно и не нужно.

– Но как же... – Ларчанка внезапно затеребила медную косу, и от неё отчетливо поплыл аромат не то страха, не то неуверенности. – А если какая-то из женщин будет искать защитника?

– Да выберет любого другого. – Шонхорн пожал плеча-

ми. – Благо наш клан почти никого не потерял в то лето, когда хтэрры разбушевались, это остальные потерпели фиаско.

– Хм-м-м... но если ларчанка захочет выбрать именно тебя в качестве защитника?

– Меня?

Шонхорн изумился так сильно, что поднял голову, пригнувшись к запаху молодой женщины, а потом и вовсе обошёл столешницу, чтобы их ничто не разделяло.

– Раиса, подскажи, а почему ты не участвовала ни в этом году, ни в прошлом в празднике цветения ракхаши? – тихо уточнил Шонхорн, чувствуя, как девушка нервничает всё сильнее.

– Потому что не хотела... – Она сглотнула.

– И аромат цветов на тебя не действовал? Ты не хотела присоединиться? Ты всякий раз пряталась в доме? – продолжил расспросы мужчина.

– Я рассказала Духам Предков, что хотела бы обменяться брачными браслетами, и они сделали так, что я стала невосприимчивой к аромату распускающихся бутонов. Я подошла и наблюдала, как они вспыхивают в небе, но... присоединиться – нет, не хотелось.

Одним слитым движением Шонхорн оказался прямо перед девушкой. Она кусала губы, а её зрачки часто-часто пульсировали, да и запах говорил, что Раиса сейчас крайне взволнована.

– То есть Духи Предков тебя *заведомо* благословили на

пару? Я правильно понял? – уточнил ларк, смутно ощущая, что не просто так девушка не стала переселяться в деревню.

Она кивнула.

– И с кем же, Раиса? Кто тот защитник, который отверг тебя?

– Почему же сразу «отверг»?

На виске девушки собралась крупная капля пота.

– У тебя всё ещё нет браслетов. Духи Предков благословили, а он, видимо, не принял твоё предложение. У меня больше нет вариантов.

– Он... просто... потерял право называться защитником... И я не знаю, имею ли право просить его стать моей парой.

– И кто же это? – изумился Шонхорн.

– Ты.

Послесловие

Дорогие читатели,

Спасибо, что дочитали историю Лейлы и Арх-хана. «Агент таурель-класса» получился историей о двух совершенно разных по воспитанию и менталитету душах, которые смогли найти друг друга на просторах Федерации Объединённых Миров, где всё обстоит не так, как кажется на первый взгляд. Где примитивные ларки на самом деле во многом куда цивилизованнее развитых рас с передовыми технологиями: что цваргов с Планетарной Лабораторией и жёстким отбором генетического материала, что таноржцев с их квотой на рождение детей из-за эгоизма общества.

Для ценителей научной составляющей фантастики мне хочется рассказать, что на нашей планете в одном из штатов США растёт дерево Пандо (оно же The Trembling Giant). Пандо считается единым живым организмом на основании идентичных генетических маркеров и общей корневой системы. Лес охватывает территорию в 43 га, вес растения оценивается в 6000 тонн, что делает его самым тяжёлым известным организмом. Возраст зарождения Пандо – приблизительно в 80 тысяч лет. Отдельная секвойя под названием «Генерал Шерман» имеет высоту более 80 метров и весит 1910 тонн. А мангровые деревья, растущие в приливной зоне морей и океанов, очень любят дышать корнями и даже спе-

циально достают их из-под земли, чтобы поглощать кислород из воздуха. Такие корни называются пневматофорами.

Огромные деревья, леса-деревья, дыхание через корни – всё это уже существует на планете Земля, как, кстати, и симбиоз растений или симбиоз растение-животное. Говорят, в каждой шутке есть доля правды, и порой эта доля велика. В каждой моей фантастической истории есть большая доля реальности.

Конец

Цикл «Федерация Объединённых Миров» состоит из историй, каждая из которых имеет свой собственный магистральный сюжет и может быть прочитана независимо от других книг.

1. Диалогия: «Академия Космического Флота: Аромат Эмоций» и «Академия Космического Флота: Иллюзия выбора».

2. Однотомник: «Агент алеф-класса».

3. Диалогия: «Агент сигма-касса. Больше, чем телохранительница» и «Агент сигма-касса. Больше, чем адъютант».

4. Диалогия: «Академия Космического Флота: Пограничный филиал» и «Академия Космического Флота: Хранители Федерации».

5. Диалогия: «Адвокат с Эльтона» и «Прокурор с Эльтона».

6. Однотомник: «Муассанитовая вдова».

7. Однотомник: «Агент таурель-класса».
8. Однотомник: «Охота на эмиссара».
9. Однотомник: «Генетика любви».